ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
5'2012
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

МАРИЯ ГАЛИНА
КУРИНЫЙ БОГ

ПИТЕР БИГЛ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ФЕЛИСИТИ ШОЛДЕРС

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО: СЦЕНАРНЫЙ ПЛАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Далия ТРУСКИНОВСКАЯ. СТЕЛЛА МАРИС

Чего только не сделает моряк, чтобы выручить попавших в беду товарищей…

Мария ГАЛИНА. КУРИНЫЙ БОГ

Может быть, надежды толпящегося на крохотном космическом пятачке человечества наконец сбудутся? Или это очередной провал?

Питер БИГЛ. ДЕНЬ ОЛФЕРТА ДАППЕРА

Знаменитый певец единорогов вновь обратился к своему любимому персонажу.

Ален Ле БЮССИ. ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ

На самом деле это совсем не метафора.

Святослав ЛОГИНОВ. ГДЕ СЛЫШЕН КОЛОКОЛА ЗВОН

А мы ведь с вами чувствовали, что в колокольном звоне есть нечто, отгоняющее «злую тьму»

Сергей БУЛЫГА. ФИОЛЕТОВЫЙ ДОЖДЬ

Оранжевое небо, оранжевый верблюд… Но здесь все гораздо серьезнее.

Фелисити ШОЛДЕРС. МАЛЕНЬКИЕ ГОРОДА

Дюймовочке и в современном мире найдется место!

Аркадий ШУШПАНОВ. СЛУЖИВЫЙ И Ко

Да кто же не повоюет за родную землю? Даже если она на кладбище.

Анна КИТАЕВА. КНИЖНАЯ КУКОЛКА

Подобных созданий нет ни в одном бестиарии. Разве только в библиотеке.

Андрей НАДЕЖДИН. ВОКРУГ МАРСА ЗА 80 ЛЕТ

Через сто лет после выхода первой книги и через восемьдесят после первой попытки экранизации знаменитый фантастический цикл наконец обзавелся экранным воплощением.

Сергей СЛЮСАРЕНКО. ДВА МИРА — ДВЕ СУДЬБЫ

Фантастика проникла в военно-патриотическую драму. Правда, патриотизм бывает разным.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО. «ЭТО КОНЕЦ», — ПОДУМАЛ ШТИРЛИЦ…

Продюсерское кино — это уже диагноз.

Анастасия ШУТОВА. КИНО, НАВЕЯННОЕ СНОМ

…вызванным полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения.

ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Гарри Поттер в хоррор-ремейке.

Глеб ЕЛИСЕЕВ. ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Мастер тоже вправе ошибаться… Впрочем, все это, как и всегда, субъективная оценка критика.

РЕЦЕНЗИИ

Классики, дебютанты, исследователи; фэнтези, НФ, монография… Только в книжном мире есть реальное право выбора.

КУРСОР

Королева воинов защищает Арктику… Снимается эпопея о планете Дарковер… Не стало великого художника-фантаста.

Вл. ГАКОВ. ТЯЖКАЯ МИССИЯ

Создателю знаменитой «Экспедиции «Тяготение» в этом месяце исполнилось бы 90 лет.

ПЕРСОНАЛИИ

Авторы номера — красноречивое опровержение известной сентенции: писателями не становятся, ими рождаются. Но прежде приходится проделать непростой путь.

- Проза
  - Питер С. Бигл
  - Ален Ле Бюсси
  - Далия Трускиновская
  - Святослав Логинов
- Видеодром
  - Экранизация
    - Аркадий Шушпанов

- Тема
  - Сергей Слюсаренко
- Рецензии
  - Лоракс
  - Женщина в черном
  - Призрачный гонщик 2
- Писатель о кино
  - Сергей Лукьяненко
- Попутчик
  - Анастасия Шутова

- Проза
  - Сергей Булыга
  - Фелисити Шоулдерс
  - Аркадий Шушпанов
  - Анна Китаева
  - Мария Галина
- Критика
  - Крупный план
    - Глеб Елисеев. Городок в табакерке
  - Рецензии
    - Франкенштейн: Антология
    - Владимр Гопман
    - Алексей Верт
    - Дэн Симмонс
    - Илья Тё
    - Владимир Микушевич
  - Вехи
    - Вл. Гаков
- Курсор
- personalia
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Проза

Питер С. Бигл
День Олферта Даппера

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Доктор Олферт Даппер никогда не учился ни в каких

медицинских образовательных учреждениях — ни в Амстердаме, где он родился, ни в Утрехте, где впервые начал пользоваться званием doctor medicinae после двух лет нерегулярного посещения университета. Говоря откровенно, он никогда не бывал он ни в Индии, ни в Китае, ни в Персии или Африке, хотя и написал обо всех этих землях объемистые тома с подробными описаниями, имевшие успех у читателей.

Человек от природы спокойный, малоподвижный и склонный к полноте, он не видел смысла тревожить свое мирное существование, переплывая коварные океаны, предпринимая утомительные экспедиции и каким-либо другим образом подвергая себя риску встретить неудобства или неожиданный конец. Не в пример лучше писать, опираясь на богатое воображение, еще более изобильную вымышленную жизнь, а также развитое чувство самосохранения, столь хорошо ему служившее на протяжении почти сорока пяти лет. В общем и целом это был очень милый человек, который питал неизменную веру в доверчивость окружающих и до недавних пор ни разу не имел повода пожалеть об этом.

К несчастью, в последний раз его уверенность в легковерии провинциальных олухов из деревушки Эк-эн-Вил испытала жестокое потрясение, когда один из них оказался связан — кто бы мог подумать? — с весьма влиятельным членом Генеральных Штатов, способным с одного взгляда распознать даже самую незаметную подделку в договоре о землевладении. Одним словом, будучи предположительно медиком, доктор Даппер прописал самому себе путешествие ради собственного здоровья и долголетия, причем направление движения было менее важно, нежели скорость отбытия. Судейский чиновник с зажатым под мышкой вызовом в суд стучался в парадную дверь доктора в тот самый момент, когда этот добрый предприниматель выскальзывал через заднюю, крепко сжимая ручку наспех собранного саквояжа.

Однако судейский, человек в подобных ситуациях опытный, благоразумно поставил двух верзил в грязном проулке, куда открывалась задняя дверь докторского дома. Они ждали на полпути между дверью и улицей; их тяжелые дубинки еле заметно подрагивали, словно хвосты охотящихся котов. Увидев засаду, доктор Даппер не стал колебаться, но медленно пошел вперед, подняв над головой руку в знак безнадежного признания поражения, что отражалось и на его лице, имевшем вид пристыженного спаниеля. Другая его рука безвольно висела, словно он позабыл о том, что в ней болтается потрепанный саквояж. Двое громил ухмыльнулись друг другу, предвкушая

скорое вознаграждение и долгий вечер у Толстой Мины на Зейленстрат. Они даже мельком взглянули за докторово плечо, призывая в свидетели своего триумфа толстого чиновника, который продирался через открытую заднюю дверь.

Это было ошибкой.

Олферт Даппер не одобрял бег как в целом, так и в применении к себе лично, однако если подумать, то вся его жизнь состояла из исключений из правил. Он уже вплотную подошел к судейским здоровякам, когда внезапно его потерянная шаркающая походка сменилась спринтерским броском от стартовых колодок. Он отбил саквояжем одну не успевшую взмыть в воздух дубинку, одновременно лягнул второго верзилу непозволительно ниже пояса и, рванувшись между ними, припустил по переулку. Судейский кричал ему вслед, требуя остановиться, но доктор не мог поверить, что он это всерьез.

Какое-то короткое время доктор сам удивлялся собственной скорости — ему не приходилось убегать от физической угрозы со времен самой ранней юности. К несчастью, он не принял в расчет выносливость и целеустремленность своих преследователей. Они были неуклюжи, они вне всяких сомнений были глупы, однако перед их мысленным взором маячило заведение Толстой Мины, ускользавшее все дальше и дальше, и поэтому их ноги не знали устали, молотя землю в погоне за пухлым и уже не очень молодым человеком. Он никак не мог оторваться от них. Его дыхание становилось все тяжелее; понемногу им начинал овладевать страх.

Совсем недавно, каких-то пятнадцать минут назад, Олферт Даппер знал едва ли не все большие улицы и немощеные переулки и проезды в Утрехте, равно как и все жилые дома, таверны, лавки и торговые предприятия всех возможных степеней законности и вероятной полезности. Теперь все они сливались воедино и текли перед его глазами сплошной размытой полосой, словно пролитая краска, и, с пыхтением пробегая мимо, он понимал ясно лишь одно: ни одна дверь не откроется для него и ни единая живая душа не выбежит, чтобы ему помочь. Однако не в его природе было чувствовать себя обиженным или покинутым; в основном его мысли занимала надежда, что ему, по крайней мере, удастся не опозорить себя приступом рвоты, когда судейские догонят его и повалят на землю. У доктора Даппера имелась своего рода гордость.

Однако в этот момент из-за приближающегося угла с грохотом вывернул дилижанс, и возница при виде беглеца прикоснулся к своему цилиндру, показывая, что его скромный экипаж свободен и его можно нанять. Доктор Даппер рванул

дверцу, вскарабкался внутрь и распластался на сиденье, не дожидаясь, пока дилижанс остановится. Прошло некоторое время, прежде чем он смог сесть и начать дышать без боли, вследствие чего ему не представилось возможности весело помахать рукой своим разочарованным преследователям, как хотелось бы. Тем не менее их яростные вопли доносились до его ушей еще удивительно долго, так что по крайней мере это удовлетворение он получил.

После некоторых напряженных переговоров дилижанс доставил его кружным путем к огромному — и утешительно безымянному — порту города Роттердам. За время путешествия между кучером и седоком установилось дружеское взаимопонимание; когда они достигли цели, достойный возница рекомендовал доктору Дапперу некую гостиницу, одновременно отсоветовав несколько других, и высказал предположение, что человеку, имеющему настолько большой спрос, как доктор Даппер, благоразумнее всего будет при первой же возможности воспользоваться гаванью.

— Вам никак нельзя возвращаться в Утрехт, — сказал он. — Допустим, год, а то и два, хотя может, и вообще никогда. Роттердам тоже плохое место, здесь ваши приятели наверняка выследят вас рано или поздно. К тому же тут и без того полно таких, как вы. — Его глаза уставились куда-то вдаль и, казалось, на мгновение переменили цвет. — Я бы на вашем месте присмотрел хороший корабль.

Несмотря на все его описания путешествий в незнакомых далеких странах, на самом деле доктор Даппер никогда не плавал ни на каких судах, не считая плота на утином пруду, да и то в детстве. На другой день, а также во все последующие, когда он медленно бродил вдоль берега, разглядывая все эти шхуны, фрегаты, торговые, китобойные и рыболовецкие суда — такие впечатляющие возле своих причалов и такие маленькие, когда он переводил взгляд на серое от дождя пространство воды за ними, он чувствовал себя непривычно одиноким и ужасно далеким от всего, что было ему понятно. Он заглядывал в окна бакалейных лавок и не узнавал почти ничего из того, что видел; до него доносились песни, каких он не слышал никогда в жизни; он с подозрением пробовал незнакомые фрукты и моллюсков с тележек развозчиков, одетых в яркие одежды и говорящих на языках, которых Он не знал: он уклонялся от предложений девиц, которым не требовалось никакого языка. И прежде всего он ощущал запах моря.

В конце концов один кряжистый одноглазый капитан, говоривший с фризским акцентом, согласился перевезти доктора

Даппера через Атлантику в Новый Свет, где он подобно многим другим пассажирам собирался начать жизнь заново. От платы за проезд он был освобожден в обмен на согласие исполнять обязанности корабельного врача и даже хирурга, буде это окажется необходимым. Путешествие, по счастью, совершалось на удивление спокойно, если не считать проблем с докторским желудком, который принялся громко провозглашать свое отвращение к пребыванию над зыбкой пучиной еще до того, как корабль отчалил от роттердамской пристани. На протяжение следующих семи недель доктор Даппер был главным своим пациентом и, к счастью для всех, почти единственным. Правда, посередине Атлантики ему пришлось уговорами спускать на палубу корабельного кота, которого какой-то матрос по злобности характера посадил на снасти и оставил там. Спустя недолгое время доктор, любивший кошек, подстерег этого матроса и спихнул за борт. Пока корабль возвращался и подбирал утопающего, потеряли полдневный путь, и капитан был очень сердит.

* * *

Достигнув Америки, доктор Даппер высадился в Фалмуте, на северо-восточном побережье, и провел утомительную и беспокойную неделю, пытаясь решить, куда ему двигаться дальше. Самым горячим его желанием было вернуться обратно в Утрехт: поскольку до сих пор доктор покидал Нидерланды разве что в своем богатом воображении. Ему не составляло труда представить, как любой из этих людей с грубыми лицами и грубыми голосами, толпящихся на грязных улицах и в кошмарных постоялых дворах, всаживает в него нож, или как его разрывают на части дикие звери, или сажают на кол и пытают краснокожие индейцы. Однако об Утрехте не могло быть и речи, да и в Фалмуте оставаться было не менее опасно — доктор совершенно не был уверен, что три тысячи миль открытого океана помешают людям, которых он рассердил, схватить его за шкирку. Как знать, может быть, уже следующий парус, который покажется на горизонте, будет возвещать продолжение погони? Поэтому, несмотря на то что Фалмут просто-таки кишел простофилями — соблазнительное полотно для такого художника, как он, — ему ничего не оставалось, кроме как похоронить себя заживо в глухих лесах этого так называемого Нового Света на столь долгое время, сколько понадобится. Несомненно, рано или поздно охота на него утихнет сама собой… несомненно.

Продовольственные фургоны, вьючные мулы торговцев пушниной, каноэ вояжеров и собственные покрытые волдырями ноги в конце концов доставили Олферта Даппера к Территории Сагадахок — британской провинции, расположенной восточнее реки Кеннебек, внутри приблизительно очерченных границ Мэнской колонии. У французов для этого района имелось собственное название — Акадия, — а также давнишние притязания на него; однако в поселке Ноу-Поупери, где остановился доктор Даппер, ему встретились лишь несколько французов, и все они были беженцами-гугенотами. Население поселка в основном состояло из диссидентов, отколовшихся от ориентированного на Рим правления Карла II, — английских пуритан, голландских кальвинистов и зальцбургских лютеран, плюс горстка анабаптистов и несколько евреев. В округе проживали по большей части игнорируемые поселенцами племена микмаков, абенаки, пассамакуодди и пенобскотов — люди в основном добродушные и довольно дикие. Особенно диктору пришлись по душе абенаки: он обнаружил, что их мирный нрав и спокойно-бесстрастное мировоззрение приятно гармонируют с его собственными.

Что до остального, то доктору не нравились ни его собратья-колонисты, которых он находил невежественными, наивными, по большей части неграмотными и в целом настолько бедными и лишенными воображения, что едва ли стоило тратить усилия на то, чтобы их надувать, ни его вынужденное пребывание в пограничных землях. Все без исключения дома в поселении были сделаны из неошкуренных бревен, крыши покрывала либо солома, либо — для лучшей теплоизоляции — густая травяная поросль; дымовые трубы представляли собой обмазанные глиной колоды, а в окна были вставлены даже не роговые пластины, а просто промасленная бумага. Санитарные условия оказались хуже, чем всё, что ему пришлось вытерпеть на корабле, а климат был, как он сам писал в своем дневнике: «…нездоровый до чрезвычайности, попеременно то беспощадно жаркий, то жесточайше холодный; к тому же здешняя местность в любое время года кишит разнообразными мерзкими насекомыми, с какими мне никогда не приходилось встречаться в Нидерландах. И это далеко не все: тут водятся волки, крупнее своих европейских собратьев; их основной добычей служит местная безобразная разновидность оленей, которую индейцы называют лосями; есть здесь и животное, похожее на лишенного пятен леопарда, а также огромные медведи — и ни единой души, с кем можно было бы обменяться мыслями, как принято у цивилизованных людей. Ей-богу, пускай они все хоть поцелуются

со своим Сагадахоком, а он с ними, но я, несомненно, самый несчастный голландец, когда-либо живший на этой земле. Что хуже всего: со всеобщего одобрения меня сделали местным врачом, а заодно и фармацевтом, как это произошло прежде на корабле…».

Будучи родом из столь крошечной и топографически опрятной страны, как Голландия, с ее серыми, заливаемыми морем равнинами и куполоподобными небесами, доктор был во всех смыслах оглушен этим Новым Светом. Все здесь было чересчур, чудовищно большим: деревья, животные, реки и ревущие водопады, даже времена года — что снега с буранами, что цветущий апрель, и потрясающее великолепие меняющих окраску листьев, полевых цветов, бесконечных туманных холмов, темной, девственной, пряно пахнущей почвы рождали в нем потребность спрятаться подальше. «Лучше бы я оказался в тюрьме. Мне здесь не место», — думал он.

Существует ограниченный набор непредвиденных случаев и критических ситуаций, к которым должен быть готов корабельный врач, пусть даже и подставной. Переломы конечностей, цинга, алкоголизм, различные памятные дары Венеры, даже лечение после дисциплинарной порки — все эти ситуации может предвидеть и достаточно опытный самозванец и подготовиться к ним, в конечном счете не нанеся более значительного урона, чем можно ожидать от настоящего доктора. Но в изолированном поселении разношерстных диссидентов, фанатиков и отщепенцев, заброшенный судьбой в совершенно незнакомую страну, не имея под рукой ни внушительно выглядящих инструментов, ни достаточно безвредных медикаментов (в этом отношении, впрочем, местные абенаки временами оказывали непредсказуемую помощь), Олферт Даппер зачастую являлся единственной надеждой для людей, свалившихся с обрыва, внезапно лишившихся руки или ноги при рубке дров, подхвативших болезнь, относительно которой он не знал ни названия, ни причины, ни методов лечения, или оказавшихся на втором месте в поединке с медведем или пантерой. Даже обладай наш доктор всамделишным медицинским дипломом, скорее всего, тот оказался бы абсолютно бесполезен перед лицом опасностей и загадок Сагадахока. К своим пациентам доктор испытывал едва ли не такую же сильную жалость, как к себе самому.

Впрочем, хоть он и считал себя «несчастным голландцем», в Ноу-Поупери доктор, как ни парадоксально, пользовался большим уважением, чем когда-либо в родной стране.

До недавних пор он имел достаточный успех в своих

разнообразных сомнительных предприятиях — если называть успехом то, что лучше бы определить как «удалось безнаказанно ускользнуть». Ни дня своей жизни он не провел в тюрьме, ни разу не довелось ему заниматься физическим трудом или публично каяться — положение вещей, казавшееся ему гораздо более естественным, нежели святость для подвижника, поскольку святость означала непрестанную борьбу, и поражения, и снова борьбу. Если у него не было ни одного настоящего друга, так ведь и настоящих врагов у него оказалось немного — по крайней мере таких, кто знал бы, где он живет; можно с чистым сердцем сказать, что он не питал недобрых чувств ни к кому из живущих на земле людей. И уж тем более это относилось к женщинам, не считая разве что некоей Маргот Зелдентхейс, давным-давно исчезнувшей из его жизни вместе с сорока девятью гульденами, вытащенными из-под его подушки. Впрочем, даже вспоминая легконогую Маргот, он чаще вздыхал, чем ругался. Как и у его жертв, в характере Олферта Даппера всегда имелась романтическая жилка… просто немного слабее, чем у других.

В поселке Ноу-Поупери, к его ужасу, он оказался нужен. Среди жителей не было никого, кто умел бы делать то, что он, как бы мало ни оказалось это умение. Добиваться доверия людей — его способ зарабатывать на жизнь; более того, это его дар, его искусство, в этом заключались все его существование и цель этого существования. Однако доверие, вручаемое добровольно, предлагаемое с благодарностью, — совершенно другое дело, и доктор Даппер первым был готов это признать (если бы в его новой жизни имелся кто-нибудь, кому можно в этом признаться). Его пациенты — платившие по большей части олениной, дикими индейками, кроликами, овощами со своих маленьких огородов и различными работами возле крошечного домика, который они для него выстроили, — относились к нему с неизменным восхищением и преданностью, независимо от того, помогали ли им его лекарства, рецепты которых он брал целиком и полностью из головы. В социальном плане он стоял наравне со священником — угрюмым малым со впалыми щеками по имени Джайлс Кертли, поджарым, словно волк посреди зимы, — и слегка впереди Мэтью Праути, школьного учителя; кроме того, он был частым гостем за гораздо более богатыми столами, нежели даже у Натаниэля Маркхэма, самого богатого фермера в Ноу-Поупери, бревенчатый дом которого обшит настоящими досками, а в окнах вставлены настоящие стекла. Все эти люди, согласно представлениям поселян, просто успешны — доктор Даппер же знаменит.

Однако единственным человеком, которого можно было бы назвать его другом или даже собутыльником, если бы крепкие

напитки в Ноу-Поупери не были строго запрещены, стал индеец абенаки по имени — насколько он сам смог перевести его для доктора — Надвигающийся Дождь, живший вместе со своим племенем в берестяном селении милях в трех-четырех отсюда. Это был приземистый, широкоплечий человек без признаков возраста, его кожа имела текстуру гранита и цвет потертой старой монеты, и на самом деле он знал по-английски лишь немногим больше тех нескольких абенакских слов, которые с трудом удалось выучить доктору Дапперу. Тем не менее почему-то они находили общество друг друга приятным и могли проводить вместе невероятное количество времени в полном молчании. Индейское знание трав, передаваемое при помощи коротких, невнятных звуков и жестов, послужило причиной не одного чудесного исцеления, за которые доктор Даппер впоследствии получил хвалу.

Взамен он попытался сделать все возможное, чтобы обучить Надвигающегося Дождя мухлевать в карты. Однако это начинание не возымело успеха, прежде всего из-за абсолютного отсутствия у обучаемого инстинкта соревновательности или, скорее (по крайней мере, так всегда подозревал доктор Даппер), из-за его спокойной убежденности в том, что какова бы ни оказалась игра, он уже одержал победу просто потому, что принял в ней участие, и дальше говорить нечего. Доктор отдал бы многое за то, чтобы обладать подобной врожденной уверенностью в себе.

* * *

Будучи неукоснительно честным если не с другими, то по крайней мере с самим собой, доктор Даппер никогда не винил миссис Реморс Кертли, худую тихоголосую жену священника, в том, что та ввергла его в искушение. Ее едва ли можно было назвать самой привлекательной из женщин, известных ему по обширному опыту, — замужество за преподобным вытравило из нее почти все краски и душевную теплоту, — однако, как ни странно, миссис Кертли возбуждала в Олферте Даппере мимолетную симпатию и даже влечение, чего прежде с ним не случалось. Ее муж часто страдал от заболевания, которое доктор обозначал как «диспепсическую вялость», хотя даже для такого немолодого голландского шулера, как он, было очевидно, что это попросту истощение желудка в результате многолетнего неумеренного поглощения пищи без всякого разбора. Он лечил регулярные приступы этой болезни различными отварами из одуванчика, мяты, полыни и тысячелистника и проводил много

времени на кухне вместе с благодарной, внимательной миссис Кертли, подробно объясняя ей действие этих зелий. Таким образом между ними завязалось знакомство хотя доктор был достаточно осторожен, чтобы не слишком полагаться на теплоту этих отношений. Первая заповедь избранной им профессии, переданная из глубин тысячелетий, гласила (как она гласит и посейчас): «Позволь им самим приходить к тебе…».

* * *

Шли дни, времена года сменяли друг друга; самое жаркое лето, какое только Олферту Дапперу доводилось испытывать, посвежело и обернулось еще более ослепительно-прекрасной осенью, которая, в свою очередь, посуровела, превратившись в столь безжалостную зиму, какой он никогда не знал у себя в Нидерландах — даже еще более страшную, поскольку здесь совершенно отсутствовали какие-либо цивилизованные убежища наподобие жизнерадостных кафе или веселых борделей. Большую часть этих бесконечных месяцев доктор провел в постели или съежившись у очага с накинутым на плечи одеялом, засунув ноги в ведро с нагретой водой, блуждая мыслями в воспоминаниях о некоем утрехтском кабачке, где он распивал приправленный пряностями женевер вместе с Маргот Зелдентхейс. Интересно, вспомнила бы она его теперь, когда прошло столько времени? И, если быть ближе к делу, узнал бы его тот олух из Эк-эн-Вила, встретив на улице, и стал бы его кузен, или кто он там был, из Генеральных Штатов по-прежнему преследовать его? Долго ли еще ему жить изгнанником в этом ужасном варварском месте? Доктор вспоминал каналы Утрехта, резкий ветер с Роны, и впервые с тех пор, как он сошел на берег, в нем не тлело ни малейшей искорки надежды.

Весна прокралась незаметно, ее боязливое вторжение в железное царство холода было подобно набегам прилива, начинающего понемногу обгрызать несокрушимую крепость из песка, выстроенную ребенком. Доктор еще долечивал свои обморожения, когда Надвигающийся Дождь, которого не было видно почти месяц (и который, как подозревал доктор, самую суровую часть зимы провел попросту в спячке), явился, чтобы сообщить, что через два дня на Кеннебеке вскроется лед, а днем позже прольются первые дожди, после чего из земли почти немедленно полезут различные дикие травы, на которые доктор Даппер поневоле начал полагаться при составлении своих импровизированных снадобий.

Они пустились в путь вместе, в первый, почти теплый день апреля, с бледным водянистым солнцем над головой и легким ветерком, оттачивающим свое лезвие на докторском загривке.

Они шли долго, забредая в сосновые рощи и пересекая заболоченные луга, взбираясь и спускаясь по склонам густо заросших лесом долин и ущелий. У них, казалось, не было определенной цели и почти не было направления, однако время от времени Надвигающийся Дождь приостанавливался и кивал в сторону нескольких крошечных цветочков в тени кустарника или древесного гриба на стволе; на одинокую бурую шляпку, высовывающуюся из пучка сырой травы; на несколько необычного вида листьев, неизменно растущих где-то в таком месте, где их невозможно достать. И Олферт Даппер покорно взбирался и тянулся, тащил, выдергивал и отщипывал, временами вынужденный копаться в земле обеими руками, чтобы добыть растение вместе с корнем, а потом осторожно опускал очередную находку в притороченный к поясу мешок и спешил дальше вслед за абенаки. Мешок становился все тяжелее.

Уже почти начало смеркаться, и молодой месяц поднялся в небо, когда Надвигающийся Дождь наконец удовлетворенно хмыкнул, и они повернули обратно к поселку. Несмотря на усталость, доктор был озабочен тем, чтобы двигаться быстрее, зная, что огромные дикие кошки, чьи широкие следы он несколько раз видел («горные львы», как называли их местные жители), охотятся в основном на закате и рассвете. Он знал также, что черные медведи, водившиеся в этой местности, как раз сейчас просыпаются от зимней спячки, голодные и раздражительные. По мере того как небо темнело, он шел все ближе к Надвигающемуся Дождю, временами даже натыкаясь на него.

А потом его спутник внезапно остановился, и доктор услышал, как в зарослях прямо перед ним движется какое-то крупное существо, и увидел в лунном свете чью-то тень. Он застыл на месте и отказался идти дальше. Кивки и одобряющие жесты индейца не оказали на него никакого действия, так что в конце концов Надвигающийся Дождь пожал плечами — жест, которого доктор до этих пор никогда не видел ни у него, ни у кого-либо из других индейцев, — и спокойно двинулся дальше, вскорости скрывшись в тех самых зарослях. И не оглянулся.

Угроза оказаться в одиночестве заставила доктора переменить свое решение, и он поспешил догнать своего спутника. Абенаки стоял на дальнем краю поляны, глядя в направлении кочковатого каменистого луга, полого взбирающегося на холм. Они уже проходили сегодня это место, и

доктор Даппер вспомнил, что в тот раз заметил здесь оленей и дважды или трижды попадал ногой в норы, проделанные похожими на барсуков зверьками, которых колонисты называли «земляными бобрами». Однако теперь луг был совершенно пуст…

…если не считать того, чего здесь никак не могло быть.

* * *

Доктор Даппер долго не решался записать случившееся по причинам, которых сам не мог себе объяснить.

Когда он все же взялся изложить на бумаге то, что увидел той весенней ночью, вспоминая, как боялся, что все это может оказаться галлюцинацией, вызванной усталостью, он начертал: «…при лунном свете его шкура выглядит золотисто-серой, того же цвета, что и сама луна. На вид это довольно сильное животное, однако небольшое — не могу себе представить, чтобы оно могло снести человека моего телосложения на какое-либо расстояние. Его копыта действительно раздвоенные, как свидетельствует Плиний, хотя он сильно ошибается в отношении едва ли не всех остальных примет. Хвост его похож на львиный, грива не менее длинна, чем у диких пони на английских вересковых пустошах, хотя не столь густа и косматa, а знаменитый рог, торчащий над глазами, может показаться непропорциональным по длине и вероятной массе по отношению к мускулатуре его довольно стройной шеи. Однако именно так устроен единорог».

Увиденное исторгло из груди доктора крик — потеря самоконтроля, весьма мало согласующаяся с его обычным темпераментом. Единорог вихрем повернулся, его рог вспыхнул в лунном свете, словно шрам в ночи… Мгновением позже его уже не было; не осталось даже следов на влажном глинистом склоне — не осталось ничего, кроме потрясения и чуда в глазах Олферта Даппера.

Надвигающийся Дождь молча взглянул на доктора, и тот ответил ему столь же безмолвным взглядом. Ни тому, ни другому не было нужды что-либо говорить: то, что они увидели, пусть даже на протяжении одного хрустального мгновения, было больше чем любые обвинения и за пределами любых оправданий. Вместе они пошли обратно к Ноу-Поупери, связанные гораздо более глубоким пониманием, чем когда они пускались в путь этим утром, которое было так давно.

Что думал Надвигающийся Дождь об их встрече, доктор Даппер так и не узнал, да и не надеялся узнать. В самом деле, когда он спросил своего друга, есть ли в языке абенаки хотя бы

слово для обозначения единорога, индеец сделал вид, что не понимает, и явно начал раздражаться, когда доктор попытался проявить настойчивость. В последующие дни абенаки заходил в поселок не так часто, а когда появлялся, был еще менее склонен к разговорам, нежели обычно. Доктору казалось, будто он чуть ли не отрешился от всего телесного, чтобы последовать в своем озадаченном сердце за чем-то, что ознаменовалось для него этим мгновением на лугу. Сам доктор, добрый (хотя и не особенно рьяный) нидерландский кальвинист, временами размышлял над тем, могут ли индейцы становиться святыми.

Хотя доктору и не хватало общества его друга, место Надвигающегося Дождя было в значительной степени занято всепоглощающим пламенным желанием еще раз увидеть единорога. Доктор ни с кем не обсуждал случившееся — во всяком случае, не с преподобным Кертли, который немедленно объявил бы его видение сатанинским наваждением. Также не мог доктор помыслить и о том, чтобы довериться школьному учителю Праути — этот был еще более ужасающе твердолобым, чем преподобный, который обладал по крайней мере неколебимой верой; для Праути же, как подозревал доктор Даппер, было бы достаточно малейшего намека на то, что вселенная устроена не так, как его учили, чтобы столкнуть его за край здравомыслия, в какое-нибудь квакерство или еще похуже. На совести доктора и так было много всего, помимо ответственности за разрушение шатких жизненных устоев школьного учителя.

Несомненно, в пользу доктора Даппера, а также в пользу того воздействия, какое оказали на него скромная жизнь и незамысловатые ценности Ноу-Поупери (или, возможно, здесь хватило молчаливого, загадочного укора Надвигающегося Дождя), говорит то, что ему ни разу не пришло в голову, какую огромную выгоду он мог бы извлечь из обладания живым единорогом или даже шкурой, волосом и рогом мертвой особи. Доктор всего лишь хотел увидеть его снова — и он понял, не задавая никому вопросов, как иногда получается знать такие вещи, что ему никогда не будет позволено увидеть его в одиночку. Было совершенно очевидно, что явление предназначалось в первую очередь не ему, но его мудрому и удивительно невинному спутнику Надвигающемуся Дождю из племени абенаки.

«Кого я знаю в этих диких землях, кто был бы так же мудр и невинен, кто заслуживал бы увидеть то, что случайно довелось увидеть мне? Со всеми их разговорами об Иисусе, со всеми их треклятыми бесконечными молитвами должен же найтись хоть кто-нибудь!»

И именно в этот момент, весной, к нему пришла Реморс Кертли. Он знал, что это должно случиться.

* * *

Ее привел к нему не грех, но совершенно законный повод, а именно: очередная ссора мятежного желудка ее мужа с очередным обедом из восьми блюд, как это было между ними заведено. Не будет ли доктор Даппер так добр посмотреть его?

Реморс Кертли не была красавицей, однако ее глаза обладали тем густым, мягким коричневым оттенком, какой можно видеть в сердцевине подсолнуха, а губы при ближайшем рассмотрении оказывались вовсе не такими тонкими, строгими и поджатыми, как это обычно выглядело со стороны… И вообще, она определенно подошла к нему ближе, чем могло считаться приличным для доброй замужней пуританки, и лишь с огромным и полным сожаления усилием воли доктор прогнал искушение и согласился вновь сопровождать ее к постели преподобного. Однако, пока он глядел в эти подсолнуховые глаза, ему в голову пришла мысль.

Ожидая, пока подействует настой диких трав — который, как он знал, должен был не только умиротворить подвергшийся неумеренной эксплуатации кишечник преподобного, но также и наслать на того крепкий сон, — доктор сообщил священнику:

— Боюсь, это была последняя порция лекарственных растений, которые я собрал с помощью моего языческого друга-абенаки. Завтра или послезавтра мне будет необходимо пуститься в путь, чтобы пополнить свои запасы, и я просил бы, чтобы вы позволили вашей жене меня сопровождать. Эти травы растут возле самой земли, а мои глаза уже не те что прежде.

Преподобный Кертли был глуп, но все же не настолько. Поскольку он уже давно убедил себя в благочестивой непривлекательности своей жены, главное его возражение против того, чтобы она провела день в компании доктора Даппера, касалось не того, что она будет там делать, но о чем могут подумать другие.

— Это будет выглядеть неуместно… неприлично, — протестовал он. — Наверняка можно выбрать кого-то другого, ребенка например, чтобы избежать домыслов?

Олферт Даппер горестно пожал плечами (насколько подобное вообще возможно):

— Малыши так редко могут распознать то, что мне нужно, — пожаловался он, — а те, кто старше, не могут увидеть. Миссис

Реморс была бы идеальным вариантом, будучи столь, э-э, интимно знакома с нуждами вашего кишечника, а также с предписаниями по точному смешиванию и применению моих медикаментов. Впрочем, если вы все же предпочитаете, чтобы я нанял человека со стороны, потребуется по меньшей мере дать ему некоторые неизбежные разъяснения…

Приемы, работавшие в Амстердаме и Утрехте, сработали столь же безупречно и на Территории Сагадахок. Преподобный поспешно отрекся от этого предложения, заверив доктора Даппера, что он может воспользоваться помощью его благоверной в любой день, когда ему будет удобнее: точь-в-точь как если бы одалживал на время любимую лопату или лошадь. Доктор предложил следующий понедельник, и преподобный Кертли с радостью согласился. Мнения миссис Реморс Кертли никто не спросил, что, по всей видимости, нисколько ее не огорчило.

Когда в понедельник утром доктор Даппер подошел к дому священника, она ожидала его, одетая просто и невзрачно, словно какая-нибудь крестьянка. Не сказав почти ни слова, они тронулись в путь, придерживаясь маршрута, который позволил бы им не попасться на глаза кому-нибудь из поселян, решившему пораньше поработать в поле или возвращающемуся домой после ночи запретных утех и избегающему встречи с поселковым констеблем. Миссис Кертли едва ли могла сравниться с Надвигающимся Дождем в высматривании крохотных листочков, спрятавшихся среди зарослей крапивы или горстки диких ягод в бурьяне на месте заброшенного сада, однако она справлялась неплохо и без труда поспевала за доктором: ширина ее шага свидетельствовала о наличии более длинных ног, чем он позволял себе вообразить. Раз или два, когда он искоса бросал на нее взгляд, чтобы полюбоваться тем, как она, полузакрыв глаза, поднимает бледное лицо к теплому солнцу, она поворачивалась и отвечала ему неприметной улыбкой, какой, однако, он никогда прежде не видел на ее губах. Он подозревал, что, возможно, и никто не видел.

Казалось, она не замечала, что доктор потихоньку, незаметно заворачивает по широкой дуге обратно к небольшому лугу, где ему довелось повстречаться с чудом еще большим, нежели ее улыбка. Однако когда они добрались до края поляны — уже значительно более сухой, чем в прошлый раз, — и уселись рядышком на землю, чтобы подкрепиться сушеным мясом, сыром, ячменным хлебом и легким пивом, которые миссис Кертли припасла для полуденной трапезы, она поглядела поверх скатерти прямо в глаза доктору Даппер и спокойно сказала:

— Я знаю это место. Ваши травы здесь не растут.

— Это так, мэм, — отозвался доктор, который всегда мог распознать момент, когда ложь была бесполезна. Это умение отличало его от большинства других адептов сего вкрадчивого искусства.

— Тогда зачем вы привели меня сюда? — Миссис Кертли говорила, не повышая голоса и не выказывая никаких признаков тревоги. Можно было бы подумать, что она задает этот вопрос из чистой вежливости, если бы не едва заметно расширенные зрачки.

— Здесь есть нечто, что мне чрезвычайно хотелось бы, чтобы вы увидели. — Доктор Даппер безмятежным кивком указал на еду, разложенную на скатерти между ними. — Прошу вас, наслаждайтесь трапезой, которую вы, очевидно приложив немало усилий, для нас приготовили… Нам нужно всего лишь немного подождать, дорогая миссис Кертли.

На самом деле, несмотря на всю уверенность его тона, доктор понятия не имел, появится ли единорог вообще. Он знал, что это был не призрак, не игра лунного света или его собственного ума (достаточно было поглядеть, как отреагировал на видение Надвигающийся Дождь, чтобы понять это), однако вернется ли он снова на тот же луг, и окажется ли древняя легенда правдивой… все это было чистой воды догадками, игрой — а Олферт Даппер в душе был самым что ни на есть азартным игроком, какой только рождался в Старом Свете или в Новом, в Утрехте или Ноу-Поупери. Запивая пивом мясо и сыр, он улыбнулся миссис Кертли, и та улыбнулась ему в ответ. И они стали ждать.

Между тем день был теплым, пиво превосходным, а едва слышное жужжание ранних комаров понемногу превратилось в колыбельную. Никогда в жизни доктор не признался бы в том, что спал, когда явился единорог; однако его разбудил тихий возглас Реморс Кертли, и открыв глаза, он увидел, что она стоит, прижав обе ладони к губам, а ее темный голландский чепец валяется на земле. До этого момента он ни разу не видел ее густые каштановые волосы распущенными.

Единорог стоял посреди луга, обратясь к ней и явно ее разглядывая, как и она пыталась осознать открывшуюся ей истину его существования. В прошлый раз, при лунном свете, его телосложение казалось более утонченным, почти хрупким; теперь он был не только крупнее, чем помнилось доктору, но весьма возможно, опаснее — стоило лишь поглядеть, как сверкает на солнце его длинный спиральный рог. Медленно поднимаясь на ноги, доктор Даппер вдруг впервые заметил небольшой курчавый завиток бороды под его нижней челюстью, такой же, какой доктор некогда присовокупил к описанию льва в своей книжке про

Африку. Значило ли это, что перед ними самец? Или это был признак взрослой особи? Эти и другие вопросы беспорядочно роились в его мозгу, поскольку в глубине души доктор всегда обладал страстной любознательностью истинного ученого. Впрочем, ему всегда хватало осторожности не позволять ей выходить из-под контроля.

Реморс Кертли протянула к единорогу раскрытые ладони. Тот вскинул голову, словно конь, однако не всхрапнул и не заржал: доктор вдруг понял, что вообще ни разу не слышал, чтобы он издавал какие-либо звуки. Неторопливой поступью единорог двинулся к женщине, нацелившись рогом ей прямо в сердце. Она не дрогнула, но медленно опустилась на землю и села, подогнув под себя ноги не менее изящно, чем единорог, положивший голову ей на колени. Его рог расположился поперек ее бедер.

Теперь доктор смог увидеть ее лицо. Оно имело то оцепенелое, нелепо-отрешенное выражение, которое он так часто видел и презирал на более чем многочисленных полотнах своей родины: Мария, внимающая благой вести, святые, поглощенные беседой с ангелами, отшельники, восторженно взирающие вверх, на золотистые, кишащие херувимами облака… у всех у них был тот же восхищенно-отсутствующий вид, какой имела сейчас Реморс Кертли. Доктор Даппер в душе позавидовал ей — и сделал мысленную заметку для следующей книги.

Он не мог бы сказать, действительно ли единорог заснул. Реморс Кертли гладила его по шее и робко играла белыми прядками гривы (касаться рога она избегала), но глаза животного оставались закрытыми, а его медленное дыхание ровным. «Вот момент, когда рыцарь должен был бы выскочить из укрытия и наброситься на него, — отрешенно подумал доктор Даппер, — чтобы не вспугнуть его раньше, чем надо. Я знаю, что бы сделал, будь я немного храбрее… и подлее». Запах единорога напомнил ему запах свежего хлеба, запах недавно отлитых восковых свечей и, как ни странно, старых прохладных колодцев в тенистых садах.

Доктор так и не понял, как долго единорог спал на коленях у Реморс Кертли. Он просто стоял и смотрел на них, а солнце двигалось по небу, шершавая трава шелестела под ветерком, и крошечные насекомые танцевали в солнечных лучах. Бока единорога вздымались и опадали, как у любого другого спящего животного, и время от времени он подергивал своим хвостом с львиной кисточкой на конце, чтобы отогнать муху. А Реморс Кертли сидела абсолютно неподвижно, сосредоточив взгляд — как казалось доктору — на том мире, откуда единорог явился к ним. Изредка она поворачивала к нему голову, но он знал, что на самом деле она его не видит.

А потом, спустя какое-то время, единорог поднялся, взглянул Реморс Кертли в лицо, легко коснулся рогом ее волос и двинулся прочь.

Еще долго после этого миссис Кертли и доктор Даппер сидели не двигаясь. В конце концов она тоже поднялась с земли и подошла к нему, и он обхватил ее обеими руками. Так они стояли, и не было ничего греховного или прелюбодейственного в их объятии; однако спустя некоторое время она тихо спросила:

— Как вы узнали?

— Я ничего не знал, — искренне ответил ей Олферт Даппер. — Я лишь догадывался.

— Что жена преподобного Джайлса Кертли может оказаться до сих пор девственной? Смелая догадка, мой мудрый доктор! — Она наклонилась ближе, прижавшись к нему грудью, совсем не настолько детской, как ему представлялось. — И конечно же, такая догадка заслуживает некоторого вознаграждения?

Ее подсолнуховые глаза сияли мягким, теплым светом. Как ни странно, доктор был первым, кто отстранился в этот момент, практически оттолкнув от себя эту женщину, чья тайна преследовала его во снах всю зиму.

— Добрая госпожа, — к своему немалому изумлению, услышал он собственный голос, — если… если мы это сделаем… у тебя больше не будет шанса когда-либо вновь увидеть единорога… держать голову единорога на своих коленях. Я не такой негодяй, чтобы стремиться лишить тебя подобного блаженства.

Собственная напыщенность привела его в ужас — и то, что это говорилось с самыми лучшими намерениями, только ухудшало дело. «Некоторые люди попросту не рождены для щедрых жестов», — подумал он.

Однако Реморс Кертли только рассмеялась, протянула руки и крепко сжала его плечи, словно желая придержать голову, чтобы поглядеть ему в глаза.

— Раз в жизни увидеть единорога — это уже чудо превыше всего, что может заслужить женщина, независимо от того, девственна она или нет. Несколько же раз… нет-нет, доктор, это для какой-нибудь другой жизни, не моей! — И она поцеловала его с силой, которая могла бы свалить на землю, если бы миссис Кертли не продолжала его держать. По-прежнему не отрывая взгляда от его глаз, она проговорила с той же тяжеловесной серьезностью, с какой говорил до этого он: — Этот единорог освободил меня, можете вы это понять? Освободил от мира, который, как меня всегда учили, является единственным миром для христианской души. Пока я сидела и держала его голову у

себя на коленях, он вошел в меня… как еще могу я это описать, милый доктор?., он вошел в меня и показал мне чудеса превыше убогого, вечно недовольного Ноу-Поупери. И за это я буду вечно вам благодарна, больше, чем кто угодно другой. Вот так-то, мой дорогой негодяй!

И она снова поцеловала его, а затем отступила немного назад и начала медленно развязывать корсаж своего тусклого темного платья, ни на миг не сводя с него взгляда.

— Теперь ваше дело — довершить мое освобождение, — прибавила она. — Помогите-ка мне вот здесь…

И он помог, хотя его обычно ловкие пальцы вдруг стали непослушными, словно у неоперившегося юнца. И они двое воистину прилепились друг к другу и стали «едина плоть», как это предложено и одобрено Библией.

Позже, когда они лежали в полудреме в пятнистой лиственной тени, подложив под головы его сумку для сбора трав вместо подушки, он сказал:

— Меня все же печалит, что вы так легко отказались от возможности когда-либо снова призвать к себе единорога. Воистину, я привел вас сюда совсем не для этого, но лишь потому, что сам хотел увидеть это существо еще раз. Я не могу избавиться от ощущения вины.

— Я ни от чего не отказывалась, — строго ответила она, приподнявшись на локте, с потяжелевшим взглядом, — а даже если и отказывалась, то уж наверное не ради вас, тщеславный вы человек, а ради себя самой. То, чего я лишилась, я отдала по доброй воле. Даже Бог Ноу-Поупери понял бы, в чем разница! Единорог понял.

После этого без каких-либо новых объяснений Реморс Кертли разразилась рыданиями.

Думая — наверное, в сотый раз в своей жизни — о том, что он ничего не понимает в женщинах, доктор Даппер подставил ее слезам свою грудь и горло, и где-то посередине всего этого они внезапно снова стали одной плотью, и она принялась над чем-то хихикать как девчонка, но не сказала над чем. Когда он ее спросил, она только засмеялась еще громче, и ее волосы превратились в плетку, хлещущую его по лицу, а потом его внимание оказалось поглощено другими вещами — такими, например, как маленькая розовая родинка между лопаток, крошечное клеймо, которого, как подозревал доктор, никогда не видел преподобный Кертли.

* * *

Обратно они шли бок о бок так же, как и выходили; однако когда доктор Даппер попытался по примеру поселковых ухажеров взять ее за руку, миссис Кертли покачала головой и отошла в сторону. Ее волосы были вновь упрятаны под голландский чепец, корсаж зашнурован чуть не до удушения, на длинном коричневом платье никаких следов предательских травяных пятен; она вновь вошла в роль смиренной пуританской жены и хозяйки, играя ее с той страстной внимательностью к мельчайшим деталям, что отличает хороших актрис — а она потратила всю жизнь на то, чтобы стать такой актрисой. Даже когда она искоса поглядывала на него и улыбалась самым краешком губ, это была не улыбка Реморс Кертли. Ту улыбку доктор хорошо знал.

Они расстались на околице поселка: он отправился к своей ступке, пестику и импровизированным весам, она — ухаживать за мужем, готовить ему плотный ужин после трудного дня. Когда, дождавшись следующей желудочно-кишечной жалобы преподобного, доктор Даппер поспешил к нему с заранее приготовленным отваром, то не встретил ни малейшего намека на то, что между кем-то и кем-то могло произойти что-либо недостойное; миссис Кертли лишь кивала, внимательно выслушивая инструкции их семейного врача, и делала пометки, не поднимая головы. Доктор оставался у них дольше, чем было необходимо, пытаясь украдкой встретиться с ней взглядом, но не возымел успеха.

Новости о разнообразных родных землях колонистов добирались до поселка в лучшем случае нерегулярно (а на протяжении зимних месяцев их и вовсе не было) и доставлялись как получится — чаще всего их приносили бродячие торговцы, лудильщики и обходящие округу проповедники, случайно забредавшие в Ноу-Поупери. Олферт Даппер с момента своего прибытия вообще не получал никаких вестей из Нидерландов и уже почти смирился не только с вероятностью провести еще по меньшей мере год в этом безотрадно диком Новом Свете, но также и с еще большим ужасом осознавая, что он понемногу привыкает к своей жизни здесь. Ему нравились и вызывали уважение знакомые индейцы-абенаки, ему почти нравились двое или трое человек из поселян; у него даже начал появляться некоторый вкус к бобам с кукурузой…

О нет, что бы ни ждало его дома в Утрехте, но он должен выбраться отсюда!

Миссис Реморс Кертли продолжала заниматься своими делами, как и подобает исполнительной домохозяйке — жительнице Ноу-Поупери: готовила еду, возилась в огороде, читала молитвы и поддерживала порядок в доме, ни разу не

позволив себе остаться наедине с доктором Даппером более чем на несколько минут, необходимых, чтобы он мог вручить ей новые снадобья для вечно свирепствующего желудка ее мужа и дать указания по их использованию. Ее глаза всегда были опущены долу, волосы полностью убраны под чепец, а скромное поведение являлось неизменным образцом для всех пуританских женщин. Размышляя о случившемся, доктор Даппер никак не мог определить, действительно ли он любит ее — принимая во внимание, что любовь в общепринятом выражении была эмоцией настолько же от него далекой, как турецкий язык или тонкости инфралапсарианства. В то же время он не сумел бы назвать это обычной греховной похотью: скорее, наверное, можно сказать, что, будучи однажды допущен к сердечным тайнам жены священника, он попросту желал оказаться их свидетелем еще раз (даже больше, чем до того стремился снова увидеть единорога). Выше уже упоминалось, что в характере Олферта Даппера имелось немало романтического.

Время от времени, когда у него выдавалась свободная минута (ибо его жульническая медицинская практика постепенно приближалась к статусу настоящей), он приходил на луг, где они с Реморс Кертли и единорогом были когда-то вместе. Доктор не надеялся встретить там кого-либо из них, однако ему доставляло странное утешение просто стоять на том самом месте, где он тогда в немом восхищении смотрел, как единорог кладет голову ей на колени, и где потом, спустя целую эпоху, помогал ей расшнуровать корсаж, а она не сводила с него взгляда.

* * *

Однажды он увидел на этом месте своего старого приятеля-абенаки. Черные глаза индейца смотрели на все вокруг, хотя не видели ничего, что было бы заметно Олферту Даппер у. Они коротко и сдержанно поздоровались друг с другом, и доктор, немного помолчав, тихо проговорил:

— Он больше никогда не придет. Не могу сказать, откуда мне это известно, но это так.

Надвигающийся Дождь едва заметно кивнул. Он произнес лишь два слова:

— Она прийти.

Доктор воззрился на него.

— Она? Кого ты… ты имеешь в виду миссис Кертли?

Белка, наблюдавшая за ними с ветки, при звуке его голоса испуганно шмыгнула в листву.

Абенаки спокойно встретил его взгляд и после долгого молчания ответил:

— Когда ты идти домой. Тогда она прийти.

— Домой… — Грудь доктора внезапно заполонила огромная печаль, и следующие слова он произнес почти шепотом, по контрасту с предыдущим вскриком. Он сказал: — Но я никогда не вернусь домой, мой друг. Там меня поджидают люди, которые очень злы, они даже могут посадить меня в тюрьму. В тюрьму, — повторил он, специально делая ударение на этом слове, поскольку знал, что у абенаки, как и вообще у всех алгонкинских племен, нет равнозначащего термина, да и вообще отсутствует такое понятие, как тюрьма. — Я не знаю, попаду ли когда-нибудь домой.

— Ты идти домой скоро, — голос Надвигающегося Дождя звучал неторопливо и уверенно. — Когда ты идти, она прийти к абенаки.

— Почему именно тогда? — спросил доктор. — Между нами больше нет никакой связи, мы почти не разговариваем, разве что о лекарствах для ее мужа. С какой стати ей убегать к вашему народу, когда меня не будет?

Однако Надвигающегося Дождя самого уже не было — он исчез в своей беспокоящей манере исчезать, которую преподобный Кертли считал явным доказательством инфернального происхождения всего их племени. Некоторое время доктор смотрел ему вслед в молчаливую лесную чащу, а затем побрел обратно в Ноу-Поупери.

Он знал, что абенаки дают пристанище беглецам и изгнанникам из различных сагадахокских колоний; кроме того, ему было известно, что у алгонкинов нет данного Богом закона относительно изначально подчиненного положения женщин. У абенаки, микмаков или пассамакуоддди, как говорил его, несомненно, ограниченный опыт, женщина могла глядеть в сторону от мужчины, или мимо него, или сквозь него, но она никогда не опускала глаза в землю. Исполненная силы духа и находчивости женщина, какой показала себя миссис Реморс Кертли, могла подняться в индейском обществе выше, чем это было бы возможно для нее в пуританском окружении.

Доктора больше волновало не то, как Надвигающийся Дождь узнал о ее решении, а то, знает ли о нем она сама.

* * *

Погода была все еще теплой, но скоро должна была

измениться (проведя больше года в Мэне, даже доктор Даппер мог это понять по переменам в поведении птиц и по запаху ветра на рассвете), когда его вечернюю дремоту прервал резкий настойчивый стук в дверь. Выглянув через щель в стене, где никакая замазка не удерживалась надолго, доктор, к своему изумлению и немедленно последовавшему беспокойству, узнал преподобного Кертли. До сих пор священник ни разу не навещал его дома, а их случайные беседы в церкви обычно касались состояния либо бессмертной души доктора, либо в высшей степени смертного желудка преподобного. «Неужели он узнал? Неужели кто-то… неужели она ему во всем созналась?» Острота ситуации еще более усугублялась тем фактом, что преподобный держал в руке мушкет — очень большой, с воронкообразным дулом.

Однако Олферт Даппер не добился бы положения и почета, которыми он пользовался в своем обманчивом искусстве, если бы в свое время не научился понимать (за всегдашним исключением Маргот Зелдентхейс), когда можно доверять женскому глазу. Паника покинула его так же быстро, как и возникла, и он открыл дверь и пригласил Джайлса Кертли в дом.

Священник вошел с необычным для него опасливым видом, оглядываясь через плечо, словно это он был тем, кто хорошо знаком со служителями закона и людьми, носящими при себе тяжелые дубинки и питающими необоснованные претензии. Усевшись на предложенный ему единственный целый стул, он опасливо прислонил мушкет к стене, согласился выпить кружечку довольно сомнительного женевера (это, кажется, был первый такой случай на памяти доктора) и начал разговор, коротко заявив, словно этот факт только сейчас привлек его внимание:

— Брат Даппер, вы ведь голландец.

Доктор приподнял брови и развел руками:

— Не могу отрицать этого, сэр.

— Ага. — Преподобный Кертли несколько раз прочистил горло. — Возможно, именно поэтому мне кажется легче довериться вам, хотя мы и никогда не были, э-э… близки…

Его голос убрел вслед за взглядом куда-то в дальний угол и затерялся там.

— Несомненно, это моя вина, — любезно отозвался доктор Даппер. — Что я могу сделать для вас, преподобный?

— Моя супруга… — Преподобный Кертли поднялся с места, описал скованный круг вокруг одной точки, словно медведь, привязанный к столбу для травли, и снова сел. — Моя добрая супруга была похищена. Ее украли! Эти краснокожие дикари… Дикари, клянусь Богом!

Захваченный совершенно врасплох, доктор Даппер смог лишь моргнуть и уставиться на него.

— Абенаки? Похитили?

— Ну да, похитили, что же еще? И кто еще? Есть следы — явные, несомненные! Они утащили ее в лес, бедняжку, прежде чем она успела хотя бы крикнуть. Даже сейчас уже может быть слишком поздно, чтобы предотвратить…

Он согнулся на своем стуле чуть ли не вдвое, закрыв глаза руками. Его позиция была не так уж далека от того, как он обычно скрючивался, когда его желудок в очередной раз требовал к себе внимания.

— Предотвратить? — переспросил доктор и перебил себя: — Ах да… Гм, что ж, мы, несомненно, должны поднять поселок на поиски. Если вы, преподобный, возьмете на себя дома к востоку от Медвежьего ручья, я займусь западным берегом…

— Нет! — Преподобный Кертли схватил доктора за оба запястья своими узловатыми пальцами. — Я не вынесу, если… если худшее станет известно этим… этим…

— Вы имеете в виду вашу паству, — подсказал доктор с почтительностью, которой он не чувствовал. — Ваше собрание верующих. Да, конечно, я понимаю. Завтра с утра, с первым светом мы начнем наши поиски…

— Сейчас же! Мы не имеем права ждать! — Преподобный снова вскочил на ноги и протянул руку за мушкетом.

Однако доктор Даппер, не поднимаясь с места, непреклонно покачал головой.

— Сейчас там бродят волки и горные львы — я слышал их завывания прошлой ночью, недалеко отсюда. В темноте мы не сможем сделать ничего, разве что, пытаясь вызволить вашу жену, натолкнемся на еще худшую опасность, чем та, в которой находится она. Как я и сказал, я пойду с вами с первыми лучами солнца.

И этим священнику пришлось удовлетвориться; впрочем, покидая дом Олферта Даппера, он бросил напоследок:

— Не забудьте взять ружье.

— У меня нет ружья, — отвечал доктор. — Есть, правда, отличный кофель-нагель с корабля, который доставил меня к здешним берегам. Но ружья нет.

— Я прихвачу для вас второе, — мрачно заверил его преподобный.

И с этими словами он нырнул в ночной мрак, оставив Олферта Даппера метаться без сна до рассвета.

Когда они встретились возле пустой церкви, преподобный Кертли и в самом деле протянул доктору Дапперу заряженный

мушкет. Оружие было настолько тяжелым и холодным, что доктор едва не выронил его. Он запротестовал было: мол, никогда не имел дела с подобными вещами и скорее будет представлять опасность для своих спутников, нежели для предполагаемых похитителей миссис Кертли; однако преподобный ответил:

— Рука Всевышнего будет на курке в нужное время. Вам нет нужды бояться.

Тем не менее доктор боялся; страх сковывал его внутренности, превращая их в сплошную глыбу льда, когда они пустились по следам — совершенно очевидным, как и сказал преподобный Кертли, — маленьких ножек миссис Кертли, обутых в грубые башмаки. Следы вели за околицу Ноу-Поупери, где встречались с отпечатками мокасин, после чего шли уже вместе с ее спутником… или похитителем. Теперь следы миссис Кертли стояли ближе друг к другу и ограничивались отпечатками передней части стопы, а это могло означать либо что она бежала, либо что ее тащили. Можно было не гадать, какого из двух предположений придерживался преподобный: его обычно красное лицо было жестким и бледным, лишь на прокушенных губах проступали капельки крови. На ходу он поводил мушкетом из стороны в сторону, словно косой, и время от времени вскидывал его и прицеливался куда придется, скрежеща зубами и по-волчьи скалясь. Олферт Даппер боялся сразу за всех.

Один раз преподобный внезапно кинул на него пронзительный взгляд, только что мушкет не повернул в его сторону, и заявил:

— А ведь вы, если не ошибаюсь, питаете к дикарям определенную симпатию!

Доктор Даппер осторожно ответил, стараясь придерживаться безразличного тона:

— Я нахожу их довольно интересными людьми, достойными изучения.

Он постарался как можно естественнее переместиться так, чтобы оказаться у преподобного Кертли за плечом.

— Дети сатаны, — зло оборвал священник. — Какому бы чудовищному, дьявольскому унижению они ни подвергли мою жену, я все равно приму ее назад как свою законную супругу, и позор не падет на мою голову. Но их я перебью всех до единого; я спалю дотла их поганые жилища, а потом засею землю солью! В этом я клянусь. — Он на мгновение приостановился и прожег доктора Даппера яростным взглядом. — Вы слышали мою клятву перед Господом.

— Да, — тихо отозвался доктор. — Я слышал.

Следы миссис Кертли и ее предполагаемого похитителя все труднее было различать по мере того, как грунт становился более твердым, а подлесок более густым. Доктор пользовался малейшей возможностью, чтобы затереть ногой очередной отпечаток или направить неумолимого священника в другую сторону, однако путь к деревне абенаки был хорошо известен всем жителям Ноу-Поупери, и к этому времени преподобному Кертли уже не нужны были следы, чтобы добраться туда, куда, по его убеждению, увели его жену. Сейчас было достаточно одного вида миссис Реморс Кертли, чтобы началась резня — а доктор Даппер, рожденный в годы Восьмидесятилетней войны, кое-что знал о том, как выглядит резня. В молчании он лихорадочно перебирал в уме разнообразные уловки и обходные маневры, которые накопил за целую жизнь, однако все было без толку. Он шагал рядом с человеком, замыслившим убийство, и не мог придумать ни одного способа его остановить.

* * *

Доктор пришел в настолько подавленное состояние, что даже не заметил, когда к отпечаткам мокасинов и рабочих башмаков прибавились третьи: следы раздвоенных копыт) не похожие ни на изящные копытца виргинского оленя, ни на огромные, как обеденные тарелки, копыта лося. Когда они наконец привлекли его внимание (в этом месте все три следа начали отклоняться от знакомого маршрута, забирая вверх по пологому, обомшелому склону, на котором они ясно выделялись), доктор указал на них священнику, чувствуя, как внутри шевелятся первые ростки зарождающегося плана.

— Посмотрите-ка, преподобный! — вскричал он с максимальным драматизмом, какой только сумел изобразить. — Что вы думаете об этих странных отпечатках?

Джайлс Кертли остановился, оперся на свой мушкет и принялся разглядывать внезапно появившиеся новые следы, очень медленно качая головой. В основном раздвоенные отпечатки шли посередине; следы миссис Кертли сопровождали их почти вплотную с левой стороны, а следы неизвестного индейца — немного подальше справа.

— Мне это не нравится, — почти беззвучно бормотал преподобный себе под нос, — и все же это не может… не может…

В одном месте он наклонился к земле и понюхал следы копыт, затем поднял голову, говоря сам с собой, словно был один:

— Нет… я никогда не поверю… Нет. Нет…

Доктор Даппер следовал за ним, намеренно держась немного позади, чтобы создать впечатление растущего беспокойства и нежелания идти дальше при виде столь зловещих знаков. Впрочем, преподобный Кертли продолжал двигаться вперед, не оглядываясь, тяжело шагая и не сводя глаз с земли; мушкет свободно болтался в его руке — возможно, священник вообще позабыл, что держит его.

У Олферта Даппера начали болеть ноги, однако он упрямо брел, не уверенный ни в чем, кроме той единственной надежды, которая расцветала в нем, словно маленький яркий уголек, раздуваемый в ночь великого страха.

«Помни, помни всегда: они должны сами приходить к тебе, они должны обманывать сами себя».

Добравшись почти до вершины склона, преподобный Кертли внезапно приостановил свое медленное продвижение и показал на землю.

— Посмотрите, следы дикаря пропали! — воскликнул он, устремив горящий взгляд на доктора впервые с тех пор, как они начали подъем. — Что бы это могло означать?

«Благослови меня, бог лжецов…»

Как бы колеблясь, тоже почти бормоча себе под нос, переливая ощущаемый им страх в другую, более необходимую сейчас форму, доктор Даппер указал на раздвоенные отпечатки и еле слышно проговорил:

— …ходит кругом аки лев рыкающий, ища, кого поглотить…

Удивительно, но священник не сразу опознал цитату. Потом он понял, и его лицо залил нездоровый, лихорадочный румянец, после чего оно вновь стало абсолютно бескровным. Он прошептал:

— Я чувствовал… я сердцем чувствовал, как Господь предупреждает меня, ощущал Его беспощадное сострадание… но я отбросил свои страхи…

Он сделал внезапный резкий шаг вперед и схватил доктора Даппера за шейный платок; его сила в этот момент была чудовищной.

— Но я не слышал запаха серы, когда наклонился к следам! Никакой серы, никаких адских ароматов! Как вы объясните это, лекаришка?

«Спокойно, спокойно…»

— Если я правильно помню слова Святого Писания… хотя, конечно, вряд ли это так… — доктор улыбнулся и смущенно склонил голову, — в нем упоминается, что нечистый обладает властью принимать привлекательный облик. Не может ли это распространяться и на… э-э… запахи, помимо внешнего вида? Не

может ли адское зловоние также подчиняться воле сатаны?

Преподобный Кертли затрясся всем телом, словно осаждаемый оводами медведь.

— Нет, я не могу поверить… я отказываюсь поверить, что это возможно, что дьявол мог прикоснуться… что она могла… — Не закончив фразу, он повесил голову и надолго замолчал.

— Я читал Писание в голландском переводе, — с благочестивым смирением проговорил доктор Даппер, — что, разумеется, не может сравниться с могучим языком вашей Библии короля Якова; однако разве там не говорится, что сатана не имеет силы над теми, кто чист сердцем? — Он сделал паузу, мысленно отсчитывая секунды, прежде чем договорить до конца: — Но многие ли из нас смогут претендовать на это звание, когда будут до конца подсчитаны все грехи?

«Простите меня, моя оклеветанная миссис Реморс. Замолвите словечко за грешного голландца в том, другом Новом Свете, когда придет время».

Когда священник вновь поднял голову, доктор Даппер испытал внезапное колебание при мысли о том, что может увидеть слезы в этих волчьих глазах. Однако они были столь же сухи, как и прежде, и исполнены все той же безжалостной решимости.

— Следуйте за мной, — вот и все, что произнес преподобный Кертли.

Они продолжили свое медленное продвижение к вершине холма, и доктор Даппер слышал, как священник вполголоса бубнит, ведя сам с собой бесконечный спор:

— Но если бес забрал дикаря сразу же, на месте, для какой дьявольской цели ему понадобилось тащить ее с собой?.. Зачем было оставлять ее в живых? Разве что как приманку для праведных… где смысл?.. где смысл?

Доктор заметил, что следы рабочих башмаков миссис Кертли на мху становятся все менее видны, в то время как раздвоенные копыта врезаются в грунт все глубже, как будто сатана топал ногами или даже плясал, празднуя свой улов. Преподобный Кертли, очевидно, подумал о том же самом, поскольку громко застонал, рассматривая одно место на земле, где было видно изменение следов; однако затем он добавил вслух:

— Но очевидно, что она боролась с ним, как и все мы должны бороться с дьяволом — сама земля свидетельствует о ее битве. Моя бедная грешная жена… — Он снова держал мушкет обеими руками, прижимая его к груди.

На вершине склона отпечатки ног миссис Кертли исчезли внезапно и полностью, пропав в запутанном вихре раздвоенных

следов. При виде этого ужасного подтверждения своих страхов священник испустил один-единственный душераздирающий вопль и пал на колени, стискивая руки и хрипло причитая:

— О, моя бедная Реморс, ее вера была недостаточно сильна, чтобы спасти ее! Она боролась со своей женской слабостью, но злой дух схватил ее и пожрал, как рыкающий лев! Мое бедное потерянное дитя! — Одной рукой он рвал на себе длинные седые волосы, другой — рубашку, и его ногти оставляли кровавые следы.

Доктор Даппер ничего не ответил, а принялся исследовать беспорядочные отпечатки на земле. Он с самого начала понял, что следы принадлежат единорогу — у дьявола, как знает любой голландец, одна нога человеческая, а другая, обмана ради, кончается неуклюжим коровьим копытом, — однако единственным объяснением, какое он мог придумать исчезновению следов миссис Кертли, было то, что она, должно быть, взобралась на единорога, хоть уже и не была девственной, и дальше поехала верхом… но куда? Следы были настолько запутаны, что отпечатки копыт, казалось, вели с вершины холма одновременно во все стороны, словно единорог и сам танцевал, радуясь воссоединению с ней.

Краем глаза он заметил нечто, лежащее на земле, и, словно бы охваченный невольным приступом благочестия, положил перед собой мушкет и опустился на колени, чтобы подобрать загадочный предмет. Им оказался почти невидимый на истоптанном мху кусочек темного кружева с корсажа Реморс Кертли, аккуратно отделенный от него — хотя при помощи чего, доктор не мог догадаться. Вместо того, чтобы передать находку преподобному, он сунул ее в свой бумажник.

Преподобный Кертли, стоя на коленях, раскачивался взад и вперед, сопровождая движения нечленораздельными стонами, — Олферту Даппер приходилось видеть, как старые амстердамские евреи ведут себя так же, когда у них умирает ребенок или один из родителей. Опустившись на корточки возле страдальца, доктор осторожно положил руку на широкое, неподатливое плечо. Инстинктивно переходя на «ты» — второй раз за все время, проведенное им в этой стране, — он проговорил:

— Ты должен быть храбрым. Ты должен молиться за нее и укрепиться духом.

Преподобный рывком повернул голову и воззрился на него: движение было настолько резким, что доктор чуть не упал на спину.

— Молиться за ту, которая настолько забыла о добродетели, что оказалась в когтях сатаны? Ну уж нет! Тот, кто сетует на

Господний приговор, рискует сам подвергнуться проклятию; мне ничего подобного не надо. — Скрежещущий голос священника было больно слушать. — Суждения Господа не могут быть неверными, — проговорил он, и в его глазах не было ни капли безумия; напротив, в них сквозило убийственное здравомыслие.

— Разумеется, — отозвался Олферт Даппер, горячо кивая, хотя его голос звучал сдавленным шепотом. — Несомненно. Аминь.

«Если я выберусь живым из этих краев, — думал он, — я больше никогда не покину Нидерланды. Я больше никогда не уеду из Утрехта. Я больше никогда не выйду за порог своего дома».

Словно подслушав его невысказанное желание, преподобный Кертли медленно поднялся на ноги, и все его внимание внезапно оказалось обращено на Олферта Даппера. Он не повернул мушкет так, чтобы дуло уставилось непосредственно в него, но оно показывало не настолько далеко, как предпочел бы Даппер.

— Вам необходимо покинуть Ноу-Поупери прямо сегодня, — сказал преподобный. Его лишенный выражения голос ворочал слова, словно мельничные жернова. — Мне больно это говорить, но я не допущу никаких возражений.

— Сегодня? Почему сегодня? Что делает меня… почему я внезапно оказался столь нежеланной особой за эти несколько минут?

Однако он уже знал ответ, и это сообщало определенную неискренность его протестам. «Ну разумеется. Умница Даппер сам себя одурачил».

— Вы видели то, что видели, и нет смысла делать вид, будто вы не поняли значения увиденного. Нечистый забрал к себе мою жену — точнее, ему было позволено ее забрать, поскольку, очевидно, она оказалась сосудом немощи… — к его чести, он все же запнулся на этих словах, — в нашей семейной общине. Как бы я ни был недостоин, но я остаюсь главой многочисленной общины Ноу-Поупери, и будет нецелесообразно, если людям станет известно… — Он сделал слабое беспомощное движение руками, не закончив фразу.

Учитывая, что страстное желание покинуть Мэн, Территорию Сагадахок и вообще весь этот жалкий форпост невежества и страха зародилось в нем, начиная с первого дня его пребывания в Ноу-Поупери, доктор Даппер был сам изумлен вспышкой неподдельного гнева, охватившего его при словах священника. Он был настолько зол, что почти перезабыл все английские слова.

— Вы о своей жене заботитесь совсем нисколько, лицемер! Только о вашем положении в этом месте, этой… этой… — и здесь

он все же употребил голландское слово, — которую вы называете поселком! Ваша жена с Дейвилом лучше живет, чем с вами была…

Но на этом месте преподобный Кертли сильно ударил доктора мушкетом по лицу, сбив его с ног. Доктор лежал, глядя вверх, в воронкообразное дуло, за которым маячило странно сосредоточенное, почти лишенное выражения лицо священника.

— Я скорблю из-за того, что мне пришлось причинить вам боль, друг мой, — проговорил преподобный, — но я не мог позволить вам и дальше оскорблять меня подобным образом.

Он вскинул голову, чтобы лучше разглядеть лицо доктора, и тихо поцокал языком.

— Я вижу, у вас разбита губа. Прошу, позвольте мне… — он протянул руку, чтобы вытереть кровь обшлагом рукава.

Доктор Даппер оттолкнул его руку, хотя первый не рекомендовал бы подобное поведение никому, кто имеет дело с безумцем, вооруженным мушкетом и покровительством Господа впридачу. Пошатываясь, он поднялся на ноги и проговорил тихо, но отчетливо:

— Неудивительно, что ваша жена убежала с герром Дейвилом. Кто бы не убежал на ее месте?

Мушкет дернулся вверх, но преподобный Кертли не выстрелил и не ударил его еще раз. Таким же спокойным голосом он ответил:

— Очевидно, вы сами видите, почему должны покинуть нас и сделать это немедленно. Одно подобное заявление на людях, пусть даже это будет просто слух, родившийся, как всегда бывает, из обычной частной мысли… и смятение овладеет несчастным населением Ноу-Поупери. Вы ведь доктор, значит, должны понимать, как распространяется заражение. Смятение неизбежно приведет к хаосу, сэр, а хаос — это ворота в ад. Я не могу себе представить, что вы, будучи добрым голландским кальвинистом, могли бы мне возразить на этот счет.

Доктор Даппер, не отвечая, смотрел в сторону, стараясь сфокусировать взгляд на окружавшей их путанице следов. Его голова все еще звенела от удара, и когда он потряс ею, чтобы прояснить зрение, у него заболела шея. По меньшей мере одно казалось ясным: Реморс Кертли в самом деле уехала верхом на единороге, и Надвигающийся Дождь (а доктор почему-то был уверен, что это должен быть именно он) следовал вместе с ней. Олферт Даппер представил себе, как он сидит, мягко придерживаясь одной рукой за единорожью гриву, и его черные глаза сияют потерянным светом давно погасших звезд. В своем двуличном, уклончивом, вероломном сердце доктор прошептал:

«Счастливой дороги. Да!».

— Исаак да Сильва отправляется с рассветом, — оживленно говорил преподобный Кертли. Насколько знал доктор, этот бродячий торговец, строптивый старый португалец был неприятным спутником, но вполне уважаемым человеком в своей профессии. — Он довезет вас до места, с которого Пенобскот становится судоходным, а оттуда у вас уже не будет сложностей найти себе транспорт вниз до Фалмута, и далее корабль, который увезет вас куда вам только заблагорассудится. Сегодня же вечером, когда вы будете собирать те веши, которые захотите взять с собой… — он пожал плечами, и на его лице показалась чуть ли не улыбка, — я счел бы за любезность с вашей стороны, если бы вы оставили мне некоторые из ваших превосходнейших желудочных препаратов. Мне еще не встречалось лекарство, которое приносило бы столь же немедленное облегчение.

— Это будет честью для меня, — ответил доктор Даппер. — Однако если до меня дойдет известие, что вы обвиняете племя абенаки в исчезновении вашей жены или что им причинен какой-либо вред…

Преподобный Кертли серьезно кивнул.

— Даю вам слово.

Обратно к поселку они шли молча и расстались у околицы. Священник отправился к себе в дом, где больше не было миссис Реморс Кертли; Олферт Даппер же приложил к разбитой губе кусочек медвежьего жира, оставшегося с прошлой зимы, и принялся паковать те немногочисленные пожитки, которые собирался взять с собой в путешествие к тому неведомому, что могло ожидать его в Голландии. Возможно, это была тюрьма; возможно, Маргот Зелдентхейс… Олферт Даппер всегда умел распознать те моменты, когда лучше всего оставить свою судьбу прихотям превыше его собственных.

* * *

Сборы заняли больше времени, чем должны были, учитывая, как немного он на самом деле хотел взять с собой. Горстка сушеных трав… маленький, чрезвычайно острый нож… банка с джемом из дикого винограда (плата за лечение сломанной руки ребенка, которую он вправил и закрепил лубками)… пара причудливо обезображенных абсцессом коренных зубов… его ступка и пестик — в неглубокой чаше из сосновой древесины до сих пор оставались пыль от растолченной пижмы и характерный камфарный запах этого цветка… кусочек черных кружев, тоже

имеющий свой запах… Каждая из этих вещей несла в себе память об этом нелепом, устрашающем, жутко прекрасном новом мире, где водились единороги. Он покидал его, увозя с собой гораздо больше, чем привез.

Когда все было закончено, он уселся на ступеньках (собственно, ступенька была всего одна) своего маленького дома, выстроенного для него соседями, и во все еще теплой ночи принялся ждать, когда мимо задребезжат колеса фургона Исаака да Сильвы — этот звук всегда напоминал ему усталый, жалующийся голос самого торговца. Он настолько обессилел, что не мог надеяться на сон: день выдался чересчур изматывающим для этого, и доктор чувствовал себя так, словно больше никогда не уснет. Тем не менее его веки время от времени все же смыкались — хотя всегда ненадолго, судя по положению луны, — и, очевидно, поэтому Надвигающийся Дождь возник перед ним словно бы из ниоткуда, такой же молчаливый, внутренне спокойный и бесспорно настоящий, как и всегда. Доктор Даппер не стал подниматься, чтобы поприветствовать индейца, лишь улыбнулся, хотя улыбаться было больно.

— Мне будет тебя не хватать, — проговорил он.

Ему показалось, что Надвигающийся Дождь слегка кивнул, хотя он мог и ошибаться.

— Она с твоим народом? — спросил доктор, и, дождавшись еще одного кивка, мягко упрекнул абенаки: — Видишь, ты все перепутал. Она уже ушла к вам, а я еще только уезжаю. Это ты увел ее отсюда?

На этот раз кивок был совершенно отчетливым. Олферт Даппер спросил:

— Ей будет хорошо с вами?

— Маленькое время, — отозвался Надвигающийся Дождь. — Большое время… — он пожал плечами и слегка качнул головой; потом добавил: — Когда-нибудь. Где-нибудь.

Он сделал жест обеими руками, словно отталкивал от себя горизонт.

— Ты хочешь сказать, что ей предстоят долгие путешествия?

Надвигающийся Дождь не ответил. Доктор Даппер медленно произнес:

— Мне грустно за нее. Передай ей, что я желаю… — однако он не имел понятия, что может пожелать Реморс Кертли, и поэтому сказал просто: — Позаботься о ней, пока она с вами, и передай, что я никогда ее не забуду. Прошу, скажи ей это.

— Для тебя, — сказал абенаки. Он запустил руку в мешочек из оленьей кожи, который всегда висел у него на поясе, и вытащил помятый и слегка истрепавшийся с краю голландский

чепец, тот самый, без которого Олферт Даппер никогда не видел миссис Кертли, не считая одного-единственного раза. Доктор нерешительно принял подарок; у него внезапно пересохло в горле настолько, что он не смог даже поблагодарить индейца за доставку. Его хватило лишь на то, чтобы тоже кивнуть в ответ, на короткое мгновение склонив голову над чепцом. Ее запаха не было. Он надеялся, что будет.

Надвигающийся Дождь двинулся прочь еще до того, как доктор услышал дребезжание фургона да Сильвы.

— Единорог, — сказал доктор ему вслед. — Я так и не знаю, как он у вас называется, хотя мне точно известно, что у вас есть такое слово.

Абенаки остановился, но не повернул головы. Доктор Даппер спросил:

— Она… Вы ехали верхом оба? Я так себе и представлял.

Тут Надвигающийся Дождь все же посмотрел на него, но ничего не сказал. Фургон торговца скрипел все ближе; доктор пытался не думать о том, как будут звучать несмазанные оси на протяжении предстоящей долгой поездки. Повышая голос, он проговорил:

— Я видел его дважды, хотя и не имел права, я знаю. Я не должен был… Скажи, он… я имею в виду, единорог, он… как ты думаешь?.. — Однако доктор и сам не знал, о чем хочет спросить, как перед этим не ведал, чего хочет пожелать Реморс Кертли в последующей жизни, и поэтому вопрос снова остался незаконченным.

Еще не рассвело, но в курятнике учителя Праути сонно прокукарекал петух, и уже виднелся грузный силуэт фургона Исаака да Сильвы, приближающегося к докторскому дому. Олферт Даппер поднялся, чтобы принести свои пожитки, но вдруг понял, что Надвигающийся Дождь по-прежнему смотрит на него в упор и глаза индейца изменились — сейчас они были такими же, как в тот миг, когда они вдвоем впервые увидели единорога. Глаза абенаки были широко раскрыты, полны такой сияющей молодостью, какой доктор никогда в них не видел, и так ясны, что было мучительно смотреть в них.

— Больше никогда, — тихо произнес Надвигающийся Дождь, и в его голосе не было печали или чувства утраты, только пронзительная радость. — Никогда не возвращаться, — повторил он звонко, почти нараспев. — Никогда еще раз. Ушел совсем.

А потом он тоже ушел, и вместо него появился Исаак да Сильва, требующий, чтобы доктор вместе со своим барахлом погрузился в фургон немедля, ведь он не думает, что торговец будет стоять тут до утра, рискуя застудить свою прекрасную

лошадь.

Весь этот первый день пути Олферт Даппер ехал спиной вперед, беспрестанно крутя в руках потрепанный голландский чепец. Однако уже на следующее утро он аккуратно убрал головной убор миссис Реморс Кертли к себе в карман, уселся рядом с торговцем и обратил взгляд к морю.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Peter S.Beagle. Olfert Dapper's Day. 2012.

Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Ален Ле Бюсси
Последний танец

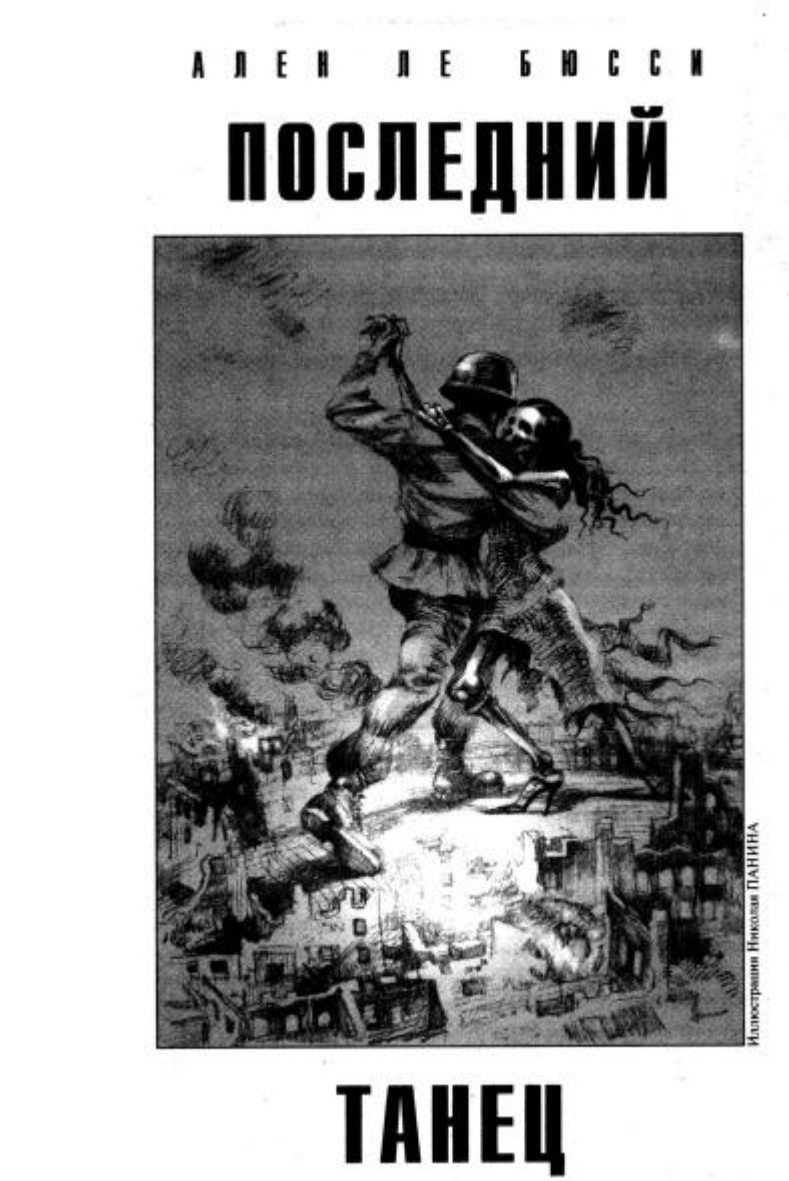


Иллюстрация Николая ПАНИНА

Я был весь покрыт кровью — по большей части своей

собственной, чуть меньше — чужой. Я чувствовал себя полностью обессиленным, умирающим от голода, но муки жажды были сильнее всего. Тем не менее я пролежал около двух часов, не выдавая себя ни одним движением. К этому я давно успел привыкнуть. Притворяться мертвым стало для меня второй натурой.

Некоторое время я провел, терпеливо ожидая, пока звуки сражения не затихнут. Покой наступил, когда вечерние тени уже начали удлиняться. Для них тоже пришло время умирать: с наступлением ночи они прекратят свое существование.

Я был счастлив слышать, что сражение еще продолжается. Отчасти потому, что это означало: лагерь, который я выбрал, еще сопротивляется. Но главное — хотя прибрежные районы оставались опасными, я не слишком рисковал нарваться на мародеров.

Существовало две разновидности: одни придерживались некоего подобия порядка — подбирали оружие с боеприпасами, попутно добивая раненых; и другие — кого интересовала исключительно нажива. Они без разбора выгребали из карманов банкноты и личные документы, срывали с мертвецов кольца. Первые тоже иногда так поступали, совмещая приятное с полезным, но это все же было не основное занятие.

Я отодвинул в сторону тело Свена и выпрямился, ощутив новый приступ слабости. Несмотря на то что я был сильно обезвожен, мой лоб тут же покрылся каплями пота. Последнее усилие оказалось особенно изнурительным. Зато теперь я мог достать флягу с водой, которую спрятал поблизости. Это был далеко не первый раз, когда мне приходилось прибегать к такого рода уловкам. Я прекрасно знал, в каком состоянии вернусь к жизни. Сделав два или три глотка, я принял несколько таблеток глюкозы. Несмотря на то что надо было спешить, я еще немного повременил, пока по всему телу не прокатилась волна благословенного тепла. Снова пара глотков воды и несколько таблеток.

Меньше чем в метре от себя я видел лицо Свена. Можно было подумать, что он улыбается. Его грудь представляла собой бесформенные кровавые лохмотья — в него попало бессчетное количество пуль. Должно быть, он не успел ничего почувствовать. Славный парень — он, как и немало других, пришел сюда из чистого идеализма. Бедный Свен, он и в самом деле мертв.

Я должен его забыть, как забыл многих других, которые были до него. Нет, не полностью — отложить в уголок сознания, где память о них не будет меня тревожить. Продолжая напряженно прислушиваться, я встал и подобрал валяющийся рядом пистолет-

автомат. Его владелец лежал в трех шагах, к его поясу было прицеплено еще три полных рожка. Я подобрал их все, едва не падая от усталости.

В этот раз я едва не зашел слишком далеко. Возможно, однажды я все же доиграюсь, но в сущности это ничего не изменит. Я буду чересчур слаб, чтобы скрыться, и когда-нибудь меня схватят.

Мы три дня удерживали эту сторону скалистого холма. Ситуация с самого начала казалась совершенно безнадежной, лишь чувство долга поддерживало в нас силы. Мы заблокировали важную дорогу, чтобы дать время дивизиям отступить в полном порядке, перегруппироваться и, возможно, в несколько дней одержать решительную победу.

Мы все добровольцы. Среди тридцати женщин и мужчин не оказалось ни одного труса и дезертира. И ни одного выжившего… кроме меня.

Я прекрасно знал эти места, но все равно ориентироваться в темноте трудновато. Семь домов деревушки теперь представляли собой беспорядочную кучу развалин, из которых кое-где торчали куски стен, подобно руке утопающего, тянущейся из бурного моря в последнем безмолвном крике о помощи.

Я повернул на запад, туда, где небо еще слабо светилось красным. Большая дорога проходила на востоке, вдалеке раздавалось урчание моторов. Нашей группы больше не существовало, и сдерживать наступление противника теперь некому. Вражеские войска устремились вслед за нашими отступающими дивизиями.

Я пришел туда, где под корнями большого дерева спрятал узелок. От дерева остался лишь сломанный, наполовину обгоревший пень, но узелок был на месте. Тоже, между прочим, результат моего громадного жизненного опыта.

Открыв банку говядины, я в один присест опустошил ее. Теплой эту гадость еще можно заглатывать, а вот в холодном виде она становится просто омерзительной. Но самое главное — там было много протеина и липидов, которые сейчас так необходимы моему телу. Допив воду из фляги, я наполнил ее из ручья, протекавшего у подножия холма.

Я оглянулся, чтобы сказать последнее «прости» Свену, Карлу, Светлане и другим, кто оказался моими спутниками в этой жизни. Предстояло найти себе другое имя, придумать другое прошлое… Я снова отправился в путь.

Я все еще чувствовал себя слабым. Мне бы следовало съесть что-нибудь, как следует выспаться, но здесь, рядом с полем сражения, оставаться нельзя. К утру появятся мародеры обеих

разновидностей, не стоит привлекать их внимание.

При свете тонкого серпика нарождающейся луны я шел около двух часов. Не знаю, на какие холмы я поднялся, сколько ручьев пересек. В конце концов я нашел убежище, которое показалось мне достаточно надежным, чтобы погрузиться в сон. Тело решительно требовало отдыха, и сила воли ничего не могла с этим сделать.

Я увидел Смерть. Старая знакомая, она часто приходила ко мне во сне. Ну, как бы визит вежливости. И всегда начинала с некоего подобия восточного танца, где ее кости стучали друг о друга в ритме шагов. Это зрелище походило на плод воспаленного воображения безумца, но тем не менее я вскоре пришел к выводу, что это самая приятная часть ее посещения.

Она была совсем не такой, как ее обычно себе представляют: с косой, в широком черном плаще. Подобной я ее видел лишь в первый раз. Ей хватило одного визита, чтобы понять: нечего и пытаться напугать меня громадным кривым лезвием. Ее это вовсе не обескуражило, и она продолжала являться всякий раз, когда мне удавалось избежать ее костлявых объятий. Теперь при ней не было бесполезной косы, а порой и плаща, чаще всего она представала передо мной в самом скромном виде.

Увидев ее сидящей в позе индианки, я расхохотался.

— Неужели я такая забавная? — спросила она хриплым и чувственным голосом, так удачно дополнявшим это безумное зрелище.

— Я вот подумал: как ты встанешь? У тебя же кости зацепятся друг за дружку.

— Встану так же легко, как и остальные. Ты, например, — ответила она с лукавым смешком, который показался мне еще более чувственным.

Я знал, что все происходящее не более чем сон. Это я сам придумал ее такой, придал ей женственный облик. Я даже спрашивал себя: если мне она является в виде женщины, то, возможно, женщина увидит ее в мужском обличье. Но, разумеется, я ни с кем об этом не говорил.

— Верно, — ответил я. — Но иногда мне этого не хочется. Это сильнее меня: тело настаивает, а разум сопротивляется изо всех сил.

— Твоя натура в том, чтобы выживать, а моя — забирать жизнь.

— В таком случае почему ты ко мне зачастила?

— Ты не такой, как все остальные. Ты не боишься меня, не убегаешь. Хотя я уверена: когда-нибудь ты все же уступишь.

— Только не этой ночью, — ответил я, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно беззаботнее.

— У меня бесконечное терпение. А теперь я должна тебя покинуть: работа не ждет. — Она поднялась — кости принялись скрипеть и постукивать, ударяясь друг о друга. — Итак, до скорого. Полагаю, ты не заставишь себя ждать и дашь повод снова нанести визит.

— Не особенно на это рассчитывай. Я решил изменить образ жизни и впредь намерен избегать опасных мест.

— Гони природу в дверь, она влетит в окно, — рассмеялась она в ответ и исчезла.

Я проснулся с первыми лучами солнца. Меня терзал дикий голод, слабость еще давала о себе знать, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что я недавно пережил в развалинах. Выпил еще немного воды, сгрыз пару галет, напряженно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. Я пребывал в полной неподвижности и поэтому не испугал всяких мелких пташек. Они распевали во все горло, а это означало, что, кроме меня, в окрестностях нет ни одного человека.

Не покидая своего убежища, я набрал веток и разжег небольшой костер, сварил рисовую кашу с консервированным мясом. За исключением нескольких галет это был весь мой продуктовый запас.

Надо срочно найти что-нибудь съестное. Впрочем, меня это не сильно беспокоило: местность хоть и не особенно населенная, но и не совсем заброшенная.

Заморив червячка, я снова открыл для себя множество эмоций и ощущений, напрямую не связанных с желанием выжить. Обмундирование было насквозь пропитано кровью, отчего стало жестким и на редкость неприятным. В любом случае, теперь я на оккупированной территории и в таком виде подвергаюсь нешуточному риску.

Покинув убежище, я направился на поиск какого-нибудь водоема. Найдя его и почувствовав себя в безопасности, я избавился от одежды, закопал ее под сухие прошлогодние листья и как следует отмылся. Смыл с себя засохшую кровь, пыль и грязь, скопившуюся за восемь дней беспрерывных боевых действий, когда воды не хватало даже для питья. От раны на груди остался лишь еле заметный шрам; через несколько дней и он бесследно исчезнет.

Я натянул нижнее белье, джинсы и рубашку, которые достал из вещевого мешка. От военных ботинок избавляться не стал: другой обуви у меня не было.

Теперь можно снова отправляться в дорогу. Несмотря на то что я недавно перекусил, мне снова захотелось есть; надо бы поторопиться. Оно и неудивительно: я потерял столько крови, что организм трудился изо всех сил, чтобы восстановиться как можно скорее.

Я путешествовал три недели и дал на лапу одному летчику, чтобы наконец-то окончательно покинуть эту вредную для здоровья местность. И теперь сидел на террасе бистро недалеко от площади Станислава в Нанси. Был конец мая, ослепительно сияло солнце. Я потягивал пиво, просматривая местную «желтую» газетенку.

Примерно на третьей странице я нашел упоминание о войне, точнее, о двух или трех. Войны всегда где-то идут — хоть гражданские, хоть захватнические. И всегда гибнет немало парней. Как вещают политики — за правое дело. Понятно: для каждого его дело является правым…

Все это казалось таким далеким, тем более здесь, где последняя война была шестьдесят лет назад. Но теперь у меня другое имя и другая биография. И приличные деньги: на два года хватит. Я в превосходной физической форме и без труда найду работу. Человек я нетребовательный, знаю шесть европейских языков, что существенно увеличивает мои шансы.

Одну профессию знаю превосходно — военное дело. Но в Европе царит мир, и меня это полностью устраивает. В последнем разговоре со Смертью я пообещал изменить образ жизни. Не хотелось бы в очередной раз поставить ей новых клиентов.

У меня не было семьи, все, кого я мог бы назвать друзьями, давно умерли. Стоит ли дальше влачить такое существование без всякой надежды, что все когда-нибудь изменится?

Да, отменное здоровье, никаких материальных проблем, никаких забот… но в то же время я не получал никакого удовольствия от жизни. Не исключено, что мне когда-нибудь и в самом деле захочется назначить Смерти встречу.

Вдруг она оказалась прямо передо мной за моим столиком.

— Вообще-то сейчас я не сплю, как ты, надеюсь, заметила, — сообщил я.

— Никто меня не увидит.

Я оглянулся. Все замерло: гарсон с подносом застыл в полной неподвижности на половине шага. Стакан, который только что уронили с соседнего столика, висел в воздухе почти в метре от земли, струя пива на несколько сантиметров опережала его в неподвижном падении. Я попытался встать, но тело отказалось

слушаться. Осталось только спросить:

— Так что ты здесь делаешь?

— Да просто улучила несуществующую минутку, чтобы поздороваться с тобой. Между прочим, это последний раз, когда я вот так к тебе прихожу.

— Неужто в последний? Я о таком даже и не мечтал. Позволь заметить, что ты дважды изменила своим привычкам: ты пришла не во сне и ты не танцевала.

— Не беспокойся, у тебя будет право на последний танец.

Этот голос… такой притягательный, полный самых сладких обещаний… Как мне хотелось заключить эту женщину в объятия. Я собрался с мыслями и заметил:

— Ты сама себе противоречишь: сказала, что больше не придешь, и тут же предлагаешь мне право на последний танец.

— Никаких противоречий. У тебя будет последний танец, когда ты сам явишься ко мне с последним визитом. И тогда при мне будет коса.

— Ты хочешь сказать…

— Ты и так слишком долго сопротивлялся. Я решила положить конец нашей очаровательной игре.

— Но ты же знаешь, что я не могу умереть. Я бессмертен.

— Ты так считаешь, потому что еще никогда не умирал. Но чуть раньше или позже ты все равно поймешь, что бессмертие — это не навсегда. В этот день я буду готова тебя принять.

Она встала, в шутку просунула пальцы сквозь струю пива, парящую в воздухе. Затем внезапно обернулась, пристально взглянув на меня пустыми глазницами.

— А знаешь, мне будет не хватать наших развлечений. Никто со мной не разговаривает; все, кому я являюсь, верещат одно и то же: «Нет! Не так рано! Я еще не готов! Я еще нужен здесь!».

— Ну, а при чем здесь последнее свидание?

— Вот этим ты и отличаешься от остальных: у тебя есть выбор. Поэтому я никогда не подстрою тебе несчастного случая. Даже если тебя собьет машина на улице, я не приду. Если на тебя нападет какой-нибудь ревнивый муж, это также не станет для меня поводом. Я хочу, чтобы ты сам выбрал меня тогда, когда будешь готов.

Она исчезла, и в то же мгновение я почувствовал, что Время снова вступило в свои права. Первым признаком этого стал звук разбитого стекла. Стакан наконец-то упал на каменный пол террасы.

Слова Смерти меня вовсе не поразили. Она не так уж ошибалась: жизнь и в самом деле начала мне надоедать. Если

Смерть не откажется от меня, когда-нибудь наши дороги пересекутся.

Я уехал из Нанси и совершенно случайно взял билет в верденском направлении. По одной из официальных версий, где-то там осталось мое тело. Точнее, не мое, а того бедняги, который дезертировал или пропал без вести. Во всяком случае, ни он, ни его солдатский медальон так и не были обнаружены.

С одной стороны, воспоминания об этих событиях невозможно назвать приятными, с другой — меня можно считать счастливчиком, выжившим после целых месяцев в холоде, под дождем и снегом, в непролазной грязи. Я был трижды ранен, меня оперировали без анестезии, и всякий раз, как только оставляли в покое, организм восстанавливался за два-три дня.

Я уехал в Бельгию и покатил в направлении Флеруса. А ведь и там я тоже умирал, причем за Республику, в которую тогда немного верил. Отсюда было недалеко до Ватерлоо, где я тоже принял участие, правда, на стороне пруссаков. И всякий раз после своей мнимой гибели я должен был бежать за границу. Причем так часто, что понятия рубежей для меня практически не осталось. Лишь иногда одни причины казались мне более заслуживающими уважения, чем другие; Наполеон разрушил то, что сумел построить Бонапарт.

Я поселился в отеле, где при регистрации не требуется называть своего имени, и на следующий день отправился на пляжи Нормандии. В дороге перед моим мысленным взором представали лица тех, кто был поделен на дюжины… военная форма, вышедшая из употребления десятилетия или даже века назад. Иногда некоторым из этих людей я даже спасал жизнь, но для них это означало не более чем отсрочку в несколько дней или месяцев. Другие оказывали подобную услугу мне, даже не догадываясь, что для меня это ровным счетом ничего не значит.

Целый долгий день я провел на пляже, созерцая следы былых сражений. Я зашел отобедать в маленький ресторан неподалеку. Рядом со мной расположилась компания посетителей преклонного возраста. Две женщины, они говорили между собой по-английски, или скорее — по-американски. Наверное, они тоже совершали паломничество по старым местам, воскрешая в памяти воспоминания, обсуждая своих знакомых, погибших и пропавших без вести. Женщины говорили громко — видимо, обе глуховаты. Я поймал себя на мысли: кажется, они сожалеют, что не погибли на этих пляжах. Тогда бы навсегда остались молодыми.

Именно в тот момент я и понял, что, по сути, тоже совершаю паломничество. Но, в отличие от этих женщин, я всегда был

молодым и мог вспомнить гораздо больше погибших друзей. И если бы мне вздумалось навестить все места, где они погибли, пришлось бы проехать всю Европу, а потом еще заглянуть в несколько уголков Азии, Африки и Америки.

Но у меня вовсе не было желания ждать так долго.

Я все же прибавил один этап к своему неудавшемуся паломничеству. Очень короткий. Всего лишь заглянуть к мысу Барфлёр, где я умер в самый первый раз, в 1692 году.

Тогда мне еще не было шестнадцати, я был юнгой на одном из кораблей графа де Турвиля. Во время сражения вражеское ядро сломало рею, и с огромной высоты я рухнул в море. Я не умел плавать и сразу утонул, при этом счастливо избежав встречи с мешком бомб, брошенным с нашего корабля. Очнулся уже посреди океана, не понимая, что произошло.

Тонуть — довольно мучительная процедура, тем более когда это происходит с тобой в первый раз. Тогда мне казалось, что и в последний. Едва очнувшись, я принялся плыть, не зная куда и не задаваясь вопросом, что же со мной все-таки случилось. Это, несомненно, было чудом, за которое нужно благодарить своего небесного покровителя — святого Петра, держащего ключи от рая. Вознеся длинную благодарственную молитву, я едва не умер во второй раз, захлебнувшись морской водой. Какое-то время спустя, получив смертельный удар ножом, я впервые задумался, что, возможно, чем-то отличаюсь от всех остальных людей.

Как и везде, здесь тоже все изменилось. Я даже не узнал место, где когда-то вылез из воды. Задумчиво созерцал пляжи и прибрежные утесы. Здесь все когда-то и началось. Отчего бы именно в этом месте все и не закончить?

Неподалеку расположились несколько семей. Дети играли и купались, испуская радостные крики. Какие-то пожилые парочки, старички под зонтиком: она вяжет, а он разглядывает горизонт в бинокль. У меня такого не будет никогда. Два раза я был женат, но я оставался молодым, а супруга с годами все более и более дряхлела. Я замечал в ее глазах удивление и даже немой упрек. Позже у меня было лишь несколько мимолетных (в моем представлении) связей. Иногда они длились по несколько лет, но потом я исчезал, чтобы моя тайна не выплыла наружу.

Я смотрел на молодые парочки, которые целовались, спрятавшись под покрывалом, и, полагая, что на них никто не смотрит, предавались более откровенным ласкам. Это зрелище породило во мне жалость к своей необычной судьбе. Я отвел взгляд, мысленно утешая себя, что все еще могу пережить нечто подобное… если, конечно, пожелаю.

Мне хотелось умереть, но не на глазах у детей. Я решил подождать, а чтобы скоротать время, купить какую-нибудь книжку и заказать пива в местном ресторанчике. К тому же неплохо бы и поесть. Какой смысл терпеть страдания от голода, когда собираешься причинить себе гораздо более сильные?

Я заглянул в ресторанчик, заказал бутылку пива, содовой, брусок шоколада и столько пирожных, что хватило бы на оголодавшее семейство из четырех или даже пяти человек. Затем взял бутылку вина с завинчивающейся пробкой, которую можно открыть без помощи штопора. Некоторое время спустя обнаружил, что пакет, который взял с собой, слишком тяжелый. Мое тело вовсе не собиралось умирать и приняло предосторожности, чтобы во время следующего воскрешения я не страдал от голода и жажды.

Наконец наступил вечер, и пляж опустел. Я потихоньку побрел вдоль берега, чтобы найти спокойный уголок. И уселся лицом к заходящему солнцу, достав пистолет. Я всегда носил его с собой: после трех столетий выживания это стало инстинктом.

Сняв рубашку, я расстелил ее на песке неподалеку. Мне хотелось, чтобы все обстоятельства моего самоубийства были предельно ясны, и никого случайно не обвинили. Единственное, о чем я сожалел, так это о том, что не написал предсмертную записку. Но ужасно не хотелось возвращаться к машине и разыскивать ручку или карандаш. Бросив последний взгляд на океан, когда-то пробудивший меня к вечной жизни, я недрогнувшей рукой пустил себе пулю в сердце.

Смерть пришла на свидание, как и обещала. На этот раз и плащ, и коса были при ней. Она сделала вид, что собирается положить свое орудие на землю, — и оно исчезло из поля зрения. Затем она принялась танцевать, протягивая ко мне руки. Я не отзывался, поэтому она подошла и схватила меня за пальцы.

— Я тебе обещала последний танец, — сказала она. — Но ты должен участвовать.

Я послушался, спрашивая себя, сколько времени это будет продолжаться, пока я не почувствую желанное небытие.

Она хорошо танцевала, и я даже забыл, что моя партнерша не более чем скелет, старый как мир. Она что-то напевала без слов чуть хрипловатым голосом, который я уже успел оценить во время наших предыдущих встреч. Нас окружало небытие. Я и в самом деле не чувствовал земли под ногами, разве что на мгновение, чтобы обозначить ритм шагов. Звучал громадный оркестр, но невозможно было различить ни одного знакомого инструмента.

Она вела меня в танце, кружа все быстрее и быстрее. Я понял, что понемногу перестаю ее чувствовать. Это было так, будто постепенно умираешь.

Внезапно я закричал, но крик, конечно, не услышал, ведь у меня больше не было ни горла, ни ушей. Тем не менее танец моментально оборвался.

— Ты сказал «нет», Пьер?

— Верно, но сам не знаю почему.

И тут же до меня дошло: я только что солгал. Я больше не хотел умирать, но вовсе не для того, чтобы снова вести бесцельное существование. Теперь я точно знал, чего мне хочется.

Она попыталась снова закружить меня. Я воспротивился. Музыка опять заиграла, но теперь это была отвратительная какофония. Ослепительно яркие молнии вспыхнули, разрывая окутывающее нас небытие. Последовал удар грома, но даже он не заглушил голос Смерти.

— Ты безумец, Пьер. Ты зашел слишком далеко. Отсюда уже не вернешься.

— Это еще почему? Ведь ты же отсюда возвращаешься!

Я продолжал бороться, напрягая все силы, чтобы вырваться из этого ритмичного кружения, которое снова попыталось затянуть меня в водоворот. Я почувствовал, как что-то с треском разорвалось, и окончательно потерял сознание.

Первое, что я ощутил, проснувшись, была двойная досада. Мне не удалось остаться рядом со Смертью и так же не удалось свести счеты с жизнью. Я чувствовал себя слабым, совершенно заледеневшим и, как всегда, страдал от голода и жажды. Нащупав пластиковую бутылку с содовой, я одним глотком осушил ее. Не такой освежающий напиток, как чистая вода, зато в ней есть сахар, который обеспечит мой организм необходимой энергией.

В этот момент я почувствовал у себя под боком что-то теплое. На куске черного сатина дремала обнаженная женщина. До того как она открыла глаза, у меня было время рассмотреть ее. Не стану рассказывать, какова была она, — хочу сохранить этот образ для себя одного. Скажу лишь, что она была примерно моего возраста и в моем вкусе… даже каштановые волосы.

Она открыла глаза, в которых отразилось безмерное удивление, затем медленно поднялась, оперлась на локти, наблюдая, как над океаном появляются первые лучи солнца.

— Теперь нас двое, — произнесла она тем хрипловатым голосом, который я так хорошо знал. — Такое впечатление, что нас ждут целые века безумно увлекательной жизни. Но вместе с тем у меня какие-то странные ощущения…

— Ты хочешь есть и пить, как и все, кому удается избежать твоей власти, — сказал я, откупоривая и протягивая ей бутылку красного вина.

И только после того как она утолила жажду, я прижался к ее губам, чтобы напиться досыта.

Перевела с французского Злата ЛИННИК

© Alain le Bussy. La derniere dance avec la mort. 2011.
Публикуется с разрешения автора.

Далия Трускиновская
Стелла Марис

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Вон, вон он, петух, — показал дядюшка Сарво на еле видную

искорку в небе. — Когда идешь проливом, сразу высматривай его при начале заката и с ним сверяйся. Береговым огням веры нет — помнится, эти сукины дети как-то плавучий маяк соорудили, так и таскали его вдоль берега. А церковь — дело надежное, куда она денется? И петух со шпиля не улетит. По нему всегда определяйся.

— Он весь целиком медный? — спросил Ганс.

— Я думаю, из медных листов склепан. Если цельный — сколько бы он весил? Шпиль бы под ним подломился. Понял насчет петуха? Учись, пока я жив. Теперь иди, лови Вредителя. Чтобы до темноты уже сидел в клетке!

Сплетенная из прутьев собственноручно дядюшкой Сарво клетка стояла тут же, на палубе. Высотой она была старому боцману по пояс. Вредитель, здоровенный попугай, купленный на Кренхольме у очень сомнительных ребят, шедших с запада на потрепанном галиоте[1], как всегда, взлетел на рей и умащивался там на ночлег. Снять оттуда драчливую птицу можно было только при помощи мешка, внезапно и ловко на нее накинутого.

Флейт[2] «Варау» возвращался с юга домой, в Аннерглим, с заходом в Герден. Впереди оставалось только одно препятствие — две длинные мели. Проход между ними указывал маяк, установленный бароном Вентерном. Но с маяком случались недоразумения. Дурные люди гасили его огонь, зато зажигали свой, да так правильно выбирали место, что судно, правя на фальшивый маяк, садилось брюхом на мель, тут-то и налетали на рыбацких лодках удалые молодцы с вымазанными сажей лицами.

Потом, от Гердена до Аннерглима, идти было совсем просто — не теряя из виду берега. До осенних штормов оставалось еще месяца полтора, солнце грело, но не припекало, так что эту часть пути матросы считали самой приятной, тем более что в Гердене брали свежую воду, зелень, овощи, свежее и копченое мясо вместо надоевшей солонины и пять дней блаженствовали, как на райском облаке.

Для Ганса это было первое плавание. Мальчишку отдала на флейт его мать, вдова капитана Сельтера. Она привела его, когда стояли в Виннидау, ожидая груза. Капитан Гросс был, видимо, предупрежден и принял Ганса без долгих разговоров. А команда побожилась, что никто его не обидит.

Сельтера помнили и уважали. Владелец «Варау» арматор Эрнст Схуттен был в каком-то давнем загадочном долгу перед Сельтером — то ли капитан его самого спас, то ли кого-то из родни. Экипаж понимал: если не вернуть такой долг сыну покойного, то прощай арматорская репутация.

— Придем в Герден, возьмем тебя в гости к старому Ансу

Ансену, и к Фрицу Альтшулеру, и к Матти Унденсену, — пообещал дядюшка Сарво, когда Ганс притащил мешок с трепыхающимся и вопящим попугаем. — Это настоящие морские ястребы. Вот пусть они тебя благословят на морское дело. Всякий раз, заходя в Герден, будешь их навещать. У нас на «Варау» так заведено: кто-то к ним приходит, рассказывает новости, передает подарки. Я-то уже сам скоро к ним в кубрик переберусь. Вот только в Вердинген схожу, с сестрой и племянниками повидаюсь. А потом все, на вечный прикол.

К ним подошел Георг Брюс, молодой помощник капитана.

— Ну что, дядюшка Сарво, завтра — к нашим старичкам? — спросил он.

— Сколько раз тебе повторять: на воде нет «завтра», а если есть — то с оглядкой на Стеллу Марис. Когда Стелла Марис доведет до гавани — вот так говори.

И боцман посмотрел на небо, словно оказывая этим уважение незримо парящей над волнами Стелле Марис, Звезде Морей, раскинувшей над охраняемым ею флейтом синее покрывало — того древнего синего цвета, который красильщикам не дается, хоть тресни.

— Когда Стелла Марис доведет до гавани, — послушно повторил Георг. И как не согласиться с человеком, который выучил тебя, совсем желторотого юнгу, вязать морские узлы за спиной?

В Гердене было три высоких колокольни, и с той, что ближе к берегу, прозванной Длинной Мартой, обычно следили за побережьем и окоемом зоркие мальчишки. На рассвете они издали высмотрели и узнали «Варау». Когда флейт неторопливо приближался к гавани, навстречу уже вышли лодки с таможенниками и береговой охраной. Судно встало на рейд, капитан Гросс уладил все формальности, а на берегу уже ждали купцы, носильщики и сам Эрнст Схуттен.

После полудня Георг, дядюшка Сарво и маленький Ганс сошли на берег. Ганс все имущество оставил в кубрике, и ему доверили нести клетку с Вредителем. Полное имя попугая было Утти-Вредитель-который-шкодит-под-палубой, хотя звать его именем Утти было опасно — бесенок, являвшийся и виде большой крысы с мохнатым, как у белки, хвостом, мог устроить пакость. Говорили, что раз в одиннадцать лет он находит себе любимчика и помогает ему, как умеет. Фриц Альтшулер рассказывал надежным людям, что, когда «Дева Гольда» затонула и матросы спасались вплавь, он видел утти — тот плыл на пустом ящике и показывал дорогу к отмели; отмель была далеко от берега, но, если знать приметы, можно было выйти на сушу

пешком, всего лишь по грудь в воде.

Попугай тоже был шкодлив, но на «Варау» решили, что для стариков в богадельне такой подарочек в самый раз, — пусть они там с Вредителем ссорятся и мирятся, лишь бы не скучали. Тем более что старики уже как-то намекали: неплохо бы завести такое развлечение, а уж они найдут, чему птичку научить.

Шли торжественно: впереди Георг Брюс, красиво причесанный на прямой пробор и подвивший кончики русых волос, в лиловом бархатном кафтанчике и таких же штанах, в дорогих сапогах из рыжей испанской тисненой кожи; за ним вперевалочку боцман в кожаной куртке без воротника и в новых синих парусиновых штанах, заправленных в сапоги из тюленьей кожи; последним — Ганс в синей курточке юнги, с алым шейным платком, в коротких штанах и туфлях на босу ногу, ибо роскошь юнгам не полагается. Ганс держал на плече клетку, замотанную в парусину, и Вредитель время от времени оттуда орал скрипучим голосом. Польза от этого была такая, что прохожие шарахались и уступали морякам дорогу.

Дядюшка Сарво нес на плече скатку, в которой моряки часто таскают имущество. Он собирался оставить скатку в кабачке вдовы Менгден, с которой у него тридцать лет назад были какие-то причудливые отношения. А Георг взял с собой сундучок с подарками для всей семьи. Семья летом жила за городом, и он на пару часов оставил сундучок у той же вдовы. Она же, зная повадки дядюшки Сарво, быстро собрала корзину с провиантом: хорошо запеченной буженины, мягкими булками, луковыми пирогами и прочей снедью, недоступной во время плавания. Туда же старый боцман сунул две бутылки вина из своей скатки. Предполагалось, что всем этим он будет угощаться вместе со старыми товарищами.

— Теперь курс на богадельню, — сказал дядюшка Сарво. — Там нас уже заждались. Матти, поди, каждый день ходит к Длинной Марте узнавать новости.

Матросская богадельня была гордостью Гердена. Туда магистрат определял старых и не наживших семьи моряков. Обычно это были герденские жители, но случалось, что брали из Гольда, Абенау или Глейерфурта, если эти города оплачивали место. Опять же арматоры пристраивали в богадельню своих людей, невзирая на происхождение. И те же арматоры строго следили за тем, чтобы стариков хорошо кормили, вовремя меняли простыни, при необходимости звали к ним врачей. Всякий, кто нанимался, скажем, на судно к Схуттену, или к его троюродному брату Велле, или к их конкуренту Абелю Цумзее, мог быть уверен — помирать на старости лет от голода под забором не придется.

Но не бывает ведра варенья без птичкиного подарка из поднебесья: в богадельне настрого было запрещено распитие хмельных напитков. За пьянство могли выгнать — и выгоняли. Слоняйся тогда по дорогам, ночуй в стогах, выкапывай на полях мерзлую репу и брюкву.

Еще выгоняли за воровство, если удавалось найти доказательства. И за злостное нарушение порядка. Богадельня просыпалась в шесть утра, в половине седьмого подавали завтрак, в полдень — обед, в четыре — простоквашу с хлебом и в девять — ужин, а в постель следовало лечь в десять. Если опоздать раза два к столу — конечно, ничего не будет. Если опозданий накопится с десяток — смотритель Карл Липрехт отругает. Ругань не поможет — ступай, разгильдяй, искать ветра в поле! Но такой беды еще ни разу не случилось.

Богадельня занимала целый дом в том же квартале, что и Длинная Марта. Это был квартал старинных каменных амбаров, и те из моряков, что покрепче, нанимались иногда дневными сторожами. Они знали всех, кто трудился при амбарах, и их все знали. Магистрат делал вид, будто не замечает этого крошечного противозаконного приработка.

Дом для моряков купили у разорившегося купца Адельстрахта вместе с запасами постельного белья, кроватями и тюфяками. Починили черепичную крышу и установили великолепный флюгер с вырезанным из жести трехмачтовым парусником — пусть все видят, что дом непростой.

Перед богадельней была маленькая мощеная площадь с фонтаном и большой каменной лоханью — поить лошадей. На краю лохани сидели двое мальчишек и пели песню, которой явно научились у старых моряков. Дядюшка Сарво и Георг узнали ребят — они кормились от богадельни: бегали с поручениями, помогали на кухне.

Гости обошли фонтан, и тут заметили неладное. На каменных скамьях справа и слева от входа никто не сидел с мужским рукоделием: не резал деревянные игрушки, не плел сетки для рыбацких сачков. Окна богадельни были закрыты ставнями. А на двери висел большой замок.

— Эй, детки, что эта капридифолия значит? — спросил ребят дядюшка Сарво.

— А то и значит, что накрылась богадельня осиновым ушатом, — совсем по-морскому выразились детки. — Завелась в ней какая-то заразная хворь, и всех вывезли за город. Чтобы мы ее не подцепили.

— Что за хворь? — строго спросил старый боцман. — Как выглядит?

— Да никак не выглядит. Просто приходим мы утром, а дверь заперта. Нам сторож Черепахиного амбара сказал, там теперь ночным сторожем Вильгельм Отто, который из береговой стражи, — объяснили ребята. — Он после заката заступает на вахту, но приходит раньше — сидит на тюках, болтает с грузчиками. Он видел, как наших старичков увозили. Теперь вот ждем: может, хворь кончилась и тех, кто жив, обратно привезут?

— Всех, выходит, увезли, — уточнил дядюшка Сарво. — И кастеляншу? И стряпуху? И старого зануду Липрехта?

— Всех-всех…

Черепахин амбар был сразу за Верблюжьим амбаром, напротив Змеиного амбара — названия им дали по большим каменным животным над воротами. Хозяин десять раз сменится, улице другое имя дадут, но никому и в голову не придет отковыривать каменную черепаху весом в триста фунтов.

К Змеиному амбару сбоку был пристроен кабачок «Люсинда» — там и сели, решив, что до заката вполне можно пообедать. Простой люд, приходивший в «Люсинду» поесть каши со шкварками, ничего толком о богадельне не знал, разве что был благодарен магистрату, так решительно пресекшему заразу.

Вильгельма Отто прождали долго, и за это время дядюшка Сарво перебрал все известные ему заразные хвори, включая черную оспу, рябую оспу, бубонную чуму, горловую чуму и всю ту дрянь, которую можно подцепить у гулящих девок. Насчет девок Георг усомнился — хотя их в портовом городе больше двух сотен, но городскому врачу вменено в обязанность раз в месяц их осматривать. Другое дело, что девками занимаются его ученики и могут по неопытности проворонить важные приметы. Но Герден тем и славится, что портовые девки — относительно чистые. Они и сами о себе заботятся, подозрительного гостя могут спустить с лестницы. Иначе виновницы неприятностей будут пороты на городской площади и выкинуты из Гердена навеки.

— Нет, это не девки виноваты, — согласился дядюшка Сарво. — Но посуди сам, сынок, хворь прицепилась к одному-единственному дому во всем городе. Что-то тут неладно.

Вильгельм Отто, придя, подтвердил: да, неладно. Старых моряков увезли в закрытых повозках среди ночи. Сопровождала их особая стража — отряд помощников городского палача, более двадцати человек. И не потому магистрат платил жалованье такой ораве, что преступлений совершалось множество, а просто в их обязанности входил и вывоз всякого мусора, включая самый вонючий. Это было дурным знаком — значит, все-таки зараза…

— И что, молча позволили себя увезти? — спросил Георг.

— Сдается мне, уж до того были больны, что и голоса

поднять не могли, — ответил Вильгельм Отто. — А вот кое-что оставили. Я как раз вышел на угол поглядеть, как повозки отходят, так из последней вылетел перстень и — звяк!

— Какой перстень?! — прямо зарычал дядюшка Сарво.

— Серебряный. Я его руками брать-то побоялся, поддел на палку и в щели схоронил. Мало ли, какая зараза? Вот выяснится, что…

— Веди, показывай! — хором закричали Георг и дядюшка Сарво.

Щель была между серым камнем амбарного фундамента и пурпурно-синим камнем брусчатки, которую магистрат закупил чуть ли не в Свенске. Послали Ганса за палочкой, с трудом выковыряли перстень, и дядюшка Сарво, разглядев его, сказал прямо:

— Сынок, дело неладно. Знаешь, что это?

— Нет, не знаю, — честно признался Георг.

— Это когда «Северную деву» выкинуло на Эрхольм, парни, что там две недели просидели, получая в день полкружки пресной воды и две галеты, как-то ненароком спасли сундук с золотой посудой. Арматором «Северной девы» был отец Абеля Цумзее — Гильберт Цумзее, тот еще пройдоха. Но он парней отблагодарил и всем, кто уцелел, подарил, кроме денег, еще серебряные перстни. А на них, чтобы помнили, велел носовую куклу «Северной девы» изобразить — ну так вот она. Матти как раз был на Эрхольме. У него и у Анса Ансена были такие перстни… нет, вру, еще Петер Шпее — Петер-толстяк, помнишь, он еще спьяну забрел на «Морского ангела» вместо «Доротеи» и потащился не в Вердинген, где его ждала невеста, а на юг, в Порту-Периш… — дядюшка Сарво задумался, вспоминая. — Впрочем, он и в Порту-Периш на ком-то чуть не женился… Вот он тоже носил такой перстень, а получил его от брата. Брата сожрала гнилая горячка на обратной дороге из Норскеншира… должна же быть хоть какая-то память…

Старый боцман загрустил было, но опомнился.

— Давно это было, сынок. Еще твой батюшка был в небесах безгрешной душенькой и приглядывался, в какое бабье чрево вселиться…

Георг с любопытством разглядывал толстый серебряный перстень, надетый на палочку. Узнать в причудливой загогулине женскую фигуру было мудрено. Он не сразу вспомнил, что «северными девами» в Абенау называют хвостатых сирен, а рисуют их так, что задранный раздвоенный хвост торчит у «девы» за спиной, образуя над плечами нечто вроде крылышек. Но дядюшка Сарво был прав — такой перстень уж ни с чем не

спутаешь.

— Если так, то дядюшка Матти с этим сокровищем добровольно бы не расстался, — сказал Георг. — Он ведь даже не носил перстень, а где-то прятал.

— Поди поноси, когда пальцы распухли и стали хуже клешней, — возразил старый боцман. — У него эта болезнь завелась от сырости. Анс свой перстень тоже не носил, тоже прятал. Но он мне сказал как-то, что хочет лечь с этим перстнем в могилу. И надо же — уезжая, кто-то из них потерял такую памятную вещицу…

При этих словах дядюшка Сарво как-то туманно посмотрел на Георга.

— Да, мне тоже кажется, что перстень из повозки выбросили нарочно, — ответил на взгляд Георг. — Что-то этим наши старички хотели сказать.

— Давай думать, сынок. Но сперва заплати-ка пару грошей Вильгельму Отто. А перстень мы заберем.

— Как это заберете?! — возмутился сторож.

— Очень просто, — дядюшка Сарво снял находку с палочки и с трудом надвинул на толстый палец. — Заразы в нем никакой нет. Это и мальку глупыша ясно. Потому его и выбросили, чтобы простак вроде тебя подобрал да по всему Гердену раззвонил. Рано или поздно про перстень бы услышали те, кто помнит его историю. Говоришь, в Северные ворота их увезли? И среди ночи ворота для повозок отворили?

— Да. А двух грошей мало, — заявил сторож.

— Дай ему, сынок, третий грош, и пусть угомонится.

Потом дядюшка Сарво взял курс на кабачок «Мешок ветра», велев Гансу идти следом с клеткой.

— Привыкай, детка, — так он сказал. — Сегодня я еще не дам тебе напиться, но однажды ты по-настоящему надерешься до свинского образа под моим бдительным руководством. Ты должен знать, что это такое. А господин Брюс должен знать, каков ты во хмелю. Потому что через два года капитан Гросс уступит место капитану Брюсу.

Георг улыбнулся: он не только дни, а даже часы считал до этой заветной минуты.

— Но я к тому времени окажусь уже в герденской богадельне. Ты будешь приходить ко мне, сынок?

— Не говори глупостей, дядюшка Сарво, — одернул его Георг. — Всякий раз, заходя в Герден, буду приходить к тебе и звать тебя в «Мешок ветра». И диковины буду тебе привозить. Помнишь, как мы выменяли свенскую лодку из тюленьих шкур на бочонок пальмового вина?

— Не вздумай привозить пальмовое вино — оно мне не понравилось.

В «Мешке ветра» Георг взял себе и боцману по кружке пива, Гансу — портера, который даже невинным девицам пить дозволяется. На закуску спросили копченого угря, серого хлеба с тмином, горячих яичных лепешек.

Владелец кабачка Эммерих Адсон был когда-то судовым коком, но служил на военном судне и стряпал для господ офицеров. Про него рассказывали, что, когда его линейный корабль выходил из порта, на верхней палубе всякое свободное местечко бывало занято клетками с курами и гусями, а на носу он мог устроить загородку для поросят. Он знал дядюшку Сарво с незапамятных времен. Не то чтобы он уважал боцмана — не может человек из семьи южных Адсонов уважать варвара с островов. Скорее, он покровительствовал дядюшке Сарво, как аристократ — добропорядочному плебею. А вот по отношению к Георгу Брюсу он сам был неумытым варваром — капитаны Брюсы уже лет двести командовали Адсонами на море и на суше. Поэтому приглашение Георга присесть к столу Эммерих принял поспешно и даже с той суетливостью, которую полагал признаком хорошего тона.

— Что знаете вы, любезный герр, о заразной хвори в матросской богадельне? — напрямую спросил Георг.

— Ее могли гости притащить. Незадолго до того приходил «Святой Андреас», доставил вино, сушеные фрукты, железо, медные листы. Мы тут всех перебрали — не иначе оттуда кто-то в богадельню приходил. «Святой Андреас» всего два дня стоял у пирса. А все эти курага, финики, инжир — с юга. Оттуда только и жди хвори.

— И куда делись курага и финики с инжиром? — спросил дядюшка Сарво.

— Роллинген все забрал. Это для него и привезли.

— Значит, Роллинген сейчас торгует заразой? — удивился Георг. — И никто во всем Гердене ее не подцепил?

— Вот потому и не подцепил, что у Роллингена отказались брать сушеные фрукты. Он весь груз и увез куда-то в сторону Зеберау.

— Вот мерзавец! — возмутился боцман. — Значит, только в богадельню заразу принесли. И что, скоро она проявилась?

— Сразу, — ответил кабатчик. — Днем я видел старого Матти. Он очень бодро шел по рынку. Он еще и бегает почище любого молодого.

— С чего это старый хрыч вздумал бегать?! — дядюшка Сарво не то чтобы просто удивился, а у него глаза на лоб полезли.

— Я так полагаю, не хотел с герром Горациусом встречаться. Я как раз выбирал в овощном ряду капусту и видел: Матти, заметив Горациуса, повернулся и поскакал, как молодой козел. Чего-то они, видно, не поделили. Может, Матти пытался выпросить у Горациуса, чтобы кормили лучше.

— Не тот он человек, чтобы ходить в магистрат попрошайничать, — возразил боцман.

— Но герр Горациус сам был в богадельне. Что-то он там проверял. Может, тогда и повздорили, — предположил Адсон. — Я только то знаю, что днем видел Матти, а ночью всех из богадельни увезли.

Кабатчик не рассказал бы всего этого, но он видел, что Георг Брюс не просто так молчит, а слушает очень внимательно — значит, дядюшка Сарво ведет расспросы по его приказанию.

Георг был еще очень молод — что такое двадцать лет для моряка? Он и помощником капитана служил всего полгода — родня уговорилась с Гроссом, чтобы тот готовил себе достойную смену, и хорошо заплатила: дочка Гросса и ее муж смогли купить домик, на который давно положили глаз, в рассрочку, с ничтожным процентом. Через два года в этом домике поселился бы и Гросс, нянчил внучат, баловался резьбой по дереву. Так что Георг Брюс в силу молодости, приятной внешности и спокойного характера был общим любимчиком — и родня о нем заботилась, и капитан Гросс с ним возился, и даже дядюшка Сарво, которому нелегко было угодить, признал в нем будущего капитана. Правда, боцман собирался списаться на берег, вот только сходит в последний раз в Вердинген повидаться с сестрой, а из Вердингена — прямым ходом в герденскую богадельню. Но матросы с «Варау» слышали об этом еще года четыре назад, и ничего — как-то обходилось.

Боцман знал Георга еще мальчишкой, вроде Ганса, и между ними как-то сложилось особое взаимопонимание. Боцман задавал именно те вопросы, которые приходили на ум Георгу, только он бы не выразил их словами столь кратко.

Георгу захотелось спросить, был герр Горациус в богадельне один или его сопровождал кто-то из ратсманов. Дядюшка Сарво спросил, и оказалось, что с Горациусом был только его слуга Кристоф.

— Причудливое дело, — сказал боцман. — Одно слово — капридифолия.

— Пора нам на судно, — объявил, вставая, Георг. — Герр Отто, не хотите ли приютить нашего попугая? Деньги на корм мы оставим. Он ученый, знает десяток слов, вашим гостям понравится.

Попугай глядел сквозь прутья с таким видом, будто желал сказать: ни слова вы от меня в жизни не добьетесь.

Кабатчик знал, что попугая привезли в подарок старым матросам, и пообещал, когда странная история с заразной хворью кончится, отдать его в богадельню — если только в Гердене еще будет богадельня.

Когда Георг, дядюшка Сарво и Ганс вышли из «Мешка ветра», было уже темно.

— Отойдем подальше, — сказал боцман. — Этот Эммерих Адсон ненадежный человечишка. А потолковать надо…

— Да, — согласился Георг. — Но где? Если ворота заперты, то на «Варау» мы уже не попадем.

— У моей вдовушки. Она, конечно, дура, но тридцать лет хочет за меня замуж. Может, и не выдаст. Ганс, обо всем, что слышал и услышишь, молчи, как рыба сомус. Понял?

Насчет рыбы сомус никто не знал, существует она в природе или боцман зачем-то ее выдумал, как непонятную капридифолию. Очевидно, рыба умела молчать покруче всех прочих рыб, но как ей это удавалось — матросы гадали уже по меньшей мере сорок лет.

Вдова Менгден уже спала, но услышала знакомый стук в окошко и впустила гостей. Более того, выдала им тюфяки и одеяла. А боцман милостиво позволил ей присутствовать при мужском разговоре.

— Такие перстни сами с пальца не скатываются и дырку в повозке не ищут, — сказал он. — Эти старые хитрецы в богадельне прекрасно знают, когда ждать «Варау», или «Белого ястреба», или ту же «Прекрасную Матильду». Когда их увозили, они сообразили, что вот-вот кто-то из нас придет к ним с гостинцами, станет доискиваться правды и расспрашивать соседей. Вот что они хотели нам сказать: мы в такую беду попали, что утрата заветного перстня по сравнению с ней — тьфу!

— В таком случае, где-то на дороге от Северных ворот они могут выбросить и второй перстень, и третий, — предположил Георг. — Ведь если кто-то из моряков догадается, что старики в беде, то станет их разыскивать и расспрашивать крестьян по обе стороны северной дороги.

— Что скажешь, Ганс? — спросил дядюшка Сарво мальчика. — У тебя взгляд свежий, голова старой рухлядью не забита. Ну, говори?

— Хочешь сказать, что у меня голова забита старой рухлядью? — вдруг возмутилась вдова Менгден. — А вот спросил бы меня про богадельню, я бы много чего порассказала!

— Эти бабы! — воскликнул боцман. — Ну, что ты такого

можешь знать о Фрице Альтшулере? Или о Петере Шпее? То, что тебе расскажут стряпуха Грета или кастелянша Фике? Ты славная красотка, милочка, но в мужские дела тебе лучше не соваться.

Георг с подозрением посмотрел на вдову Менгден. Вот уж кого не назовешь красоткой! Вдова была тоща, как вяленая селедка, и профиль имела какой-то селедочий. К тому же она была на полголовы выше дядюшки Сарво. Георг имел свое понятие о союзе мужчины и женщины: одним из правил такого союза была разница в росте на те же полголовы, но в пользу мужчины. Он не понимал, как мужчина может затевать шашни с женщиной, которая выше его ростом: это ж и поцеловаться толком невозможно! Прыгать перед ней, что ли?

— Я могу и помолчать, мой красавчик, — ответила вдова. — Но кто тебе тогда расскажет, какого страха натерпелась бедная Грета, когда этот жуткий гость ратсмана Горациуса шарил по всем углам. Вот на второй день после того, как Горациус его приводил, богадельню и прикрыли.

— Что еще за гость? — вместо боцмана спросил Георг.

— Ох, этого никто не знает. Он нездешний, — сказала вдова. — Я даже не представляю, какая земля плодит таких уродов. Штаны у него были, как у сапожника из Глейерфурта, с кожаными заплатками на ляжках. Чулки черные, как у этих сумасшедших братьев-обличителей, которые проповедуют, будто море высохнет, а дно загорится; вы таких еще не встречали? Да, главное забыла! Шляпа на нем была остроконечная — вроде тех, какие надевает братство мельников на осеннее шествие, только мельники повязывают зеленые и желтые ленточки…

— Что я тебе говорил, сынок?! — радостно заорал дядюшка Сарво. — Она только штаны и разглядела!

Впрочем, вдова описывала урода со слов стряпухи, а та действительно обратила внимание лишь на одежду — чего ей уродскую рожу разглядывать? Вспомнились еще длинные седые волосы — хоть косы из них плети, причем седина совсем старческая, желтоватая. Но кое-что путное вдова рассказала: гость ратсмана Горациуса так шарил по всей богадельне, словно искал что-то крошечное; не найдя, поссорился со старыми моряками и убежал жаловаться. На следующий день приходил сам ратсман, пытался чего-то от них добиться, толковал с каждым наедине. И уж после того богадельню вывезли.

— Может, из-за хвори они спорили? — спросила вдова. — Может, этот урод все-таки доктор? Доктора, конечно, ходят туда, где заразная хворь, с красными носами… но кто его, урода, разберет…

— А что, из герденских зубодралов и костоправов никто не

приходил в богадельню с красным носом? — И вдова Менгден, и Георг имели в виду приметный головной убор врачей, зеленую шляпу с приделанной к ней маской, а из маски торчит на три гольдских дюйма алый носище с дырками, набитый изнутри всякими хитрыми благовониями, чтобы врач, втягивая воздух, дышал ими, а не заразой.

— Да нет, не видели… Ах ты, Дева-Спасительница, Стелла Марис, неужто и Грета, и Фике теперь вместе с нашими стариками помрут? — запечалилась вдова. — Они и жизни-то хорошей не видали, бедняжки мои…

— Итак! — поспешно провозгласил боцман, чтобы не дать своей давней подружке разрыдаться. — Что мы имеем? Мы имеем урода, которого никто не сможет опознать, если у него хватит ума перерядиться, скажем, в штаны гольдского свинопаса, которые выше колена, и надеть матросскую кожаную шапку с назатыльником! И мы имеем ратсмана Горациуса, который наверняка что-то знает о стариках. И перстень. Это — все. Что скажешь, сынок?

— Скажу, что нужно пойти по следу повозок, — сразу решил Георг. — Наши старички не сапожной дратвой сшиты и не липовым лыком подбиты. Если они решили оставлять на пути знаки, то найдут способ!

— И это будут знаки, понятные только нам, морскому народу, — согласился дядюшка Сарво. — Значит, нужно, как только откроют ворота, возвращаться на «Варау». Доложим капитану Гроссу, пусть снаряжает экспедицию. Нельзя своих в беде оставлять — Стелла Марис накажет.

— Дядюшка Сарво, — подал голос Ганс. — Я всюду залезу… я в самые узкие окошки лазил…

— В погреб за сметаной? — сразу догадался боцман. — Цыц. Экспедиция будет опасная, это не с мальчишками за яблоками…

— Да нет же! Я вот что… я в богадельню залезу! Через чердачное окошко! Может, там еще какой знак оставили?! — завопил Ганс. — Я все комнаты обойду! Всюду посмотрю! Дядюшка Сарво, господин Брюс, пустите!

— Сами хоть к рябому черту в кровать полезайте, а дитя не смейте посылать! — возмутилась вдова, но боцман и Георг нехорошо переглянулись. И больше уже не слушали, что она там выкрикивала и чем грозилась.

Замысел Ганса был прост. Улицы в Гердене узкие, кровли черепичные, с каменными фигурами по углам, чуть ли не над каждой дверью — каменные фронтоны, иные с зубцами, иные с фальшивыми окошками. На крышу богадельни можно попасть с крыши соседнего амбара, а то и просто перекинуть доску

мостиком к чердачному окну.

По дороге боцман объяснял Гансу про рябого черта — это было герденское словечко, и мальчик его не знал.

— Черт заставляет людей совершать дурные поступки и платит чертовым серебром. Но беду можно исправить, если набрать ровно столько серебра, сколько от него получено, подкараулить его — и швырнуть ему всю горсть прямо в гнусную харю. Честное серебро его обжигает, вот почему у него рожа вся в мелких дырках. Только выследить черта трудновато, — боцман вздохнул. — Но если поможет Стелла Марис, если закроет черту дорогу белым крестом…

— Как это, дядюшка Сарво?

— Сам я ни разу белый крест не видел, врать не стану, а знающие люди говорили: вдруг возникает непонятно откуда и висит в воздухе. Иногда из того, что Стелле Марис под руку подвернется. Ансен говорил, что ему покойный капитан Ярхундер рассказывал, будто бы однажды на юге его дед видел, как в таверне взлетели со стола белые тарелки и составили в воздухе крест.

Георг вполуха слушал давно известную ему историю и думал, где среди ночи раздобыть длинную доску. В том, что Ганс преспокойно пройдет по ней двенадцать футов над улицей, в потемках, на высоте третьего этажа, он даже не сомневался.

Время было позднее, по улицам уже ходил ночной дозор, а морякам с ним лучше не встречаться — вражда застарелая, закаменевшая, уже за пределами разума, не говоря о милосердии. То есть встречаться можно — если бойцов хотя бы поровну. Но в дозоре обычно четыре человека, а моряков на сей раз всего трое.

Дозорные дали о себе знать издали — магистрат распорядился одевать их в нагрудные доспехи и выдавать алебарды с колечками. Эти колечки, надетые пониже лезвия, производят звон, заслышав который, злоумышленники убегают. Таким манером и преступление предотвращается, и стражи порядка остаются целы.

Моряки притаились за каменной скамьей у входа в хлебную лавку. Скамья была такая, что и слона бы выдержала, да еще украшенная столбом с каменным кругом, а в круге — чего только нет! Даже слепой, подойдя и ощупав резьбу, понял бы, что заведение принадлежит старому роду: знак этого — двойной крест, что в заведении пользуются скалкой, а что предки хозяина из Хазельнута — шесть орехов в овале. Кроме того, в круге было Божье древо — очень сильный оберег от нечистой силы. Для той же нужды служили страшные каменные рожи: одна сбоку на стене, а две по углам кровли.

Дозор прошел, можно было вылезать.

— А может, обойдемся без доски? — спросил боцман. — Ганс, ты ведь сможешь встать на плечи господину Брюсу и ухватиться за карниз?

Площадь перед богадельней была кое-как освещена — горел фонарь на Конском амбаре, другой был у сторожа, что спал в нише, устроенной в стене Куропаткиного амбара. Можно было пересечь площадь, не рискуя свалиться в каменное корыто под фонтаном.

При скамьях у дверей богадельни тоже красовались столбы с кругами. Только резьба на кругах была сравнительно новая и очень мудреная: там и малый герб Гердена имелся, с крепостной башней, львом и грифоном, и фамильные знаки арматоров, давших деньги на богадельню, а посередке — силуэт Стеллы Марис, Звезды Морей, как полагается, с расходящимися лучами.

За столбами виднелось что-то светлое, тускло-белое, почти призрачное.

— Стоять… — почти без голоса приказал боцман.

Тускло-белое шевельнулось. Похоже, оно зевнуло и, сидя, потянулось — до легкого и приятного напряжения во всех мышцах. При этом и ноги показались из-за каменного столба.

Это были женские ноги — маленькие, в открытых туфлях на изогнутом дюймовом каблучке.

— Девица?.. — удивился Георг. И хотел было добавить, что красавица выбрала странное место для свидания, но боцман с силой сжал его руку.

— Мертвая невеста… — прошептал боцман. — Сыночки, бежать надо, бежать скорее…

— С чего ты взял? — спросил Георг. — Что ей делать возле богадельни?

— Вот тут-то им самое место… — дядюшка Сарво вцепился в локоть Георга и поволок прочь от богадельни. Ганс отступал, пятясь и не отводя глаз от девицы.

Не то чтобы Георгу было страшно, даже страшновато не было. Скорее, как-то тревожно. Тревога была естественной: двадцатилетний моряк за весь шестимесячный поход только в портовых кабаках и видел женщин — страшных, как тот самый рябой черт, а тут встретил вдруг красавицу, и в голове сразу же стали разворачиваться свитки с живыми картинками знакомства и первого объятия. Винить за это моряка нелепо — если речь о простой девице из хорошей семьи, то тревога, предвестница любовного томления, даже похвальна. Однако девица вряд ли была из хорошей семьи…

Услышав невнятный шум, она выглянула из-за скамьи. Но

моряки были уже за фонтаном.

Оттащив будущего капитана Брюса за угол, дядюшка Сарво вздохнул с облегчением и утер со лба крупные капли пота.

— Уф, пронесло, — сказал он. — А ведь сколько народу мертвые невесты увели на седьмую мель! Ведь они, говорят, слепые, им все равно, кого уводить, они мужчин нюхом находят, верхним чутьем или как это называется…

— Да знаю я про мертвых невест, — буркнул Георг. — Слепые, но с когтями, как у морского ястреба. Вцепятся в парня и тащат за собой. Бр-р… Ты объясни, чего им у богадельни-то делать? В кого вцепляться?

— Так я ж толкую! В богадельне кто? Те, кто жениться не удосужился! А как ты полагаешь, Анс Ансен, или Матти Унденсен, или Петер-толстяк жили, словно целомудренные братья из Вердингенской обители Святого Бруно? Да и те, бывает, через каменную стену высотой в восемь футов перемахивают и в Ластадское предместье бегут на всю ночь. Нет, у Матти в каждом порту по невесте было, и всем жениться обещал! А когда такая невеста, которой обещано, помрет до венца, то… слушай, Ганс, тебе это полезно!..

Ганс и без того глядел на боцмана круглыми глазами, разинув рот.

Георгу показалось странным, что мальчишка из Виннидау, выросший в порту, не знает о мертвых невестах. Но он сообразил: мать, капитанская вдова, наверное, отправила его к родственникам, подальше от воды, а там его растили, пока не поумнел и сам не запросился в море.

— …то она после смерти приходит туда, где моряк живет, требовать, чтобы сдержал слово, — зловещим шепотом продолжал дядюшка Сарво. — Но Бог взамен этой способности к загробному хождению берет у нее зрение. И вот находит она жениха, а может, и кого другого, и вцепляется когтями, и тащит его венчаться — сперва на берег моря, потом по воде, по воде, все глубже, глубже, вот его с головой накрывает, и вдруг она его к первой мели выводит, и опять ведет, и опять заводит на глубину, и ко второй мели выводит… и так до седьмой! А седьмая мель, сыночки, она уже не в нашем море, а вообще невесть где! Ей по природе быть не положено… с моря-то к ней еще никому подойти не удавалось, только к третьей мели подходят, и то, если не знают, дураки, как обойти… И он, жених, там остается, а она убегает. И он сам сидит в воде и не знает, в какую сторону выгребать. А вода там особая — она тело не держит, вот такая…

— Как это не держит?.. — спросил перепуганный Ганс.

— А так, сразу на дно ложишься. Она вроде воздуха, та вода,

говорят, можно научиться ею дышать и тогда пешком по дну уйти с седьмой мели. Но я что-то таких, которые ушли, не встречал. А про тех, кого мертвые невесты увели, знаю. Вот если увидишь ночью, что идут моряк и девица в подвенечном платье, в серебряном веночке, так прячься скорее — это мертвая невеста жениха уводит!

— Дядюшка Сарво, не может быть, чтобы эта красавица пришла за Матти, — возразил Георг. — Что же она, сорок лет ждала, а теперь, когда самому Матти уже пора помирать, заявилась?

— Может, она не за Матти, а за Харро Липманом? Он-то еще совсем молодой, пятидесяти нет. Ты его не знаешь. Его потому в богадельню взяли, что ногу в южных морях потерял — чуть ли не акула откусила. А может, врет про акулу, — боцман хмыкнул.

— Что-то я серебряного веночка не приметил… Ганс, а ты? — спросил Георг.

— Венок был. Зеленый, по-моему… — неуверенно сказал мальчик. Он видел голову девицы всего лишь долю мгновения, а два фонаря на другом конце площади позволяли только различить светлое и темное.

— Миртовый! — воскликнул дядюшка Сарво. — Ну точно, мертвая невеста! Они и в миртовых венках по ночам бегают! Мирт — невестино растение. В Абенау девочка с десяти лет начинает кустик растить, чтобы к свадьбе нарезать веток на венок. У иной целое дерево вырастает, пока на нее хоть кто-то польстится.

Тут Георга вдруг прошиб холодный пот. Он вспомнил — еще юнгой, когда ходил на «Морском змее», видел плывущий по воде миртовый венок. Тогда капитан распорядился выудить его, не касаясь руками, высушить и сжечь, почему — не объяснил.

— Пойдем отсюда, — сказал он. — Если в это дело мертвые невесты впутались…

— …и хворь на богадельню наслали! — догадался боцман. — Только погоди, сынок! При чем тут тогда повариха с кастеляншей? Их-то за что карать? Мертвые невесты женщин и девиц не обижают!

— Темное дело, — ответил Георг и задумался.

Перед глазами так и висела картинка: две ножки в легких туфельках, две маленькие ножки с высоким подъемом, изгиб которого загадочным образом волновал душу покруче любых обнаженных женских прелестей в портовых кабаках.

— Опять же, если мертвые невесты уж наказали богадельню, чего им теперь-то ее охранять? — спросил боцман. — Ничего не понимаю! Одно знаю — лезть туда опасно. Вот что, сыночки, возвращаемся к моей вдовушке, у нее и подремлем до рассвета. А

потом — бегом на «Варау». Без капитана Гросса ничего затевать не будем!

— Да уж… — буркнул Георг.

Ему было не по себе. Будущий капитан не желал отступать перед трудностями, а возвращение на «Варау» было именно отступлением. Даже когда знаешь, что ночью ничего предпринять невозможно, все равно смутно на душе. И стыдно — за то, что минуту назад испытал такой страх.

Вдова Менгден, оказалось, спать не ложилась — какое-то мудреное бабье тринадцатое чувство подсказало ей, что моряки скоро вернутся.

— Я тебя знаю, Сарво, — сказала она, — ты не успокоишься, пока не найдешь Матти, и Анса, и даже Фрица, которого сам чуть не убил, когда он дорогое кожаное ведро утопил.

— Не успокоюсь, — согласился боцман.

— Ты ведь уговоришь капитана дать тебе парней и пойдешь с ними на север, искать следы нашей богадельни.

— Уговорю и пойду.

— «Варау» до Аннерглима и с неполной командой дотащится. Так что Гросс даст тебе парней с условием — если ничего не выйдет, чтобы они своим ходом двигались в Аннерглим, тем более что сушей до него вдвое ближе, чем водой…

— Э-э, э-э! — завопил, опомнившись, боцман. — Женщина, ты о чем рассуждаешь-то?! О морских делах?! Святого Никласа побойся!

— Голова-то у меня есть, а на что она дадена? — спросила вдова. — Чтобы рассуждать! Так что ты не ори, как будто тебя якорной цепью к борту притерло, а слушай. Я с вами пойду.

— Черный сосун из тебя разум высосал, — сразу отвечал боцман. И, сделав пальцами рога, потыкал ими, как полагается, перед собой и за собой, потому что с боков черный сосун не подкрадывается.

— Ты славно шьешь паруса, мой красавчик, — заявила вдова, — и прошитая тобой шкаторина годится, чтобы на ней поднимать большие вердингенские бочки, никакой шторм ее не порвет. И умеешь ты дешево купить хорошую пеньку, а канаты сращиваешь — даже ювелир в лупу не разглядит, где и как ты это проделал. Но только душа у тебя простая моряцкая, без затей…

— Как это без затей? А кто Манштейну с Лейхольма булыжники в сундук подложил? Так что он тащил этот сундук на горбу, что твой осел, и вся команда со смеху помирала? — возмутился боцман.

— Вот-вот, булыжники в сундук подложить — на это ты способен. А чего похитрее придумать…

— Молчи, красотка. Знаю я, для чего ты решила за нами увязаться.

— Ну и дурак.

Тем и кончился разговор.

Солнце еще не осветило медных наверший герденских колоколен, когда дядюшка Сарво, Георг и Ганс уже стояли у городских ворот, ожидая, пока труба даст сигнал растаскивать в стороны их тяжелые створки.

По ту сторону терпеливо ждали купцы, моряки, рыбаки со свежим уловом, крестьяне на повозках. Город поставлен был довольно высоко, еще в те времена, когда на островах строили большие плоскодонные лодки и шатались по морю в поисках добычи; войти в речку Аву, огибавшую Герден, островитяне еще могли, но брать город по своему обыкновению штурмом с воды не решались. К воротам, и Южным, и Северным, вели крутые дорожки, которые были так хорошо проложены, что при нужде их можно было закидать со стен всякой дрянью и сделать непроходимыми. Стены были надежные: внизу из серого камня, надстроены красным и бурым кирпичом, с башенками и пятью большими толстыми башнями. Шестую строили по договору с магистратом цех рыбников и цех скорняков, в долю вошли цех ювелиров и цех ткачей. Подмастерья поочередно стерегли ночами башню, а днем расхаживали очень гордые, с моряцкими саблями на перевязях. Башня потребовалась не столько для обороны, сколько для новых тюремных помещений: старая герденская тюрьма стояла посреди города, земля под ней сильно вздорожала, и магистрату выгодно было продать ее на слом и построить новую.

Как раз о башне толковали каменщики, вместе с моряками ждавшие, пока отворятся ворота.

— Удалось-таки отвадить нечисть, — говорил один. — Слышал, брат Демидиус из Зеберау нарочно приезжал, брызгал наговоренной водой, он умеет!

— Ох, не вернулась бы, — сказал другой. — Думаешь, кто спрятал под камнями мой мастерок и пояс?

— Брату Демидиусу веры нет, — вмешался третий, — а вот тому, кого приводит ратсман Горациус, вера есть! Помяните мое слово — он не напрасно в черных чулках ходит! У него нюх на нечисть! И это он нечисть отвадил.

Тут Георг, стоявший к ним поближе, стал прислушиваться. А потом потянул за рукав дядюшку Сарво. Боцман тоже наставил ухо и узнал, что нечисть, которая завелась на стройке, воровала пробки от фляг, да так ловко: вот только что пробка лежала на плоском камне, где разложены обеденные припасы, и — бац! — ее

уже нет. А потом ее вытаскивал из кармана человек, который вообще был в двадцати шагах от фляги, и сильно этому удивлялся. И после того как человек в черных чулках побродил вокруг строящейся башни, да чем-то побрызгал, да побормотал, зажмурясь, пакостей больше не было.

— Так, может, в богадельне эта самая нечисть завелась? — шепотом спросил боцмана Георг, отведя его в сторонку. — А горожанам сказали, будто хворь, чтобы не переполошить весь Герден.

— Но для чего тайно увозить старичков ночью? И что означает вот это? — боцман выставил толстый палец с серебряным перстнем.

— Я не знаю, но сдается, что ратсман приводил к башне того самого человека, который слонялся по богадельне и всюду совал нос… Вроде как тут концы с концами сходятся…

В этот момент завыла старая ржавая труба, с грехом пополам выводя сигнал «отворяя-яй, не зева-ай!». И через десять минут моряки уже стояли по ту сторону стены и глядели сверху на герденскую гавань.

Гавань была прекрасна. Во-первых, там были причалы для больших плоскодонок, чтобы разгружать стоявшие на рейде суда. Во-вторых — волнорез, любимое место летних гуляний девиц на выданье и их матушек. В-третьих — рукотворный канал, соединявший гавань с озером Герденданне, и широкий подъемный мост через этот канал. Поднимали его нечасто, и он тоже служил причалом, там мог даже флейт швартоваться, если точно знать время прилива и отлива. В-четвертых, у моста стояла деревянная башня, над которой развевался портовый флаг: два синих круга на красном поле, в правом круге золотой лев, в левом — золотой грифон. Наверху, под остроконечной крышей, висел большой фонарь с хитро устроенными стеклами и зеркалами, которые умножали свет от толстой свечи и делали его пронзительно-белым. Внизу жил маячный сторож.

Ранним утром вся гавань словно излучала свет: искрилась голубая вода, искрился золотой песок, даже серое дерево причалов преображалось, а паруса и вовсе становились розовыми.

— А в Виннидау рассвет лучше, — сказал дядюшка Сарво. — Конечно, если вовремя выйти из фьорда. В самом-то Виннидау моря за скалами не разглядеть, разве что залезть на крышу собора Святого Петера. В Гердене по-настоящему хорош только закат, откуда тут рассвету быть? А в Аннерглиме — ни рассвета, ни заката…

Моряки спустились к причалам и увидели шлюпку с «Варау» со знакомым знаком на борту — бело-синей полосой. В шлюпке

спал Корре Дринк. Он ждал загулявших матросов, ждал да и заснул. А они, надо думать, заснули в ином месте — в «Сорвавшемся якоре», или в «Веселом поросенке», или даже в «Старом штурвале». У Корре была беда: его жена сыскала где-то знахарку, а знахарка приготовила злодейское снадобье, которое раз употребишь — десять лет ни на вино, ни на пиво смотреть не можешь, а не то чтобы в рот взять. Так что капитан Гросс обычно употреблял Корре для таких дел, где нужна трезвая голова.

Четверть часа спустя моряки уже взбирались по трапу на борт «Варау».

Капитан Гросс обычно вставал с рассветом. Было у него любимое занятие — одевшись, умывшись и позавтракав, посидеть с полчасика на палубе, завернувшись в старый меховой плащ, с трубочкой, попивая горячий пивной суп с яйцами и пряностями. А если ни яиц, ни пива не имелось, то ему готовили не слишком бронебойный грог с тростниковым сахаром — такой, что старой деве впору, всего лишь стакан рома на полстакана красного вина с ломтиком лимона. Хотя дядюшка Сарво и считал лимон сущей капридифолией…

— Странная история, — сказал капитан, выслушав донесение Георга. — Она мне не нравится. Ты, Брюс, запомни — ни один капитан не бросает в беде своих стариков. А они попали в беду.

— Если вы позволите, капитан, я возьму пару ребят, и мы пойдем по следу, — предложил Георг.

— Правильно. Пару… Так… Дядюшка Сарво!

— Я! — бодро отозвался боцман.

— Не вредно тебе растрясти косточки на старой доброй земле… Ларре Бройт?.. А, юнкер Брюс?

— Пусть так.

Ларре был норовистым парнем, Георга слушался неохотно, но море — такое дело, что все выяснения отношений пресекаются капитаном сурово и, случается, членовредительно. Гросс предвидел, что Георг, сменив его через два года, получит в придачу ко всем капитанским заботам еще и склоку с Ларре. А списывать хорошего моряка с «Варау» он не желал и решил: пусть парни на суше разбираются, подальше от команды, один на один. Справится Георг, укротит бунтаря — Ларре останется на «Варау», не справится — Ларре уйдет, а у Георга будет с Гроссом тяжелый и неприятный разговор…

— Значит, Ларре… а второй…

— Я, капитан! — завопил Ганс, которому вообще-то полагалось без спроса рот не разевать. — Капитан, я всюду пролезу, я же тощий! Я и северное наречие помню, как в Вольмаре говорят, я там маленьким жил! Капитан, я все

разведаю!

— Цыц, — сказал ему дядюшка Сарво. — Сопляк прав, капитан, куда взрослый не пройдет, там мальчишку пустят. Вот говорят еще, что где рябой черт сам не управится, туда бабу подошлет…

— Бабу сам добывай. Значит, Брюс, дядюшка Сарво, Ларре, Ганс… Ну и хватит. Ступайте снаряжайтесь. Я дам вам на экспедицию двадцать талеров. Когда разберетесь, ступайте в Аннерглим. Если до дня Святого Карла не появитесь — начну вас искать.

Капитан насчитал четверых человек, а про бабу брякнул просто так. Но вдова Менгден увязалась-таки за экспедицией. И она придумала отличный способ покорить сердце дядюшки Сарво — раздобыла повозку и осла. Старый боцман здраво рассудил, что имущество и походные припасы лучше везти, а не тащить на плечах.

Дядюшка Сарво оказался прав — второй серебряный перстень с «северной девой» подобрали дети недалеко от Вейкена. Вдова Менгден, даром что страшна как смертный грех, а сумела подластиться к вейкенскому меняле, который главный свой доход имел не с обменных дел, а потому что тайно давал деньги под заклад, и именно к нему тащили ворованное и найденное. Перстень выкупили, детей нашли. Тут была большая польза от Ганса — он сумел вызнать от малышей, где именно валялась находка.

— На повороте, значит… А поворот куда? — спросил дядюшка Сарво.

Этого никто не знал. Моряки имели представление о дороге от Гердена до Аннерглима, но что там справа и слева — понятия не имели.

— В корчму! — первым сказал Ларре. Но как сказал! Будто он в команде главный. Хотя дать приказ полагалось Георгу.

— В корчму, — согласился будущий капитан. — Там объяснят.

И объяснили.

В давние времена, когда в лесах еще жили псоглавцы и местные жители ради безопасности ставили дома на плотах посреди озер, здешние глухие края стали обживать люди, приплывшие из-за моря. Со своих галер они сводили на сушу коней, строили отряды конных латников и отправлялись куда глаза глядят — добывать землю. Местные на землю особо не претендовали — кому она нужна, когда по ней псоглавцы шатаются? Поэтому пришельцы покупали угодья довольно дешево. А потом псоглавцы куда-то подевались, вроде бы

откочевали к северу. Местные вздумали было вернуть себе земли, да поздно. Были сражения, нападения, отступления, ночные поджоги. Потом как-то замирились и стали жить вместе.

Вот так и вышло, что на берегу Силаданне оказалось каменное строение, в котором лет примерно двести жил то ли графский, то ли баронский род. Но замок, поставленный в военную пору, когда держали оборону от псоглавцев, утратил всякий смысл да и торчал в глуши. В конце концов, хозяева построили себе два городских дома, в Аннерглиме и еще где-то, вывезли туда все самое ценное, а бывшее свое пристанище попросту бросили. Часть камней растащили земледельцы, кому приохотилось ставить амбары с разноцветными каменными стенами. И даже ведущая к замку дорога заросла. Однако совсем недавно какие-то повозки проломились через бурьян. Надо полагать, те самые, в которых вывезли население богадельни.

— А ехать туда не советую, — сказал молодой рыжебородый корчмарь. — Когда дом долго стоит один, в нем всякое заводится. Сейчас вот травознай дед Гидо засел, и не к добру это — он с нечистью водится. А еще там поблизости черных сосунов замечали… кыш, кыш!

Корчмарь, сделав пальцами рога, потыкал ими вправо и влево.

— Ты что?! — возмутился дядюшка Сарво. — Он с боков не нападает, он спереди и сзади!

И сам повторил этот жест, но только тыкал за собой и перед собой.

— Старый ты человек, а простых вещей не понимаешь, — сказал на это корчмарь. — Он как, по-твоему, содержимое из головы высасывает? А? Через уши! А уши у тебя где? Спереди и сзади?

Повздорили. Были крик и заковыристые оскорбления. Георг даже растерялся — отродясь он боцмана в такой злобе не видывал. А Ларре сидел и усмехался, да еще и задорно поглядывал на будущего капитана: мол, как ты, Гроссов любимчик, будешь склоку гасить?

Проворонил по неопытности помощник капитана тот миг, когда еще можно было успокоить спорщиков без большого труда, строго прикрикнув на обоих. И даже Ларре мог бы их угомонить, но не вмешивался. На защиту боцмана ринулась вдова Менгден, прибежала корчмарка с большим вертелом, а когда бабы ссорятся — то уши затыкай и прочь беги, не разбирая дороги. К корчмарке поспешила на помощь работница — в плечах, пожалуй, пошире дядюшки Сарво. Полетела посуда…

Когда Георг наконец попытался призвать боцмана со вдовой к

порядку, они огрызнулись, и вдова за руку вытащила боцмана из корчмы. Сообразительный Ганс кинулся следом: он первым понял, что дядюшка Сарво может от обиды напустить на себя гордость и сбежать.

Не видя врага, корчмарь успокоился.

— Простите, добрые господа, — сказал он почти миролюбиво. — Не надо было мне перечить. Выставляю по кружке черного пива за счет заведения.

Кружек-то он принес пять, но три остались нетронутыми — боцман, вдова Менгден и Ганс все не возвращались. А Ларре посмеивался, глядя на озадаченного Георга. Очень уж его радовала оплошность будущего капитана.

— Позлятся, позлятся, да и прибегут, куда они денутся… — утешил он. А еще немного погодя сказал, что сам приведет беглецов. — Все-таки ночь на пороге, а черный сосун, рога ему в склизкое брюхо, как раз очень уважает сумерки.

Ларре ушел, довольно долго пропадал и вернулся один.

— Знаешь, юнкер Брюс, мало того, что они сгинули — и повозка с ослом пропала. А в повозке-то все наше добро. На дороге их не видно, я и туда, и обратно прошелся. Что скажешь?

— Что скажу? — Георг и раньше-то, на «Варау», видел подбрыки и подначки Ларре, но старался не доводить до свары, а вот теперь котел его терпения переполнился. — Матрос Бройт! Пойти и найти!

— А если я черного сосуна на свою голову найду?

— Значит, одним бездельником меньше будет!

Тут Георг, правду сказать, погорячился. Ларре был славным моряком, только норовистым.

— Ну, коли я бездельник, то и нечего было со мной связываться, — заявил Ларре и вышел, очень довольный. Не так далеко они ушли от Гердена, он еще успевал вернуться на «Варау» и рассказать капитану Гроссу, чем закончилась экспедиция. Он не рассчитывал, что после такого донесения капитан сгонит с флейта Георга Брюса, но команда могла сделать кое-какие выводы. И не то чтобы матрос ненавидел будущего капитана — просто юноша, которому все слишком легко далось, не мог нравиться тридцатилетнему моряку, все еще ходившему в простых матросах.

Время было позднее, но не настолько темна летняя ночь, чтобы человек со зрением морского ястреба дороги не нашел. Правда, походная скатка Ларре пропала вместе с повозкой и ослом, но он сыт, не утомлен и может к утру прийти в порт.

И Ларре действительно шагал по дороге в сторону Гердена не меньше четверти часа, пока не дошел до подозрительного

поворота. А там ждал его подарочек — навстречу вышла девица в светлом платье и с распущенными волосами. А на голове у нее был миртовый венок, видный очень отчетливо, как будто освещенный фонарем.

— Мертвая невеста! — воскликнул Ларре.

Девушка кивнула и раскинула руки крестом. Это означало: я тебе путь заступила, дальше — ни шагу.

Венок поблескивал искорками — видать, был из черненого серебра. И так эти искорки заворожили Ларре; что прямо в глазах замельтешили.

Ларре попятился.

Про все морские чуда и дива он знал, но так, чтобы столкнуться нос к носу — еще не бывало. Однако парень он был смелый и лучше бы на месте помер, чем показал страх.

— Ты почему меня не пускаешь, девица? — спросил он.

Она вроде бы усмехнулась.

— Про вас, невест, всякие сказки рассказывают. Если ты по суше бродишь — значит, неверного жениха ищешь? Ведь так? Но я не твой жених. Я знаю, тебя зрения лишили… — тут Ларре вдруг вспомнил, что взамен зрения мертвые невесты получают способность ходить по воде и острые когти в придачу; его даже передернуло от мысли о когтях, но он совладал с собой. — Я ни одной девицы не обманул, жениться никому не обещал! Я никого не обидел! Может, все-таки пропустишь?

— Нет, — ответила она. — Возвращайся в корчму, моряк.

— Ну, как велишь.

Очень не хотелось Ларре поворачиваться спиной к мертвой невесте, кто ее разберет — не вцепилась бы в загривок. Но собрался с духом, развернулся и очень бодро зашагал обратно.

Только Ларре был хитер — не слишком, а в меру. Дорога сделала поворот, и за тем поворотом он остановился. Подождав немного, Ларре прошел чуть назад и выглянул из-за дерева. Мертвой невесты он не увидел. Надо полагать, остановила она его сослепу, убедилась, что он — не жених-предатель, и побрела себе дальше искать подлеца то ли нюхом, то ли еще как.

— Жаль красотку, — пробормотал Ларре. — Я бы на такой женился… кабы не покойница, да…

И он опять развернулся носом к Гердену.

Но, видать, не суждено было моряку той ночью дойти до города. Мертвая невеста уже не мешала, зато он услышал стук копыт. Навстречу рысцой ехали двое конных, а может, и больше, не моряцкое это дело — в копытном перестуке разбираться. Ларре решил пропустить всадников: вряд ли мирный и праведный человек ночью по глухим местам верхом шастает, а вот всякая

шушера — с превеликой радостью. У него же был при себе хороший нож, так ведь одним матросским ножом от двоих или троих не отобьешься.

Всадников и впрямь было трое; тот, что впереди, ехал с каретным фонарем на длинной палке, снизу раздвоенной, чтобы удобнее упираться в стремя. Они кутались в широкие короткие плащи, что с боков застегиваются на круглые пуговицы. Вместо шляп, положенных благородному сословию, на них были низко натянутые шапочки с назатыльниками, как у моряков. Поэтому Ларре сразу не признал ратсмана Горациуса.

Горациус Лангейн был потомственным членом герденского магистрата, и умение из всего извлекать деньги было у него в крови. Горожане помнили, как он однажды ухитрился сдать монастырские погреба в аренду рыбным торговцам, потому что прохлада и сквозняк очень способствовали хранению копченой камбалы. Смиренные братья-берианцы понятия не имели, что творилось у них под ногами, пока не понесли укладывать в подвальный склеп очередного покойника. Ларре же сталкивался с ратсманом вот по какому поводу: его двоюродный брат, матрос с «Железного ястреба», связался с незамужней племянницей Горациуса, из-за чего однажды произошла грандиозная драка моряков с горожанами; взаимной любви это как-то не способствовало…

Сопровождали ратсмана люди, неизвестные матросу. С факелом ехал молодой слуга, а рядом с Горациусом, тихонько с ним беседуя, — какой-то урод с седыми космами. Ларре, забравшийся в придорожный куст и присевший на корточки, прислушался.

— Зеленое пламя — последнее средство, — говорил урод. — Оно и камень возьмет. Там у озера, напротив замка, есть каменный причал — вот его спалим для начала, чтобы эти бездельники одумались… Я так думаю, наш приятель Гидо или вчера, или сегодня привез пару бочек, как я его просил… Ну а если нет…

— Ты, мастер, плохо знаешь наших моряков.

— Когда они увидят, как трудится зеленое пламя…

Что ответил герр Горациус, Ларре уже не услышал. Он только видел, что всадники поворотили на ту самую дорожку, где малыши, посланные за поздней земляникой, нашли перстень.

Вот теперь уже нужно было бежать в корчму.

Ларре появился перед Георгом внезапно, как лукавый дух из пивного кувшина.

— Пока ты, юнкер Брюс, тут прохлаждаешься, я делом занимаюсь, — сообщил он свысока. — Наши старики сидят в

замке, а замок того и гляди подожгут.

— Он же каменный! — удивился корчмарь, сидевший вместе с Георгом.

— А ты про зеленое пламя слыхал? Которое и камень жрет? Вот его к замку и подпустят.

Георг посмотрел на Ларре с огромным недоверием. Вроде бы дядюшка Сарво про все чудеса поведал, а вот гляди ж ты — и дядюшка Сарво чего-то не знает!

— Кому и зачем понадобилось жечь замок? — спросил корчмарь.

— Наших стариков увезли туда, потому что они подцепили какую-то заморскую хворобу, — объяснил Ларре. — Ну и решил герр Горациус сжечь их с хворобой вместе. Так оно надежнее выйдет!

Все было чуточку не так, самую чуточку, но уж больно хотелось моряку испугать будущего капитана.

— А вы, значит, хотите этих болезных найти, увести и спрятать? Чтобы хвороба по всему краю разбежалась?! Ишь, догадались! Коли эта хвороба такая зловредная, что иначе с ней не справиться, так вам надо всех тут перезаразить? Чтобы не одни ваши старики от нее подохли, но и мы тоже? — корчмарь пришел в ярость. — Женка! Магда! Грета! Петер!

И, казалось бы, что мог понимать в стратегии и тактике корчмарь, всю жизнь подававший господам пиво и жареное мясо, развлекавший их немудреными беседами? Однако он так ловко распорядился своим войском, на три четверти состоявшим из женщин, что Георга с Ларре не то чтобы загнали, а просто сбросили в погреб. И крышку придавили большим ларем для зерна.

— Если бы чертова баба не тыкала мне в лицо факелом! — возмущался в полной темноте Ларре. — Если бы старый дурак не притащил эту проклятую оглоблю! Если бы да если бы!..

Георг молчал. Положение было хуже некуда. Старикам грозит смерть непонятно за какие грехи. Дядюшка Сарво с вдовой Менгден и Гансом пропали непонятно куда. И очень может статься, что на рассвете корчмарь соберет односельчан, объяснит им положение дел, и они на сходке решат: нет моряков — нет и беды…

— Помолчи, сделай милость, — приказал он Ларре.

— А что будет, если я помолчу? Стены раскроются? Потолок разверзнется? — ядовито спросил Ларре.

— Будет то, что нас Стелла Марис услышит.

Ларре и заткнулся. Дивное дело: ему от злости и в голову не пришло, что над моряком главное начальство — Стелла Марис,

Звезда Морей. Ее зовут в самый трудный миг. Она — заступница и помощница. Не всем, правда, успевает помочь. Но поскольку до сезона штормов далеко, ветры дуют умеренные, то, может, забот у нее поменьше, услышит она и выручит из беды?

— Стелла Марис, Стелла Марис… — позвал Георг. Особой молитвы не требовалось — она ведь и без слов все понимает.

— Стелла Марис, Стелла Марис, — позвал и Ларре.

— Прости нас, дураков, что по глупости своей в беду попали, — сказал Георг. А вот Ларре промолчал, неловко ему было в своем упрямстве каяться.

Не взвился во мраке синий плащ Стеллы Марис, не зазвучал хрустальный голос. Но несколько погодя раздался стук, вроде бы в стенку.

— Кто тут? — первым спросил Ларре.

— Это я, Нелле, — ответил девичий голос. — Хозяин уже лег спать, все угомонились. Сейчас я вас выпущу.

— Какая Нелле?

— Хозяйская племянница. Ступайте к окошку. Ставень изнутри закрывается. Отодвиньте его, а я вам руку протяну.

Пошли на стук, залезли в огромную кучу репы. Узкое окошко было как раз над кучей — через него эту репу и кидали. Георг пробился к стенке и, подняв руки, нашарил ставень. Он был высоковато и запирался на засов. Поди еще, стоя на цыпочках, пошевели этот засов!

— Темно, как у венецейского мавра в брюхе… — проворчал Ларре. Ему на ногу крепко наделось старое лукошко, и он, стоя на другой ноге, пытался от этой дряни избавиться.

— Скоро вы там? — спросила Нелле. — Не могу я вас тут ждать до рассвета!

— Ларре, ступай сюда, ты повыше, — приказал Георг. — Тебе проще с засовом управиться.

— Не могу, юнкер Брюс, — ответил строптивый Ларре. — Я застрял.

И тут на Георга накатило упрямство — настоящее морское упрямство, неподдельное, не какое-нибудь сухопутное! Он понял, что должен выкарабкаться сам, чего бы это ни стоило. Стена погреба была довольно корявой, с трухлявыми останками кронштейнов для дощатых полок. Георг подергал найденный кронштейн и, призвав на помощь Стеллу Марис, поставил на него ногу. Придерживался он за стенку одними пальцами, и если бы рухнул в кучу репы — сильно насмешил бы Ларре. Но Стелла Марис где-то в небесах сказала: «Давай, моряк, не теряйся!».

Стоя одной ногой на кронштейне, вцепившись левой рукой в оконный край, правой Георг раскачал и дернул засов.

Открывавшееся внутрь окно скинуло его вниз, но в погребе стало чуть светлее, и Георг знал, что кронштейн его выдержит.

Минуты не прошло, как он с помощью Нелле выкарабкался наружу.

— Эй, юнкер Брюс, эй! — возмутился Ларре. — А я как же?

— Окно открыто, сам справишься, — ответил Георг.

Но Ларре был тяжелее фунтов на десять, и кронштейн под его ногой надломился.

— Отчего ты не хочешь ему помочь? — спросила Нелле, слушая негромкую, но выразительную ругань Ларре.

— Оттого что он должен знать свое место, — буркнул Георг. — Я, девушка, не злой, но через два года я стану капитаном «Варау», и если я сейчас с этим вредителем не справлюсь, то он мне всю команду испортит. Скажи лучше, как выбраться на дорогу.

— Огородами. Я проведу тебя, — ответила Нелле. — И укажу путь на Хазельнут, он тут ближе всего. А потом выведу твоего товарища… хотя, какой он тебе товарищ? Теперь, когда ты его в погребе оставил, вам и здороваться-то будет трудновато.

— От него вреда больше, чем пользы, — твердо сказал Георг. — Ненадежный он человек.

И расправил плечи, чтобы девушка видела — перед ней настоящий капитан. Хотя девица из простых, и голова у нее — под серым льняным покрывалом, стянутым в узел на затылке, как у здешних огородниц и скотниц, а не под кружевным чепчиком городской красотки, пусть знает, что такое морской норов.

— Если каждого ненадежного в шею гнать — останешься ты на «Варау» в гордом одиночестве, молодой капитан. Ты вот из них, из вредных этих, толковых и надежных сделай…

— Мне нужно вернуться по Герденской дороге и свернуть к замку, — не желая обсуждать свои капитанские заботы, ответил девушке Георг.

— На что тебе среди ночи проклятый замок?

— Туда увезли стариков из герденской богадельни. И они в опасности. А отчего это он проклятый?

— Оттого что там колдун поселился. Раньше наши парни с вечера уходили рыбачить на Силаданне, теперь боятся. Говорят, даже рыба из озера ушла, а куда — непонятно. Не ходил бы ты туда, моряк, — с некоторым лукавством посоветовала Нелле.

— Не могу. Там наши старики. Не для того они всю жизнь в вонючем кубрике спали и на штормовом ветру по вантам лазили, чтобы капитаны их в беде оставляли. Стелла Марис такого бы не одобрила.

— Вовремя ты вспомнил Стеллу Марис… Хорошо, я доведу

тебя до Силаданне короткой дорогой. Если колдун ждет незваных гостей — то с Герденской дороги, а ты придешь по тропе. Вот и все, что я пока могу для тебя сделать.

— Не все. Расскажи про колдуна. Может, пойму, на кой ему наши старики сдались.

— Колдун как колдун… Ты же знаешь, они любят всякие развалины. А от замка только стены остались, крыша давно провалилась. И две башни — туда можно только по галерее попасть, внизу у них даже дверей нет. Там раньше дрова и сено держали, сбрасывали сверху, потом через люки вытаскивали.

— Колдун, я так понимаю, в башне засел?

— Где же еще…

Девушка шла по тропе так, словно был ясный день и сквозь ветви светило солнышко. Георг, имевший, как большинство моряков, зрение не хуже, чем у морского ястреба, диву давался — он не подозревал, что сухопутные жители земли настолько глазасты.

— Ты служишь в корчме? — спросил он.

— И да, и нет. Иногда зовут помочь. И платят, — как-то неохотно ответила Нелле. — А как вышло, что ты путешествуешь даже без котомки?

— Котомка в повозке старой дуры. А где дура и повозка — понятия не имею.

Георг подозревал, что дядюшка Сарво вернулся бы в корчму, если бы не вдова Менгден. И в том, что пропал Ганс, он тоже винил боцманову подружку. Наверняка что-то мальчишке наплела — он за ней и потащился.

— Это кто еще такая?

— Мы впятером шли стариков искать, вещи вез осел, и была с нами баба. Из-за нее весь разлад и вышел, — лаконично объяснил Георг. — Трое пропали вместе с повозкой, двоих в погреб скинули. Ничего себе экспедиция…

Вину вдовы Менгден он, конечно, преувеличил, но иначе не мог — сказывалась школа дядюшки Сарво.

— Так это твои люди, капитан? — спросила Нелле. — Те, что на ночь глядя отправились к замку? Тех тоже было трое — пожилой человек в мягких сапогах тюленьей кожи, женщина в туфлях на толстом каблуке и еще один — нога у него чуть больше, чем у женщины.

— Точно…

— Плохо это.

— Ты что-то знаешь о них?

— Знаю, что прошли по дороге вскоре после того, как проехала там большая телега, груженая бочками.

— А ты-то что делала в такое время на той дороге? — с великим подозрением полюбопытствовал Георг. — И как смогла разглядеть следы? И кто научил тебя читать следы?

— Отец был графским егерем, он и научил. Идем…

Нелле словно бы выбросила в придорожные кусты свою разговорчивость. И до самого озера Силаданне молчала. А Георг светских бесед не затевал, потому что просто их не любил.

Силаданне было лесным торфяным озером с черной водой. Георг только слыхал про такие, а видеть — не видел. Странным ему показалось, что на болотистой почве воздвигли каменное строение, но когда он увидел замок — понял, что большого риска уйти под землю тут нет. Замок был невелик, не то что в Виннидау, где он царил над городом. Если быть совсем честным, то у иного селянина сенной сарай, где запасается корм на три десятка скота, вровень с этим замком встал бы. Одна из башен, с зубчатым верхом, стояла мертвой черной глыбой. А вторая, островерхая, была обжитой. В ней и на втором, и на третьем ярусе в узких окнах горел свет.

Замок стоял не вплотную к озеру, а в полусотне шагов. Поскольку Силаданне соединялось протокой с другим таким же озерцом Межаданне, а то — с третьим, в давние времена жители замка ездили по делам и в гости к соседям на лодках, для чего и был построен каменный причал.

Как раз к причалу и выскочила тропа.

— Ну вот, привела я тебя, капитан, — сказала Нелле. — Что делать будешь?

— В разведку пойду. Где-то же должны быть ворота.

И тут во мраке заорал осел. Да так неожиданно, что моряк подпрыгнул.

— Чтоб тебе! — воскликнул Георг. — Не иначе, наш! Значит, и дядюшка Сарво где-то рядом со своей ведьмой! Надо бы дать им знак…

— Какой знак?

— Эх, жаль, дудки у меня с собой нет… А вот что — я морским ястребом закричу. Он и поймет, что этот голос неспроста. На болотах морские ястребы не водятся.

И Георг тут же разразился тревожной тонкой трелью: «пи-и-и, пи-и-и, пи-и-и…». Ответа не было.

— К нам идут, — сказала Нелле. — И эти шаги мне не нравятся. Если бы это твой дядюшка Сарво был, он бы сперва отозвался…

Не успел Георг ответить, как шагах в двадцати перед ним возник огонек. Но не простой, а бледно-зеленый. Это горела большая ветка, которую дядюшка Сарво держал над головой.

Старый боцман большими шагами шел к своему воспитаннику.

— Дядюшка Сарво, ну наконец-то! — с этими словами Георг кинулся навстречу боцману, но Нелле ухватила его за руку и удержала.

— Назад, назад! — приказала она. — Он убьет тебя!

— Кто? Дядюшка?..

И тут боцман зарычал.

Не создала еще природа зверя с таким страшным и грозным рыком. А потом дядюшка Сарво, выставив перед собой ветку, кинулся к Георгу.

Вроде бы и не был будущий капитан трусом, в любую бурю держался стойко, но зверская рожа, в которую превратилось лицо давнего товарища и наставника, была уж слишком страшна — он окаменел и зажмурился. Два слова гремели в пустой голове: Стелла Марис, Стелла Марис!

Рык прервался, огненная ветка не коснулась груди Георга, раздался скулеж. Георг открыл глаза и не увидел старого боцмана. Там, где полагалось бы стоять чудовищу, висел в воздухе и таял белый крест. Он был словно из тумана сплетен, он бледнел и выцветал прямо на глазах, а сквозь этот крест виден был съежившийся и отступающий дядюшка Сарво. Ветка в его руке уже не пылала, а чуть тлела.

Георг протер кулаками глаза. И за эти полтора мгновения дядюшка Сарво исчез.

— Что это было?.. — шепотом спросил Георг. — Наваждение?

— Колдун до них дотянулся и заграбастал. Наверное, они на той дорожке встретились, когда он бочки с огнем в замок вез.

— Огонь в бочках?

— А что же? Груз как груз. Только бочки нужны особые, изнутри обшитые медью, оттого такие тяжелые…

— А ты, девушка, откуда знаешь?

— Я, капитан, много чего знаю.

— Племянница корчмаря, говоришь?

— Их было трое? Этот горемыка, женщина и мальчик? — не желая ничего объяснять, спросила Нелле. — Если он их одурманил и приставил свою башню охранять, значит, боится нападения. Значит, тебя с тем парнем боится. Ну-ка, крикни еще раз ястребом. Может, мальчик отзовется. С детьми проще — они могут послушаться приказа, если командовать громко и уверенно.

Страшновато было Георгу, но показывать страх перед девчонкой — для моряка еще хуже, чем с перепугу штаны намочить. Снова ястребиная трель понеслась над озером. Но теперь уже капитанский помощник был готов и к зеленому огню,

и к прочим скверным чудесам. Он вынул большой морской нож, который на новый лад называли кортиком, и выставил перед собой. Не хотелось бы пырять дядюшку Сарво, но, может, вид ножа его вразумит?

На ястребиный крик отозвались двое — к причалу вышли боцман и Ганс. Оба — с зелеными факелами.

— Ну, капитан, командуй, — сказала Нелле. — Твой голос для них должен быть как гром с небес, иначе что же ты за капитан?

Ох, каким словом помянул безмолвно чересчур заботливого Гросса Георг… Только тут он понял, что был за Гроссовой спиной, как малое дитя в выложенной одеялами загородке, и командовать даже не приходилось — распоряжения Георга выполнялись беспрекословно, потому что из-за его плеча постоянно выглядывал настоящий хозяин «Варау».

— Стоять! — гаркнул Георг во всю мощь молодой глотки. — Стоять, кому говорю!

Но Ганс, словно оглохнув, шел прямо на него, грозя зеленым пламенем, а хитрый дядюшка Сарво подкрадывался сбоку, и на его широкой роже было написано: как сбросим сейчас в озеро, а в озере найдется, кому с тобой разобраться!

— Ну? — спросила Нелле. И от ее спокойного голоса у Георга длинные завитые кудри, выпрямившись, встали дыбом.

— Слушай, ты, старый бес! Нож видишь?! — крикнул он дядюшке Сарво. — Не я, а ты на дно пойдешь с ножом в печенке! Стоять! Это приказ капитана!

И старый боцман остановился. Видать, в голосе и впрямь капитанская ярость прозвучала. Но Ганс шел к причалу, и зеленый огонь, выставленный вперед, разгорался все ярче.

— Нелле… я не смогу… — вдруг охрипнув, сказал Георг. — Он же еще мальчишка… Он же мне как братишка был…

— Я смогу, — ответила девушка. — Другого выхода нет. Не хотела, а придется…

И она вышла вперед.

— Стой, дура! — закричал Георг.

— Ганс! — позвала Нелле. — Ганс, братик! Ганс!

Дядюшка Сарво, хотя колдун и подменил ему душу, тревогу за мальчика ощутил, и в чистом голосе девушки слышалась ему угроза. Он поспешил на помощь Гансу, а тот остановился в трех шагах от Нелле и Георга.

— Ганс, — сказала Нелле. — Смотри на меня. Смотри в глаза! Стелла Марис приказывает тебе вспомнить!

Ганс окаменел на несколько мгновений. Брови сдвинулись, рот приоткрылся. Что-то просыпалось в нем, и смуглое лицо

вдруг налилось внутренним светом.

— Я помню, помню! — закричал мальчик, оттолкнул дядюшку Сарво и встал рядом с Нелле.

— Пойдем, братик Ганс.

— Пойдем, сестренка Нелле. Что нужно-то?

— Погоди, девчонка, погоди! — захрипел боцман. — Что это ты с ним сделала? Я убью тебя!

— Ты уже видел один белый крест. Не родился ни человек, ни зверь, чтобы увидеть его дважды и остаться в живых, — строго ответила Нелле. — Ты можешь спихнуть с шеи хозяина?

Дядюшка Сарво зарычал, попятился, развернулся и, по-моряцки косолапя, убежал.

— Не может… — печально сказала Нелле. — Ну вот, Стелла Марис, пришлось мне-таки раскрыться, ты уж меня прости… Ганс, расскажи, что там, в замке, делается.

— Плохо там, — ответил мальчик. — Но я ничего ведь не знаю… Я только понимаю, что плохо…

— Как колдун сел вам на шею?

— Какой колдун?

— Забери у него, пожалуйста, зеленый огонь, капитан, — попросила Нелле Георга. — Как бы этот подлец через свой огонь до него не добрался. А за тебя я не боюсь: он тебе на шею еще не садился и дорожку к твоему рассудку не протоптал…

— Странные вещи ты знаешь, корчмарева племянница, — заметил Георг. — Вот уж не думал, что буду слушаться девчонку.

— Есть у тебя другая возможность спасти эту вашу богадельню? — Голос девушки был острым и ледяным.

— Не знаю! — буркнул Георг и забрал у Ганса горящую ветку.

— Когда дядюшка Сарво с теткой Менгден от вас ушли, я за ними побежал. Думал, он меня послушает, он же мне как родной дядя был… — печально сказал Ганс. — И нагнала нас телега, это я точно помню. И почему-то мы все вместе с ослом пошли за телегой. Я думал, дядюшка Сарво знает, или тетка Менгден, им кучер, может, что-то сказал, а они молчат и молчат… И пришли мы в замок… Потом сидели во дворе, опять молчали… Потом я пошел вдоль стены, там сухие деревца торчали, выбрал одно, сломал… Потом я с ним подошел к башне, и мне в окошко выкинули огонь… И тогда уже я пошел защищать замок!

— А кто велел? — чуть ли не хором спросили Георг и Нелле.

— Я не знаю!

— И много у замка таких защитников?

— Не знаю… Наверное, много… — Ганс вздохнул.

— А я думаю, нет, — сказал Георг. — Иначе зачем бы колдуну хватать на дороге первых встречных, лишать их соображения и

гнать в замок? Ганс, что ты запомнил еще? Где замковые ворота? Как к ним подойти? Где входы в башни?

— Ты вздумал в одиночку штурмовать замок, капитан? — спросила удивленная Нелле.

— Я вернусь туда с этой веткой. Может, старый дурень Сарво и не поймет, что это уже не Ганс. Там не такой уж сильный гарнизон, девушка. А меня обучали абордажному бою. Руки у меня сильные и пальцы цепкие. Уж в окошко второго яруса я легко залезу!

— И где же твоя абордажная сабля? — ехидно спросила Нелле.

Георг задумался. Сабли не было… И товарища, чтобы прикрыл спину, не было. Ларре — пустое место, моряк опытный, но пустое место…

А меж тем Ларре исхитрился выбраться из погреба. Как — и сам не понял.

Он стоял на заднем дворе корчмы и думал: что же теперь делать? Он пытался понять, как так вышло, что у юнкера Брюса кончилось терпение. И пытался представить, что же будет, когда Георг доложит о провале экспедиции капитану Гроссу. Ничего хорошего в голову не лезло, а одни только пакости: Гросс мог вступиться за любимчика и зубодробительными методами, а сдачи капитану давать не смей!

Следовало что-то предпринять, пока Георг и впрямь не показал зубки. В том, что он не станет незатейливо ябедничать, Ларре не сомневался. Но если он просто не ответит на расспросы Гросса — уже будет достаточно плохо. Старый зануда возьмется за Ларре всерьез. Найдет, чего припомнить. И придется списываться с «Варау» на берег.

Помянув хорошим матросским словом некстати взбрыкнувшего Георга, он вдруг ощутил страшную обиду: все получилось неправильно, не он бросил сосунка, а сосунок бросил его, совершенно не беспокоясь, что с ним будет дальше. И этот дуралей отправился в одиночку на помощь старикам! В том, что Георг не сидит в придорожных кустах, мотая сопли на кулак, Ларре был уверен.

Оставалось одно — двигаться к замку. Сперва четверть часа до поворота, потом неведомо сколько до озера Силаданне. А на повороте, чего доброго, ждет мертвая невеста с когтями… Вспомнил ее Ларре — и мороз по коже, и мурашки по спине величиной с рыжих тараканов.

Он не шел к повороту, а крался по обочине, при каждом шорохе опускаясь на корточки. Неизвестно, кто там в лесу шебуршит, не моряцкое дело — в сухопутной живности

разбираться. Может, кабаниха с кабанятами, а может, мертвая невеста, чьи повадки загадочны и подозрительны.

Когда сквозь опушечную поросль Ларре увидел висящие в ночном небе четыре длинных и узких окна — два повыше, два пониже, он остановился как вкопанный. Моряк не сразу сообразил, что это и есть замковая башня.

Где тут бродит Георг, было совершенно непонятно. На всякий случай Ларре достал из ножен свой длинный нож. И предался сомнениям. Можно было дать знать о себе хотя бы криком морской птицы. Георг бы сообразил, кто это орет в кустах. Но, с другой стороны, не хотелось показывать, что первым идет на уступки. С третьей стороны, может, Георг уже как-то пробрался в замок, и нелепые крики вспугнут стражу. Была и четвертая сторона: если не обозначить свое присутствие, будущий капитан навеки запомнит, что посланный с ним помощник все самое опасное переждал в погребе на куче гнилой репы. Даже если сам из гордости не скажет об этом Гроссу ни слова, дядюшка Сарво разболтает, поболтать он любит… но куда же он подевался с ослом и теткой?.. Не в Герден же сгоряча побежал?..

Где дядюшка Сарво с вдовой Менгден, он узнал ровно минуту спустя, после того как прокричал по-чаячьи. И, надо отдать ему должное, Ларре не остолбенел при виде искаженных ненавистью рож да зеленых огней, а сразу кинулся наутек. Он бежал молча, чуть не сверзился в озеро и выскочил к причалу. У причала он увидел еще одно чудище с зеленым огнем, рядом с ним — мертвую невесту в светлом платье…

Тут-то Ларре и заорал.

Ему оставалось одно — выскочить на причал, а с причала длинным прыжком — в черную воду.

Вода была мерзкая и какая-то густая, словно слабенький овсяный киселек. Ларре вынырнул и поплыл к противоположному берегу. Его провожал звонкий хохот. Вдруг хохот прервался. Ларре услышал рычание, женский вопль, дикий крик дядюшки Сарво. Пловец обернулся. Он мало что мог разобрать: метались у причала три зеленых огня да непонятно чьи тени, но вот слетевший с башни изумрудный шар в три обхвата он разглядел прекрасно. Шар быстро опустился на камни причала — и камни вспыхнули. Это было совсем диковинно.

Однако страх не совсем лишил Ларре рассудка. Он вспомнил, откуда знает про зеленый огонь. Вспомнил ратсмана Горациуса Лангейна. И еще вспомнил, что не рассказал Георгу важную вещь: ратсман-то со слугой и седовласым уродом, похоже, сидят сейчас в замке, и не он ли, приятель зловредного Горациуса, и есть тот самый страшный колдун? Правда, память проснулась ровно

посередине Силаданне, и пришлось выбирать, куда плыть. Ларре поддался доводам рассудка и предпочел противоположный берег.

Он выбрался в крошечной бухте и, вылезая, ухватился за ствол березки. Но березку подгрыз бобер, деревце надломилось, и моряк снова шлепнулся в воду. Все это было для него как-то позорно — и бегство, и береза проклятая! Хорошо хоть, он не потерял впопыхах ножа. Сунув его в ножны, Ларре вооружился березой и пошел берегом к Георгу. Кто бы там ни махал зелеными огнями — нужно сказать про ратсмана Горациуса. И тогда — убираться прочь?.. А старики?..

Пока Ларре ломал голову и пробирался на свет, Георг пытался договориться с дядюшкой Сарво. Старый боцман, казалось, уже что-то начинал понимать, но вдова Менгден издавала даже не рык, а скрежет, и он снова оскаливался, ворча, как цепной пес. А та, что стояла рядом с Георгом, была уже Ларре знакома…

— Юнкер Брюс, — позвал Ларре, не подходя слишком близко. — Юнкер Брюс, осторожно! С тобой — мертвая невеста.

— Это Нелле, — не оборачиваясь, ответил Георг. — У тебя, матрос, прискорбные видения.

— Это мертвая невеста, — настаивал Ларре. — Вот пусть она покрывало скинет.

— Да хоть капридифолия! Лишь бы помогла стариков выручить.

— Капридифолия?.. — почти осмысленно повторил дядюшка Сарво. И тут же схлопотал тычок от вдовы Менгден.

Но чудо совершилось — боцман обрел соображение!

— Кыш, дура, кыш! — прикрикнул он на давнюю подружку. — Ларре, ты, что ли?

— Он самый, — ответил Георг. — Ну, бес тебя загреби, Ларре… Хорошо, что пришел!

И Ларре чуть ли не впервые в жизни ощутил стыд. Он думал, что Георг станет дуться и капризничать, но тот принял его, словно ничего не случилось.

— У меня полные сапоги воды, — сказал он брюзгливо. — Сейчас вылью и, значит, буду готов… А ты держись от мертвой невесты подальше!

— Перестань, матрос Бройт. Посмотри — когтей нет, глаза у нее обычные…

Для наглядности Георг осветил девушку зеленым огнем. И точно — когтей Ларре не увидел. Смутившись, он сел наземь, стянул сапоги и вылил воду из правого. Но когда взялся за левый — тот исчез. То есть только что был — и вот нет его!

— Что за нечисть тут шалит? — сердито спросил он и с

большим подозрением посмотрел на Нелле.

Девушка опустилась на корточки и протянула руку к кусту малины.

— Выходи, не бойся, — сказала она. — Мы знаем, что ты без шалостей не можешь. Выходи, шкодное племя, прошу именем Стеллы Марис…

То, что осторожно выбралось из куста, было ростом с большую крысу, имело пушистый хвост и почти человеческое личико.

— Утти! — воскликнул дядюшка Сарво. И тут вдова Менгден, ненадолго притихшая, с диким воплем кинулась на малыша.

Боцман подножкой повалил ее, сел ей на спину и отнял зеленый факел.

— Сбылась твоя мечта, красотка! — ухмыльнулся он. — Вот ты и лежишь подо мной, вот ты и узнала мою тяжесть!

— Теперь тебе придется на ней жениться, — сказала Нелле. — После таких твоих слов. Так что она своего добилась. Рассказывай, утти, что там, в замке, творится. Ведь тебя для того послали, чтобы ты нас нашел. Только сперва отдай матросу сапог.

Не успела она попросить, как сапог уже лежал на видном месте.

— Мы с флейта «Боевой трубач», — начал утти. — Мы глупость сделали — носовую фигуру подгрызли. Думали, будет смешно, когда трубач свою трубу потеряет, а вышло не очень…

— Да уж, — согласился дядюшка Сарво, — с интересом глядя на утти. — А ты, девица, кто такая? Отчего он к тебе вышел? Или она? Кто его, шкодливое племя, разберет!

— Потом объясню, — сказала Нелле. — Так что же дальше было на «Боевом трубаче»?

— То и было, что позвали знатока, он судно заклял от нас на одиннадцать лет, — печально сказал утти. — А куда нам деваться? На других кораблях свои шкодники… Вот мы и сошли на берег в Герденской гавани…

Георг и Ларре смотрели не на утти, хотя когда еще доведется увидеть такое диво, а на Нелле. Георг почти верил ей, а Ларре — не очень. Уж слишком она была похожа на ту, что велела ему возвращаться к Георгу в корчму.

— А потом попросили приюта в богадельне? — расспрашивала Нелле. — Не побоялись?

— Так там же свои. Я вот у Анса Ансена как-то огниво стянул, взамен подложил прокуренную трубку Уве Брандена. Ох, он ругался! Так мы пришли потихоньку и первым делом шкоду учинили: чулки у стряпухи Греты унесли и Фрицу Альтшулеру под одеяло подложили. Сколько смеху было! Потом мы в кувшин

с пивом морковку бросили. Тогда они догадались, Харро Липман первым сказал: утти, это вы, что ли? Вот и стали жить вместе, и уговор заключили, мы больших шкод не делаем, а они нас не выдают. Ведь нас можно тронуть, только если наши моряки позволяют, как это вышло на «Боевом трубаче»…

— Точно, — подтвердил дядюшка Сарво. — Это — вековое правило. Им обычно капитан обещает, что никто их не тронет, а в богадельне за старшего — Матти Ундесен. Он, поди, и совершил уговор.

Утти подтвердил — так и было.

— А потом пришел мастер Румпрехт и стал просить, чтобы нас ему уступили. И какой-то знатный господин из самого магистрата пришел наших моряков уговаривать, ругался, грозился, приказал, чтобы им пива не давали больше и хлебное довольствие вдвое урезали. Мы их пожалели и ушли жить к городской стене, к новой башне. Думали — уйдем, и им пиво вернут. А нас от башни мастер Румпрехт прогнал, мы опять в богадельню… И вот тогда ночью наших моряков увезли. Мастер Румпрехт думал, мы останемся, а они взяли нас с собой. Ведь нам большая беда грозила, правда? — спросил утти.

— Да, малыш, большая. Как же вы ехали?

— В одеялах и тюфяках. Это морякам позволили взять с собой. Но потом мастер Румпрехт и Гидо Шнаффиус догадались, что мы приехали. Шнаффиус — он хозяин замка, — объяснил утти. — Он хотел договориться с моряками, но они нас не отдали. И тогда нас всех четыре дня назад бросили в нижний зал башни — тот, откуда без трапа или веревок человеку не выбраться. И Шнаффиус сказал, что не будет кормить… и не кормит.

— И женщины там с ними?

— Да, обе — кастелянша и стряпуха. Только стряпать не из чего, это плохо…

— Как же они?! — вмешался дядюшка Сарво.

— Мы им из кладовой орехи и овсяные галеты носим. Мы же маленькие, мы пролезаем. И к тому же это — шкода…

— Значит, колдун их измором взять решил, — сказала Нелле. — А как вы догадались выйти из замка?

— Анс Ансен сказал: за нами обязательно придут наши. Может, опоздают, но рано или поздно придут. И мы ждали… все вместе… А потом Шнаффиус привез зеленый огонь, и мы поняли — что-то будет. Мы сторожили на южной стене и увидели, что вы все-таки пришли. И я спустился вниз.

— Ну, капитан, теперь командуй, — велела Нелле. — Ты все необходимое узнал.

— Не все, — возразил Георг. — Главное непонятно. Утти, ты

можешь нас провести в замок? Таким путем, каким человеку пройти сподручно?

Вдова Менгден зарычала.

— Крепко же в ней эта дрянь засела, — заметил дядюшка Сарво. — Что с дурой делать будем?

Георг задумался. Пришла ему в голову мысль, но показалась глупой. Он покосился на Ларре и обнаружил, что матрос не сводит глаз с Нелле. Тут уж было не до мудрости!

— Вот что. Когда у нее огонь отняли, она уже не страшна. Мы сейчас отпустим ее — пусть бежит к новому хозяину. А за ней по пятам — мы. Она и укажет, где там ворота или хоть пролом в стене, — решил Георг.

Сборы были короткими: Ларре натянул второй сапог, дядюшка Сарво достал нож, Гансу дали березовый ствол — хоть какое оружие. Тут оказалось, что и Нелле с пустыми руками не ходит — в складках светлой льняной юбки, какие сельчанки надевают на сенокос, был и у нее клинок.

Девушка подхватила подол юбки, собрала в горсть, заткнула за пояс, словно собиралась полоть огород. Получилось вроде матросского гамака, и туда она посадила утти.

— Мы быстро побежим, так это, чтоб ты, малыш, не отстал, — объяснила она. А Георг увидел ножки в белых чулках и туфельках на дюймовом каблучке, ножки с прекраснейшим в мире изгибом ступни. Но было не до красоты — вдова Менгден, получив для ускорения пинок от боцмана, во весь дух понеслась к замку.

Ларре, Георг и Ганс кинулись вдогонку. Нелле за ними — она протянула руку дядюшке Сарво, чтобы он не отставал. Боцман в последний раз бегал лет сорок пять назад, если не больше, и когда девушка дотащила его до замковой стены, совсем запыхался. По дороге он потерял ветку с зеленым огнем, отнятую у вдовы Менгден.

Навстречу морякам выскочили на крыльцо ратсман Горациус в обычном своем черном костюме, в каком принято ходить на заседания магистрата, и седой урод в штанах глейфуртского сапожника и в накидке, размалеванной тайными и зловредными знаками, желтым по черному. Оба были вооружены пистолетами.

Но пистолет — это всего один выстрел.

Георга учили абордажному бою, а Ларре в таком бою дважды побывал. Так что он уклонился от пули, кинулся вперед, сдернул ратсмана с крыльца и повалил его без всякой жалости.

Седой урод, носивший гордое имя Румпрехт, сделал два выстрела и оба раза промахнулся. Но из окна башни вылетел шар зеленого огня — ему в помощь. Неизвестно, как бы он распорядился этим огнем, если бы не маленький Ганс. Он так

ткнул своей березовой дубиной в бок седого урода, что тот не подставил под пламя руки в сверкающих рыжих перчатках, не иначе — из меди, а позволил шару лечь на траву и сам повалился сверху. Тут-то он и взвыл.

Бой в замковом дворе получился таким коротким, что дядюшка Сарво даже обиделся, — что про столь моментальное сражение рассказывать в кубрике? Налетели, победили… Но впереди было жилище колдуна Шнаффиуса.

— Тут уж я пойду вперед, — сказала Нелле. — Этого подлеца не для того Стелла Марис тридцать лет назад пощадила, чтобы он опять пакостить принялся. А ведь клялся, что будет жить в замке единственно для того, чтобы собирать лечебные болотные травы. Ну, кончилось терпение у Звезды Морей…

И тут на Георга накатило озарение — ярче и пронзительнее колдовского зеленого огня.

— Ты — Стелла Марис?! Мы звали — ты пришла?!

Нелле улыбнулась.

— Показывай, малыш, где его логово! — велела она и без всяких объяснений побежала к каменной лестнице, ведущей на полуразрушенную галерею.

— Ишь ты… — прошептал Ларре, глядя, как ловко она пробирается на немалой высоте по разломанному настилу. — Только покойники такую смелость имеют. Мертвая невеста, помяните мое слово.

— Нет, — ответил Георг и поднял ветку с зеленым огнем повыше, чтобы осветить ей путь.

Девушка вошла в башню. Ровно через миг окна нижнего яруса выбросили два пучка ослепительно белого света. А потом выглянула Нелле.

— Поднимайтесь! — позвала она. — Все в порядке!

— Что с колдуном? — спросил дядюшка Сарво.

— Волей и силой Стеллы Марис он стал тем, кем она хотела бы его видеть, — слабым и смиренным.

Голос был уже не звонкий девичий, а звучный и властный.

— А моя дура? Она там? — осведомился дядюшка Сарво.

— Сидит за печкой. Думаю, к утру опомнится.

Моряки, привычные лазить по вантам, без затруднений добрались до башни, хотя и вели с собой ратсмана с его скверным приятелем.

Колдун оказался маленьким лысоватым старичком с простецкой лопоухой физиономией — нос репкой, щечки в круглом яблочном румянце. Он сидел на полу и испуганно таращился на Нелле. Там же был слуга ратсмана Кристоф: стоял рядом с колдуном, словно бы охраняя, но по роже, по разинутому

рту и неподвижному взгляду, было видно — обеспамятел надолго.

— Хорошо бы этакое сокровище спрятать понадежнее — скажем, закопать в яме глубиной в шесть локтей, — предложил боцман. — Или на дно определить, прицепив к ногам для верности ядро.

— Он был знатным травником, — ответила Нелле. — Только его основательно сбили с пути. Сейчас, когда белый крест его скверной силы лишил, он опомнится, опять возьмет короб и пойдет по болотам за кореньями. И будет ходить, пока не искупит все зло, что за тридцать лет людям причинил.

— А где наши? — спросил Георг.

— А внизу. Вот, видишь люк в полу? Так надо его открыть и кому-то туда спуститься. Жаль, лестницы нет, придется стариков поднимать на веревке. Ну, а утти уж как-нибудь сами выберутся.

И намучались же моряки, вытаскивая оголодавшую, но бодрую и стойкую свою богадельню! И старого Анса Ансена, и одноглазого Фрица Альтшурера, а больше всего намаялись с женщинами и Петером-толстяком.

— Нам не привыкать! — отвечал на расспросы Фриц. — Мы — старые морские ястребы! Ну, поголодали, так ведь моряка в строгости держать надо! Чтобы не баловался!

— А мы-то совсем безвинно пострадали, — заметила кастелянша Фике. — Эти старые чудаки связались с утти, а расхлебывать нам!

— Так скучно же! Вот этот бестолковый болотный сыч, который год попугая обещал! И где тот попугай? — бурчливо полюбопытствовал Матти Ундесен, тыча корявым пальцем в дядюшку Сарво. — Ну, хоть этих приютили, все ж таки веселее…

— Веселее некуда! — перебила его кастелянша Фике. — Но вот что, Сарво, я тебе скажу — дураком ты будешь, если на старости лет возьмешь за себя вдову Менгден! В богадельне кормежка попроще, да зато все друг за дружку горой стоят. Юнкер Брюс, Гросс тебя поставил за старшего? Ну так поговори с этим подлецом, пока он не придумал какого-нибудь вранья!

— Да, Брюс, поговори с ним! — поддержали старые моряки. — Пусть он тебе скажет, почему эту кашу заварил! А тогда уж вы с Гроссом пойдете в магистрат, от нас ратсманы отмахнутся, а от вас и от господ арматоров не посмеют!

Ларре нахмурился — очень ему не нравилось, что Георга признали равным Гроссу.

Ратсман Горациус и седой урод не очень-то хотели отвечать на расспросы, но Георгу посоветовали пригрозить гневом бургомистра, который, так уж вышло, был женат на девице из

рода капитанов Брюсов. Это подействовало — невзирая на шипение, выкрики и даже плевки урода ратсман заговорил.

— Эта проклятая богадельня стоит чуть ли не посреди города, и арматоры ее берегут и защищают, словно болезное дитя! А дом-то замечательный — на что старикам такой домище? — тут голос Горациуса даже стал жалобным. — Я хотел у них дом выкупить, а стариков перевезти за город, поставить для них в Каннау хорошенькие маленькие домики, так арматоры цену заломили! Ну, думаю, раз так — вы мне этот дом отдадите за бесценок! Думал, думал, как бы это сделать, и тут ко мне приехал из Хазелнута алхимический магистр герр Румпрехт. И сам первый заговорил про богадельню. Он сказал, что в этом деле и у него есть свой интерес… и денег обещал, чтобы я выкупил дом у арматоров…

— А ему-то что требовалось? — спросил Георг.

— Он средство для полетов хотел…

— Молчи! — крикнул Румпрехт. — Не то пожалеешь!

— Помолчи, помолчи… — ехидно посоветовал ратсману дядюшка Сарво. — То-то Стелла Марис порадуется. То-то она за тебя словечко там, наверху, замолвит, когда соберешься помирать! Забирай с собой эту гадость, забирай…

— Средство для полетов! — решительно воскликнул ратсман. — Туда идут селезенка летучей мыши, это, как его… порошок из когтей морского ястреба… когти мне парни с «Девы востока» привезли… еще что-то…

— И кровь утти, — добавила Нелле. — Все прочее добыть несложно, а кровь утти — такая диковинка, что ни за какие деньги не купишь. Румпрехт, куда это ты лететь собрался?

Ответа не было. Зато опять загалдели старые моряки, грозясь утопить алхимика, спустить с него шкуру, повесить на рее, накормить ядовитым плавунцом — и все сразу.

Нелле отходила к двери, ведущей на галерею, и смотрела при этом на всех старых моряков поочередно, словно бы прощалась с ними. Но ее взгляд не понравился Ларре. Какой-то он был чересчур пытливый, что ли… Опять же, моряку хотелось явить перед всеми свою отвагу, а в особенности — перед Георгом Брюсом. И нашел он таки способ показать будущему капитану, что тот ни в людях, ни в покойниках не разбирается. Вдоль стенки, размалеванной знаками и надписями, за спинами моряков прокрался он, оказался рядом с Нелле — и вдруг сорвал с нее покрывало.

Тут-то все и увидели на светлых волосах девушки сияющий миртовый венок!

— Мертвая невеста! — воскликнула стряпуха Грета.

— Ну и дурак же ты, матрос Бройт, — сказала девушка и пропала.

— Это же Стелла Марис! Это она к нам приходила! — закричал Георг и кинулся за Нелле.

— Сестричка моя, сестричка! — закричал и Ганс.

Вдвоем они выскочили на галерею. Девушка уже сбегала по лестнице вниз.

Она собрала юбку так, как деревенская птичница, собирающая в подол куриные и гусиные яйца.

— Ну-ка, сюда, малыши, — сказала она. — Я знаю, где вы спрячетесь на одиннадцать лет, если будете умны…

Утти, числом восемь, с трудом поместились в подоле. И Нелле пошла прочь с замкового двора, обернувшись всего один раз — чтобы сказать Гансу:

— Оставайся тут, братик. Твоя-то судьба уже решена. Это будет прекрасная судьба, вот увидишь! Стелла Марис еще порадуется, глядя на тебя, когда ты взойдешь на борт в капитанской кирасе и с новеньким патентом на капитанский чин.

Ганс остановился, но Георг побежал следом и нагнал девушку уже на тропе.

— Это ты, Стелла Марис, Звезда Морей? Это ты пришла к морякам на выручку? — спросил он.

— Нет, молодой капитан, я не Стелла Марис, — ответила она. — А что, ты бы хотел увидеть Звезду Морей?

— Говорят, если она сама благословит моряка, его морское дно не примет, в любой шторм волны на берег вынесут.

Тут рядом с Георгом оказался Ганс.

— Ты расскажи ему, сестричка Нелле, — попросил мальчик. — Ты не знаешь его, а я знаю! Ему можно!

— Ступай, Ганс, и забудь все, что вспомнил по слову Стеллы…

— Нет, сестричка, нет, я не хочу забывать… Я никому не скажу, вот чем хочешь поклянусь: никому ни слова!..

Георг смотрел на девушку так, словно желал запомнить навеки ее лицо. И, видать, Нелле пожалела его, хотя вовсе не походила на девиц, склонных к излишней жалости. Их взгляды встретились — и на секунду приоткрылось перед ней будущее…

— Хорошо, молодой капитан, — сказала она. — Есть такой тайный уговор со Стеллой Марис. Если вдова моряка попала в беду и ей нечем кормить детей, она приводит их ночью на морской берег и говорит: Стелла Марис, ты мать и я мать, возьми моих ради своего материнства! И тут нужно рассказать всю правду — Стелла Марис не любит вранья. Скажем, женщина приводит детей и говорит: Стелла Марис, я понравилась

неплохому человеку, он готов взять меня с двумя младшими, которые скоро к нему привыкнут и станут звать отцом, но старшую дочь он, кажется, невзлюбил, и из-за нее у меня с тем человеком будут ссоры, если только он вообще решится со мной повенчаться; Стелла Марис, пусть хоть у маленьких будет отец! Это печальная правда, но правда, и если Стелла Марис принимает решение, то на берег набегает белый вал. А когда он откатывается — старшей дочери уже нет.

— И что же с ней дальше?..

— Она растет вместе с другими детьми Стеллы Марис, вырастает и становится помощницей. Если ты увидишь на дороге одинокую девушку в покрывале «серой сестры», или в клетчатой юбке горянки, или даже в мужском наряде, не смейся над ее одиночеством и не пытайся даже прикоснуться к ней — может быть, ее послала Стелла Марис кому-то на помощь.

— И это как — навсегда? — спросил Георг.

— Зачем же навсегда? Если такая девушка полюбит моряка, то Стелла Марис дает ей приданое и отпускает. А ее миртовый венок уплывает по волнам. Может быть и такое — старая мать придет на берег и скажет: Стелла Марис, я осталась совсем одна, будь милосердна, отпусти мое дитя! И тут тоже нужна вся правда… чаще всего Стелла Марис детей не отпускает…

— Почему?

— Потому что… Она строгая, Стелла Марис, и если мать вспоминает о детях только потому, что на старости лет хочет сесть им на шею!.. — тут Нелле помолчала, справляясь со вскипевшим возмущением. — Если она все эти годы не любила, не помнила свое дитя… если просит не ради любви…

— Но ведь Стелла Марис милосердна! — сердито перебил Георг.

— Милосердна. Белый вал может вынести на берег кошелек. Там ровно столько денег, чтобы внести вступительную плату в приют «серых сестер». И это все. Я сама несколько раз собирала такой кошелек и укладывала его на язычок волны… жалко было старушек, однако слово Стеллы Марис — закон…

— Но почему никто из моряков про все это не знает?

— Потому что это женский уговор со Стеллой Марис. Понимаешь? Женский. Я, наверное, плохо сделала, что рассказала тебе, но ты так смотрел…

— Но как же мальчики?

— Мальчики… Да вот Ганс, ты его спроси. Он ведь тоже из наших маленьких братцев.

— Не может быть. Его на «Варау» при мне родная мать привела, — возразил Георг. — Я ее своими глазами видел.

— Это Стелла Марис меня привела, — признался Ганс. — Она знала про уговор с арматором. А моя мама… моя, ну… ну, я не знаю… когда Стелла Марис вела меня за руку к «Варау», я уже не помнил про наш берег, я только понимал: мама вернулась… я шел с ней, как маленький… а она мне рассказывала про «Варау», и что мне уже скоро четырнадцать, и что я буду каждый год возвращаться в Виннидау…

— Твоя мама долго бедствовала, но сейчас она живет хорошо и счастлива в замужестве. Ты не ищи ее и ни в чем не вини… — Нелле вздохнула. — Ну, теперь ты, молодой капитан, все знаешь. Стелла Марис услышала, как ее зовут ваши старики, и послала на помощь меня. А я на Герденской дороге повстречала вас, только вы меня не заметили. Я шла за вами, слушала, как ты беседуешь с дядюшкой Сарво, и поняла, что вы тоже отправились выручать стариков.

Но я и подумать не могла, что вы в вейкенской корчме разругаетесь. Когда дядюшка Сарво, госпожа Менгден и ты, Ганс, выскочили, я как раз толковала с косарями, которых нанимали косить на лесных лугах возле Силаданне. Они много чего рассказали о повадках колдуна, да и о том, что у него есть в Хазелнуте приятель, Румпрехт Свенс. Поэтому я не сразу пошла за беглецами, а когда добежала до поворота, увидела на дороге только их следы. Мне стало ясно, что ты, молодой капитан, временно потерял троих товарищей, и когда матрос Бройт попытался сбежать, я его воротила…

— Он не пытался сбежать. Он просто пошел искать дядюшку Сарво, вдову Менгден и Ганса, — сказал на это Георг. — Он славный матрос, он меня в беде не бросил… ну, в общем, он — мой матрос, мне с ним разбираться… и я через два года буду его капитаном…

— Да, ты будешь хорошим капитаном, — согласилась девушка. — А теперь мне надо уходить. Стелла Марис ждет… я уже позвала ее…

— Куда?!. Куда уходить?!

— В море. Куда же еще? К Звезде Морей. На тот берег за седьмой мелью, где живут спасенные…

— Я тут, — раздался женский голос.

Стелла Марис вышла из-за дерева — такая, какой являлась обыкновенно морякам, босая и в длинном синем плаще.

— Матушка, я все выполнила, я дважды соткала твой белый крест, но иначе бы не справилась, и я прошу за этих вот… — Нелле выпустила из подола восемь утти. — Нельзя ли нам шкодников этих приютить? Они ведь действительно могут на суше попасть в беду.

Утти сбились в стайку и испуганно глядели то на Нелле, свою заступницу, то на женщину в синем плаще.

— На чьей вы стороне? — спросила их Стелла Марис.

— Да как сказать… Шкодим вот потихоньку. Большого зла не творим, так что, значит, вроде не на его стороне. Но и большого добра не творим, — смущенно ответил один из утти. — А бывает, что и помогаем, если приходит срок помогать… Как людишки, то есть… так вот и живем… как они, так и мы…

Шкодливое племя с надеждой уставилось на Стеллу Марис: коли она покровительствует людишкам со всеми их причудами и недостатками, то, может, и тех, кто под палубой, пожалеет?

— Это ты правду сказал, — согласилась она. — Хорошо, Нелле, я их забираю. Идем, милая.

И тут заговорил Георг.

Всякий, увидевший Стеллу Марис, может ее о чем-то попросить, но Георг совершенно забыл о всех своих мечтах и желаниях.

— Нелле! — сказал он. — Неужели мы больше не увидимся, Нелле? Так не должно быть!

Там, где только что стояли Стелла Марис, Нелле и прижавшиеся к ногам девушки утти, явилась пенная морская волна — может статься, лишь морок, видимость, явление из иного мира. Волна отхлынула неведомо куда — и на тропе остались только Ганс и Георг.

— Ганс, что же ты молчал? Почему не удержал ее? — в отчаянии спросил Георг.

— Кого, юнкер Брюс? Разве тут кто-то был? — спросил удивленный Ганс.

Георг повесил голову. И тут явилась еще одна волна. Не бурная, пенистая, а легонькая, золотисто-зеленоватая, с прорябью, испускавшая свет.

И она положила к ногам молодого капитана серебряную миртовую ветку.

Святослав Логинов
Где слышен колокола звон

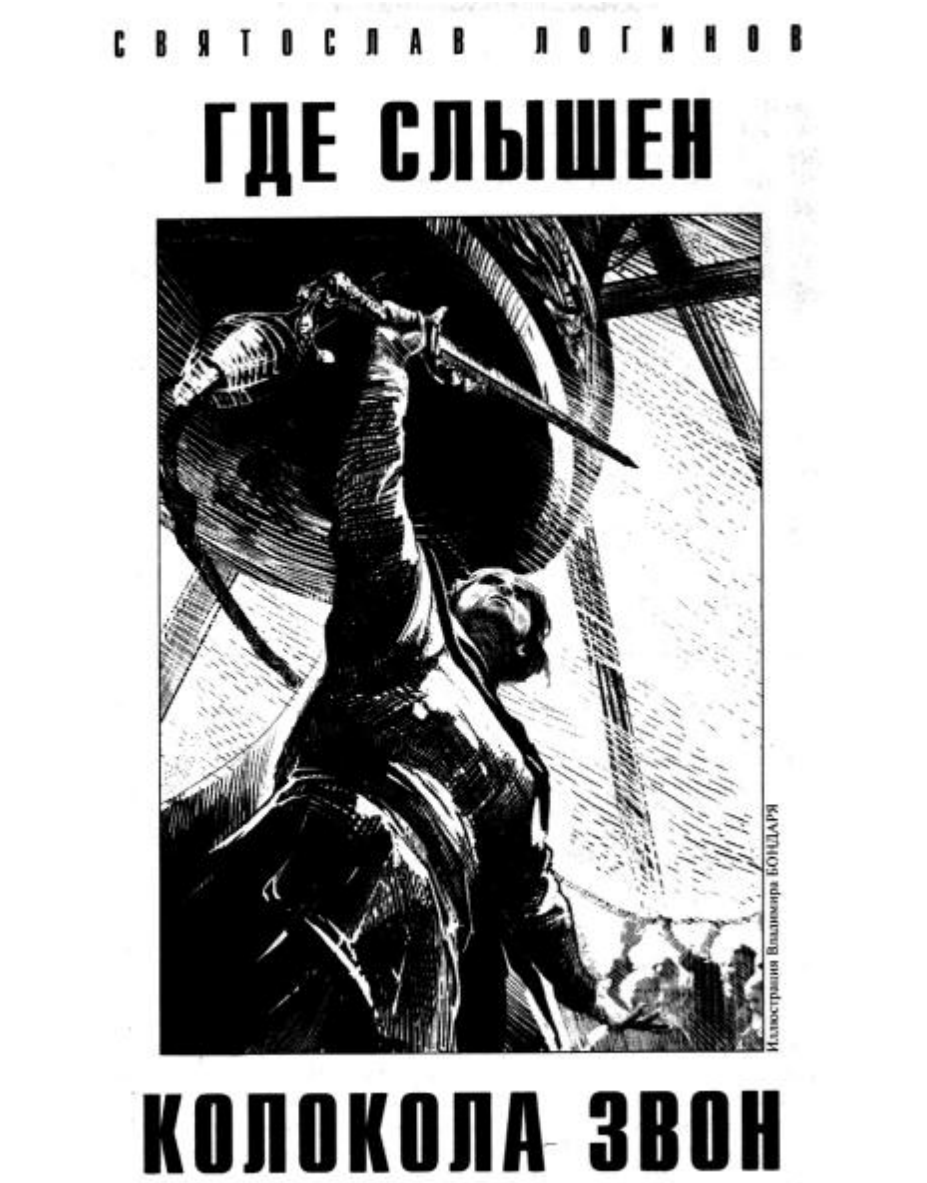


Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Огромные колеса со скрипом перемалывали бездорожье.

Четыре понурых тяжеловоза, дальние потомки могучих рыцарских коней, медленно ступая, волокли повозку. Люди шли по сторонам пешком, понимая, что повозка и без того безбожно перегружена и ни лошади, ни тележные оси не выдержат дополнительной нагрузки.

Торлиг иль Вахт шагал справа от повозки, а в те минуты, когда колеса вязли в болотистой почве так, что лошади не могли сдвинуть тяжесть с места, он хватался за спицы, выточенные из железного дерева, и что есть сил проворачивал колесо, помогая лошадям. Слева с хрипом налегал на колесо Пухр — коренастый мужик, до самых глаз заросший бородой, похожий скорее на лесного беса, чем на человека. Кто бы поверил год назад, что представитель сиятельного рода иль Бахтов будет в паре с грязным мужиком крутить тележные колеса. Но сейчас люди делились на пары по силе, а не по знатности, и все одинаково были перемазаны в болотной грязи.

Тяжесть страшенная, лошади напрягаются, люди налегают на колеса и задник телеги, и обоз медленно ползет по бездорожью неведомо куда.

Где-то на востоке лежит Колокольный тракт — гладкая дорога, вымощенная плотно подогнанными плитами. Там не пришлось бы крутить колеса, выволакивая повозку из раскисшей земли, и ежеминутно ждать нападения чащобных духов и прочей нечисти… Хотя, увы, теперь лесные и горные бесы чувствуют себя на тракте так же вольготно, как и в самых буреломных углах. А кроме того, на бывшей удобной дороге пришлось бы ежечасно сражаться с бандами мародеров, разрозненными остатками имперских войск, отставшими отрядами варваров, вторгшихся с юга. Все они давно потеряли человеческий облик, забыли за кого и ради чего воюют, а уж крошечный отряд с его драгоценным грузом они, разумеется, разграбят. Люди страшнее лесных дьяволов, это известно всем.

Да и сами лесные дьяволы, которых в прежние времена на тракте не видывали, тоже хлынули на дорогу, соблазненные обилием беспомощных человеческих существ. Тракт остался, а защитников нет, так что дикое бездорожье стало самым спокойным местом в некогда цветущей Атирике.

Тракт тянулся от города Сипур, бывшей вотчины иль Бахтов, через сожженную и разрушенную столицу далеко на север, вплоть до Ношиха, о котором говорили, что он не сдался врагу и сумел отбросить варваров от своих стен. Прочие города и городки, составлявшие прежде единую цепь, в которой каждый слышал голос соседа, теперь лежали в развалинах. Башни и звонницы рухнули, Колокольный тракт замолк. Вся надежда оставалась на

Ноших; туда и пробирался окольными тропами обоз Торлига иль Вахта.

Один из солдат подошел, ухватился за спицу, другой сменил мужика. Теперь можно передохнуть: размеренно двигаться, не думая, застряли колеса или катятся почти свободно. Пухр тупо брел, безвольно опустив руки и уставясь в землю, которую месил всю свою жизнь. Торлигу такое непозволительно: кому много дано, с того много и спрашивается. Случись беда, Пухру драться не придется; молча жил, молча и умрет. А род иль Бахтов издревна славен воинами. Покорно погибнуть Торлиг не имеет права, он обязан увидеть врага и сражаться с ним.

Повозка была приспособлена, чтобы ее тащили волы, а не кони. Длиннейшее дышло заставляло лошадей заворачивать на сторону и зря тратить силы. На самом конце дышла болтался позеленевший медный колокольчик. При каждом рывке он глухо взбрякивал. Когда обоз шел сквозь разграбленные земли, колокольчик подвязывали, чтобы не привлекать лихих людей. В этом краю вообще людей не было, а бесы и так отлично чуют идущих. Колокольчик, подвешенный к дышлу, — невелика защита от нечистой силы, но все же с ним спокойнее. По-настоящему в чужих краях от нечисти спасает только большой колокол, деревенский или городской, а в неведомых землях ничто не спасает. Тем не менее почти у всех идущих с отрядом на груди спрятан крошечный колокольчик: серебряный, бронзовый или медный, смотря по знатности и достатку. Нет нагрудных колокольчиков только у Пухра и самого Торлига.

Пухр прибился к обозу дней десять назад, когда они еще не потеряли надежды прорваться на север разоренным трактом. Никто не спросил Пухра о прошлом. Пришел, работает — что еще надо? Прошлое у всех осталось в прошлом; нет его больше. А вот о колокольчике спросили.

— Что я, корова, с боталом бродить? — угрюмо ответил Пухр. И, помолчав, добавил: — Не положено мне колокольчика.

Колокольчики имперским указом запрещались рабам, крепостным, бежавшим, но пойманным, и преступникам, осужденным на каторжные работы. Вот и гадай, с кем свела судьба на большой дороге, разоренной войной и нашествием нечисти. Хотя, всяко дело, свой каторжник лучше вражеского нобиля.

У Торлига колокольчики — и не один, а пять — были подвешены к рукояти меча. Пять колокольчиков — знак ильена, состоящего в родстве с императорским домом… кого это теперь интересует? Гораздо важнее заговоренный меч, способный разрубать дьявольскую плоть.

Люди двигались медленно, и колокольцы молчали, лишь тот, что на повозке, брякал порой словно бы вымученно.

Чахлые деревья с больной листвой, раскисшая болотная почва, зуд кровососов, которым давно пора погибать на зиму, а они остервенело жрут. И тропа, пробитая неведомо кем и ведущая неведомо куда. Вряд ли ее проложили люди, которые не выживут в этих краях, всецело принадлежащих нечисти. Но покуда тропа не слишком изгибисто ведет на север, люди пользуются удачей и волокут повозку бесовской дорогой.

— Зана, сай-сай-сай! — голос совершенно человеческий, более того, детский.

«Сай-сай!» — так в деревнях подзывают корову. Вот только Зана — имя женское, для коровы мало подходящее. А в южных краях, где владычествовал блистательный род иль Бахтов, назвать так корову мог только тот, кто напрочь лишен головы. Ведь за такие шутки лишиться головы можно очень быстро. Илла Зана, дочь старого Вахта, младшая сестра Торлига.

Не то имя, чтобы называть им корову.

— Сай, Зана, сай!

Конечно, тут север, здесь о Вахтах если и слыхали, то краем уха. Но все равно неоткуда взяться в глухомани подпаску, ищущему пропавшую корову. Значит, там бес-пересмешник, неосмысленно повторяющий подслушанные человеческие речи. Хорошо, если это безобидный проказник, не опасный большому отряду. А если кричит настоящий дьявол, хищный и неуязвимый для обычного оружия?

— Сай! Сай! Сай! — чистый детский голос, но кони захрипели и попятились.

Две, пять, семь темных фигур обозначились в кустарнике, а затем вышли на свет, перегородив дорогу. Косматая шерсть, вытянутые морды наподобие медвежьих, короткие кривые ноги, передние лапы, свисающие почти до колен. Лесной дьявол, полумедведь, получеловек, исполненный адской магии и нечеловеческой силы. Если нет зачарованного оружия, то победить такого в прямом бою почти невозможно: а тут их было семеро, и все нацелены на добычу.

Кто-то приглушенно ахнул, кто-то схватился за колокольчик, вполне сейчас бесполезный, другие за оружие, способное разве что оцарапать дьявола. Бежать не пробовал никто; последнее время люди слишком часто смотрели в глаза смерти и знали, что от голодного дьявола не убежишь. Призрачная надежда на спасение есть только у того, кто бьется, чувствуя, что спину прикрывает товарищ. И еще была слабая надежда на предводителя, вернее, на родовой меч иль Бахтов.

Торлиг взмахнул клинком. Колокольчики дружно всплеснули серебряную песню. Ближайший дьявол с неудовольствием посмотрел на оружие. Какими ему представлялись чары, слитые с мечом, не мог бы сказать и волшебник, творивший заклинания, но бесы поняли, что так просто добыча им не достанется. А они явно рассчитывали, что путники сдадутся без боя, безвольно лягут на землю: можно будет жрать их не торопясь и на выбор. Многоголосый звон колокольчиков и решительный вид предводителя ослабили бесовскую магию, и теперь люди могли сражаться.

К тому же и сами дьяволы действовали нерешительно, словно приморожденные. Вместо того чтобы взорваться визгом и ринуться на людей, они переминались с ноги на ногу, впустую разевали пасти, хрипло дышали, словно подбадривая самих себя. Потом один закричал тонким детским голосом:

— Сай! Сай! Сай!

— Сай! Сай! — донеслось в ответ.

Долго так продолжаться не могло. Если сейчас сюда сбегутся демоны со всего леса, не спасут ни мечи, ни колокольчики. Впрочем, они и так не спасут.

Первый из дьяволов выпустил двухвершковые когти и двинулся к повозке. Торлига он постарался обойти, на остальных попросту не обращал внимания. Его привлекали лошади.

Торлиг метнулся наперерез, взмахнул мечом. Дьявол мгновенно отшатнулся и попытался перехватить свистящий клинок, но зачарованное лучшими магами Атирики лезвие не поддалось грубому колдовству и отсекло лапу почти по локоть. Тут же слева, чтобы под меч ненароком не попасть, сунулся Пухр и огорошил дьявола дубинкой по башке.

Мужицкая дубинка — оружие особое. Волшебства в ней ни на грош, но лупит она основательно. Дюжина мужиков насмерть забьет самого увертливого дьявола — было бы время.

Остальные шестеро бесов, нимало не смущенные неудачей собрата, кинулись к лошадям. Домашние животные показались им вкуснее воинов, которые так некстати размахивали острым железом.

Торлиг оставил раненого дьявола Пухру и кинулся на помощь отряду. Одному дьяволу он сумел, обрушившись сзади, срубить голову, но следующего неловко ударил поперек спины, и меч завяз в дьявольской плоти.

Другие воины, у которых не было заговоренных мечей, наскакивали на демонов, не рискуя бить со всей силы, а лишь нанося им царапины, на которые бесы до поры не обращали внимания. Но все знали: когда лошади будут растерзаны, очередь

дойдет и до людей.

Отчаянным рывком Торлиг высвободил меч. Дьявол, получивший серьезное ранение (хребет наверняка был перебит), не сумел прыгнуть на обидчика. Ноги на время отказали ему, но, упав на брюхо, он стремительно пополз на Торлига, перебирая передними лапами и клацая зубастой пастью. Времени на замах не было, Торлиг неловко ткнул мечом и отступил на шаг, отчаянно надеясь, что Пухр не даст опомниться тому бесу, который остался за спиной.

В этот миг прозвучал чей-то вопль, дикий и неуместный во время схватки:

— Корова!

Не то время, чтобы глядеть по сторонам, но услышанное было столь неожиданным, что Торлиг невольно скосил глаза.

Возле кустов стояла корова. Низкорослая крестьянская буренка, она, видимо, только что выбралась на открытое место из цеплючих кустов и теперь мотала головой, словно отгоняя слепней. Жестяное ботало на шее неслышно взбрякивало, но бесы, по всему видать, слышали его отлично, потому что разом оставили добычу и замерли, уставившись на корову.

Один из дьяволов разинул пасть и тонко закричал:

— Сай! Сай!

Голосок детский, а из пасти летят кровавые брызги и ошметки лошадиного мяса.

Корова глухо, с придыханием замычала. По всему было видно, что она устала бродить по колючим кустам в этом неприветливом лесу, хочет домой, а зовущие голоса уводят ее прочь от родного хлева.

— Отходим к корове! — скомандовал Торлиг.

Странная команда, небывалая в прежние времена, когда никто представить не мог, чтобы ильен с заговоренным мечом крутил колеса повозки или сражался бок о бок с беглым мужиком. Но сейчас все понимали: корова давно бродит по бесовскому лесу, а дьяволы не трогают ее. Значит, есть нечто, не позволяющее им настичь добычу.

— Сай, Зана, сай!

В эту минуту можно было ожидать разве что появления новых бесов, спешивших на поживу, но из кустов выломился мальчишка, такой же грязный и ободранный, как и его корова.

— Зана, вот ты где! Я тебя по всему лесу ищу!

Лишь затем взгляд его остановился на картине побоища.

— Вы что здесь делаете? А ну, кыш отсюда! Кыш, кому говорю!

Мальчишка взмахнул прутиком, зажатым в кулаке, и лесные

демоны, каждый из которых мог бы перекусить его пополам, кинулись врассыпную. Тот, который пострадал первым, пытался схватить отрубленную лапу, но неумолимый Пухр саданул дубинкой по кровоточащей культе, и калечный дьявол убрался восвояси, ничего не получив. Конечно, потерянная лапа отрастет заново, но это будет не скоро, а если бы отрубленное удалось унести, то за пару дней дьявол прилизал бы конечность на прежнее место. Бесы — твари живучие.

Дьявол с перебитым хребтом уполз едва ли не быстрее своих товарищей. Уж с этим все будет в порядке: отыщет подходящую корягу, отлежится и снова примется разбойничать. Зато бес, лишившийся головы, уполз с превеликим трудом, слепо тыркаясь в кусты и кочки. Отрубленная башка осталась валяться в траве. Она вращала глазищами, скалила пасть и хищно щелкала зубами, но все знали, что через несколько часов она издохнет. Голову на место не прилижешь никак, да и нечем. А если повезет, то и весь остальной дьявол издохнет, не успев отрастить новую башку.

Мальчишка, так лихо разогнавший стаю самых страшных на свете существ, подбежал к своей корове, обхватил за шею.

— Ну что, дуреха? Кому поверила, куда убрела? Вот попалась бы настоящему медведю, он бы тебя живо освежевал.

Торлиг приблизился к мальчишке, склонил в поклоне гордую голову:

— Спасибо тебе. Выручил.

Мальчишка оглядел побоище, взъерошенных, залитых кровью людей, накренившуюся повозку, лошадей, двум из которых уже никогда не встать на ноги…

— Как вас сюда занесло? Тут чужим делать нечего. Из Ношиха бежите?

— Мы идем в Ноших из южных земель. Говорят, Ноших держится, варвары не смогли его взять…

— Ага, держится, как же. Горел так, что отсель видать было. А уж народу оттуда бежало — страсть. То-то бесам пожива!

— Постой, я вижу, ты местный. Вы-то как же уцелели?

— Что мы? На отшибе живем, наш колокол ниоткуда не слыхать. И сеньора у нас нет. Так и живем с бесами в обнимку. Зато нас и набежники не нашли. Ноших они пограбили, колокола перебили. А в лес соваться даже не пытались. Видать, ученые, знают, что с ними тут будет. Это тебе не по тракту гулять.

— Теперь и по тракту нежить как у себя в чаще ходит. Ни единого колокола не осталось… одно название, что Колокольный тракт.

— Выходит, людскому роду конец, — рассудительно сказал мальчишка. — Нам об этом еще проповедник рассказывал.

Замолкнут, говорил, колокола, придут бесы, а людям наступит гибель. Бродячий проповедник. Три дня у нас гостевал, а потом дальше пошел. Только от нас идти некуда, так его в лесу и съели. Не любят у нас чужих.

— Их нигде не любят.

— Коли знаете, чего пришли?

— Говорю же, в Ноших пробирались, думали, там все в порядке.

— Так и шли бы в Ноших.

— Хотя бы до деревни ты нас проводишь?

— А вы там приметесь мечами махать да народ грабить? Нет уж, идите, откуда пришли.

Объяснять, говорить не имело смысла. Мальчишка явно не умел мыслить за пределами своей коровы. Но он был здешним, он был защитником, и забывать это непростительно. И Торлиг продолжал уговаривать:

— Ты сам посуди, ежели мы вам что худое сделаем, кто людей в другой раз от лесных демонов оборонит?

— Вот уж чего не знаю. Те, которые из Ношиха беженцы, теперича плачут, а прежде приходили и грабили. И колокола снимали. Раньше тут много деревень стояло, а ныне одна наша осталась, да и то потому что не достать.

— Ты пойми, дело общее. Люди выжить смогут, только если друг за друга держаться будут.

— Да не за нас вы держитесь, — неожиданно зло крикнул мальчишка, — а за наш колокол!

— Без людей, что под ним родились, колокол нам не поможет. Вы сейчас единственные защитники от бесовских сил.

— Так я и не говорю, будто вы нас всех перебьете. Вы на мужицкую шею сядете. Мы это оченно хорошо понимаем. Один такой уже пришел из Ношиха со своей ватагой. Убить покуда никого не убил, только они скот принялись резать! Думаете, почему стадо в такой глухотени пасти приходится? От знатного ильена спасаемся… Да и ты не лучше, вон у тебя колокольцев на мече сколько! Небось спишь и видишь, чтобы сеньором в нашей деревне сесть. Тебе волю дай, ты все под себя подгребешь!

— Не подгребет! — неожиданно вмешался в разговор лохматый Пухр. Он вышел вперед и остановился, опершись о свою дубину. — Знаешь, кто с тобой говорил? Младший иль Вахт, сын наместника юга. Ему ваша деревенька без надобности, у него во владении деревень было больше, чем у тебя вшей в голове. И ничегошеньки не помогло. Так что он теперь ученый, зарекся под себя подгребать. А я в одном из поместий Бахтов холопом был. Убегал из холопского ярма, от родного колокола бежал. Поймали.

Драли смертным боем и клейма ставили. — Пухр засучил рукав, и Торлиг увидел на предплечье мужика выжженный знак — колокол Бахтов.

Парнишка хотел что-то сказать, но Пухр не дал.

— Молодой господин обо мне, поди, и не слыхал, — продолжил он. — Бил да клеймил палач, а приказывал ему управляющий. Того потом повесили на собственных кишках. Это когда желтоглазые вторглись. Мужики взбунтовались и все обиды припомнили. А после сообразили, что не следует перед общим врагом старые вины поминать, да поздно было. Желтоглазым разницы нет, они всех без разбора порезали. И колокола побили. Тоже не по уму, так ведь им тут не жить.

— И что? Разгром твоему ильену ума прибавил?

— Прибавил. Это молодой господин меня не знает, а я его сразу признал. Три дня за отрядом крался, дубинку вот вырезал на ильенскую голову. А потом посмотрел, как он повозку из грязи вытаскивает, подошел и рядом впрягся. Потому что не время старыми обидами считаться.

Мальчишка по-прежнему глядел недоверчиво, и Пухр быстро добавил:

— Проводишь нас до деревни, я тебя научу вирвешку делать.

— А если не провожу? — въедливо спросил пастушонок.

— Тогда меня черти съедят, и ничему я тебя не научу.

— А ты не врешь? Сам-то ее делать умеешь?

— Чего мне врать-то? Мое слово — кремень, как сказал, так и будет.

— Поклянись!

Пухр развел руками.

— Не на чем мне клятвы давать. У меня и малого колокольчика нет.

— Как тогда тебе верить?

Пухр подошел к отрубленной дьявольской голове, наступил, прижав ее к земле. Уши на башке задергались, щелкнули зубы.

— Хочешь, руку в пасть суну?

— А как ты без руки учить станешь?

— Тогда верь на слово.

— Ладно, — сдался подпасок. — Отведу вас к деду Путре на пасеку. Пусть он вашу судьбу решает. Только учтите: дед Путря — колдун. Вздумаете обмануть — он из леса чертей позовет, они вас сожрут и костей не оставят.

Парень врал, и это понимали все. Не бывает у человека такой силы, чтобы повелевать нечистью. Прогнать бесов может любой из родившихся под охраной колокола, если, конечно, колокол цел и человек не ушел со своей родины в чужие края. А призвать и

заставить нечисть делать что-то по чужой воле — такого не бывает. Но мальчишке никто не возразил: пусть думает, что напугал чужаков.

— А если мою корову Зану обидите… — губы у мальчишки задрожали. Он явно хотел придумать что-то небывалое, но не сумел. Не говорить же десятку вооруженных мужчин, что он их голыми руками порвет.

— Да кто на такое осмелится? — произнес Торлиг. — Она же нас спасла, можно сказать…

Подошел к буренке, погладил теплый лоб. «Ну, здравствуй, сестренка», — мелькнула шальная мысль. Настоящая илла Зана верила в переселение душ, и когда Торлиг виделся с сестрой в последний раз, она сказала ему:

— Ты за меня не беспокойся, люди насовсем не умирают. Даже если случится беда, на свете появится другая Зана, и это буду я.

Если была в этих словах хоть крупица правды, то как жестоко судьба карает людей за их гордыню!

* * *

Желтоглазые вторглись из-за пролива. Пролив был неширок, но считался достаточной преградой на пути врага. Противоположный берег был гол и скуден. Оттуда в середине лета приходили палящие ветры. Там кочевали жалкие племена, живущие неясно чем. Рассказывали, что они питаются одним солнцем, а если им показать кусок льда, они немедленно умирают. Порой дикари начинали пиратствовать в проливе, тогда их приходилось отгонять обратно в пустыню. В конце концов иждивением наместников, которые всегда назначались из рода иль Бахтов, на противоположном берегу было выстроено несколько небольших крепостей, и морской разбой прекратился. В глубь засушливой земли соваться никто не пытался, там тянулись неведомые пространства и обитала чуждая нечисть, с которой никто не умел бороться. Поэтому люди не знали, что копится в полуденных землях, готовясь обрушиться на приморские города, а затем выплеснуться на Колокольный тракт и всю империю.

Чуть ли не в один день укрепления на том берегу были сметены волной пришельцев, а затем на захваченных рыбацких кораблях, утлых лодчонках, плотах, составленных из надутых козьих бурдюков, вообще непонятно на чем орда ринулась на другой берег. В проливе часты шквалистые ветры, налетающие

невесть откуда; один такой шквал мог бы разом утопить все вражеское войско, но как назло море было, словно личико юной девы: ни единой морщинки на безмятежной глади.

До последней минуты старый иль Вахт не верил, что случилось непоправимое. Ну, сожгут варвары пару рыбацких деревушек — беда невелика, а увидав подошедших из Сипура солдат, немедленно смажут пятки маслом, чтобы легче было убегать.

Во главе карательного отряда старый иль Вахт поставил своего сына Торлига. Через неделю Торлиг с жалкими остатками войска отступил к замку Вахт, родовой твердыне, которую никто и никогда не мог взять. Именно тогда Торлиг последний раз виделся с сестрой.

Илла Зана в этом году отметила семнадцатилетие и осенью должна была выйти замуж за наследника пышного рода иль Дионов. Прощаясь с сестрой, Торлиг еще не знал, что крепость Дион пала, город сожжен, а жених его сестры погиб во время штурма, и тело его осталось ненайденным. Но уже было известно, что варвары подошли вплотную к южной столице, и со дня на день Сипур окажется в осаде.

Долг призывал Торлига идти на выручку Сипура, а сердце требовало защищать родное гнездо, серебряный колокол Бахтов. Впрочем, в замке был сильный гарнизон, сама крепость стояла на отвесной скале, так что никакая лестница не могла достать гребня стены. Глубокий колодец во дворе снабжал осажденных водой, а провианта в подвалах могло хватить на год осады. Казалось бы, что может угрожать горделивой цитадели?

И все же Торлиг предложил сестре вместе с ним отправиться в Сипур, где наверняка будет безопаснее, чем здесь. Зана отказалась.

— Кто-то из иль Бахтов должен оставаться возле родового колокола, — сказала она и добавила, что люди насовсем не умирают. Слова, которые Торлиг иль Вахт вспоминал, стоя напротив слюнявой коровы и пытаясь поймать ее спокойный взгляд.

Тогда он, попрощавшись с Заной, успел со своим отрядом на помощь столице и, стоя в проломе стены, отбивал атаки упорно штурмующих желтоглазых. За его спиной набатно гудели двенадцать колоколов Сипура, но почему-то воины, шедшие за Торлигом, не могли опрокинуть противника и погнать его к морю. Внизу бесновались варварские шаманы, их грязная волшба лишала желтоглазых страха и заставляла оголтело лезть на солдатские копья и мечи.

Потом издали донесся серебряный голос замка Вахт, и

Торлиг почувствовал, как вспыхнул огненной мощью заговоренный меч, и одним движением клинка срубил вражеских чародеев, до которых не мог бы дострелить самый опытный лучник.

Яростный напор желтоглазых ослабел, но они продолжали лезть на стены и в пролом. А солдаты, большинство из которых были набраны в других провинциях, дрались словно бы неохотно.

Много позже понял Торлиг иль Вахт причину поражения. Колокол лишь призывает людей на подвиг, а отпор врагу дают все-таки люди. Не полководец, не армия, а весь народ. Прежде чем удастся разбить колокол, бывает расколот народ. Мужики по окрестным деревням угрюмо следили за усилиями ильенов и армии, но главное чувство: «Да пропади они пропадом — и те, и эти. Небось при желтоглазых такой тяготы не будет».

И солдаты, даже те, что родом из Сипура, не чувствовали в себе силы сражаться.

Снизу подошли новые орды дикарей и новые шаманы, а у самого горизонта объявился густой, черный дым. Неприступный замок Вахт горел. Вскоре замолк серебряный призыв родного колокола, и погасла сила в мече. Меч и теперь оставался заговоренным, способным разрубать бесовскую плоть, но чудеса во время сражения стали недоступны. А желтоглазые шли волна за волной, и хотя через пролом Торлиг их не пропустил, но вражеский прилив захлестнул город, и двенадцать колоколов Сипура смолкли один за другим.

С несколькими верными солдатами Торлиг вырвался из горящего города. К утру они были возле развалин замка Вахт. Торлигу так и не удалось понять, как именно был взят замок. Кажется, вражеские пластуны поднялись по гладкой стене, и защитники, собравшиеся у ворот, которые безуспешно штурмовало остальное войско, не заметили врага, ползущего там, где проползти нельзя. Впрочем, в живых не осталось никого, кто мог бы рассказать правду.

Сестру Торлиг нашел на звоннице. Варвары захватили ее живой и долго насиловали прямо под колоколом, прежде чем зарезать. Колокол был снят, замок разграблен и подожжен.

Следы тележных колес уводили к морю. Торлиг кинулся следом и настиг грабителей у самого корабля. Желтоглазых было немного, основная масса шла на север, а здесь оказалась лишь охрана, отвозившая добычу на корабли. В короткой схватке варвары были изрублены, корабль потоплен. В тяжелых повозках лежали сокровища ильенов Вахта. Драгоценные камни, мрамор и оникс, золотошивные ткани, резной рыбий зуб Торлиг велел покидать в море. Сохранить богатства было невозможно, но и

отдавать их врагу — свыше сил. А вот золото, серебро, узорчатую бронзу перегрузили на большую повозку, которую предстояло взять с собой. Там же нашлись и остатки колокола, разбитого на десятки кусков. Они и составили самую главную часть ноши.

Потом в разоренных городах и поселках они находили осколки колоколов и брали с собой хотя бы малую часть разбитых святынь; сколько могли выдержать тележные оси и сдвинуть лошади и упорные люди.

Теперь они, кажется, достигли последней деревни, где еще слышался колокольный звон, и судьба дошедших зависела от того, согласится мальчишка проводить чужаков в безопасное место или бросит на растерзание лесным дьяволам. Зависела от вирвешки, которую посулил подпаску беглый мужик Пухр.

Что такое вирвешка — никто не знал. У мужиков свои приемы и в мастерстве, и в колдовстве. Мальчишка понял, что ему обещано, — и довольно. А зря выпытывать, только дело портить.

Одна из лошадей была мертва, вторая так покалечена, что ее пришлось добить. Двух уцелевших перепрягли, но сдвинуть повозку с места не смогли. Вместе с лошадьми в повозку впряглись и люди, которые прежде помогали только в топких и закоряженных местах. От работы были свободны только двое путников: беременная женщина, подобранная на полпути неподалеку от разрушенной столицы, и старик-южанин, уроженец Сипура, сухой и морщинистый, при взгляде на которого совершенно не понять — шестьдесят ему или сто двадцать. Эти двое и прежде были избавлены от тяжелой работы, даже на повозке могли проехаться, если случался ровный участок дороги, а теперь они просто шли налегке. Остальные медленно и с надрывом катили повозку по лесному бездорожью. Помогало справиться с каторжным трудом то, что не надо было ежесекундно ждать бесов. Рядом, помахивая хворостиной, гнал свою корову защитник. Если дьяволы и были в округе, они видели защитника и не смели показаться.

Издалека, приглушенный лесом и расстоянием, донесся звук колокола. Люди остановились, вслушиваясь. Звон плыл над чащобой, обещая покой и безопасность.

— Кажется, дошли, — сказал кто-то из солдат.

* * *

Пасечник Путря принял пришельцев неприветливо, а мальчишку, вкатившего этакую прорву нежданных гостей, хотел

поучить той самой хворостиной, которой пастушонок разгонял бесов.

Торлиг вступился за мальчишку и постарался успокоить старика, а когда тот рассказал, что творится в деревне, стали понятны и причины недовольства, и еще многое.

Деревушка Кашто насчитывала едва полсотни жителей и последние сто лет была отрезана от всего остального мира. С тех пор как пожары и ильенские междоусобицы уничтожили соседей, деревенский колокол уже ниоткуда не услыхать. А это значит, что попасть в Кашто можно, только пройдя места, где хозяйничали лесные дьяволы. Нет колоколов, нет и защитников, которые могли бы разогнать нечисть. Рисковать никому не хотелось, и Кашто в глазах жителей Ношиха и окрестных поселков превратился в место сказочное, населенное едва ли не теми же бесами.

В результате оно осталось единственным в округе, куда не дошли желтоглазые. Варвары, разгромившие города и посады вдоль Колокольного тракта, в глухомань сунуться не осмелились. Демоны-кровопийцы, стылые духи и лесные дьяволы за месяц могли истребить самое сильное войско, а шаманы желтоглазых, привычные смирять духов пустыни, не умели бороться с незнакомой нечистью. Поэтому, захватив, что смогли, и уничтожив все остальное, варвары откатились в свои пределы, оставив страну, где люди больше не могли жить. Колокола не защищали чужаков, и желтоглазые с особой злостью жгли колокольни и разбивали колокола всюду, куда могли дотянуться. После ухода вражеского войска разоренную страну заполонила нечисть, прежде прятавшаяся по укромным углам.

Тут народ и вспомнил про затерянную деревушку Кашто, чей колокол остался цел.

Часть беженцев досталась на поживу дьяволам, но очень многие дошли и захлестнули деревню, которая не могла ни прокормить, ни защитить такую прорву народа. А два дня назад в Кашто пробился со своим отрядом один из ильенов Ношиха, и сегодня жителям деревни и тем беженцам, кто имел оружие, было велено собраться на площади у колокольни.

Спасенную деревню ожидали трудные времена.

Повозку и часть людей Торлиг оставил на пасеке, а сам с шестью солдатами и Пухром отправился в деревню. Прежде он поостерегся бы брать на такое дело беглого мужика, но теперь, когда узнал, кто такой Пухр, отказать не мог. Казалось бы, доверия беглецу, битому и клейменому, не должно быть вовсе, тем более что Пухр сам рассказал, на чью голову он вырезал дубинку, но у благородных ильенов своя логика, и Пухр оказался

в числе избранных.

Вместе с солдатами шел мальчишка, которого, как выяснилось, звали Риль. Странно немного, что восемь взрослых мужчин идут под охраной босоногого подпаска, но в годину бедствий и не такое случается. Риль местный, он родился под этим колоколом, и покуда колокол звучит, никакая нечисть не смеет тронуть защитника и тех, кто идет вместе с ним.

Риль тащил дубинку Пухра, а тот объяснял что-то на пальцах: должно быть, учил делать таинственную вирвешку.

На деревенскую площадь отряд поспел в самую пору. Пространство перед колокольней оказалось нацело заполнено людьми. Полсотни жителей деревни и столько же вооруженных пришельцев — толпа невелика, но вокруг колыхалось море простых беженцев: мастеровых, крестьян, торговцев, женщин с детьми, стариков, сумевших дойти туда, где маячил призрак спасения.

Колокольня — единственное каменное строение в поселке. С ее ступеней пришлый аристократ и обратился к народу. Собственно, сначала на ступени поднялся усатый стражник и рявкнул:

— Всем молчать! Благородный ильен будет говорить!

Есть трудноуловимая разница между бывалым солдатом и таким же стражником. Вроде бы и тот, и другой — старые служаки, у них одинаковое оружие, и стальные нагрудники не различаются. У обоих обветренное лицо и хриплый голос, но всякий различит их с первого взгляда, хотя и затруднится сказать, как это удалось. Возможно, разница в том, что солдату чаще приходится иметь дело с врагом, нежели с разбойниками и ворьем, и потому нет в нем вольготной разболтанности, которая отличает стражника. Во всяком случае, Торлиг ясно видел, что ильена окружает стража, а не обученные солдаты.

На площади воцарилась тишина.

Тучный ильен в богатой, хотя и изрядно потрепанной одежде поднялся на возвышение, обвел цепким взглядом толпу.

— Я, Кауль иль Дзер, беру эту деревню под свою защиту и покровительство. Родившиеся под колоколом будут платить установленный налог и исполнять работы в лесу и на полях, чтобы воины, охраняющие их покой, ни в чем не испытывали недостатка. Те, кто пришел сюда с оружием, должны пройти испытание и, буде выдержат его, обязаны принести клятву верности благородному дому иль Дзеров, после чего я приму их на службу. Остальной сброд также не оставлен нашими милостями. Мне нужны рабы, чтобы выстроить новый замок взамен разрушенного. Тот, кто станет хорошо работать, будет

иметь безопасное жилище и верный кусок хлеба. Пока замок не выстроен, колокол останется здесь, а затем его перенесут в цитадель, где он пребудет в полной безопасности. Я, Кауль иль Дзер, объявил вам свою волю.

— Жители Кашто никогда не были крепостными и никому не платили налогов! — судя по прожженной одежде и черным рукам, человек, выкрикнувший эти слова, был местным кузнецом или подручным кузнеца. — Не много ли ты берешь на себя, ильен?

На лице иль Дзера заиграла хищная улыбка. Ильен явно ждал подобного выкрика и теперь был доволен. Торлиг мгновенно понял, что сейчас произойдет, и, раздвинув плечом толпу, вышел вперед, заслонив дерзкого мастерового.

Расчет иль Дзера был прост: убить первого, кто посмеет возразить ему. Жестокая расправа немедленно приведет к покорности всех остальных. Однако зачарованный ильенский меч не настиг жертву, столкнувшись с другим клинком.

— Тебя спросили: не много ли ты берешь на себя?

— Кто таков? — спросил иль Дзер, отступив на полшага. Стоящий перед ним был грязен и оборван до невозможности. После путешествия по бесовским хлябям одежда, некогда богатая, истрепалась настолько, что даже портной, сшивший ее, не смог бы отличить наряд Торлига от обносков Пухра. Но в руке оборванца был зажат меч с колокольцами на рукояти. Впрочем, в нынешние смутные времена оружие ильена, даже самого знатного, легко могло попасть в руки черни. Поэтому иль Дзер не слишком испугался и отшагнул лишь для того, чтобы удобнее нанести удар.

— Мое имя Торлиг иль Вахт!

— Ха, ты бы еще императором назвался! Вахты были первыми, кого смело нашествие. Не знаю, где ты украл меч, но носить его ты не будешь.

— За такие слова убивают, — произнёс Торлиг.

Иль Дзер ударил первым. Простейший выпад, рассчитанный на мужика, в жизни не державшего в руках оружия. Иль Вахт с легкостью отразил удар и сам перешел в атаку, которая также была отбита. Видно, тучный ильен в молодости был неплохим фехтовальщиком. Люди шарахнулись в стороны. Даже те, кто всю жизнь прожил в Кашто и до сегодняшнего дня видал ильена разве что в страшном сне, понимали, что под меч лучше не соваться.

Через минуту иль Дзер понял, что долго не выстоит. Южная школа фехтования славилась по всей стране, а младший иль Вахт не зря брал уроки у лучших мастеров. И как бы ни был он измучен многодневным переходом, одышливый Кауль иль Дзер не мог стать ему достойным соперником.

— Взять! — выкрикнул иль Дзер, отступая под градом непрерывных ударов.

Два десятка стражников стояли у него за спиной и до поры не вмешивались, но, услыхав приказ, выхватили оружие и принялись заходить с боков, желая окружить иль Вахта. Чему другому, а умению нападать втроем на одинокого противника, заходя со спины, они были обучены превосходно. Шестеро солдат, пришедших с молодым ильеном, тоже выхватили мечи, но и это не смутило стражу, воодушевленную численным перевесом.

Но тут из толпы крестьян с басовым гудением вылетел серый с нечеткими границами клубок. Прожужжав над головами дуэлянтов, он с громким чмоканьем впечатался в лоб усатому стражнику. Тот всхлюпнул и мешком повалился на ступени, с которых не успел сойти. Остальные стражники, не ожидавшие ничего подобного, попятились.

— А кому еще? — проревел голос Пухра.

Мужик выскочил на открытое пространство: дубинка в левой руке, правая воздета к небу, а по растопыренной пятерне пробегают разноцветные сполохи.

Возможно, стражники сумели бы оправиться от неожиданности, но в это миг точный удар настиг Кауля иль Дзера. Меч с тремя колокольчиками брякнулся на землю.

— Мечи в ножны! — выкрикнул Торлиг.

Этот приказ знали все. Ильен, победивший в поединке, обещал сохранить жизнь свите противника, если те немедленно сдадутся.

Мстить за погибшего предводителя не хотел никто, мечи вернулись в ножны.

Теперь на ступени поднялся Торлиг в окружении своих солдат.

Толпа глухо вздохнула. Хорошего не ждали; люди видели, что мелкопоместный ильен, бежавший из Ношиха и только что объявивший деревню своей собственностью, убит, но вряд ли победитель окажется лучше побежденного.

— Мое имя Торлиг иль Вахт, — говоривший не повышал голоса, но его слышали все. — Мы дрались с варварами на юге и были разбиты. Беда случилась потому, что под нашими колоколами не было единства. Раб не может быть братом господину, но знатные ильены, мой род в том числе, забыли об этом, и враг сокрушил нас. Мы забыли, что должны служить колоколам, и возомнили себя господами. За нашу вину наказан весь народ. Теперь пришло время исправлять ошибки. В Кашто никогда не было рабов и крепостных, не будет их и впредь, хотя ближайшие год или два трудно придется всем. Хлеба не хватает,

да и других припасов тоже. Чтобы прокормиться, надо распахивать пустоши, идти в лес на охоту. Но беженцы смогут стать землепашцами и охотниками, только если их будут защищать те, кто родился под здешним колоколом. Жители Кашто, от имени всех людей я прошу вашей помощи. Строить нам тоже придется, но не замок и не цитадель, а дома и новую колокольню…

— Колокол не отдадим! — метнулся заполошный крик.

— Тише! — впервые повысил голос Торлиг. — Вам ничто не грозит. Клянусь, пока я жив, ни один чужак не коснется колокола. Он ваш и останется вашим. Вы, наверное, знаете, что мы пришли не налегке, а с обозом. С нами прибыл колокольный мастер, и мы привезли металл, нужный для отливки. Теперь нужно выбирать место и строить новую деревню. Ставить ее так, чтобы два колокола слышали друг друга. Справиться с этим делом можно, только когда работать будут все. Если беженцы останутся без вашей защиты, они погибнут. А коли вы останетесь одни, ваша судьба тоже будет незавидна.

— А с этими что делать? — спросил кто-то из крестьян, указав на стражников иль Дзера. — Нешто они работать станут?

— Станут. Жить хочется всем, и они будут охотиться вместе с вашими охотниками, стоять в карауле, сражаться с бандитами, которых еще немало явится на нашу голову. Если кто не захочет — пусть уходит прямо сейчас. А убитых похороним. Что же им возле колокольни валяться…

— Эй! — подал голос Пухр. — Усатого не хороните. Он очухается через пару минут. Ничего я ему не сделал, еще здоровее будет, чем прежде.

Люди, собравшиеся на площади, шумели, обсуждая промеж себя небывалое обращение. Расходиться по домам никто не хотел, а немедленно приниматься за какую-то работу тоже было как-то неловко. Впрочем, уже начали сбиваться охотничьи ватаги, искать себе старших, выяснять, почему дикий зверь бесов не боится и по какой причине бесы людей и домашний скот дерут, а лесное зверье не трогают. Староста объяснял, где прежде была соседская деревня: «Там и земля хороша, и озерцо подходящее, и наш колокол слышен во всякую погоду…».

Люди начинали обустраивать жизнь. А ильен… пока дела идут правильным порядком, он не очень-то и нужен.

Торлиг подошел к Пухру, который шлепал по щекам бесчувственного стражника.

— Чем ты его?

— А вирвешкой. Хорошую вирвешку час надо замешивать, чтобы она сработала, так я, пока сюда шел, Рильке объяснял, как

это делается. Вот и пригодилось.

— Зачем тогда вопил, что еще один шар пустишь?

— А чтоб боялись.

Люди, толпящиеся кругом, засмеялись. Нервный смех, какой бывает, когда неминучая, казалось бы, беда оборачивается счастливым концом.

— Непрост ты, братец.

— А чего мне простым быть? У меня, вон, дубинка простая.

Торлиг наклонился, поднял меч, выпавший из руки иль Дзера, оборвал с эфеса колокольчики, затем рукояткой вперед протянул Пухру.

— Держи. Твой будет.

— Зачем мне? — испугался мужик. — Я не умею этакой штукой орудовать. Да он еще, поди, заговоренный.

— Заговоренный, — согласился Торлиг. — Но ты бери, не стесняйся. С вирвешкой смог, значит, и с ильенским мечом управишься. А если что, я тебе помогу. Буду учить, как ты Риля. Нечего тебе дубинкой размахивать да вирвешками пуляться. Привыкай к настоящему оружию.

Вручая меч, Торлиг не досказал главного, что и сам понял лишь после разгрома под стенами Сипура. Многие сейчас гадают, как удалось варварам сокрушить страну, а секрет прост: прежде чем расколется колокол, раскололся народ. Ильены, почитающие себя благородными, носят заговоренные мечи и демонстрируют с ними боевые фокусы, на которые неспособны прочие люди. Мужики балуются вирвешками и, быть может, еще какой-нибудь чепухой. У торговцев, мастеровых, даже у кухарок — свои маленькие хитрости, крошечная волшба. Но все это не складывается в единую магию народа. Даже в те времена, когда Колокольный тракт связывал всю страну, человек, покинувший малую родину, оказывался возле чужого колокола чужаком. А такую страну, такой народ не победит только ленивый.

Об этом бесполезно разговаривать. Прежде надо сделать так, чтобы в деревнях не было крепостных, в усадьбах — рабов, чтобы ильен, без которого тоже не обойтись, не чувствовал себя владыкой, а служил колоколу и народу. Тогда, может быть, люди перестанут делиться на своих и чужих, и любой колокол станет для человека родным.

А пока нужно просто спасать уцелевших.

Колокольчики, ободранные с меча, Торлиг бросил на каменную ступеньку, топнул сапогом, расплющив тонкую работу. Поднял бывшие обереги рода Дзеров, придирчиво осмотрел, затем спросил кузнеца, все еще стоящего неподалеку:

— Ты по серебру можешь работать?

— Как-нибудь не оплошаю.

— Тогда возьми и сделай серьги своей женщине. Пусть это серебро послужит доброму делу.

* * *

Новую колокольню рубили из векового леса, на пустоши, где было решено ставить деревню. Колокольный звон из Кашто, пусть приглушенно, но долетал сюда. Именно так строились деревни в старые времена, когда нечисть нигде не чувствовала себя вольготно.

Когда поселок обустроится как следует, на площади встанет каменная колокольня, а покуда сойдет и эта. Главное — колокол. Где слышен колокольный звон — там и родина.

Жгли уголь, складывали плавильную печь, мастерили изложницу. Кузнец из Кашто сковал четыре лжицы на длинных рукоятях — черпать расплавленный металл. Повозка давно была доставлена на новое место и охранялась днем и ночью.

Колокол делается не один день, зато и служит не один век.

Люди копали и отмучивали глину, просеивали песок. Из обжигной печи явился на свет огромный, на много пудов тигель, в котором предстояло плавить металл. Мастер Хань, выведенный отрядом Торлига из горящего Сипура, готовил формы, набивал опоки смесью песка и глины, а внутреннюю часть опок затирал литейной землей, замешанной на сосновой смоле. Потом гладкой палочкой выдавливал на застывшей поверхности орнамент, который пройдет по юбке колокола. Цветы, листья и чудесные узоры; если колокол не будет красив, он не станет в должной мере певучим.

Трое учеников, которых Хань отобрал, — одного из жителей деревни, двоих из числа беженцев, — находились при старике неотлучно, впитывая науку и выполняя всякую работу.

Наконец в плавильный тигель начали загружать привезенный металл. Предание велит брать самую красную медь, самое белое серебро, самое желтое золото и самое черное олово. Но сейчас в тигель пошли осколки тимпанов с Колокольного тракта, куски столичных колоколов и замолкший голос Сипура. Кто-то из беженцев принес на груди частицу главного колокола Ношиха. И, конечно, в тигель отправились отбитые у варваров куски колокола из замка Вахт. Дорогой серебряной, дешевой свинцовой и черной оловянистой бронзы было привезено столько, что могло хватить на два больших колокола, и металл честно делился пополам, чтобы второй колокол, когда придет время ему

появляться на свет, вышел не хуже первого.

Ранним утром в горне был разведен огонь, долгий день и долгую ночь подручные качали мехи и досыпали в горн легкий березовый уголь, и наконец, на следующее утро мастер сказал, что плавка закончена.

Вокруг горна собрались все беженцы и почти все жители Кашто. Для одних то была насущная необходимость, для других, казалось бы, просто интерес, ведь не каждому в жизни доводится видеть, как отливают колокол. Но сверх того, люди понимали, что новый колокол не должен быть чужим и обитателям Кашто. Доброе соседство — то же родство.

Жидкий металл в плавильном тигле жил неспокойной жизнью. По светящейся поверхности бродили тени, словно пенки на горячем молоке. Над тиглем поднимался горький пар. Завтра мастера, что будут разливать бронзу, надышавшись этим паром, слягут в лихорадке. Это еще одна цена, которую платят колоколу. А пока Торлиг иль Вахт первым поднялся на литейный помост, снял с перевязи серебряный колокольчик и бросил его в плавильный тигель. Всего на перевязи было пять колокольчиков — знак древнего рода, состоящего в родстве с императорским домом. Теперь колокольчиков осталось четыре, но зато новорожденный колокол будет не чужим.

Один за другим подходили люди, снимали с шеи семейные обереги: медные, бронзовые, серебряные, а то и золотые, кидали их в огненную купель, прося защиты и покровительства. Звонкие амулеты можно сделать новые; среди беженцев имелись и кузнецы, и ювелиры, а колокол — один для всего народа.

Торлиг подошел к Пухру, безучастно наблюдавшему за обрядом.

— Ты что не идешь?

— У меня нет бубенчика. Был медный амулетишко, так его палач на плахе раздробил. Всю деревню смотреть согнали, словно человека казнят.

Торлиг кивнул, соглашаясь с чем-то.

Потом сказал:

— Дай-ка меч на минуту.

Снял со своего эфеса еще два колокольчика, один подвесил на рукоять меча, где прежде болтались обереги иль Дзера. Обнажил свой меч, плашмя коснулся плеча ничего не понимающего мужика.

— Я, Торлиг иль Вахт, последний в роду, нарекаю тебя своим братом. Отныне твое имя Пухр иль Вахт. Носи его с честью.

— Что же, я теперь благородный ильен?

— Ильен. А благородство зависит только от тебя. И давай

поспеши. Вот этот звоночек ты должен отдать колоколу.

— Погодь. А сам-то ты как? У тебя же всего два колокольца осталось, меньше, чем было у того, с которым ты дрался.

— Ничего. Колокольчики дело наживное. Наладим жизнь, будут и колокольчики.

— А где ильены свои обереги добывают? У черной кости все просто, на то и простолюдины. Народится младенчик, его принесут под колокол, и звонарь ему на шею оберег наденет. У нас хороший звонарь был, горбатенький, но до колокольного звона ярый. Его желтоглазые с колокольни сбросили, он там в набат бил. А где высокородные по стольку бубенцов берут — не знаю. Говорят, друг у друга отымают.

— Оберег отнять нельзя. То есть можно, но он чужого охранять не станет. Так, обычный погремок, хуже, чем коровье ботало. Настоящие колокольчики дарят. Иному, если родни много, штук сто на смотрины принесут. Один малышу под колоколом на шею надевают. А прочие, если род знатный, он сам выбирает, когда получает меч.

— Так у тебя смотрины, поди, лет двадцать тому были. Откуда новые колокольцы взять?

— Заслужу, так подарит кто-нибудь, — беспечно ответил Торлиг. — А ты иди к горну. Скоро весь народ пройдет, колокол отливать начнут.

Зажав амулет в кулаке, Пухр пошел к дымящему горну.

— Вот чудеса, — бормотал он неслышно. — Убегал, убегал от иль Бахтов, а теперь что? От самого себя не убежишь.

Мастер Хань подал знак, трое его учеников и кузнец из Кашто взялись за лжицы, перегретый металл потек в литники. Толпа дружно вздохнула, люди один за другим опускались на колени.

* * *

Колокол остывает медленно. Два дня старый Хань никому не дозволял прикоснуться к отливке. На третий день начали выбивку опок.

Человек незнающий, увидав только что отлитый колокол, ужаснулся бы. Тело колокола сплошной коркой покрывала пригоревшая формовочная земля, литники, по которым подавался металл, торчали, словно уродливые рога. В паре мест засыпка опок не выдержала, и там образовались уродливые заливки. А барельефы, которые так старательно выдавливал Хань, и вовсе скрылись под слоем нагара.

Но мастер остался доволен. Он ходил кругом отливки,

постукивая бронзовой палочкой, прикладывал ухо к горячей еще поверхности и, наконец, сказал, что колокол будет хорош.

Слухи среди беженцев ходили самые нелепые, но когда литники были срублены и подмастерья начали обрубку заусенцев, народ постепенно успокоился.

И вот неотполированный покуда колокол был поднят не на колокольню, а на бревенчатую перекладину, установленную над самой землей. Так всего удобнее окончательно чистить и полировать символ будущего селения. Там же еще не поднятый наверх колокол можно испытать. В проушину продели кольцо из мягкой меди, а к нему на короткой цепи подвесили железное било. Колокол оказался так тяжел, что, вопреки обыкновению, звонарь должен был не раскачивать его, а ударять о колокол языком. Прежде такие колокола бывали только в столице.

Мастер Хань первым качнул колокольный язык, и звук, густой, насыщенный, чистый, поплыл над будущей деревней, где не было еще ни одного дома, а только палатки и наскоро крытые землянки. Звон гулко дрожал над нераспаханными полями, над лесом, который больше не принадлежал нежити, над дальними урочищами, а навстречу ему спешил одышливый голос Кашто. Прежде заслуженный деревенский колокол один сберегал жизнь захолустья, теперь колоколов стало два, и жизнь откачнулась к лучшему.

Замолкла перекличка колоколов, подмастерья взялись за карчетки — счищать остатки пригара и за белую глину — полировать бронзу до ослепительного блеска, но люди не расходились, глядя на новорожденную святыню, которую наконец-то могли назвать своей. Конечно, и теперь никто из них не мог прогнать дьявола прутиком, для этого нужно родиться под этим колоколом, но все же и в поле, и в лесу будет значительно чище; услыхав перезвон, нечисть, заселившая окрестности, принялась расползаться.

Легче будет жить, много легче. А когда-нибудь и вовсе хорошо.

И получилось, что не зря стоял народ, ожидая вестей. Из Кашто примчалась местная девчонка с криком:

— Везут! Везут!

Кого везут, зачем? — сначала и не поняли. Потом девчонка, так и не отдышавшись, выпалила:

— Милька рожает, бежинская. Сюда повезли, под новый колокол. Среди беженцев были три женщины на сносях, сумевшие добраться до спасительной деревни, но почему-то все были уверены, что первой поспеет Дана, которая пришла в Кашто вместе с отрядом Торлига. А Милька ютилась у добросердечных

жителей деревни. Утром собралась колокол смотреть, да не смогла идти — от волнения начались схватки.

— Палатку освободить! — скомандовал усатый вахмистр, испробовавший недавно собственным лбом мужицкую вирвешку. Крякнул в сердцах и добавил недовольно: — Не вовремя баба рожать задумала. Обождала бы недельку, мы бы колокол добрым порядком на звонницу подняли, а там и простайся сколько угодно.

— Ну, ты сказанул! Такое только мужик может придумать!.. — Чалиха, деревенская повитуха, принявшая почитай всех жителей Кашто, кроме разве что набело седых стариков, хрипло рассмеялась.

Затем она большими шагами направилась к палатке, где жила охрана и куда догадливый вахмистр определил роженицу. Ближе к звоннице не было ничего.

Мастер Хань оставил свои инструменты и, ухватившись за веревку, качнул язык.

Если у большого колокола ударить в набат, неопытный звонарь может лишиться слуха, а сейчас колокол звучал сильно, но мягко. Слышно его было в самых дальних урочищах, однако на площади он не оглушал никого, словно серебряная бронза понимала, по какой причине пробудили ее голос. В Кашто тоже знали, отчего раздался неурочный звон, и подхватили его, отправив дальше благую весть.

Телега с роженицей остановилась у палатки, Чалиха выскочила навстречу, но мужчины, не позволив Мильке встать, на руках занесли ее внутрь и, выйдя на воздух, остановились в ожидании. Каждый морщился, слыша стон, и кусал губы, словно это его ребенок появлялся сейчас на свет.

Ни единого лишнего звука не нарушало важности момента, только гудение певучей бронзы, стоны роженицы и скороговорка повитухи:

— Старайся, родимая, дитя будет! Не боись, не пропадете, поднимем, всем-то миром.

Милька — молодая вдова, чей муж погиб во время бегства из Ношиха, рожала впервые, так что уговоры повивальной бабки имели смысл простой и очевидный.

Торлиг стоял в общей толпе с тем же странным чувством мучительного ожидания. Он даже не сразу понял, что чья-то рука коснулась его плеча.

Торлиг оглянулся. Он увидал кузнеца из Кашто, который протягивал руку. На раскрытой ладони лежали три серебряных колокольчика.

— Я же сказал, сделай серьги жене, — шепотом попенял

Торлиг.

— Так я и сделал, а она старые, еще бабкины серьги из ушей вынула и отдала в переплавку. Услыхала где-то, что у тебя оберегов недостача, но можно их тебе подарить. А потом как пошли бабы, и деревенские, и бежинские… у кого какая серебринка была припрятана, все понесли. Два мастера из Ношиха, которые прежде по серебру работали, сейчас в моей мастерской сидят, мастерят колокольчики. На будущее. Хотели тебе дюжину поднести, как императору, но я сказал, что ты не возьмешь.

— Не возьму, — улыбнулся Торлиг.

Он осторожно, чтобы не зазвенеть, принял подарок.

Из палатки, перекрывая стоны, доносился уверенный голос Чалихи:

— Ты не сдерживайся, милая, кричи! С криком легче родишь!

— О-о!

— Громче кричи! Пусть все знают, пусть нечисть слышит — здесь люди родятся!

— А-а-а!..

— Вот молодец! Смотри, какую девку родила, красавицу! Грудь ей дай, пока я пуповинку перевяжу. Правую грудь, зачем тебе левша? Вот так, хорошо! Теперь давай ее сюда: людям надо показать, они там ждут, потом обмыть нужно и запеленать… Девонька, да не держись за титьку, все одно у мамки молока покуда нет, не прилило еще… Ишь ты, какая голосистая! К мамке хочешь? Сейчас пойдешь к мамке. Народу покажешься, колокол увидишь и к мамке пойдешь…

Откинулся полог палатки. Вышла Чалиха с младенцем в руках. Высоко подняла девочку, чтобы видели все.

Колокол пел. Плакал ребенок. Люди внимали, стоя без шапок.

Защитница пришла.

Видеодром

Экранизация

Аркадий Шушпанов
Вокруг Марса за 80 лет

История кинофантастики знает фильмы с необычайно длинным производственным циклом. Скажем, «Искусственный интеллект», начатый Стэнли Кубриком, а законченный Стивеном Спилбергом. Или «Трудно быть богом» Алексея Германа. Но, пожалуй, ни одна картина не претерпевала такую длинную дорогу, как киноадаптация первого романа Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса».

Вехи этого пути по-своему не менее интересны, чем сама фабула книги.

Роман мог бы стать первым полнометражным мультфильмом. Именно таким задумывал его в 1931 году Роберт Клампетт, создатель многих классических персонажей Loony Tunes, когда обратился лично к Эдгару Берроузу. Писатель вдохновился идеей, вместе с Клампеттом они сели за сценарий и даже сняли небольшой черно-белый ролик, чтобы показать боссам студии «Метро Голдвин Майер». Соавторы видели в экранизации «бульварного чтива» ни много ни мало серьезную фантастику, а руководство студии — напротив, легкую комедию. Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет — полнометражный мультфильм увидел свет лишь в 1937 году, и это была не «Принцесса Марса», а «Белоснежка» Уолта Диснея…

В последующие десятилетия кто только не интересовался проектом экранизации марсианской эпопеи, чтобы в конечном итоге опять вернуть его на полку и заняться чем-то более перспективным. Отметился и молодой Джордж Лукас, еще не успевший снять «Звездные войны»… В 80-е годы XX века за проект взялась компания Диснея, когда-то получившая пальму первенства в мультипликации. Но на этот раз из романа захотели сделать игровой кинофильм с Томом Крузом в главной роли, а поставил бы его режиссер «Хищника» Джон Мактирнан. Однако

даже в наступившую эпоху лукасовско-спилберговских блокбастеров уровень спецэффектов и бюджет не позволили довести ленту до кинозалов.

О Марсе Берроуза вспомнили в начале XXI века, когда пришла новая эра — масштабных фэнтези-экранизаций. После успеха «Властелина Колец» и первых серий «Гарри Поттера» голливудские компании доставали из анабиоза замороженные проекты. Эстафетную палочку приняла, выкупив права, студия «Парамаунт». В 2003 году режиссировать картину, названную «Джон Картер с Марса», вызвался Роберт Родригес. Для «независимого» мексиканца этот самый дорогой в его карьере стомиллионный блокбастер должен был стать трамплином в голливудский мейнстрим. Креативный Родригес к тому моменту уже работал над «Городом грехов» и решил снимать экранизацию Берроуза в том же ключе, целиком на фоне зеленого экрана с последующей отрисовкой. В качестве художника-постановщика Родригес пригласил знаменитого Фрэнка Фразетту, автора многих фэнтези-иллюстраций, в том числе и к «Принцессе Марса».

А дальше Родригес со скандалом вышел из Режиссерской гильдии Америки, вопреки правилам этой организации вознамерившись снимать «Город грехов» в соавторстве с Фрэнком Миллером, «Парамаунт», согласно договору, обязана была нанимать в режиссеры только членов гильдии, поэтому Родригес покинул и этот проект. В шаткое кресло постановщика сел вчерашний дебютант Керри Конран, только что выпустивший стильную ретро-фантастику «Небесный Капитан и мир будущего». Однако в «Джоне Картере с Марса» Конран решил применить более футуристический видеоряд и перенести действие в современность.

Тем не менее в 2005 году Конран также покинул проект, и на его место пришел Джон Фавро, автор подростковой космооперы «Затура». Смена режиссера опять знаменовала смену политики. Фавро объявил, что будет придерживаться книги и снимать в более традиционном стиле, используя не только компьютерную графику.

Но тут опять вмешалась студия. «Парамаунт» сделала ставку на новую версию «Звездного пути» от Дж. Дж. Абрамса и закрыла проект, а Фавро было предложено снять кинокомикс «Железный человек». Оба фильма оказались весьма успешны в прокате.

Последним, кто поставил бы «Джона Картера с Марса» для «Парамаунт», мог стать Роберт Земекис, в «нулевые» активно развивающий технологию «захвата движения». Однако и эта постановка не состоялась, а Земекис «отправил» на Марс

режиссера Саймона Уэллса в провалившейся, увы, картине «Тайна Красной планеты».

В 2007 году права опять выкупила студия Диснея специально для режиссера Эндрю Стэнтона, который в тот момент был занят производством фантастического «ВАЛЛ-И». Проект закрепили за пионером компьютерной мультипликации «Пиксар». Вопреки ожиданиям, фильм все-таки сделали не анимационным, а игровым. Только заявленный бюджет составил 250 миллионов долларов. Чтобы расширить аудиторию, Стэнтон применил неоднозначный маркетинговый ход — снял из названия упоминание Марса, оставив только малозавлекательного «Джона Картера».

Наконец в марте 2012 года дорога на экраны развернулась в ковровую дорожку премьеры. Спустя 100 лет после выхода из печати журнала «All-Story» с рассказом «Под лунами Марса» и 80 лет после начала разработки фильма, планета Барсум наконец-то взошла над голливудскими холмами. Эти громкие цифры как-то заслонили тот факт, что экранизация уже и не первая: еще в 2009 году расторопные трэшмейкеры из компании «Эсайлум» выдали на гора малобюджетную, но вполне официальную «Принцессу Марса».

Ценой своего забвения «Джон Картер» двигал кинематограф вперед и способствовал революциям. Как марсианский инженер Мэнни в одноименном романе Александра Богданова пожертвовал собой, чтобы не мешать прогрессу. Благодаря «Картеру» вошла в историю «Белоснежка», появились в том виде, в каком мы их знаем, «Звездные войны», «Город грехов», «Железный человек»… Зато сейчас так щедро поделившийся идеями «низкопробный» кино-Берроуз выглядит опоздавшим к обеду. Километровые прыжки уже были в «Матрице», за космической принцессой не ухаживал только ленивый, аборигены песчаного Татуина и синелицые На'ви опередили самобытных тарков. А «Дисней» — он и на Марсе «Дисней». Подобно тому, как не спутаешь манеру рисовать автора Микки-Мауса, так и последние блокбастеры студии легко отличить, даже если не смотреть вступительные титры. Длинноволосый герой с обложки журнала для старшеклассниц, ослепительная и активная героиня, непременная собака (в данном случае — марсианская шестиногая) и эпические сражения, где кровь проливается разве что из разбитого носа.

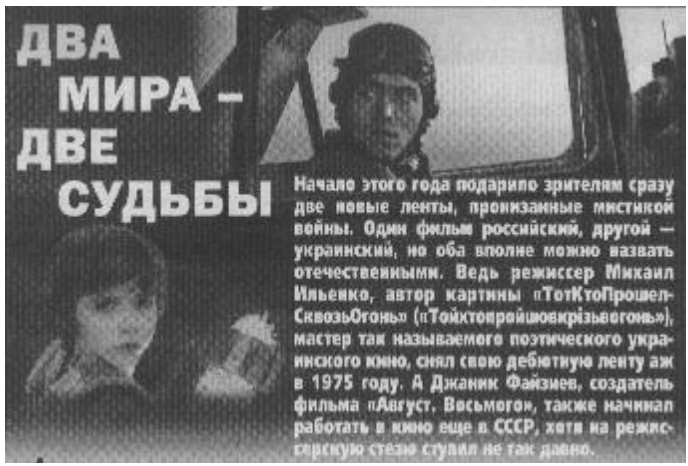
Но Стэнтон сделал все, что мог, хотя в игровом кино и не поднялся до уровня собственного «ВАЛЛ-И». С командой сценаристов они добавили интригу в линейный приключенческий сюжет, постарались сделать героя не слишком «плоским» и даже

внесли некую мораль. Более того, придумали объяснение, как все-таки Картер переместился на Марс, принципиально не интересовавшее автора. Отдельным реверансом Родригесу выглядит приглашение на роль молодого Эдгара Берроуза актера Дэрила Сабара из «Детей шпионов». А визуально даже получился своеобразный новый стиль — фантастический «пеплум». Но главное — умирающий пустынный Марс вышел не менее живым и притягательным, чем джунгли камероновской Пандоры. Мальчишка, посмотревший «Джона Картера», уже не поверит безжизненным фотографиям исследовательских аппаратов, И может быть, придумает свой Марс.

Андрей НАДЕЖДИН

Тема

Сергей Слюсаренко
Два мира — две судьбы


ДВА МИРА – ДВЕ СУДЬБЫ
Начало этого года подарило зрителям сразу две новые ленты, пронизанные мистикой войны. Один фильм российский, другой — украинский, но оба вполне можно назвать отечественными. Ведь режиссер Михаил Ильенко, автор картины «ТотКтоПрошел-СквозьОгонь» («Тойхтопройшовкрізьвогонь»), мастер так называемого поэтического украинского кино, снял свою дебютную ленту аж в 1975 году. А Джаник Файзиев, создатель фильма «Август. Восьмого», также начинал работать в кино еще в СССР, хотя на режиссерскую стезю ступил не так давно.

Начало этого года подарило зрителям сразу две новые ленты, пронизанные мистикой войны. Один фильм российский, другой — украинский, но оба вполне можно назвать отечественными. Ведь режиссер Михаил Ильенко, автор картины «ТотКтоПрошел-СквозьОгонь» («Тойхтопройшовкрізьвогонь»), мастер так называемого поэтического украинского кино, снял свою дебютную ленту аж в 1975 году. А Джаник Файзиев, создатель фильма «Август. Восьмого», также начинал работать в кино еще в СССР, хотя на режиссерскую стезю ступил не так давно.

Оба фильма о войне. И о людях на войне. И хотя войны разные и их разделяет почти 70 лет, но главное в восприятии простого человека не меняется: выжить, не предать и спасти близких. Оба фильма по-своему фантастичны. Если в картине «Август. Восьмого» мистическая составляющая формируется за счет мира аутичного мальчика, ищущего спасения у своего вымышленного друга робота, то в фильме Ильенко все гораздо сложнее. Режиссер отталкивается от идей панукраинизма и погружает своего героя, советского летчика, в мир колдунов и оборотней. Но не чудеса и превращения в этих лентах достойны пристального внимания. Их отличают особенности подхода на уровне парадигмы сознания. Это — образ врага, В картине Файзиева враг — абстрактная война. Там вы не найдете ни

робких грузин, ни коварных натовцев, только размытый силуэт противника и его военную технику. И не о противостоянии этот фильм. Он о том, как в ваш дом приходит война. Как в вашей квартире пулеметная очередь крушит мебель, а ракета разносит рейсовый автобус. О том, как на такси можно приехать на фронт и как ради спасения ребенка мать проходит все круги ада, Война появляется в фильме не сразу, почти половина экранного времени это нарастающий саспенс, который становится еще тревожнее от того, что зрителю, хорошо знакомому с недавней историей, заранее ясно, к чему все приведет.

В центре внимания женщина, которая пытается устроить свою судьбу, не замечая, что ее ребенок от этого страдает. Пустые разговоры о зарплате и отпуске в Сочи, вечные коридоры и лифты бизнес-центров, лоснящаяся элита. В роли потенциального жениха Александр Олешко выглядит прекрасно, завораживая своей тупой самоуверенностью. И ситуация, когда героиня неожиданно решается на отчаянный шаг и едет за своим ребенком туда, где может начаться война, еще не вызывает сочувствия, а кажется просто сумасбродством. Напряжение нагнетается постепенно, пока вдруг не взрывается ошеломительно и страшно. У актрисы Светланы Ивановой блестяще получилось показать этот переход. Фильм динамичен, боевые сцены в нем реалистичны и уместны, хотя во второй половине динамика немного идет в ущерб сюжету. К недостаткам стоит отнести вялые сцены с президентом, которые могли бы быть более драматичными.

Но есть в фильме очень интересная линия, которая характерна для современной войны. Вездесущие корреспонденты, которых в кадре, кажется, едва ли не больше, чем военных, гибнущие на броне как простые солдаты. Это война в прямом эфире.

В фильме Ильенко все начинается и развивается иначе. Как принято в современном украинском кино — со слов о голодовке, которую сейчас модно называть holodomor. И буквально сразу же идет разделение на своих и врагов. Свои — это главный герой и его ближайшие друзья, а враги — остальные жители родного села. Хорошие воюют, а плохие все служат в НКВД, примерно три-четыре энкавэдэшника на одного бойца. Фильм скорее о врагах, а не о героях. Далее все идет по накатанной в последние два с половиной десятка лет колее. Героев войны сажают в сталинские лагеря, а мерзавцы жируют на свободе. Иногда режиссер словно спохватывается и добавляет поэтики, время от времени демонстрируя летящих журавлей, беленые хатки, яблоки в ведре и на земле, иконы… И визуализирует харизму главного героя,

боевого летчика. Харизма заключается в плотно сжатых губах и еще в том, что все рядом с летчиком начинают говорить по-украински. Татары, русские, цыгане, переодетые в индейцев, и даже негр (тоже, надо сказать, летчик-герой). Дмитрий Линартович смог вытянуть главную роль достаточно ровно, хотя и на одной ноте.

Если в российском фильме вся мистико-фантастическая составляющая ограничивается фантазиями мальчика, то в картине Ильенко эта линия развита гораздо шире. Во-первых, как всем известно, у запорожских казаков были колдуны, казаки-характерники, которые могли летать верхом на плуге. Именно потомком таких колдунов и является главный герой. Его сверхспособности — летать (правда, не на плуге, а на обычном самолете), одним своим видом пугать врага на расстоянии, а также оборачиваться волком. Последнее неплохо помогает герою при побеге из лагеря. Естественно, не немецкого, а ГУЛАГа. Из немецкого плена герой по какой-то причине бежать не стал, по крайней мере в фильме об этом не упоминается, и героя ведут на первый допрос только после победы. Во-вторых, герой может сверхъестественным образом переноситься на громадные расстояния, минуя границы. Например, с Чукотки в Канаду, и там сразу начать говорить по-английски. Ну и третья мистическая компонента — это ментальная связь героя фильма с его односельчанином-энкавэдэшником, который к тому же домогался сердца и тела жены нашего летчика. Именно этот враг и засадил героя в ГУЛАГ, а потом, когда тот бежал из лагеря, подвигнул все силы НКВД на его поиск и физическое уничтожение, Это вечное преследование давит постоянно, убивая поэтику и попытки выстроить сюжет.

У фильма «Август. Восьмого» другой стержень — дружба и взаимопомощь. Как упомянуто выше, в картине нет врагов, и даже единожды появившийся в кадре солдат противника помогает матери спасти ребенка. И добро в итоге побеждает зло. Победу одерживает не мистика, а мать, спасающая своего сына, не робот, а боевое братство, и просто потому, что иначе быть не может. У Ильенко, напротив, добро никак не побеждает. Никто не наказывает предателей и убийц, никто не карает лжецов и карьеристов, Зло, уже в виде кагэбистов, приходит к власти, а самые демонические мерзавцы сходят с ума. Герой спокойненько ездит на коне по прериям и руководит племенем индейцев, в другой стране, в другой семье. И ест борщ, который готовит его скво.

Возникает вопрос: а принадлежат ли эти фильмы жанру фантастики? Ведь оба они носят определенный политический

опенок и рассказывают о реальных событиях. Фантастика здесь — только метод усиления и, возможно, придания фильму зрелищности. Что будет, если из фильмов убрать фантастический элемент? В случае картины «Август. Восьмого», возможно, и ничего. Робот и видения мальчика в эстетике родригесовского «Шаркбоя и Лавы» не являются сюжетообразующими и вполне могут быть заменены на что-то другое. А в случае «ТогоКтоПрошел…» вопрос более сложный. Фантастичность здесь только декларируется, но никак не отображается в визуальном ряде. Возможно, фильм от этого и выигрывает, но мистика на то и мистика, чтобы привносить сверхъестественное в сюжет. Однако нельзя не отметить, что фантастика все чаще стала «забредать на огонек» в жанр, ранее ее чуравшийся, — в военно-патриотическую драму.

Сергей СЛЮСАРЕНКО

Рецензии

Лоракс
(Dr. Seuss' The Lorax)

Производство компаний Illumination Entertainment и Universal Pictures (США), 2012.

Режиссеры Крис Рено и Кайл Балда.

Роли озвучивали: Дэнни ДеВито, Эд Хелмс, Зак Эфрон, Тейлор Свифт, Бетти Уайт, Роб Риггл, Дженни Слейт, Назим Пэдрад, Джоэл Светов, Майкл Битти и др. 1 ч. 26 мин.

Лоракс — милое, мохнатое и усатое существо, за цвет и нескладное телосложение справедливо названное в мультфильме «оранжевой фрикаделькой». Характером и повадками он сильно напоминает нашего Дедушку Ау, а по сути является самым настоящим лешим, защитником леса.

Несмотря на название мультфильма, Лоракс отнюдь не главный герой этой анимации. Ключевая роль отводится отчаянному парнишке Теду, готовому пойти на все ради поцелуя своей возлюбленной. Чтобы его заслужить, Тэд должен достать живое дерево. Но проблема в том, что там, где он живет, всё, включая деревья, сделано из пластика. Поэтому в поисках редкого подарка Тэд вынужден отправиться за пределы города, где небо затянуто серыми тучами, а воздух отравлен химикатами. И здесь Тэду суждено узнать страшную правду об окружающем мире…

Стилистика, отличные, порой слишком серьезные диалоги, невероятная трогательность и яркие краски «Лоракса» невольно заставляют вспомнить мультфильм «Хортон», вышедший в 2008 году. И неудивительно: как и прежняя анимация, «Лоракс» — экранизация одноименной сказки американского писателя Доктора Сьюза.

И, как и «Хортон», новый мультфильм не только развлекает, но и ненавязчиво поучает. Забота о природе, значение живого окружающего мира, невозможность заменить его всяческими стерильными изобретениями — вот главные посылы «Лоракса».

Мультфильм примечателен еще и тем, что Лоракса на русском языке озвучивал сам Дэнни ДеВито. Получилось необычно и смешно, акцент нисколько не портит впечатление от фраз оранжевого лешего, Наоборот, придает его образу сказочности, подчеркивает волшебное происхождение. В интернете даже есть студийная запись озвучивания, которая

наверняка повеселит всех носителей «великого и могучего», как, впрочем, и сам мультфильм.

Степан Кайманов

Женщина в черном (The Woman in Black)

Производство компаний Alliance Films, Hammer Horror Film Productions (Великобритания — Канада — Швеция), 2012.

Режиссер Джеймс Уоткинс.

В ролях: Дэниэл Редклифф, Кирен Хайдз, Дженет Мактир, Софи Стаки и др. 1 ч. 32 мин.

Рубеж веков. Конец викторианской эпохи. Артур Киппс — молодой юрист, вдовец, отец-одиночка трехлетнего мальчонки и вообще славный парень — отправляется в отдаленную деревушку, дабы привести в порядок бумаги покойной клиентки. Там его возненавидели все жители, посчитав, что он приносит несчастья. Везде, где появляется Артур, он встречает призрак женщины в черном. Ее дух приходит за детьми. Уже полвека она несет смерть.

Конечно, ничего особенного — стандартный набор готического ужастика. Все типовое, все по шаблону: мрачный, покрытый плющом особняк на отшибе, плотный туман, скрипы-всхлипывания-шорохи. И посреди всего этого банального безобразия — молодой герой, обуянный ужасом, и пугающие его инфернальные силы.

Десять лет жизни в роли самого известного в мире мальчугана, в ленноновских очочках и с царапиной на лбу, кого угодно заставят всю последующую карьеру с ужасом вглядываться во тьму в ожидании подвоха от сверхъестественных сил. Дискутировать об актерском таланте Дэниэла Редклиффа пока сложно. Вторая экранизация книги Сьюзен Хилл — его первая самостоятельная актерская работа в кино после многолетнего сериала о Хогвартсе. Возможно, Редклифф останется актером одной роли, а может быть, станет замечательным драматическим исполнителем.

«Женщина в черном» — самое обычное кино, не более того. Чья это «заслуга» — режиссера, актера, сценариста, — неведомо, но фильм получился спокойным и не пугающим, хотя вряд ли на это рассчитывали. Ведь на студии Hammer Horror еще полвека назад снимали всю британскую классику ужасов. Увы, новая

лента не дотягивает до того уровня. Ее сложно даже сравнивать с первой телеэкранизацией «Женщины в черном» 1989 года — полной саспенса, неожиданных решений, добротной прорисовки персонажей и куда более готичной и пугающей, чем хотелось бы. Сегодня она смотрится более современно, чем новый фильм, весьма напоминающий старомодное кино.

Вячеслав Яшин

Призрачный гонщик 2 (Ghost Rider: Spirit of Vengeance)

Производство компаний Columbia Pictures и Hyde Park Entertainment (США), 2012.

Режиссеры Марк Невелдайн и Брайан Тейлор.

В ролях: Николас Кейдж, Кирен Хайдз, Виоланте Плачидо, Джонни Витуорт, Кристофер Ламберт, Идрис Эльба, Фергус Риордан, Спенсер Уидлинг и др. 1 ч. 35 мин.

Джонни Блэйз, он же Призрачный гонщик, он же бывший мотоциклист-экстремал, заключивший сделку с Дьяволом, возвратился. Вернулся, чтобы избавиться от проклятия. Для этого Джонни должен спасти тринадцатилетнего мальчишку, на которого у постаревшего Мефистофеля большие планы…

Фильм «Призрачный гонщик», основанный на одноименном комиксе и вышедший пять лет назад, изо всех сил хотел казаться блокбастером, зазывая зрителей красочными спецэффектами, невероятными сценами погонь и мельканием Николаса Кейджа на экране. Впрочем, над сюжетом никто особо не заморачивался, поэтому кинокартина хоть и окупилась, но не сыскала пылкой любви ни у зрителей, ни у критиков.

Сиквел уже не пытается маскироваться под проект экстра-класса, с первых минут давая понять, что продолжение — это типичный фильм категории «Б». Сюжет банален и не балует зрителя неожиданными поворотами. В актерском составе две угасшие звезды и полк неизвестных лицедеев. Бюджет серьезно урезали, а следовательно, и спецэффектов стало поменьше. Место действие — безликие восточноевропейские пустоши. У руля — режиссеры далеко не первой величины, снявшие в свое время откровенный трэш под названием «Адреналин: высокое напряжение».

Понятное дело, что все перечисленные факторы играют не в пользу фильма. Как и прежде, смотреть его стоит исключительно ради появления Призрачного гонщика. Джонни Блэйз в своей

демонической форме, выходящий из клубов черного дыма и яркого огня, все еще выглядит здорово. Он стал злее, краше и за пять лет отсутствия обрел чувство юмора. Но, увы, объятые пламенем байк и его темный наездник появляются на экране меньше, чем ожидалось. Все прочее время приходится наблюдать печальную физиономию Николаса Кейджа, который уже давно не задумывается, где сниматься и как играть.

Степан Кайманов

Писатель о кино

Сергей Лукьяненко
«Это конец», — подумал Штирлиц…

«ЭТО КОНЕЦ», —
ПОДУМАЛ ШТИРЛИЦ...
Когда Сергей Лукьяненко только начинал как сценарист свое знакомство с кинематографом, он адресовал читателям нашего журнала статью «Хождение в кино» (см. «Если» № 2, 2004). С тех пор его опыт существенно пополнился новыми фантастическими (во всех смыслах) наблюдениями, которые автор предпочел изложить в пародийной форме. А еще как-то Евгений Евтушенко сказал Сергею, что он внешне — вылитый Юлиан Семенов...

Когда Сергей Лукьяненко только начинал как сценарист свое знакомство с кинематографом, он адресовал читателям нашего журнала статью «Хождение в кино» (см. «Если» № 2,2004). С тех пор его опыт существенно пополнился новыми фантастическими (во всех смыслах) наблюдениями, которые автор предпочел изложить в пародийной форме, А еще как-то Евгений Евтушенко сказал Сергею, что он внешне — вылитый Юлиан Семенов…

1. Штирлиц шел по коридору

— Юлиан Семенович, нам очень нравится ваш сценарий. Но есть некоторые замечания… Вот здесь, например: «Штирлиц идет по коридору…» Так что же он делает?

— Как — что? Идет!

— Куда?

— К Мюллеру.

— Это невыразительная сцена, Юлиан Семенович. Движение Штирлица описывается схемой Путешествия Героя, которое неизменно содержит шаги Refuse of the Call, Meeting with Mentor, Crossing the Threshold. Именно в представленной последовательности!

— Звонок, ментор, порог… Вы о чем?

— Есть прекрасные наработанные схемы, которые неизменно дают результат. Наша госбезопасность специально для вас украла

их в Голливуде. Штирлиц не может просто так двигаться, зритель не будет смотреть сериал!

— И что вы предлагаете?

— Пусть Штирлиц вначале терзается: идти или не идти! Это заставит зрителя ему сопереживать. Потом он поговорит с ментором…

— С Мюллером?

— Нет, лучше с руководством, Пусть ему звонят из Москвы, а он не берет трубку. Смотрит на телефон, грустит, не берет… Тогда приезжает резидент…

— Он сам резидент!

— Приезжает главный резидент… Может быть, им будет Кальтенбруннер?

— Нет!

— Ну кто-нибудь другой. Неважно. И после разговора с ним Штирлиц встает…

— И пересекает порог?

— Вот! Вы все прекрасно понимаете! Замечательно!

— А потом идет по коридору…

— Нет-нет! Погодите! Сначала Штирлиц должен рассказать зрителю все, что собирается делать.

— А смотреть будет уже не интересно!

— Нет-нет! Аудитория должна четко знать, что намерен делать герой. А вдруг зритель поймет его действия неправильно?

— Это все?

— Ну… почти. Есть предложение поменять местами четвертую и пятую серии.

— Как же так? В четвертой Штирлиц говорит с Шелленбергом о пасторе, в пятой встречается с пастором…

— Да? Обидно… Кстати, о пасторе, И Кэт. Их истории размазаны по всем сериям. Это неправильно. В серии есть одна сквозная идея — приключения Штирлица. А истории пастора, Кэт, Плейшнера — они должны занимать по одной серии. Зритель должен получить завершенную сюжетную линию.

— Но как-то очень быстро… это сложные истории, они держат зрителя в напряжении…

— Юлиан Семенович, это уже ваша задача — обеспечить креатив. В рамках схемы, разумеется. Помните: звонок, встреча, порог!

— Даже не знаю, хватит ли этого…

— Используйте дополнительные приемы. К примеру: шиворот-навыворот. Вот Штирлиц идет-идет по коридору… а потом вспомнил, что не выключил утюг! Повернулся и вышел из рейхсканцелярии! Мюллер в недоумении. Неожиданный поворот!

— Да, неожиданный…

— Смелее экспериментируйте! Мы никак не ограничиваем вас в творчестве. Просто следуйте схемам, они хорошие, их сперли в Голливуде. По этим схемам наши сценаристы написали сериалы «Горячий металл», «Сыпучий цемент», «Коммунальная квартира», «Коммунальная квартира-2»… И все очень хорошо получилось! Главное — побольше креатива!

2. Штирлиц снова шел по коридору

— Юлиан Семенович, мы тут немного поработали со сценарием предыдущих серий… Сцену, где Штирлиц встречается с женой в ресторане, мы убрали. Можно перенести куда-нибудь в следующие.

— Как в следующие? Это же эмоциональная сцена, она очень важна именно здесь.

— Да, да, да… Конечно. Но вы ее в другую серию переставьте.

— Ну… попробую.

— И еще. Это очень длинная сцена, а действия мало. Зритель ее не выдержит.

— Как — не выдержит? Это же эмоции! Это же трагедия! Вы представьте: играет музыка, печальная, Штирлиц смотрит на жену, она на него…

— А вдруг актеры плохо сыграют? Тогда зрителям будет скучно. И вообще, Линда Сегер говорит, что все должно быть динамично!

— Кто такая Линда Сегер?

— Гениальный голливудский сценарист!

— А какие фильмы сняли по ее сценариям?

— Ну… в общем-то пока никаких. Но она консультировала сценаристов «Универсального солдата» и «Бесконечной истории-2».

— Это плохие фильмы.

— Зато она написала книжку «Как из хорошего сценария сделать великий». И проводит курсы. Три занятия — и вы готовы писать сценарии. Вам бы тоже…

— Что?

— Нет-нет, ничего. Так вот, Линда Сегер утверждает, что все надо показывать через действие. Пусть Штирлиц, к примеру, встанет и пригласит жену на танец.

— Он разведчик. Он не имеет права.

— Но он же мужчина! Он танцует с женой Танго Смерти, а потом овладевает ею на пиани… Ой, нет. У нас же Советский

Союз, нельзя такое показывать по телевизору.

— Слава КПСС!

— Пусть он просто танцует с женой. А потом врываются бандиты, и он от них отстреливается!

— Какие бандиты? Это Третий рейх! Там повсюду солдаты и полиция!

— Фашистские бандиты. Ведь у Штирлица есть пистолет?

— Конечно.

— А стреляет он почему-то мало. Даже Чехов говорил: если у человека есть пистолет в первой серии, то к двенадцатой он должен намолотить десяток трупов!

— Он так не говорил.

— А вы, оказывается, плохо знаете классику… И еще, Юлиан Семенович, мы отовсюду у вас убрали Гитлера. И Бормана.

— Что? Подождите… почему?

— Вдруг нас обвинят в пропаганде фашизма?

— Валите все на меня, я еврей, меня не обвинят.

— Вы так полагаете? Мы же и сами, но… Нет-нет, мы их убрали!

— Но как же… как же без них? Без Мюллера? Без Кальтенбруннера?

— А мы их просто называем «высокопоставленные сотрудники гестапо». Например: «Мы все под колпаком у высокопоставленного сотрудника гестапо», — думал Штирлиц.

— Это звучит чудовищно!

— Зато безопасно.

— Но ведь это антифашистский фильм!

— А вдруг? Нет-нет, Гитлера мы вычеркнули. Вы не волнуйтесь, все вышло очень мило. Гляньте, вот кадры со съемок… только никому не показывайте!

— Это кто?

— Штирлиц.

— А почему у него на голове панковский гребешок?

— Так привлекательнее для молодежи.

— А это что?

— Радистка Кэт… вам плохо, Юлиан Семенович?

— Нет… нет… А почему все снято на фоне серой стены? Тут должен быть разбомбленный Берлин…

— Ну… как-то не сложилось туда выехать, а декорации очень дорогие. Вы постарайтесь как-нибудь все делать в этой декорации. А мы уж с разных ракурсов… Это у вас коньяк?

— Нет, валокордин…

— Вот еще важный момент. Почему пастор послушался Штирлица? Как он ему поверил? Немотивированно: пожилой

человек вдруг встал на лыжи!

— Так ведь в предыдущих сериях показана вся история их отношений…

— Понимаете, мы ее вычеркнули. У нас пастор появляется уже на лыжах. Надо объяснить, почему он слушается Штирлица. Может быть, тот его шантажирует? Или дает деньги?

— Вы с ума сошли! Что вы вставили вместо вырезанного?

— Ну… там появилось немного новых линий… Родители радистки Кэт приезжают по турпутевке в Берлин…

— Чего?

— Семейная тема крайне важна в сериале!

— Но ведь война!

— Путевка была горящая!

— Вон! Вон, подите вон! Я не хочу ничего слышать! Я сделал сценарий, и снимайте, что хотите, я даже не стану смотреть!

— Замечательно! Кстати, вы помните, что по условиям контракта вы не можете ругать сериал «Семнадцать мгновений весны», а также согласны на внесение любых изменений и дополнений? Да, кстати, серию мы ждем от вас через два часа. У нас гример завтра уходит в отпуск, надо все снять сегодня. И побольше напряжения, побольше! Все эти длинные коридоры, Штирлиц ходит медленно… может быть, он будет ездить по ним на скейте? И еще: герои не могут все время спокойно разговаривать, зритель заскучает. Они должны ссориться! Ругаться! Истерить! Зашел Штирлиц к Мюллеру за скрепками — и закатил истерику!

— А-а-а-а-а!

— Вот-вот-вот! Именно так, именно так…

3. И опять Штирлиц шел по коридору

— Доброе утро, Юлиан Семенович! А что это вы на меня так смотрите?

— …

— Юлиан Семенович?

— Я прочитал сценарий предыдущей серии после всех ваших правок…

— Ну зачем же вы так…

— Скажите… вот это что такое: «Штирлиц улыбается Мюллеру и говорит: «Хайль самому высокопоставленному нацисту!». Достает из кармана орден Красной Звезды и цепляет на мундир. Начинает напевать по-русски: «Боль моя… ты покинь меня…

— Ну да! А что вам не нравится?

— …

— Не молчите так, Юлиан Семенович! В конце концов, это ведь ваш текст!

— Да, но у меня Штирлиц приезжал домой, мыл руки, а только потом…

— Мы немного сократили…

— Но ведь получилось нелепо!

— Зато динамично!

— А это что? «Я приложу все силы для победы… фашистской Германии!» Как мог Штирлиц отправить такую шифровку в Центр?

— Мы сократили…

— Но было же: «Я приложу все силы для победы СССР и поражения фашистской Германии!». Смысл прямо противоположный!

— Н-да… и впрямь. Знаете, но это уже снято…

— Как — снято?

— Полностью. Вы как-нибудь в следующей серии это обыграйте… Ну, например, Штирлиц так пошутил… А? Немного юмора… Тише, тише, не волнуйтесь вы так… Это у вас валокордин?

— Нет… Это коньяк…

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Попутчик

Анастасия Шутова
Кино, навеянное сном

«Форма усов исторически обусловлена. У Гитлера не могло быть никаких других усов — только эта свастика под носом. Мои усы радостны и полны оптимизма. Они сродни усам Веласкеса и являют собой полную противоположность усам Ницше».

В конце прошлого года в Пушкинском музее Москвы прошла выставка Сальвадора Дали. Устроители попытались представить зрителям все многообразие творческих интересов этого испанского живописца, графика, скульптора, иллюстратора и дизайнера. Но мало кто знает, что мастер сумел оставить след даже в истории кинематографа, ровесником которого являлся. Причем все сюжеты Дали позже причислили к фантастике.

Сам же он писал о себе так: «Я изобрел осязательное кино, которое посредством очень простого механизма позволяет трогать все, что видишь: ткани, меха, устрицы, мясо, сабли, собак и прочее…»

Для художника, который обожал привлекать к себе внимание и эпатировать публику, открыто заявляя: «Главное — пусть о Дали говорят. На худой конец, пусть говорят хорошо», — идеально подходил тот вид искусства, который обещал стать самым массовым. И в 1929 году Сальвадор Дали вместе с режиссером Луисом Бунюэлем создал 16-минутный немой фильм под названием «Андалузский пес» (фр. «Un chien andalou»), который киноведы позже записали в классику жанра.

Эта сюрреалистическая кинокартина остается одним из самых популярных фильмов «авангарда». Она до сих пор пугает и завораживает зрителя мастерски созданным видеорядом.

«Андалузский пес» — «экранизация» сновидений Дали и Бунюэля, так что киноповествование подчиняется логике сновидения, стало быть, отсутствию всякой логики. Как рассказывал Бунюэль в своих воспоминаниях: «В фильме нет ничего, что бы символизировало что-то. Единственным методом исследования символов, возможно, является психоанализ». Кроме того, Бунюэль также раскрыл и секрет написания этого сценария: они с Дали изначально установили строгий запрет на какие бы то ни было образы или идеи, которые могли объясняться с точки зрения здравой логики и рациональной трактовки.

Кинолента начинается с титра «II etait une fois» («Давным-давно»). Мужчина, которого играет сам режиссер, затачивает бритву, затем выходит на балкон, чтобы посмотреть на луну, В кадре зритель наблюдает диск луны и сразу за ней — крупный план девушки и руку мужчины с бритвой. Мужчина подносит бритву к глазу девушки, и зрителю снова показывают диск луны, который разрезает тонкое облако.

Бунюэль как-то поделился историей происхождения этих кадров: «Приглашенный в Фигерас к Дали и погостив у него несколько дней, я рассказал ему, что недавно мне снилось вытянутое облако, перерезающее луну, и лезвие бритвы, вскрывающее глаз». Однако Жорж Батай, французский писатель и философ, придерживался иной версии: «Бунюэль сам поведал мне, что этот эпизод придумал Дали[3], которому образ был подсказан подлинным видением узкого и длинного облака, прорезающего лунный диск». Как бы там ни было, но на данный момент кинематограф имеет один из самых жутких кадров, который мог присниться только в кошмарном сне.

Сразу за этим действом следуют титр «Восемь лет спустя» и набор ярких сцен и образов: ладонь, из которой вылезают муравьи, оторванная кисть, мужчина тащит два рояля с трупами ослов и живыми священниками, и так далее, и тому подобное.

Поддержанный режиссером живописец и в кинематографе воплотил свой творческий метод: «Сюрреализм — не партия, не ярлык, а единственное в своем роде состояние духа, не скованное ни лозунгами, ни моралью. Сюрреализм — полная свобода человеческого существа и его право грезить. — И добавил: — Я не сюрреалист, я — сюрреализм».

На премьере фильма карманы Луиса Бунюэля были заполнены камнями на тот случай, если публика не поймет произведение соавторов, но опасения оказались напрасны. А Симона Марейль, исполнившая главную роль, приобрела известность и снялась еще в шести картинах, но с наступлением Второй мировой ее карьера закончилась. После войны она

вернулась в Периге и через несколько лет покончила с собой — подожгла себя на городской площади. По трагическому совпадению, ее партнер по «Андалузскому псу» Пьер Батчефф тоже покончил с собой.

В 1960 году Луис Бунюэль добавил саундтрек — два танго и музыку Вагнера (эту же музыку играл граммофон на показах картины).

Практически сразу за «Андалузским псом», в 1930 году, вышел второй фильм Бунюэля и Дали, который стилистически продолжил «Пса». В «Золотом веке» («L'age d'or») художник снова выступил в роли сценариста, совместно с Бунюэлем и маркизом де Садом. Эта лента, помимо всего прочего, является одним из первых звуковых французских фильмов.

Нельзя сказать, что фабула в картине отсутствует: появляются и осевой сюжет, и определенная идея. Несмотря на то что фильм переведен на русский язык (и переведен качественно), при просмотре порой возникает ощущение, что кто-то перепутал текст. Алогичность ставит зрителя в смысловой тупик. Сюрреализм — это фантастика без правил, фантастика вне науки. Игра без заданных условий и каких-либо законов.

Первые минуты предлагают зрителю нечто вроде документального фильма о природе скорпионов. За этим следует титр «Через несколько часов». В каком-то забытом Богом месте живут бродяги. Они узнают, что в их ареал обитания собираются вторгнуться майорканцы. Тогда главарь бродяг решает, что надо дать бой, но столкновения не происходит, потому что по пути бродяги умирают от слабости. На берегу моря собираются майорканцы, они основывают новый город — Имперский Рим. За кадром раздается женский крик. Толпа оборачивается: мужчина грязно (причем как в переносном, так и в буквальном смысле действие происходит в грязи) домогается девушки. Люди вмешиваются, хватают мужчину и уводят его. Тем временем оставшиеся на берегу закладывают камень «в знак основания столицы Имперского Рима».

Дальше зрителя снова возвращают к схваченному мужчине, которого ведут по улице, Затем действие переносится в роскошное имение маркизы де Икс, где следует череда разрозненных, но изобразительно впечатляющих эпизодов: корова, спящая на кровати; проезжающая по главному залу тележка; пожар, случившийся во время приема, — но на все это никто не обращает ровно никакого внимания.

Последняя часть фильма — парафраз произведения маркиза де Сада «120 дней Содома». Из замка выходят четыре епископа, их

изуверства закончены, но следом из дверей появляется еще одна окровавленная жертва. Ее заботливо заводят в замок, закрывается дверь. Раздается крик. Публике показывают крест, на котором развешено что-то наподобие волос. Конец фильма.

В конце 1930-х годов состоялся премьерный показ «Золотого века», однако на нем присутствовали две группировки, «Антиеврейская лига» и «Патриотическая лига», разгромившие кинотеатр. В результате полиция была вынуждена его закрыть, консервативная пресса назвала фильм «порнографическим», французская газета «Le Figaro» заявила, что кинокартина — «упражнение в большевизме». В декабре «Золотой век» был запрещен к прокату и только в 1979 году показан снова.

В начале войны Дали с женой Галой уехали в США, где и жили с 1940 по 1948 год. Американский период художника ознаменован большим количеством эксцентричных выходок, богемных вечеринок и творческих знакомств, некоторые из которых переросли в совместные проекты. В 1945 году на экраны вышел фильм Альфреда Хичкока «Завороженный». Декорации для сцены сновидения рисовал сам Дали, но из коммерческих соображений продюсер Дэвид Селзник был вынужден сильно урезать этот эпизод.

Другое знакомство, много позже, породило на свет короткометражный анимационный фильм «Судьба» (исп. «Destino»).

Из письма Дали к Андре Бретону: «Я в Голливуде. Познакомился с выдающимися сюрреалистами Америки: Max Brothers и Уолтом Диснеем».

Уолт Дисней в то время действительно выглядел сюрреалистом от мультипликации. Вспомним хотя бы его «Фантазию» 1940 года и «Дамбо» 1941-го… Первый фильм рождался из музыки Чайковского, Поля Дюка, Стравинского, Бетховена, Амилькаре Понкьелли, Мусоргского, Шуберта, Дебюсси и знаменовал собой воображение художника, выплеснутое на экран. В «Дамбо» же потрясает эпизод с маршем розовых слонов-метаморфов.

В 1945 году Дали и Дисней принялись за создание анимационного фильма «Судьба». Восемь месяцев Сальвадор и Джон Хенч, художник студии Диснея, рисовали раскадровку, но по неопределенным причинам проект был закрыт. Существует несколько версий: самая простая — у студии возникли финансовые трудности, связанные со Второй мировой. Но есть и другая, в духе Дали: якобы он запросил огромную сумму за данную работу и настаивал на том, чтобы до завершения проекта

мультфильм не считался собственностью Диснея.

Хенч продемонстрировал Диснею 18-секундный анимационный материал, который они с Дали успели сделать, но мультфильм отложили и забыли на 53 года, И только в 1999 году племянник Уолта Диснея Рой Эдвард Дисней, в то время работавший над своеобразным ремейком «Фантазии», принял решение заняться проектом, Для этого был приглашен французский режиссер-новичок Доминик Монфери, который позже снял «Керити, жилище сказок» и «Франклин и сокровища Озера Черепахи», С помощью дневников Галы двадцать пять мультипликаторов смогли расшифровать загадочные рисунки Дали и Хенча и воплотили проект в жизнь, Разумеется, оригинальный 18-секундный материал полностью включили в мультфильм (эпизод с черепахами), который был выполнен в духе классической рисованной анимации. Да, Сальвадор успел лишь слегка коснуться этого мультфильма, но его стиль ощущается в атмосфере, в причудливых метаморфозах, в музыке и образах, в насыщенных цветах и привычных для художника символах. Это «Судьба» Дали.

В середине 1970-х годов, опять-таки во сне, озарение посетило нового творца — на этот раз режиссера Алехандро Ходоровски: он задумал экранизировать знаменитую фантастическую сагу Фрэнка Герберта «Дюна». В качестве художников пригласил Жана Жиро и Ганса Гигера, музыку к фильму взялась написать группа «Pink Floyd», Орсон Уэллс должен был исполнить роль барона, а Сальвадор Дали — императора. Однако, по слухам, художник захотел стать самым дорогим актером в истории кино и запросил баснословную сумму — сто тысяч долларов за час съемок. Продюсеры, ознакомившись с материалами режиссера, решили закрыть этот проект, посчитав его коммерчески невыгодным. И много позже книгу экранизировал Дэвид Линч.

Несмотря на то что Ходоровски так и не смог воплотить свою идею в жизнь, раскадровки с «Дюной» разошлись по всем студиям Голливуда, и люди, которые работали над ними, позже узнавали свой стиль в таком фильме, как «Звездные войны IV: Новая надежда», да и во многих других работах. Оставшиеся от него три тысячи рисунков легли в основу комикса «El Incal».

На протяжении всей своей жизни Дали эпатировал публику, привлекал внимание и не отрицал этого. Он писал картины не только на холсте, но касался кистью и самой реальности, разукрашивая ее в самые невообразимые цвета. Сальвадор Дали

— это не просто художник своего времени, течения, поколения. Это явление, которое пронеслось по всему миру.

«Пусть наш внутренний огонь всегда горит в полную силу, доводя до белого каления правила и уставы и изменяя их! Пусть наша внутренняя реальность окажется настолько сильной, что сможет прогнуть под себя реальность внешнюю! И да будут наши страсти неутолимыми, но пусть наша жажда жизни станет еще более неутолимой, чтобы эти страсти поглотить!»

Анастасия ШУТОВА

Проза

Сергей Булыга
Фиолетовый дождь

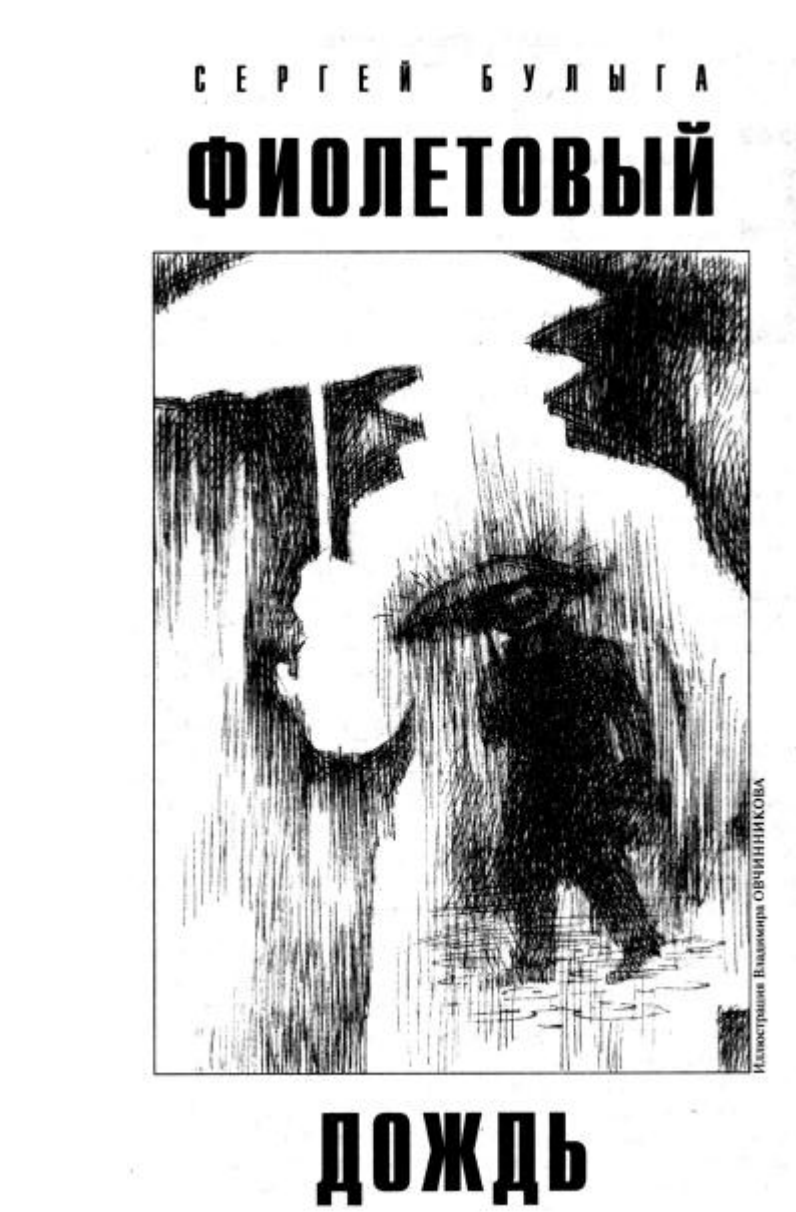


Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Еще в раннем детстве господин Симубак отличался

прилежностью, сообразительностью и послушанием. Учитель часто ставил его в пример, говоря:

— Вот посмотрите, дети! Этот мальчик, в отличие от вас, не теряет времени даром. Я уверен, что когда он вырастет, его ждет блестящая карьера, и вы еще будете снимать перед ним шляпы!

И учитель не ошибся. После окончания школы одни из товарищей Симубака подались в матросы, другие — в приказчики мелочных лавок, третьи — в ученики к сапожникам, а кое-кто и вовсе стал жокеем на ипподроме. И только один Симубак, тогда еще не господин, отправился в столицу, поступил в университет, с отличием закончил счетоводческое отделение, вернулся — и был принят на службу в городскую управу. Вскоре молодой, но не по годам добросовестный счетовод был замечен начальством, и его назначили вначале интендантом, а затем — как только открылась вакансия — и суперинтендантом всего городского хозяйства. Вот тогда-то уже не только бывшие однокашники, но и даже весьма состоятельные и уважаемые горожане при встрече с господином Симубаком стали почтительно снимать шляпы, раскланиваться и спрашивать о здоровье его домашних.

К тому времени, как вы, конечно, догадались, господин Симубак был женат уже несколько лет: он имел скромную и весьма любезную супругу, которая лучше всех в городе умела готовить черепаховый суп и гренки с маргаритками, и четверых детей — двух милых мальчиков и двух прелестных девочек. Дружное семейство снимало маленький, но очень уютный двухэтажный особняк неподалеку от Лебединых прудов; если кто-либо из наших читателей бывал в том городе, то он с охотой подтвердит, что это всего в каких-то десяти минутах ходьбы от городской управы, и поэтому господин Симубак зимой и летом ходил на службу пешком, что весьма полезно для здоровья.

Шли годы. Росли дети. Пробивалась седина на висках. Господин Симубак был по-прежнему прилежен, сообразителен и законопослушен. Казалось, что пройдет еще какое-то время, и всеми уважаемый суперинтендант будет с почетом отправлен на покой, и там, в кругу близких…

Но нет! Судьба распорядилась по-иному. Тот злополучный день начался как обычно. Господин Симубак проснулся, побрился, съел тарелку черепахового супа, выпил рюмочку шипучего с перцем, взял зонтик и отправился на службу. Погода была пасмурная, вот-вот должен был начаться дождь, и господин Симубак прибавил шагу. Однако когда он проходил мимо галантерейной лавки, с неба упали первые капли, и суперинтендант поспешно раскрыл зонтик. Господин Симубак мог, конечно же, переждать дождь под навесом лавки или же в

ближайшей арке, но не в его правилах было опаздывать на службу. Дождь все усиливался, прохожие жались к стенам домов, а господин Симубак ловко перепрыгивал через лужи и так спешил, что уже только на площади перед городской управой заметил: мостовая под его ногами окрасилась в какой-то странный чернильно-фиолетовый цвет. «М-да, много я работаю, — подумал суперинтендант, — уже в глазах рябит!». Но тем не менее все тем же скорым шагом поднялся по парадной лестнице, вошел в просторный холл…

И уже только там, сложив зонтик и расстегнув шинель, он позволил себе немного отдышаться. Швейцар, принимая его мокрую шинель, удивленно сказал:

— Какой невероятный нынче дождь!

Господин Симубак молча с ним согласился и опять же скорым шагом поспешил к себе в кабинет, ловко поставил зонтик в угол, сел за стол, надел нарукавники, обмакнул перо в чернильницу, посмотрел на часы, висевшие напротив, и самодовольно улыбнулся: было без одной минуты девять. Прекрасно!

Однако служба есть служба, и господин Симубак тотчас же углубился в проверку отчета, представленного акцизной комиссией. Отчет был составлен из рук вон плохо, цифры то и дело не сходились, а тут еще дождь зарядил как из ведра и назойливо барабанил по подоконнику. Господин Симубак в сердцах отшвырнул перо, подошел к окну…

И ахнул! С неба лил фиолетовый дождь! А внизу… Внизу раскинулся его родной, с детства знакомый город. Но какой! Фиолетовые дома, фиолетовые улицы, фиолетовые деревья, мокрую фиолетовую собаку посреди фиолетовой площади — вот что увидел господин Симубак. Мы, извините, совсем забыли вам сказать, что его кабинет был расположен под самой крышей башни городской управы. Не было в городе другого такого возвышенного и уединенного места; господин Симубак очень любил свой кабинет за тишину и отдаленность от будничной суеты, да и вид из окна открывался чудесный. Приятно было иногда оторваться от бумаг и, подойдя к окну, полюбоваться чудным зрелищем. Однако сегодня…

— Нет-нет! — воскликнул суперинтендант. — Вздор! Быть того не может! — Затем поспешно закрыл ставни, сел к столу, заметил на ладони свежую чернильную каплю, тщательно стер ее мокрой губкой, взял перо и склонился к отчету. Но тут же понял, что работать сегодня он уже не сможет. Да и какая работа с закрытым окном, в полумраке?

Шло время. Тикали часы. Дождь барабанил по ставням. Господин Симубак неподвижно сидел за столом, не зная, что и

думать. Что с ним случилось? Это уже старость? Или просто переутомление? Или действительно на улице идет фиолетовый дождь? Вздор, несомненно, вздор! Но ведь стучит по ставням, и стоит только открыть окно… Нет, открывать нельзя. Куда разумнее переждать. Или спуститься вниз, как будто с докладом, и там словно невзначай спросить… Но если все это ему только привиделось? Тогда его поднимут на смех! Мало того, слух о том, что многоуважаемый господин суперинтендант… ну, как это сказать… что он немного не в себе, очень быстро дойдет до городского головы. И что тогда? Тогда ему вежливо, но очень настойчиво порекомендуют подать в отставку. Назначат нищенскую пенсию. А у него семья… Нет, надо переждать, пересидеть, торопиться не стоит.

И суперинтендант сидел и ждал. Дождь барабанил не переставая. Часы пробили полдень, затем час. Было пора обедать. Супруга ждет его. Да и дождь как будто перестал. Господин Симубак еще немного посидел и, окончательно убедившись, что дождя уже нет, осторожно встал из-за стола, крадучись, подошел к окну, резко распахнул ставни…

И зажмурился от яркого света. Небо было чистое, светило солнце!

Зато внизу, над городом, висел густой фиолетовый туман. Не было видно ни площади, ни улиц, ни домов, ни черепичных крыш, ни даже флюгеров. Все было скрыто в этом странном, прежде никогда не виданном явлении. Господин Симубак судорожно вцепился руками в подоконник, прислушался…

Звонко цокали копыта, скрипели колеса, раздавались голоса прохожих. Город жил своей повседневной жизнью, вот только господин Симубак ничего не мог рассмотреть. Что делать? Отправляться на обед? «Нет-нет, — подумал суперинтендант, — я не так уж и голоден, да к тому же потерял полдня, отчет почти не выверен, а завтра утром он должен быть представлен на утверждение господину городскому голове!» Найдя для себя столь достойное оправдание, господин Симубак облегченно вздохнул, вернулся к столу и углубился в бумаги акцизной комиссии. Дождь перестал, туман вот-вот развеется, а там, гладишь, все само по себе как-нибудь наладится.

Так оно и случилось. К шести часам вечера господин Симубак закончил проверку отчета, отложил перо, снял нарукавники, подошел к окну, глянул на город… и улыбнулся. Туман действительно развеялся. По фиолетовой площади сновали фиолетовые экипажи, в фиолетовых лужах купались фиолетовые голуби, фиолетовая собака сидела на фиолетовой парадной лестнице фиолетовой городской управы и вычесывала, надо

полагать, фиолетовых блох. Ну что ж, пройдут два-три нефиолетовых дождя, и город снова обретет свой привычный разноцветный вид. Подумав так, господин Симубак взял зонтик и вышел из кабинета.

Спустившись в холл, он был несколько удивлен тем, что все тамошнее убранство приобрело густой фиолетовый оттенок. Но когда из-за фиолетовой конторки вышел фиолетоволицый швейцар и протянул господину Симубаку фиолетовую шинель… тут суперинтендант не выдержал и строго спросил:

— Что это с ней, любезный?

— Т-туман, — заикаясь, ответил швейцар. — А вы, я вижу… — и смущенно замолчал. И шинель уже не предлагал, стеснялся.

Господин Симубак неопределенно пожал плечами и вышел на улицу.

Там по фиолетовым мостовым разъезжали фиолетовые экипажи с фиолетовыми седоками, из фиолетовых лавок выглядывали фиолетовые приказчики, по фиолетовым лужам бегали фиолетовые мальчишки… И все — все встречные без исключения! — с нескрываемым любопытством смотрели на проходившего мимо них господина Симубака. И если взрослые еще сохраняли при этом хоть какую-то видимость приличия, то мальчишки — те были попроще. Четверо или пятеро из них увязались вслед за суперинтендантом и, держась от него на безопасном расстоянии, то и дело кричали:

— Белый! Белый! — И громко смеялись.

Господин Симубак несколько раз останавливался и грозил им зонтиком, но мальчишек это только еще больше раззадоривало, и суперинтендант решил не обращать на них внимания.

Подойдя к своему особняку (такому же фиолетовому, как и все прочие городские дома), господин Симубак тщательно вытер ноги о фиолетовый коврик, позвонил в фиолетовый колокольчик и, задержав дыхание, приготовился к самому худшему. К сожалению, он не ошибся. Дверь открыла жена. Она была…

А вот я на вашем месте не стал бы смеяться! Да, вы, конечно, угадали. Госпожа Симубак была фиолетовая. Вся. Фиолетовое лицо, фиолетовые волосы, фиолетовый фартук…

— Что с тобой, дорогой? — взволнованно спросила она, увидев стоявшего на пороге супруга.

— Со мной? Ха-ха! — и господин Симубак нервно рассмеялся. — Со мной ничего. Я вернулся со службы. А ты?

— О, был такой туман! — с жаром воскликнула жена. — Он все заполонил! Мы ничего не видели! А ты… — Тут она пристально посмотрела на мужа и уже тихо, с опаской спросила:

— А ты где был?

— У себя в кабинете, — сказал господин Симубак. — Там очень высоко, вот туман до меня и не добрался. Из-за него я, кстати, и не решился идти на обед.

— О, прости! — спохватилась жена. — Ты голоден! Пойдем.

Супруги прошли в столовую. Господин Симубак сел за фиолетовый стол, взял фиолетовую ложку, зачерпнул фиолетового черепахового супа… поморщился и спросил:

— А где свежая газета?

— Пришла, — ответила жена. — Но читать ее невозможно. Она…

— Да-да, я понимаю, — кивнул господин Симубак. — А… дети как?

В ответ жена лишь развела руками.

Господин Симубак с трудом заставил себя съесть фиолетовый суп, затем, брезгливо скривившись, выпил рюмочку фиолетового шипучего с перцем и удалился к себе в кабинет, попросив не беспокоить его ни под каким предлогом, так как он очень устал и хочет немедля лечь спать. Жена понимающе кивнула и быстро-быстро заморгала…

Закрывшись в кабинете, господин Симубак лег на фиолетовый диван, закрыл глаза и попытался заснуть, но не смог. Он просто лежал с закрытыми глазами. Дети несколько раз подходили к двери, но жена каждый раз уводила их прочь, говоря:

— Тише! Тише! Ваш папа заболел, ему нужен покой!

А ведь господину Симубаку и действительно было очень плохо! Там, на вершине башни, он даже не мог себе представить, какое страшное несчастье обрушилось на его родной город. Зато теперь он совершенно четко понимал, что десять, двадцать, страшно сказать, даже сто двадцать обычных дождей не смогут смыть всю эту чернильную тьму! Она пропитала не только людей, но и вещи! Так как же теперь жить? Какой кошмар! Вне себя от волнения господин Симубак подошел к секретеру, достал из тайничка графин шипучего — и это вино тоже, увы, не уберeглось, а приобрело противный фиолетовый оттенок, — налил себе один фужер, второй, затем, извините, третий и четвертый… после чего с трудом добрался до дивана, упал и тотчас же заснул. Без всяких сновидений.

Наутро супруга насилу его добудилась. Часы показывали восемь с четвертью, дети были уже в школе. Господин Симубак наскоро позавтракал, глянул в окно… Небо было чистое, без единого облачка, но он тем не менее взял зонтик, раскрыл его еще в передней и поспешил на службу.

Мальчишки уже поджидали его. Правда, на этот раз они не

дразнились, а просто бежали следом. Прохожие при виде господина Симубака останавливались, возницы придерживали лошадей, барышни таинственно перешептывались… Но суперинтендант старался не обращать ни на кого внимания.

Пройдя мимо застывшего швейцара, господин Симубак поднялся в кабинет, схватил под мышку отчет акцизной комиссии, спустился на второй этаж, вошел в приемную… и замер. В приемной было непривычно многолюдно. Здесь толпились чиновники из соседних ведомств, какие-то просители с бумагами и — так по крайней мере показалось суперинтенданту — просто любопытные. Все они, затаив дыхание, смотрели на вошедшего. Фиолетовые лица собравшихся не выражали ничего, вот разве что глаза у всех как-то странно поблескивали. Господин Симубак побледнел, откашлялся, перехватил папку с отчетом из одной руки в другую и посмотрел на секретаря. Секретарь встал, манерно поклонился и жестом указал на дверь.

Господин Симубак вошел. Посреди огромного фиолетового кабинета за массивным фиолетовым столом сидел господин городской голова. Фиоле…

— Гм! — громко сказал городской голова, строгим взглядом окинул вошедшего, пожевал толстыми фиолетовыми губами и добавил: — Отчет!

Господин Симубак подал папку. Господин городской голова указал ему на одно из фиолетовых кресел для посетителей, и суперинтендант осторожно присел на самый краешек. Городской голова долго и очень внимательно просматривал отчет (который, как и его хозяин, тоже ничуть не пострадал от вчерашнего дождя), время от времени бросал на суперинтенданта настороженный взгляд и снова углублялся в работу. Шло время; господину Симубаку становилось все более не по себе, ибо когда городской голова поднимал голову, то строгая поперечная морщинка стремительной молнией пересекала его высокий фиолетовый лоб, а это ясно говорило о том, что…

— Прекрасно! — наконец сказал городской голова. — Благодарю вас. Ступайте.

Господин Симубак поспешно встал, шагнул к двери.

— Э! — вдруг воскликнул городской голова. — Погодите!

Суперинтендант замер, словно громом пораженный. Но городской голова уже вскочил, испуганно замахал руками и сказал:

— Нет, что вы! Что вы! Вы свободны!

Господин Симубак поспешно вышел, проследовал через замершую при его появлении приемную, поднялся в кабинет…

И тут же вслед за ним вошел курьер, молча положил на стол

стопку фиолетовой бумаги, поставил пузырек белых чернил и удалился. А через полчаса прибыл и новый отчет, написанный по новым правилам — белым по фиолетовому. Господин Симубак мрачно поморщился, фыркнул… и все же приступил к работе.

Работал он усердно, даже очень, и поэтому, когда он наконец отложил бумаги, на улице было уже темно, горели фонари. Господин Симубак облегченно вздохнул, снял нарукавники, взял зонтик и отправился домой. Идя по улице, господин Симубак старательно обходил фонари, однако его все равно вскоре заметили. Поэтому домой он явился в сопровождении целой толпы любопытных. Едва переступив порог, господин Симубак потребовал плотно зашторить все окна и тотчас же прошел в столовую. Фиолетовый суп уже не вызвал у него такого сильного раздражения, как вчера. Зато говор толпы под окном да настороженные взгляды перепуганных домашних… Но господин Симубак старался не обращать на это внимания: он торопливо поужинал и удалился в кабинет.

Когда ближе к полуночи жена постучалась к нему, господин Симубак не ответил, притворившись, что спит. На самом же деле он с ногами сидел на диване, листал альбом со своими детскими дагерротипами и тщетно пытался хоть что-нибудь в них рассмотреть. Во втором часу ночи он так и уснул, не раздевшись.

Наутро был завтрак, затем путь на службу. Люди толпились вдоль тротуаров, экипажи уступали господину Симубаку дорогу, матери поднимали детей на руки, и те, глядя на ссутулившегося суперинтенданта, весело гугукали.

Зато на службе все было в полном порядке. Приходили курьеры, приносили отчеты. Господин Симубак старался пуще прежнего, и через неделю он был даже отмечен в приказе. Правда, больше его к господину городскому голове не приглашали; вся связь с суперинтендантом отныне велась исключительно через курьеров. Любопытных на улицах стало меньше. Домашние тоже привыкли. Правда, однажды младший сын за ужином расплакался и признался, что в школе его дразнят «белым». Услышав такое, господин Симубак пришел в неописуемый гнев и порывался наутро же идти к директору, но жена вдруг сказала:

— Ты что, хочешь, чтобы ребенка совсем извели? Я прошу тебя, не ходи! Не позорься!

Господин Симубак тут же сник. И замкнулся. С того памятного вечера он уже ни с кем не разговаривал. Курьеры, заметив в нем такую перемену, перестали входить в кабинет, а предпочитали подсовывать отчеты в щель под дверь. Прохожие стали сторониться суперинтенданта; мальчишки, завидев его за квартал, разбегались; швейцар приседал за конторкой; детей жена

отправила на дачу, а возле ворот особняка Симубаков установили пост полиции. Суперинтендант молчал, делал вид, будто ничего не замечает, стал работать как вол, ослабел и побелел как мел. И однажды…

Однажды, поздно вечером возвращаясь со службы, суперинтендант случайно оглянулся и увидел…

Что за ним медленно следует карета скорой помощи! Господин Симубак не выдержал, громко чертыхнулся, осмотрелся по сторонам, вошел в ближайшую мелочную лавку, купил там три аршина бельевой веревки, кусок хозяйственного мыла и поспешил домой.

Дома он с порога отказался от ужина, вошел в кабинет, дрожащими руками развернул сверток с покупками…

И услышал, что за спиной у него кто-то очень глубоко вздохнул. Господин Симубак оглянулся. Перед ним стояла жена. Нервно заламывая фиолетовые пальцы, она тихо сказала:

— Дорогой, не волнуйся, но я должна тебе кое-что объяснить. Так уж сложилось, что… Но ты, пожалуйста, не спорь, так будет лучше!

— Так?! — нервно произнес господин Симубак, потрясая веревкой. Только жене было совсем не до веревки — она ее не замечала.

А шепотом и с придыханием, глядя ему прямо в глаза, она объявила:

— Ты… должен уехать, любимый!

— Я? — удивился суперинтендант. — Любимый?

— Да, — закивала она. — Ты, мой супруг! Но это не ради меня, а единственно ради наших детей. Я знаю, ты ни в чем не виноват, но уж так получилось. И господин городской голова говорит, что ему очень больно, он скорбит. Нам обещают пенсион, весьма приличный! Мы будем высылать тебе на содержание. А потом, быть может, все изменится. Когда дети вырастут, они всё поймут. Они еще будут гордиться тобой! А пока… Ты только посмотри на себя!

Господин Симубак невольно повернулся к зеркалу. И впрямь, зрелище было не из самых приятных: лицо белее гербовой бумаги (прежних, конечно, лет), седые всклокоченные волосы, глубоко запавшие глаза… Господин Симубак раздраженно вздохнул. А жена продолжала:

— Я уже собрала тебе два саквояжа. А вот билет. Каюта — первый класс. Неделю будешь в море, успокоишься.

«Ну да, конечно же, — в сердцах подумал суперинтендант, — я должен успокоиться! И в самом деле: ну и что с того, что мир теперь фиолетовый? Другие ведь живут! И ведут себя так, как

будто ничего не случилось. Вот только перешли на белые чернила. А больше ничего, говорят, менять не надо. Нет необходимости…»

— Любимый, будь благоразумен! — послышался вкрадчивый голос жены. — Ради нас!

Руки господина Симубака безвольно разжались, фиолетовая веревка упала на фиолетовый ковер… И он едва слышно прошептал:

— Я… с-согласен.

А назавтра рано утром шхуна под названием «Белокрылая чайка» подняла паруса и вышла в море. Фиолетовый город быстро растаял вдали, и господин Симубак, взяв зонтик под мышку, решил немного прогуляться вдоль борта. Дул свежий ветер, за кормой бежали лазурные волны, загорелые матросы сновали по вантам. Над головой у отставного суперинтенданта хлопали белоснежные паруса, под ногами сверкала изумительной чистоты ярко-желтая палуба. Мир снова стал цветным! Ну что ж, быть может, так оно и лучше, думал, оглядываясь по сторонам, господин Симубак, довольно он намаялся в этой удушливой чернильной мгле, довольно посмешил толпу! Но он никого не осуждает, каждый сам волен выбирать себе судьбу, поэтому если им так нравится жить в фиолетовом безумии, так и пускай себе живут. А он через каких-то семь дней спустится по трапу в нормальный многоцветный мир. Пройдет зима, потом еще одна, он обустроится на новом месте, приживется, а там, глядишь, и вызовет к себе семью, покажет их лучшим докторам…

Вдруг он вздрогнул и прислушался. Да, так оно и есть: один из матросов тихо спросил:

— Кто это там на палубе?

— Так. Фиолетовый, — ответили ему. — Пропащий человек. Это он только с виду белый.

Господин Симубак поднял голову вверх и хотел было крикнуть в ответ, что это неправда… Но не смог — он задохнулся от гнева и боли и остался стоять посреди палубы. Дул свежий ветер, шхуна все дальше и дальше уходила от берега, и прыгать за борт было страшно. Да и бесполезно.

Фелисити Шоулдерс
Маленькие города

ФЕЛИСИТИ ШОЛДЕРС

МАЛЕНЬКИЕ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

ГОРОДА

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Однажды в детстве Жак Жалле пришел домой с полными

карманами песка, набранного на берегу, и медленно, тоненькой струйкой рассыпал его по дощатому полу своей маленькой комнаты. Он наметил длинные песчаные улицы и крыши особняков, ряды магазинов, стены садов, церковь с кусочком ракушки в качестве башенки. А потом без всякой серьезной причины, которую можно было вспомнить, он глубоко вдохнул и сдул прочь ряды плоских и выпуклых геометрических фигур, и песчинки быстро утекли под доски пола, исчезнув навсегда.

В 1918 году, когда Жак вернулся в городок, уже миновав средний возраст, ему показалось, будто здесь произошло то же самое: чудовищный ребенок закончил играть и сдул городок — улицы, дома и магазины — с лица земли.

Возвратившиеся обитатели городка реагировали на разруху по-разному: одни досадовали на Господа или Германию, другие собирали брошенное имущество, свое и чужое, пытаясь снова пустить его в дело, а третьи бодро планировали отстроить жизнь заново. Жак ничем подобным не занимался.

— Ну конечно! А чего вы ожидали? — сказала Элоиза, унаследовавшая от погибшего мужа городской постоялый двор. — У него во всем мире никогда не было места, которым бы он дорожил. Игрушечник! Кому нужны эти цацки в наше время?!

Это было правдой: Жак когда-то мастерил игрушки, как и отец, и дед… А совсем недавно он делал деревянные приклады для ружей на заводе. Он никогда не был ни солдатом (хотя даже мужчины постарше брали в руки оружие), ни мужем, ни отцом. Он был сыном и братом, но родители и сестра сюда не вернулись.

— Он как дитя, — судачили деревенские тетушки и, возможно, были правы.

Но многие горожане видели в Жаке свое подобие. Поначалу они советовались с ним по поводу градостроительства.

— Эй, Жалле, взгляни-ка на этот набросок новой церкви. Она будет гораздо крупнее и красивее, чем та, которую мы потеряли, — говорил месье Лебуф, булочник.

— Почему она должны быть крупнее, — спрашивал Жак, отрешенно глядя на угол старой церковной стены, видневшейся в дебрях разрушенной городской площади.

— Вот когда мы расчистим дорогу и засыплем воронки и окопы, — убедительно твердил месье Леклерк, — смотри, какой мы построим широкий и прямой путь. Городская площадь станет шире, а по центру мы поставим памятник нашим погибшим.

— Но почему она должна быть шире? — спрашивал Жак, как всегда, и через некоторое время городская общественность перестала с ним советоваться.

Ему помогли выстроить новый магазин на несколько метров

дальше от старого фундамента, потому что улица непременно должна быть шире. Когда Жак обосновался в жилых помещениях позади магазина и повесил свежеокрашенную вывеску «Игрушки Жалле», горожане решили, что сделали доброе дело для человека, который состарился раньше времени. И добрую затею для нового города: открытые магазины означали возвращение к нормальной, мирной жизни. Конечно же, никто пока не думал об игрушках, но придет время и для этого. Каждый снова с надеждой смотрел в будущее.

* * *

В июне 1904 года в маленьком городке центральной Франции мадемуазель Ода Перро разрешилась от бремени самым замечательным в мире ребенком. Она и не подозревала о своей беременности, пока не начались схватки, ведь оставалась, как и всегда, тоненькой, словно тростинка. Поскольку Ода была не замужем, она пребывала в полнейшей растерянности. Лежа в постели, она страдала и молилась, когда ее подруга Георгина постучала в дверь. Георгина была искушенной во многих вопросах, а потому Ода восприняла ее приход как удачное явление божественного провидения.

Георгина была женщиной весомых достоинств во всех отношениях — крупная фигура, щедрая душа и широкие взгляды, в то время как худышка Ода — несколько ограниченной, более сосредоточенной на вышивании. Обычно их разговоры были похожи на спор двух щебечущих пташек: одна наскакивает, а другая отступает. Но в тот момент Ода слишком устала, не сумела даже приподняться, а потому обрадовалась, что Георгина рядом, на расстоянии вытянутой руки, пусть и в некоей туманной дымке.

— Ода, это невозможно!

— Уверяю тебя, это так.

— По крайней мере, здесь не девять месяцев, взгляни на себя!

— Знаю, что все считают меня старой девой, — сказала Ода со вздохом, — но уверяю, прошло именно сорок недель.

Георгина задумалась, припоминая, кто мог приезжать в городок в то время.

— Георгина, помоги мне!

— Да-да, конечно, — ответила подруга и через некоторое время печально прищурилась на малюсенький розовый комочек. — Видишь, я была права, оно не больше пары дюймов. — Она собралась было завернуть неведомую вещицу в

простыни, но Ода остановила ее.

— Я хочу увидеть своего ребенка.

— Это не ребенок, милая, а нечто другое, — пожала плечами Георгина, передавая ей гнездышко из ткани.

— Что же?..

— Напасть, которая обошла тебя стороной, — сказала Георгина и захлопнула за собой дверь.

Ода взглянула на крошечную фигурку, которая словно едва держалась на плаву в море ткани. Она твердо знала, что прошло девять месяцев и даже чуть больше, с тех пор как уехал торговец тканями, и для нее маленькое тельце не выглядело бесформенным кусочком плоти. Женщина видела в нем младенчика. Она поднесла полотняное гнездо поближе к лицу, и ее дыхание коснулось розовых ножек, каждая не толще карандаша. Малышка вздрогнула, повернулась на спинку и тихонько заплакала.

Ода чуть не уронила маленькую девочку, столь велико было ее удивление, но затем улыбнулась и укрыла дочку лоскутиком нежного шелка.

— Не плачь, мой цветочек, я не дам тебя в обиду?

Ода назвала дочку Флёр[4] и смастерила ей колыбельку из чайной жестянки. Осторожными пальчиками, которыми она бережно подшивала краешки свадебных вуалей и вышивала тонкие узоры для нежных крестильных платьиц, Ода купала и пеленала крошку, и девочка росла. Вскоре она уже хваталась ручками за булавку с отрезанным острым концом и пробовала на зубок ее круглую стеклянную головку.

Ода тревожилась за дочь. Однажды в соседнем городе появился с гастролями известный цирк, и она увидела там маленького человечка. Но разве не сказали, что при рождении он был ребенком обычных размеров?

Флёр — совершенно другое дело. Женщина вздрагивала от мысли, что дочка попадет в шумную неразбериху и вечную дерганую торопливость цирковой жизни, а ведь ее могут и держать в клетке, как птичку. Нет, для блага самой Флёр, как и для блага Оды, девочка должна остаться маленькой мамочкиной тайной.

* * *

Жак наполнил свой новый магазин игрушками с английских и французских фабрик, которые уже работали в режиме мирного времени. Те экземпляры, что сохранились с довоенной поры, он

разместил на полке над кассовым аппаратом. А под этими реликвиями — слон с паланкином на спине, заводная гоночная машинка и самодельная марионетка — привинтил медную табличку, гласившую: «Не для продажи».

В сарае позади магазина Жак хотел восстановить свою деревообрабатывающую мастерскую, но поскольку во всем городке люди строили и обустраивали свои жилища, инструменты пользовались большим спросом и стоили дорого. У него не было токарного станка с ременным приводом, ни одного комплекта красок и лаков, чтобы создавать то, к чему лежала душа. Потому Жак достал инструменты, которые завалялись в его старом чемоданчике, и соорудил то, что мог: тонкие бипланы из дерева и бумаги в угоду паренькам, разочарованным отсутствием в магазине игрушечных ружей, да деревянные кубики для малышей, менее яркие, чем раньше.

У него почему-то не выходили куклы и марионетки (качество получалось не то), и вместо этого он начал строить кукольный дом из мягкого дерева, которое легко обрабатывалось ножом. Поделка вышла грубой, словно древняя хижина. Она напомнила ему о сарае-мастерской позади старого магазина, где он учился делать игрушки и где они с отцом оставляли раскрашенные фигурки сохнуть подальше от чувствительного носа матери. Его руки задрожали, когда он задумался над этим маленьким перекошенным образом детства, мироустройства перед разрухой, до того как смерть посетила городок. Он поставил его на свой обеденный стол и огородил руками пространство вокруг. Его мозолистые руки очертили стертые с лица земли деревенские улицы с точностью аэрофотографии.

* * *

Флёр росла тайно, мирно и спокойно. Ей никогда не разрешалось играть на улице, потому что мать опасалась: ее кто-нибудь увидит, на нее кто-нибудь наступит, ее съест собака… Вместо этого девочка сидела дома и училась шить самыми маленькими иголками, какие только можно найти, но в ее ручках они все равно казались челноком ткацкого станка. Репутация Оды как признанной мастерицы тонкой работы росла и крепла. «Словно это вышивали феи», — восторженно выдохнула одна женщина, бережно приподняв заказанную шелковую блузку, и Ода тут же забеспокоилась, не слишком ли беспечно она выставляет на люди вышивки Флёр.

Единственный день, когда Флёр могла рассчитывать на

прогулку, было воскресенье: она ездила в церковь в материнской шляпке или муфте. Ода хотела быть уверенной в спасении души своей дочери — неважно, какого та роста. Под руководством матери Флёр выучила катехизис, а в надлежащем возрасте приняла святое причастие.

Отец Роберт, которого Ода, конечно же, посвятила и в дело бродячего торговца, и в его результат, сказал, что не нужно прятать девочку, потому как это чудо и свидетельство бесконечного величия и мудрости Господа, которое должны увидеть все жители города. Но для Оды подобное представление стало бы бесстыдной показухой, которой она больше всего боялась. Поэтому священник не раскрывал секрета Оды, и время от времени Флёр поднимали к решетке в исповедальне, чтобы она рассказала о своих маленьких грешках, какие может совершить дитя при столь ограниченной свободе.

Дочь жила, словно тщательное оберегаемое тепличное растение, и к пятнадцати годам выросла сантиметров до двадцати. Она почти ничего не знала о войне. Мать, конечно, приносила ей правильные развивающие книги. Читая, Флёр ходила по странице и переворачивала каждую, словно встряхивала огромную простыню. Но подобные книжки и пересказы школьных учебников Оды по памяти давали Флёр очень скудное представление о войне. По утрам она взбиралась на письменный стол, прижималась лицом к тюлевым занавескам и наблюдала, как на железнодорожную станцию шагают молодые люди. Они были так далеко, что казались одного с ней роста.

Но вот война закончилась, молодые люди исчезли, и все мысли Флёр обратились к матери, которая день ото дня становилась слабее, словно никакой сон в мире не мог освежить ее. Наконец пришел доктор, и девочка спряталась в буфете — в своей спальне. Она прижималась ухом к фигурным прорезям в дверце, но не могла уловить смысла в ворчливом голосе врача.

Он ушел, а Ода не рассказала дочери ничего.

Флёр изо всех сил старалась и заботилась о матери, каждый вечер она читала ей на ночь Библию, перед тем как спуститься по ножке торшера и на цыпочках добраться до выключателя.

— Погоди, малышка Флёр, — сказала Ода однажды вечером. — Нам надо поговорить.

— Ты наконец-то хочешь рассказать мне, что происходит?

Ода вздохнула:

— Дорогая моя девочка, я умираю… Я больше не смогу защищать тебя, о тебе заботиться…

— Умираешь? И ничто не сможет…

— Нет. Есть только одно, что я могу сделать. Я должна

послать тебя на север, к своим родителям… Будешь жить с ними.

— Что?! Отослать меня куда-то именно сейчас, когда я тебе так нужна?!

— Когда я умру, что ты будешь делать? Как ты сможешь одна пройти километры пути до бабушки и дедушки?

Флёр не стала спорить, на самом деле она не знала, что такое километр, но попробовала возразить:

— Мое место рядом с тобой!

— Да, так оно и было все это долгое и счастливое время. Ты всегда оставалась моей радостью и благословением, моим маленьким чудом. Но, милая моя девочка, это моя последняя просьба… последнее доброе дело, которое ты можешь выполнить, чтобы облегчить мой уход.

Флёр понимала, что теперь отказать не сможет, и печально кивнула.

— Я уже слишком слаба, чтобы отвезти тебя туда, поэтому приготовила этот ящичек. — Ода вытащила из-под кровати деревянный ящик, в которых обычно перевозят вино или колбасу.

— Мама, ты хочешь отправить меня в ящике, как… как луковицу какую-то!

— Я там все очень удобно устроила. Видишь: внутри все планочки обшиты тканью, ты и дышать сможешь, и никто тебя не увидит. Запас еды вот здесь…

Флёр понимала, что она уже согласилась уехать, но продолжала протестовать по инерции.

— Сколько же продлится моя поездка? И что я буду делать в этой клетке?

Ода расплакалась.

— Как ты можешь не доверять своей матери?!

— Да, мамочка, конечно, я тебе доверяю… — Флёр подобрала юбку и забралась в ящик через верх, где полотно еще не было полностью скреплено. — Я поеду, если ты просишь.

Ода дала дочери медаль Святого Кристофера, которая могла служить ей как тарелкой, так и щитом. Она передала Флёр ее личные сокровища: самодельные четки из бисера и кукольный гребешок. По настоянию дочери она положила в ящик лоскуты кисеи и батиста, иглу и нитки, чтобы девочке было чем заняться. Затем Флёр, промокшая от гигантских слез матери и прощальных поцелуев, была закрыта в коробке.

Пока Ода заколачивала крышку ящика, Флёр горевала о своем согласии. Как она могла оставить мать умирать на руках глупой Георгины и нерешительного отца Роберта? Она стукнула по стенке своей новой кельи и услышала голос матери:

— Потише, милая! Ты же не хочешь, чтобы тебя кто-нибудь

услышал.

«Разве?..» — хотела сказать Флёр, но время споров прошло. Ящик тряхнуло, когда Ода доковыляла до окна и поставила его на подоконник. В рассеянном свете Флёр осмотрела свою темницу.

Две старые перчатки, подбитые мехом кролика, лежали около одной стенки и изображали кровать; много места занимали огромный кусок сыра и мешочек с крекерами. К планкам были привязаны бечевками несколько баночек с водой. Около кровати крепко утвердился комод, склеенный из спичечных коробков. Девочка выдвинула самый нижний ящик: там оказались спички. Во втором были все ее аккуратно сшитые сорочки, в третьем — нижнее белье. В верхнем лежали кукольное зеркальце под стать ее гребешку и маленький перочинный ножичек с жемчужной ручкой. Флёр понимала, что со стороны матери все эти вещицы были продуманной заботой, последним прикосновением ее любви, прощальными дарами… Но размышляла она только о том, когда мать запланировала эту поездку и как долго хранила ее в тайне.

Девочка улеглась на перчаточную кровать и почувствовала под лопатками какую-то выпуклость. В поисках проблемы она нашла в нижней перчатке конверт. Упершись изо всех сил, она вытащила его ровно настолько, чтобы прочитать «Маме и папе» на лицевой стороне. Она вернула письмо на место и стала слушать Георгину, явившуюся с ежедневным визитом. Ода, должно быть, говорила ей о посылке: тихий голос прерывался хриплым кашлем. Ящик накренился, и Флёр схватилась за стенку.

— Твоим родителям? Я уж решила, ты никогда с ними не помиришься… — Голос Георгины звучал очень близко.

— Будь осторожнее! — воскликнула Ода, и Флёр поняла, что эти слова адресованы не Георгине. — Прощай!

Она сказала «прощай», а не «до свидания»… Девочка бесшумно зарыдала, спрятав лицо в теплый кроличий мех.

* * *

— Что ты делаешь там? — спросила мадам Телле, соседка Жака, махнув зонтиком в сторону задней комнаты.

— Мастерю игрушки, — ответил он. — Как всегда…

— Чепуха! — она провела зонтом вдоль полок. — Шарики воздушные, стеклянные, фабричные игрушки — вот что ты продаешь, и этого вполне достаточно. Если бы я продолжала шить платья по моде XIX века или выкраивала пышные фонарики на рукавах, как ты думаешь, что бы обо мне говорили? Надо идти в

ногу со временем!..

— У меня есть товар, вы же видите.

— Товар вижу, а тебя — нет. Ты все время прячешься там, — указала пожилая вдова. — Ты был мечтательным ребенком, Жак, а теперь ты взрослый мужчина, отплывший в какое-то сонное царство! — Она постучала по стеклянной конторке пальцем с надетым на него наперстком. — Здесь и сейчас: твой город, твои соседи, твои покупатели — вот что действительно важно!

Жак пробормотал нечто покладистое, прозвучавшее как согласие, и пожилая дама, поцеловав его в обе щеки, избавила его от своей болтовни.

В магазине действительно имелись его собственные поделки: игрушечный парусник, который никто не покупал, целый рядок бипланов. Он не лгал мадам Телле.

Жак вспомнил дом, где раньше обретались Телле, через один магазин дальше от того места, где вдова жила сейчас. Сколько вдов живут там теперь? Считая про себя, Жак подальше отодвинулся от яркой занавески, которая отделяла магазин от того, что было важным.

* * *

Флёр лежала на перчатках, пытаясь из фрагментов выстроить для себя картину мира вне своей коробки. Голос почтальона, низкий, как фагот на граммофонных пластинках матери. Темнота, грохот, сильная качка и мелкая тряска, сотрясения и удары, которые заставляли ее цепляться за планки ящика, словно за шпангоуты сотрясаемого штормом корабля.

О кораблях она только слышала и видела на маленьких картинках, а о шторме узнала из библейского сказания об Ионе, но у нее были и другие сравнения для этого путешествия. Флёр видела свою келейку странной зловещей пещерой в ярком и неровном мерцании горящей спички, но она не знала о факелах и запретных склепах. Она откидывалась на роскошном ложе из кроличьего меха и наблюдала за игрой пробивающегося откуда-то света на холщовых стенах своего временного жилища. Девочка страстно желала выбраться за эти стены, представляя себя очень храброй или любознательной. Преклоняя колени на молитву, она вызывала в памяти рассказы о плененных мучениках, страшно одиноких, если бы не присутствие Господа. Поскольку она не могла припомнить никаких страшных подробностей, вскоре это занятие ей надоело.

В уголке косо стоящего ящика, на нижней по склону стороне,

Флёр пропилила отверстие и использовала его для опорожнения ночного сосуда. А через несколько дней ожидания, ворчания и временами дурного настроения она достаточно осмелела и проделала над своей кроватью другую щелочку, чтобы осторожненько выглядывать наружу. Вначале она могла увидеть во мраке только соседние коробки, все в грязных, жирных полосах, потом перевязанную бечевкой пачку конвертов. Вселенная грузовика вдруг загромыхала и вздрогнула, и Флёр отбросило в сторону. Она приземлилась на волосок от открытого перочинного ножика. «Господь уберег меня», — пробормотала она, раздосадованная собственной глупостью, и спрятала опасную вещицу подальше в бельевой ящик.

Флёр, стоя на коленях, снова прильнула к глазку, как ее мать на исповеди. Кипы почтовых отправлений чуть сдвинулись, и она зачарованно уставилась на затылок водителя в отражении белесого потолка грузовика. Это юноша? Она никогда не видела ни одного молодого человека столь близко. Из-под каштановых волос торчат уши, шею покрывают прыщики… Потом голова повернулась, и в ухе блеснула серьга, мелькнул длинный, до подбородка локон. Девушка.

Флёр отпрянула, словно боялась быть обнаруженной, и свернулась калачиком на своей необычной постели, чувствуя себя и более уютно, и менее уверенно, ведь ее везла в будущее девушка, почти такая же, как она сама.

На следующее утро Флёр проснулась еще более сердитой, чем прежде. Ограниченная диета и спертый воздух заставляли ее чувствовать себя нездоровой, и в первый раз она представила себе, как бабушка и дедушка открывают посылку и находят ее нелепое мертвое тельце.

Она выкопала письмо «Маме и папе», чтобы найти в нем подсказки и хоть что-то узнать о семье, которую она и не мечтала увидеть никогда в жизни. Но обнаружила лишь фальшивые формальности, ложь о погибшем на войне муже и стопочку накопленных франков. «Она послала им деньги на мое содержание!» — возмутилась Флёр и не слишком аккуратно затолкала письмо обратно в конверт.

Казалось, путешествие на грузовике подходит к концу. Солнце играло бликами на полотняном потолке, и голоса весело переговаривались тут и там. Кто-то выругался: Флёр не знала таких слов, но поняла по тону — и почувствовала себя виноватой за свои ночные горшки.

— Этот тоже грязный, вот здесь, с краю, — пророкотал мужской голос, и ковчег Флёр накренился так сильно, что куски сыра покатились к ней в кровать и на одежду.

— Кому это?

— Месье и мадам Перро, в «Тополях». Хрупкое.

— Будто здесь вокруг полно деревьев! — брезгливо фыркнул второй мужчина. — Я тоже не знаю никаких Перро. Спросим у нашего старожила.

Ящик несколько раз тряхнуло в такт шагам, и Флёр услышала хриплый голос:

— Перро? Да, до войны здесь жили Перро, в «Тополях».

— А теперь?

— Нету, — прокашлял голос. — Ни тополей, ни Перро…

— Очередной таинственный груз в хранилище, — вздохнул первый мужчина.

Флёр с ужасом ожидала лязганья захлопывающихся железных засовов, обрекающего ее на голодную смерть, но раздавшийся звук был обычным глухим стуком деревянной двери. Громыхающие шаги затихли вдали, и уши Флёр заломило от тишины, первой настоящей тишины за последние дни, скорее — недели, как могла бы поклясться путешественница. Она откинулась на спину и позабыла свои страхи, горе, гнев на мать — всё на свете, наслаждаясь тишиной, как теплой ванной. Ах, как же она по ней соскучилась! И вскоре она уже крепко спала.

* * *

Когда девочка проснулась, было уже темно, и все ее опасения вернулись. Неужели мать послала ящик по неверному адресу, и теперь Флёр осталась одна взаперти, возможно, в полном одиночестве, и никто не наставит ее на верный путь. Она всецело предалась греху уныния, хорошенько проплакалась, потом встряхнулась и попыталась оценить ситуацию.

У нее оставались две почти полные банки воды и достаточно много не слишком свежих крекеров. Сыр только чуть-чуть подернулся плесенью с одного края. Она может оставаться здесь, пока не кончится еда… Подобная мысль оказалась невыносимой. Флёр поела в последний раз. Затем, осторожно двигаясь почти в полной темноте, она разделась, тщательно вымылась из банки с водой с запахом чабреца и растерлась до красноты, счистив с себя и пот, и слезы, и сыр. Она срезала банку с веревок и опрокинула ее, чтобы вылить все до капельки, еще раз ополоснула голову и последней влагой умыла лицо.

Она вытерлась лоскутом кисеи и надела белое струящееся платье, которое сшила сама и в котором надеялась предстать перед бабушкой и дедушкой. Это была ее единственная чистая

одежда. Она причесала и завязала лентой волосы, запаковала зеркальце и гребешок в грубоватую сумочку, куда поместила также последние спички, адрес из маминого письма и банкноты, свернутые в небольшой рулончик. Когда она была готова выходить, вдоволь напилась воды из другой банки — со вкусом мяты. Затем, прорезав плотный холст, с грузом на плече и перочинным ножиком в руке Флёр вылезла из ящика.

Она успела сделать всего три шага, когда упругая поверхность выскользнула из-под ног, и девочка с криком полетела по масляному бумажному склону. По счастью, она крепко вцепилась в ножик и не отпускала его, и как только внизу показался твердый пол хранилища, вонзила его в ближайшую упаковку, сумев затормозить падение. Сумка пролетела мимо и со звоном стукнулась об пол. Очень осторожно Флёр подыскала подходящие опоры для ног и рук, сложила нож и спустилась вниз с минимальными потерями: несколько ушибов и разорванная накидка. Она подняла сумочку, перекинула свой скудный скарб через плечо и обследовала окружающий мир.

Мир оказался комнатой много большей, чем весь коттедж ее матери, все стены здесь были расчерчены полками, а на полу громоздились ящики. Деревянная келейка Флёр помещалась на самой верхушке одной из этих пирамид около двери. Девочка тут же направилась прямо к выходу, но не смогла покинуть помещение. В щелку под дверью ей удалось свободно просунуть только руку. Она стучала в дверь в течение нескольких минут и представляла, как умрет от голода прямо здесь, а ее косточки будут похожи на скелетик мыши.

И словно в ответ на ее мысли, а может, на ее стук в дверь, раздался топоток когтистых лап и змеиный шорох волочащегося по дощатому полу хвоста. Не мышь. Крыса. Существо в длину было таким же, как сама Флёр в высоту, и тучным благодаря щедрым трофеям — многочисленным коробкам недоставленной почты. Замешкавшись и неловко нащупывая на поясе ножик, Флёр отступала назад, поскольку заметила, что на полу прямо под ногами животного лежит прямоугольник лунного света.

Да, прямоугольник: значит, на складе есть окно! Флёр побежала в ту сторону, чудовище не отставало. Около стены с полками она повернулась и махнула ножом в сторону крысы, прочертив засочившуюся красным линию на уже приоткрытой зубастой морде. Крыса отскочила, и Флёр прыгнула, зацепившись за полку, подтянулась и уже не оглядывалась.

Она не знала, умеют ли крысы взбираться и насколько хорошо, поэтому продолжала карабкаться все выше и выше, обдирая коленки о винные ящики и продвигая сумку вперед по

едва отесанным деревянным полкам. Флёр привыкла к спокойной жизни, никогда не бегала наперегонки, не участвовала в подвижных играх, только видела их из окна, однако освоила и преуспела в одной физкультурной дисциплине — альпинизме по мебели. Сейчас она использовала весь свой опыт и всю накопленную силу, и этого оказалось достаточно. Она добралась до финишной черты подоконника, толкнула единственную раму, и та со скрипом сдвинулась на ржавеющих петлях. Девочка ступила на ветки грушевого дерева с еще не опавшими желтыми листьями, оставив на стекле кровавые отпечатки двух маленьких ладошек.

Флёр спустилась на землю и вдохнула вечерний воздух: потрясающе свежий, богатый запахами почвы и прелой листвы. Она вышла на середину нового дорожного полотна; яркая полная луна равнодушно оставила девочку бесцветной и словно вырезанной барельефом на теле мира. Ветер хлестал по ногам тонкими полами платья, и Флёр осознала, насколько одинока, открыта всем ветрам судьбы и… как же она замерзла! Одежды потеплее у нее не было, да и вообще больше никакой одежды. Она тоскливо вспомнила о подбитых кроличьим мехом перчатках, оставленных на растерзание крысам и времени, но тут уж ничем не поможешь. Флёр опустила голову и побежала к смутным очертаниям строений.

Девочка никогда не видела городок с высоты своего роста; по правде говоря, она не видела ни одного города, кроме своего собственного, поэтому ей было очень трудно сориентироваться. В месте, похожем, по ее мнению, на городскую площадь, она нашла большую каменную плиту, окруженную свежепосаженными растениями, и с этого выгодного места сумела разглядеть церковь.

«Не препятствуйте детям приходить ко мне, — подумала Флёр, потирая холодными ладошками покрытые гусиной кожей плечи. — А ребенка меньше меня и быть не может». Она тяжело спрыгнула на асфальт, чтобы отважиться на новое рискованное путешествие — по направлению к церкви.

Ноги Флёр болели от непривычной нагрузки, холод обжигал кожу, и как же далеко до огромной церковной двери, а сдвинуть ее совершенно невозможно. Девочка барабанила по деревянной панели, пока занемевшие руки не заболели. Почему-то ей представилось, что вот сейчас появится ее духовный отец и впустит в теплый дом Божий.

Но никто не вышел. Флёр легла на землю, чтобы заглянуть под дверь, и не увидела ни единого огонька — ни лампочки, ни свечки. Она почувствовала запах краски, а когда поднялась, то

обнаружила, что вся перепачкалась в строительной пыли.

Флёр села на широкую ступеньку и обратилась к небесам:

— Господи, что мне делать? Господи, я в руках Твоих, как и всегда пребывала…

Она вспомнила ладони своей матери — теплые, исколотые иголками, которые охватывали ее теплым объятием, таким нежным и таким надежным, и бережно качали, баюкая, поддерживали с самого раннего детства и всегда… Голос девочки задрожал и затих.

* * *

Возможно, Флёр осталась бы здесь до утра, коротая промозглую октябрьскую ночь на крыльце церкви, если бы не почувствовала чей-то пристальный взгляд. Она открыла глаза и увидела кошачью морду среди листьев куста бирючины, отражавшего лунный свет позади нее. Девочка могла бы пожаловаться, что слишком устала даже просто стоять, но не успела подумать об этом, так как оказалась на ногах и уже бежала, тяжело прыгая по ступенькам церкви. Она не слышала кошку за собственным топотом и стуком бешено бьющегося сердца.

Флёр ободрала лодыжку, оступилась, снова побежала. Перочинный ножик она потеряла, а болтающаяся сумка била ее по боку. Холодный воздух резал горло. Измученные ноги были тяжелыми и казались чужими.

Почувствовав сильный толчок в спину, Флёр упала в траву, успев свернуться калачиком. Над ней возвышалась кошка и дышала ей в лицо съеденным мясом. Зверюга снова толкнула лапой свою жертву и даже не вздрогнула от крика девочки. Кошка схватила добычу зубами, и Флёр поняла, что ей пришел конец.

— Белоснежка! — раздался мужской голос в нескольких метрах. — Белоснежка!

Флёр висела на клыках твари, зацепившись платьем. Она почувствовала, что звериная походка сменилась на тряскую рысцу, и поняла: должно быть, это кошмарное чудовище и есть Белоснежка, ведь животное действительно было белым. Она отчаянно извернулась, разорвав платье, и тяжело упала в жухлую траву. Кошка издала удивленный мяв, и Флёр попыталась отползти прочь. Она услышала, как мужской голос сказал:

— Вот ты где, вредная животина. Кто будет чесать тебе пузико, если ты всю ночь бродишь по улицам?

Шаги стихли, захлопнулась дверь, и Флёр взглянула вверх, на

освещенные окна коттеджа.

За последние часы это был единственный огонек, кроме луны, который она видела, и уставшая девочка заковыляла к теплому, желтому свету, который привносил цвета в холодный, страшный и неприветливый сад: зеленый стебель тут, красный лист там… Она взобралась на цветочный ящик под окном и прижала лицо к стеклу. Здесь, в пустой комнате, были церковь и цветочный ларек, булочная и бакалейная лавка, и табачный магазинчик, и магазин игрушек, и ателье — целая деревня не более полуметра высотой…

* * *

Утром Жак проснулся, полежал, задумчиво глядя в потолок, и потопал вниз сделать себе кофе. Белоснежка непривычно напористо царапалась в дверь кладовки; Жак открыл было дверь, но вдруг замер.

Из трубы макета ателье курилась тонкая ниточка дыма. Более практичный человек, возможно, нарисовал бы в своем воображении пожар, готовый пожрать его миниатюрный мир, разрушить любимое местечко во второй раз, но Жак просто подобрался поближе и заглянул в крошечное строение. Теперь он изрядно пожалел о том, что домики старомодные, с маленькими окошками, но он был терпелив. Сначала он увидел огонь — не больше уголька из его собственной кухонной печки, а потом заметил и маленькую жительницу. Она расчесывала спутанные волосы, держа в другой руке разбитое зеркальце. Жак отпрянул от окошка и снова наклонился, чтобы убедиться в увиденном. Настоящая жительница! Она, возможно, была немного больше, чем он себе представлял — поднявшись в полный рост и встав около огня, чтобы перевязать волосы, она почти коснулась потолка, — но она была настоящей, живой и обитала в том мире, который создал он сам, своими руками!

В голове Жака тут же замелькали мысли о тысячах разных бытовых предметов, которые непременно понадобятся маленькой горожанке, о сотнях несоразмерностей и несовершенств, которые надо будет поправить. Во-первых, здесь не было воды. Жак не мог представить, как подвести водопровод, не беспокоя обитательницу, но он сделает все возможное, чтобы достаточно обустроить городок. Во-вторых, ей понадобятся кастрюльки для приготовления еды, магазины, где брать продукты, да Бог знает что еще… И все это, как он тонко почувствовал, должно быть сделано без слишком грубого вмешательства большого реального

мира в ее волшебное существование. Постепенно, ненавязчиво, она станет считать городок своим настоящим домом, думал он. А затем, возможно, появятся и другие чудеса. В его городке и в его жизни будет много людей… Жак улыбнулся, незамеченным отошел и принялся за работу.

Первым делом он выгнал Белоснежку из кухни и стал вырезать подходящего размера круги и бруски сыра в кладовой. Он наполнил мукой коробочку из-под запонок и сшил малюсенькие, не больше ногтя, мешочки для соли и перца. Все это он положил на прилавок бакалейной лавки, надеясь, что здесь они будут заметнее, чем на полках с пластмассовыми товарами. Он выстроил рядком пять веточек брюссельской капусты в коробке около магазина и поместил сверху карточку с нацарапанным словом «Бесплатно». Он вычистил колодец и наполнил его холодной водой.

Все это Жак проделал скрытно, постоянно следя за дверью и окнами ателье и убеждаясь, что за ним не наблюдают. Повесить бы еще занавеску вокруг стола, подумал он, возможно, цвета неба…

Днем при помощи игрушечного телескопа он наблюдал: гостья вышла из двери ателье столь мягко и осторожно, как, наверное, ступает на ветку птица, готовая взлететь в небо. Он задержал дыхание. Девочка немного постояла около дома, потом вышла на улицу и огляделась. Свет на улочке был тускловат — еще одна мелочь, требующая исправления, — но девочка вполне сможет разглядеть вывески магазинов, которые он на протяжении месяцев рисовал по памяти через лупу. Брюссельская капуста привлекла ее внимание, и она направилась к прилавку, потом остановилась у колодца с полным ведром воды на краю. Сделав глубокий глоток, девочка снова огляделась.

— Эй! — позвала она. — Мадам! Месье!

Месье не ответил, но наблюдал, как она обследует городок, обнаружив почти все его подарки и несколько других полезных вещей.

Жак услышал отдаленный стук (девочка тоже его услышала, так как чуть дернула головой) и обнаружил стайку мальчишек, колотивших в переднюю дверь. Дети собирались приобрести игрушки, и закрытая дверь магазина никак не входила в их планы. Продавец неохотно отвлекся от своего городка.

В следующие несколько дней он заказал для кукольного домика большое зеркало на стену и набор эмалевой, а не свинцовой посуды. Когда вещи прибыли, он завернул их в тонкую китайскую папиросную бумагу, перевязал веревочкой и оставил около входной двери в домик девочки. Подглядывая сквозь

синюю марлевую занавеску, Жак посмеивался над удивлением и радостью маленькой жительницы и чувствовал себя Дедом Морозом. Она по-прежнему обращалась к невидимому благодетелю, когда находила какой-нибудь новый подарок или усовершенствование, но, похоже, больше не ждала ответа, лишь говорила: «Спасибо».

Жак был счастлив, замечая, что походка девочки обрела уверенность: приятно видеть ее гуляющей по городу, как бывало шагала его мать — с высоко поднятой головой и корзинкой в руках (сплетенной Жаком). Хотя необычная горожанка больше похожа на его сестру со светло-каштановыми волосами, уложенными по современной моде.

Но как бы Жак ни делал уютнее домики, интереснее улицы, богаче магазины, сколько бы прутиков для растопки каминов ни запасал, сколь ни укладывал матрасов, другие жители не появлялись.

Однажды вечером Жак, как обычно, снял крышу бакалейной лавки, чтобы пополнить запас продуктов. Он ставил на полочку расписанную вручную жестяночку с мелким чаем, когда из-под кассового аппарата выскочила девочка и схватила его за запястье. Он хотел было выдернуть руку, но не мог же он стряхнуть малышку с риском повредить ее косточки.

— Добрый вечер. Меня зовут Флёр Перро, и я уверена, что все эти месяцы вы были моим благодетелем, месье…

— Жалле, — запинаясь, пробормотал он. — Жак Жалле.

— Счастлива с вами познакомиться, месье Жалле, — сказала она, слегка встряхнула его кисть в рукопожатии и отпустила. — Очень вам благодарна за вашу доброту, особенно принимая во внимание, что я явилась без приглашения и предупреждения…

— Нет-нет, я так рад, я вам очень рад…

— …но я пребываю в совершенном неведении, где нахожусь и как все это здесь очутилось.

Жак расстроенно поморщился: эх, вот так просто она заставила магию исчезнуть, девочка-малютка, сама — чистое волшебство.

— Это макет, — пробормотал он наконец. — Каким был мой городок… по большей части.

— Когда был?

— До войны.

— Ой, — всплеснула руками Флёр. — Могу я поинтересоваться, чем вы занимаетесь, месье Жалле? Вы, наверное, плотник или столяр?

— Игрушечник. Продаю игрушки. — Ему показалось, что лицо Флёр просветлело, хотя было трудно в это поверить.

— Тогда я уверена, что могу помочь вам. Я могу работать и содержать себя сама.

— В этом нет совершенно никакой необходимости. Я буду счастлив, если вы просто останетесь в моем городке. Вы едите не больше мышки.

— Сомневаюсь, что вы тратите так много времени на приготовление блюд для мышей, месье. — Она наградила Жака пронзительным взглядом. — Между прочим, я заняла магазин-ателье. Разве я не могу быть портнихой?

И тогда Жак принес ткани, маленькие ножницы и иголки, чтобы Флёр смогла одеться сама и обшивать своих «клиентов» — магазинных кукол, чьи размеры Жак записывал для нее на листочках бумаги.

* * *

Со временем Флёр уговорила Жака приходить по вечерам побеседовать или хотя бы почитать ей. У него сохранилось несколько детских книг. Когда она попросила его почитать ей газеты или принести журналы, он запротестовал, мотивируя это тем, что не умеет выразительно декламировать, но на самом деле ему претила мысль привнести в городок нечто извне. Скрепя сердце он все же прочитывал несколько безобидных заметок из ежедневных новостей. И еще Флёр всегда просила показать ей образчики последней моды, вне зависимости от того, как Жак о них отзывался.

Он также заметно мучился, когда маленькая белошвейка спрашивала его о личном: не о городке прошлого века, которым он восхищался и готов был рассказывать часами, а о его впечатлениях недавних военных лет. «Ты видел Эйфелеву башню? — допытывалась она. — А в Париже было много народу?» Она не интересовалась вслух его отъездом из городка, не упоминала о надгробиях на макете кладбища, которых не могло там быть до войны, ведь одно из них гласило: «Альфонс и Мари Жалле, 1918». Но она спросила, есть ли у него сестры или братья.

— Сестра, — сознался он и, не давая ей задать очередной вопрос, резко добавил: — И я не знаю, где она сейчас! В Англии, в Канаде… Последний раз мы виделись в Париже.

Девочка сидела на городской площади, не поднимая глаз от шитья. Жак не умел извиняться и потому не стал.

Флёр помогла Жаку оформить витрину в маленьких окошках магазинчика, как полагается, и украсила ее к празднику. Она восхищалась изящной миниатюрной мебелью, которую он

смастерил, и изобретенными им приспособлениями. Глядя на пламя свечей, колеблющееся в узеньких окошках церкви в канун Рождества, Жак был более счастлив, чем когда-либо с тех пор, как заслышались первые громы войны.

* * *

— Можно мне в этот раз пойти на праздник? Ну, Жак, ну пожалуйста!.. — умоляла Флёр друга весной.

— Это небезопасно.

— Я не выйду наружу. Буду стоять в окне магазина. Кто заметит меня среди кукол?

— У тебя здесь отличный собственный праздник! — сказал Жак, дунув на флажки, развешенные вокруг маленькой городской площади.

— Праздновать одной? Хотя бы возьми меня в воскресенье на литургию. Пожалуйста, Жак, мама в детстве постоянно брала меня с собой в церковь. Я буду в полной безопасности.

— У тебя здесь есть собственная церковь, — ответил Жак. Казалось, ему причиняли боль разговоры о ее прежней жизни.

— Она ненастоящая, неосвященная! Вообще игрушечная!

Жак отказал. В этот раз он хотя бы не предложил смастерить маленького деревянного священника для исповеди.

— Погляди-ка, — пригласил он, положив кружевной носовой платок на булыжную мостовую городка. — Вот что я тебе купил. Возможно, из этого выйдет миленькая юбочка.

И ушел, а вскоре Флёр почувствовала запах трубки с кухни, где она не могла его побеспокоить. Девочка подобрала кружевное полотно, повертела его так и эдак, наконец занесла в дом и стала выкраивать свои собственные занавески.

* * *

Жак не слишком много думал о прошлом Флёр и еще меньше о ее будущем. Ему было достаточно знать, что она тоже сирота, как и он сам. Ее привели к нему горе и утрата, и значит, никакие лишения не смогут ее забрать.

Под его повседневной опекой городок разрастался и пополнялся новыми вещицами. Он простерся до самых краев стола — теперь мастер обедал, поставив тарелку на колени, — и в нем были все строения, которые он помнил, даже вполне сносно выточенное подобие его любимого дерева. Закрытый

совершенный мирок, совсем не похожий на Париж: в нем не было ни ночных клубов, ни английских чиновников с их отчаянно хромающим очаровательным французским. Он никогда не думал запирать Флёр в этом раю, ведь он даже не предполагал, что она захочет отсюда уйти.

Кружевные занавески не позволяли Жаку заглядывать внутрь, но другие занавески удерживали Флёр в городке. Пыльная синяя ткань, висевшая вокруг стола, была границей ее мира. И теперь Жак никогда не оставлял стул около стола, как в первый вечер. На клочке бумаги на стене Флёр отмечала дни. Она попросила карманный календарик и тут же получила его, но на какой-то прошедший год.

Запах трубочного табака рассеялся, и Жак перед сном позвал кошку в дом. Девочка слышала, как Белоснежка шныряла по кухне за дверью и внезапно бросалась — на настоящих мышей или воображаемых, непонятно. Флёр крадучись вышла из своего домика и пошла по главной улице прямо к краю городского центра, к той границе мира, которая располагалась ближе к окну.

Она услышала звук проезжающего по настоящей улице автомобиля, и его фары осветили синее занавесочное небо перед ней. Далекая мелодия, случайный смех. Шаги… Они манили ее гораздо больше, чем детские голоса, напевающие рождественские песенки днем в магазине игрушек. Там, в ночи, были взрослые, обязательно взрослые. Люди, живущие по собственной воле. Флёр думала, что стала такой же, когда обнаружила этот фальшивый городок. Улицы по размеру, собственный мир, где можно ничего не бояться. Но, наверное, мир, где нет страха, ненастоящий.

* * *

Девочка улеглась спать на камнях городской улицы на самом краю и проснулась только утром, когда Белоснежка начала царапаться в дверь.

— Жак, — сказала она за ужином, когда он подавал ей малюсенький ломтик курицы на блюдечке и парочку фасолин, — я решила покинуть городок.

Жак глотнул вина и покачал головой.

— Ты меня не слушаешь? Я собираюсь уйти!

— Теперь ты часть этого места, — снова покачал головой он, пережевывая слова вместе с хлебом, — как ты собираешься покинуть дом?

— Очень просто, если ты мне поможешь.

— Это небезопасно.

— Как же так?! Жак, я поняла, что тебе нравятся твои соседи. Неужели ты и вправду думаешь, что они смогут мне навредить?

— Ты ничего не знаешь об этом мире, Флёр.

Флёр потеряла терпение и швырнула свое блюдце с едой в Жака. Подливка шлепнулась ему на жилетку и потекла, а фарфор разбился далеко на полу.

— Мне ничего не известно об этом мире, потому что мне никогда не разрешалось узнать о нем! Меня всю жизнь держали как птицу в клетке, но я больше не хочу! Я личность, а не кукла и не сказочная фея!

Жак счистил еду с одежды и печально взглянул на девочку.

— Я благодарна тебе за все, что ты для меня сделал, — тихо и твердо произнесла Флёр, но Жак встал. — Будь я на твоем месте, я бы тебя отпустила! — прокричала она. — Но я не могу быть тобой!

* * *

Той же ночью Флёр взяла свою самую большую иголку (на самом деле нормального размера), вдернула в нее белую шелковую нитку прямо с катушки и подготовила ножницы. Она подтащила свои орудия труда к краю стола, где синее тряпичное небо свободно висело, чуть покачиваясь в воздухе на расстоянии добрых пяти сантиметров от края. Несколько раз девочка пыталась подцепить ткань иглой, и наконец ей удалось подтянуть ее поближе. Она протащила нить один раз сквозь синюю материю, потом обвязала ниткой себя, словно ремнями безопасности, и крупными стежками прошила юбки насквозь. Крепко прижав к себе катушку обеими руками, Флёр прочла «Отче наш» и прыгнула вниз.

Она пролетела высоту своего роста, а потом нитка на катушке натянулась, маленькая авантюристка стала медленно вытягивать нить, словно скользящий по паутине паук, и с облегчением вздохнула, только когда встала обеими ногами на грязный деревянный пол.

Форточка окна была специально переделана для Флёр; Жак переставил ее, чтобы ей было удобнее; около дверей не было ступенек, но у девочки имелся другой план. Опасный, возможно, безумный, однако она напоминала себе, что мир полон опасностей, и для нее больше, чем для других, но она собиралась в нем жить. Когда в окна стал пробиваться утренний свет, Флёр легла и заглянула под кухонную дверь. Белоснежка спала на коврике у двери. Как можно тише Флёр скинула туфли и

проползла под дверью. Пасть кошки была открыта, и там желтели страшные клыки, которые выглядели длиннее, чем ладошки Флёр.

Девочка на цыпочках подобралась к зверю. Бесшумно и бережно она обвила кошку ниткой. Огромный, чуть подрагивающий пушистый хвост вдруг замер. Теперь сердце Флёр подпрыгнуло чуть ли не под самый подбородок. Ей непременно надо подобраться к брюху, иначе ее план провалится. Очень осторожно она подошла поближе к ужасной зловонной пасти и пробурчала, постаравшись говорить возможно низким голосом: «Хорошая киса, красивая киса». Она почесала пушистую впадинку за кошачьим ухом и провела рукой ниже, под подбородок. С мурлыканьем, заставляющим дрожать кости, Белоснежка перевернулась на спину, и Флёр поспешила привести свою идею в исполнение…

Через мгновение раздалось шарканье ботинок Жака на верхнем этаже, и кошка тут же проснулась и вскочила. Однако в тот день, вместо того чтобы поспешить навстречу хозяину, она удивленно мяукнула и потрясла головой, потом хвостом. Затем встряхнулась, как мокрая собака, но Флёр продолжала цепко висеть на ней, и когда Жак открыл кухонную дверь, Белоснежка медленно направилась к выходу.

— Что не так, Белоснежка, моя маленькая принцесса? — спросил Жак, и кошка издала жалобный звук. Жак открыл наружную дверь («Да-да, дверь на свободу!») и стоял в ожидании: — Сегодня тебе не надо почесать пузико?

Кошка тряхнула сначала одной, потом другой задней лапой и присела так низко, что Флёр чуть не ударилась головой об пол. Девочка освободила одну руку и нежно погладила мягкий мех на животе зверя, выдыхая слова успокоения и ободрения. Белоснежка на мгновение замерла, потом заурчала и мягко пошла мимо озадаченного игрушечника через порог на улицу. Как Одиссей из мифа, о котором читал ей Жак, Флёр ускользнула под самым носом великана. Дверь закрылась.

Глядя на свежую, яркую траву, проплывающую внизу, девочка уже почувствовала себя свободной, но понимала, что опасность все еще рядом. Внезапно чудовищный транспорт остановился, животное уселось на задние лапы, чтобы обследовать себя. Большие зеленые глаза уставились на Флёр, висящую в нитяных сетях, и ворчание смолкло. Усы встопорщились, зрачки расширились. Флёр вырвалась из своей паутины и побежала.

Она бросилась на улицу босиком по асфальту, призывая на помощь, наполовину испуганная, наполовину восхищенная. Кошка все еще могла поймать ее, Жалле сумел бы снова захватить

ее и держать в тайне… Но ее план сработал! Она вышла в настоящий большой мир!

По другой стороне улицы шел человек, и Флёр закричала:

— Помогите! На помощь, месье!

Казалось, человек ее не слышал. Чуть дальше по улице она увидела открытую дверь и женщину, одетую в фиолетовое, которая как раз выходила на улицу.

— Конечно, святой отец, я непременно починю это задолго до службы, — говорила она, в то время как Флёр бежала к ней, преследуемая кошкой.

Флёр подпрыгнула, уцепилась за ткань, перекинутую через ее руку (как оказалось, порванную сутану), и вскарабкалась по ней вверх. Женщина вскрикнула. Наверху девочка остановилась перевести дух. Священник перекрестился, а мадам Телле, сообразительная и понятливая, подхватила зонтик и махнула им в сторону Белоснежки:

— Уйди, нечестивое животное!

Священник наклонился и произнес:

— Что же это тут такое?

Флёр выпрямилась:

— Месье кюре, меня зовут Флёр Перро, и я кукольная модистка. Очень рада с вами познакомиться.

* * *

Жак не обращал внимания на уличные волнения: он готовил маленькую булочку бриош и игрушечную чашечку кофе, когда вдруг в заднюю дверь ворвались священник и мадам Телле, сопровождаемые толпой разгневанных зевак.

— Что вы делаете? — воскликнул Жак, но потом разглядел необычное украшение на широкополой шляпе мадам Телле. — Флёр!.. — и лишился дара речи.

— Месье Жалле, — с нажимом произнесла мадам Телле, угрожающе поднимая зонтик. — Эта девочка рассказала мне, что ее держали здесь против воли! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Жак ничего не ответил, только его загрубевшие пальцы мастера с силой сжали сдобную булочку. Сборище горожан переводило взгляды с него на Флёр и тихонько зарокотало.

— Он стал несколько эксцентричным после войны, — заметил какой-то человек.

— Это похищение, разве нет? Это незаконно, — проворчала старуха.

Крупный мужчина, каменщик, выступил вперед:

— Пойдем-ка выйдем, Жалле, не будем здесь шуметь.

Жак стал пятиться назад, но тут с головы мадам Телле раздался тонкий, ясно слышный голосок Флёр:

— Постойте! Месье Жалле держал меня взаперти, это правда, но я не думаю, что у него были дурные намерения.

Дружное возмущение стало ей ответом. Флёр взглянула на съежившегося игрушечника и позвала:

— Жак, покажи им.

Жак покачал головой, но Флёр настаивала:

— Им надо увидеть, чтобы понять.

Жак печально приподнял уголок синей занавески и откинул в сторону. Горожане, любопытные дети и мадам Телле придвинулись поближе, наклонились, чтобы разглядеть, и Флёр чуть не упала, потеряв равновесие.

— Видите, — сказала Флёр, — он пытался сделать все так, как мне нужно, и верил, что я смогу стать частью его творения.

— Ой, это мой старый дом! — воскликнула мадам Телле.

Месье Леклерк указал на дом своего детства и прикрыл рукой глаза. Священник низко навис над столом, чтобы изучить бумажные окошки маленькой церквушки. Дети подныривали под занавеску и вставали на цыпочки, разумно не трогая ничего руками в присутствии целой толпы взрослых.

— Это прекрасно, — вздохнул священник.

— Это его мечта, — пояснила Флёр.

Каменщик положил свои крупные руки на плечи Жака и заплакал.

Жак похлопал здоровяка по плечу.

— Понимаю, — прошептал он, — мы больше никогда не увидим этот город.

* * *

Итак, Жаку позволили остаться в магазине, и с одобрения соседей он добавил к своей надписи «Игрушки Жалле» еще одну: «Заходите взглянуть на миниатюрный макет городка».

Что касается Флёр, они вместе с мадам Телле учредили новое ателье: пожилой портнихе давно была нужна молодая компаньонка. Точно так, как всегда боялась ее мать, о чудо-малышке узнали газеты и цирки, но Флёр не приняла ни одного из скоропалительных предложений.

Она заказала Жаку несколько предметов мебели и инструментов — теперь уже нужного ей размера, ни на волосок

меньше. Она выполняла очень тонкую и точную работу, щадя глаза мадам Телле: шила крестильные чепчики, рубашечки и покрывальца и вышивала изящные носовые платочки.

И вот однажды, когда некий бизнесмен предложил сделать работающую швейную машину под ее размер и заплатил ей годовое вознаграждение за рекламное фото, она согласилась. Ее засняли сидящей за маленькой машинкой на фоне настоящей — для сравнения.

— Глядите-ка, — показывала она газетную вырезку другим незамужним горожанкам, собиравшимся в комнате для показов моды в ателье «Телле и Перро». — Пишут: «Словно это вышивали феи»! Ха, какая чепуха!

— Я попыталась уговорить ее позволить мне поместить это в рамку, — сказала мадам Телле, — но мадемуазель Перро очень упряма.

— Если я захочу взглянуть на себя, то посмотрюсь в зеркало, — отвечала Флёр, — и без всяких нелепых подписей под моим изображением!

— Тот человек с фабрики швейных машин спрашивал мадемуазель Перро, сможет ли она появиться в Париже. Говорил, что она напрасно растрачивает здесь свой потенциал, — говорила мадам Телле.

— Я сказала ему, — объяснила Флёр, — что в городах, как и в портняжном деле, каждому человеку присущ свой размер.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Felicity Shoulders. Small Towns. 2012. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy&Science Fiction».

Аркадий Шушпанов
Служивый и Ко

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

На кладбище он мог бы пролезть и между прутьями ворот. Но

заплечный мешок тогда пришлось бы перекидывать через ограду. Сторонние люди в этот час по округе давно уже не шатались, город далеко — и все равно вдруг бы кто увидел? Чужое внимание Кимычу было совсем ни к чему, и он прошел лесом.

Кимыч любил бывать на кладбище весной. Не могилы навещать: никто у него тут не лежал, а если бы и так — Кимыч не помнил. Он любил приходить в гости к Мефодьичу. Осенью толком не вырвешься, начало учебного года, зимой по сугробам не пройдешь, а вот в мае самое то.

Лес Кимыч тоже любил, хотя и не чувствовал себя тут в родной стихии. Добрался без приключений, слушая по дороге щебет птиц и потрескивание стволов — будто старики-деревья разминали кости. Мешок за спиной вел себя тихо. Поклажа сухо перестукнула, только когда Кимыч одолевал по бревну широкую канаву — почти ров с талой водой, отделявший лес от кладбищенской земли. Услышав стук, Кимыч хмыкнул: нести сюда такое в мешке — что самовар в Тулу. Но иначе тоже никак.

Шелестел ветер в кронах, покрикивали вороны и чайки. Заходящее солнце красило в розоватый цвет тропинки, клумбы и надгробия. Старый асфальт под ногами, казалось, тоже давно отжил свое. То здесь, то там попадались выбоины, словно кто-то подверг его бомбардировке. Кимыч обходил эти ямы не спеша, попутно разглядывая особенно примечательные могилы. Иногда по ночам в школе он забирался куда-нибудь, где есть телевизор. И однажды увидел там, как выглядело кладбище где-то в Америке: ровные вереницы одинаковых серых камней. Кимычу это показалось невероятно скучным. Да и попробуй там найди нужную могилу, если все одинаковое.

Здешнее кладбище было старым, хоронили на нем теперь нечасто, если только чьего-нибудь очень близкого родственника. Большинство памятников поставили давно, тогда их тоже делали почти одинаковыми — крашеные сварные коробки. Железо ржавело, краска отваливалась, и если за памятником не ухаживали, тот приобретал вид совсем унылый.

Но самыми грустными были заросшие деревцами холмики, что прятали в сухой траве табличку со стершимся именем и датами жизни. К ним не приходил никто и никогда с момента, как гроб опустили в землю. Живущий здесь Мефодьич все равно старался их как-то обиходить, даже по мере сил обновлял надписи на табличках. Но многие исчезли задолго до того, как он тут поселился. Да и вообще, сколько он мог один? Человек — и тот один не может ни черта, вычитал Кимыч у Хемингуэя в школьной библиотеке. Что тогда ждать от Мефодьича? Вот и сегодня ему помощь нужна…

Кварталы заросли соснами, вербой и редкими березами. Даже в солнечную погоду здесь царил сумрак. Кимыч замечал, что многие памятники все-таки новые, из гранита или мрамора. На таких плитах нередко уже значились не одна, а две фамилии.

Потом он увидел развороченный крест. Такие кресты из нержавейки одно время ставили сплошь и рядом, заменяя прежние надгробия. Затем перешли на каменные памятники, и не в последнюю очередь из-за воров. Этот украсть не смогли, слишком хорошо был вкопан. Но старались: крест больше напоминал абстрактную скульптуру. Кимыч даже сбавил шаг, когда проходил мимо.

До жилища Мефодьича оставалось недалеко. Вскоре Кимыч увидел и дымок.

Могло показаться, будто тлеет куча сухой травы на участке, не занятом могилами. В том и состоял расчет. На самом деле это было «небольшое жульство», как сказал бы Евграфыч. В куче прятался дымоход землянки. Правда, Кимыч именовал землянку не иначе как норой и вспоминал начало книжки, прочитанной в школьной библиотеке: «В земле была нора, а в ней жил да был хоббит…». Книжку он, бывало, периодически утаскивал из библиотеки в свою подвальную каптерку и по ночам перечитывал любимые страницы.

Когда гость спустился вниз, то обнаружил всех в сборе. Все — это Евграфыч и, конечно, сам хозяин, Мефодьич. Его обитель изнутри выглядела как нечто среднее между той самой норой хоббита и блиндажом, оставшимся с Великой Отечественной. Здесь даже имелась лампа из снарядной гильзы, ее подарил Евграфыч на какое-то Девятое мая. А про хоббитов напоминали кресло-качалка и очаг, похожий на камин. Перед ним сейчас и восседал Мефодьич, попыхивая трубочкой. Для полного хоббитского облика ему не хватало только волосатых ног, протянутых к огню.

Лицо Мефодьича всегда напоминало Кимычу изображение Сократа из учебника истории Древнего мира. Мефодьич, и правда, был тем еще философом. А курил он, между прочим, не табак. Где тут на кладбище табаку возьмет трубочного? Это была хитро приготовленная смесь из разных лесных трав и корешков, потому дух в норе стоял даже приятный.

Евграфыч, в отличие от хозяина норы, ценил хорошую махорку и всегда ее при себе имел, но в чужом доме не курил из вежливости. Его лицо у Кимыча ассоциировалось со старым ботинком: высокий морщинистый лоб — в этом они с Мефодьичем и Сократом друг друга стоили, — шлепающие губы и жесткие тонкие усы, похожие на обрывки шнурков.

Губы Евграфыча первыми шевельнулись, когда гость вошел:

— Не запылился!

— Здрасьте, — сказал Кимыч. — А я вот принес…

Он показал мешок.

— В угол брось, — оторвался от трубки хозяин. — Рано еще.

Кимыч сгрузил поклажу. В мешке опять перестукнуло. В углу было тесно: еще два мешка дожидались своего часа. Их явно притащил из музея Евграфыч. Один мешок настоящий вещевой, с такими в последнюю мировую войну бойцы ходили. А второй — базарный, в клеточку, с такими в Москву за барахлом на рынки ездили.

— Чаю себе налей, — Мефодьич выставил граненый стакан в медном подстаканнике.

У Мефодьича и чай был особенный, со множеством трав, а потому Кимыч с удовольствием отведал хозяйской заварки. Стула в землянке не нашлось, и он уселся на деревянный ящик.

— В школе как дела? — спросил Евграфыч.

— Нормально, — отозвался Кимыч, не зная толком, что сказать. — Помаленьку…

— Ты бы еще дневник показать велел! — дружелюбно усмехнулся Мефодьич.

Конечно, если взглянуть на Кимыча, — а того уже много лет редко кто видел, — то его можно было принять за старшеклассника. Впрочем, и по меркам домовых он считался еще очень и очень молодым.

Если же совсем честно, то никто из них троих вообще и домовым-то именовать себя не мог, потому как за домом ни один не приглядывал. Кимыч был школьным, Евграфыч смотрел за музеем, а Мефодьич, понятное дело, — кладбищенский. Он единственный из троицы содержал отдельное жилье, где они сейчас все и находились. И то правда, кладбище — не здание, каптерку в подвале себе не обустроишь, потому как нет ни подвала, ни стен, ни крыши. Собственный дом у Мефодьича тоже когда-то был, но давным-давно сгорел.

А вот Кимыч сразу попал в школьные. Жизни до этого он почти не помнил, как и своей фамилии. Да и «Кимыч», между прочим, не было его отчеством. В прежние времена его звали Ким. Коммунистический интернационал молодежи, если полностью. Но в метрике, разумеется, стояла только эта аббревиатура.

Киму едва исполнилось пятнадцать, когда началась война. Отец ушел на фронт в июле сорок первого. Ким ждал призывного возраста, но не дождался. Самое обидное в такое время — это заболеть и не вылечиться. На войне люди, как правило, не

болеют, но то на фронте, а Ким жил в тылу. Он даже не видел и не слышал ни одной воздушной тревоги, город ни разу не бомбили.

Однажды Ким простудился, всего-то делов. Но затем время от времени отчего-то начал терять сознание. Это уже была какая-то странная простуда. Что тогда случилось, Ким понять не успел…

Уже потом, когда стал Кимычем, он из любопытства забирался в школьный медпункт и листал там разные справочники. Теперь его уже ничего не беспокоило, потому что здоровье отсутствовало, как, впрочем, и жизнь в обычном человеческом понимании. Справочники можно было читать без опаски найти у себя симптомы. А еще Кимыч любил забираться в кабинет информатики. Он самостоятельно, тоже по книжкам, освоил компьютер и научился выходить в интернет. И вот так однажды все-таки нашел, от чего умер. Энцефалит. Оказывается, им можно заразиться без всяких укусов клещей.

Это открытие, правда, никак ему не помогло. Кимыч не помнил, где жил, не помнил родных, но почему-то очень хорошо помнил школу. В сорок первом там оборудовали госпиталь. Когда Кимыч пришел в себя после так называемой смерти, то обнаружил, что как раз в школе и находится…

Ему все же повезло. В здании был свой школьный, Демидыч. Он-то и объяснил, что к чему, выходив новичка. Хотя окончательно все расставил на свои места только кладбищенский философ Мефодьич. С ним Кимыч сдружился потом, через много лет. Впрочем, «много лет» для Кимыча перестало что-то значить. Время — оно для людей, не для домовых. Для них существует разве что время года.

У человека есть физическое тело, рассказывал Мефодьич, есть душа и есть ментальное тело. Это то, что человек сам про себя думает. Так вот, душа по окончании жизни отходит, с физическим телом понятно, что случается, а вот с ментальным все сложно. Оно может еще какое-то время протянуть отдельно, если в нем живет страсть или идея. Хотя бы чувство долга или служение, как у Евграфыча. Раньше домовыми как становились? Предков своих люди хоронили у дома, чтобы те помогали, защищали от бед. Предки отзывались. Только не души их, которые суть понятие неземное, эфемерное, а личности. Личность, она после жизни уже не нужна. От души она отваливается, как первая ступень у ракеты при взлете. Личности предков, их ментальные тела и поселялись в доме как его невидимые хранители. Это сейчас даже на улице или где-нибудь в коллекторе выживешь — не гостиница, конечно, но все равно. А раньше без дома было вообще никак. Может, даже в пещерах

жили свои пещерные — и не только люди, разумеется.

Но опять же не каждый так может. Должна быть очень сильная тяга к чему-то. Дело, к примеру, незаконченное. Или сильная любовь к живым, что не отпускает. У Кимыча такая страсть была: очень хотел на фронт. Не просто воевать, он и стрелял-то лишь в тире. Просто хотел пользу приносить и думал, что на войне от него была бы самая большая польза как от бойца. Вот эта страсть и не дала ментальному телу просто так рассеяться в пространстве. Но теперь-то что, какой из него боец?

Зато в школе был госпиталь, и Кимыч начал смотреть за ним. Следил за хозяйством, бинтами, медикаментами. Его наставник Демидыч подался в город из деревни, а потому как был деревенский домовой, знал всякие заговоры — у бабок подслушивал. Иногда он раненым этими заговорами тоже помогал. Ну, и Кимыч, глядя на него, ко многому приучился. А после войны Демидыча опять потянуло в родные края, и он ушел в новую сельскую школу, передав дела и обучив молодого коллегу премудростям. Так Кимыч стал полноценным школьным.

Теперь же он сидел на ящике, попивал травяной чай и слушал, как добродушно спорят за жизнь Евграфыч с Мефодьичем.

Музейный вдруг осекся:

— Не пора еще?..

— Не, — сказал Мефодьич, — на часы глянь.

Часы у него в норе тоже висели старые, с кукушкой, но не простые, а зачарованные. Показывали не всякое время, а только нужное. Как это определить по стрелкам, знал один Мефодьич. Евграфыч из уважения глянул на колдовской хронометр и даже кивнул, будто что-то понял. Но разговор заглох. Некоторое время было слышно только потрескивание огня в камине. Кимыч обратил внимание, что заветные часы не тикают.

Тогда он решился сам нарушить молчание.

— Я вот тут подумал…

— Чего? — откликнулся Мефодьич.

— Вот домовой… Он же в доме как бы потусторонний завхоз.

— Хорошо сказал, — вставил Евграфыч.

— Но у нас в школе, к примеру, над завхозом есть директор. Потому что школа — это же не только хозяйство. Как музей или вот даже как кладбище. Так вот, а ведь город тоже больше, чем просто дома!

— Системно мыслишь, — одобрил, пыхнув трубочкой, Мефодьич.

— Я и говорю, за городом же тоже кто-то должен приглядывать, как за домом. За всем сразу. Значит, должен быть

городской. А он есть?

— Сложный вопрос, — задумчиво высказался хозяин норы.

Дело в том, что это люди — коллективные существа, а домовые вовсе нет. Каждый из них сам по себе, многие ничего дальше своего хозяйства и знать не хотят. Но человеческое они все-таки не забывают. Случается у них и настоящая дружба, как у Евграфыча с Мефодьичем. А Кимыч любил чему-нибудь учиться, недаром был школьным, поэтому всегда тянулся к более опытным, кто мог подсказать или просто рассказать нечто интересное. Да и общительность у него была выше, чем у среднего домового, все-таки молод еще. Так они втроем и подружились. Но что эрудированный Мефодьич многого не знал за пределами своей норы и своего кладбища и даже не интересовался, в том не было ничего удивительного.

— Это еще ладно, — продолжил Кимыч, — но ведь и городов много. Значит, скажем, и по области, и по стране кто-то должен быть, чтобы за всем присматривать.

— Ага, — сказал Евграфыч, — по стране — губернатор, а по области — президент. Или наоборот.

И усмехнулся, будто старый разорванный ботинок показал гвозди.

— Да ну тебя! — вступился из кресла-качалки хозяин норы. — Президент, он среди людей. В Кремле же вон комендант есть, и что, думаешь, домового нет?

— Там не домовой, там кремлевский, — заспорил Евграфыч.

— А неважно!

— Погодите, — вмешался Кимыч. — Я не про то. Если должен быть в каждом городе городской, то, наверное, может быть и какой-нибудь всероссийский…

— …староста! — ехидно вставил Евграфыч.

Но Кимыч пропустил это мимо ушей, увлеченный своей идеей:

— Опять же не только ведь у нас живут домовые. Значит, есть какой-нибудь главный британский, испанский, французский и все такое прочее. И, получается, может быть и планетарный… или всепланетный.

— Эк тебя понесло, — сказал Евграфыч. — Хотя как проверишь?

— Тут мы похожи на людей, — изрек со своего кресла Мефодьич. — Сами не знаем, кто нами управляет. Все живут, думают, будто они совершенно свободны, а на самом деле…

— Типун тебе на язык, — одернул Евграфыч. — Я даже знаю, как это называется, хотя книжек не читаю. Теория заговора! Тебе-то не один ли хрен, пардон меня? Даже в том, ради чего мы

сегодня тут собрались, никакой городской или планетарный не помогут. Есть они, нет их — какая разница? Жаловаться все равно некому. Все приходится самим.

— Да уж… — изрек Мефодьич, — однако пора!

Кимыч тут же посмотрел на зачарованные часы. Там вроде бы ничего не изменилось. Ну, может, стрелка немного подвинулась. Но чутье Мефодьича никогда не подводило.

— Наконец-то! — оживился Евграфыч. — Я-то думал, может, вообще не придут.

— Придут, — ответил Мефодьич, — никуда не денутся.

— Еще как денутся, — усмехнулся Евграфыч, — после сегодняшнего! Ну-ка, достаем амуницию!

Он первый начал развязывать свой вещмешок. Кимыч немножко помедлил и раскрыл свой.

— Неужели настоящие? — Евграфыч подозрительно глянул на то, что принес самый младший в их тройке.

— Не знаю, — честно сказал Кимыч, — но похоже на то.

— А я думал, сейчас все пластмассовые.

— Да нет, и натуральные тоже бывают. У нас старые.

— М-да, весело, если настоящие, — опять усмехнулся Евграфыч, — получается, мы в чем-то как эти…

— Не как эти! — отрезал, поднявшись с кресла, Мефодьич. — Это все равно что экспонат из твоего музея взять на время для общей пользы. Так сказать, для публичной демонстрации в образовательных целях. А они… Это как забраться в музей, все перебить, испоганить и убежать. Только еще хуже. Чуешь разницу, служивый?

— Уел, — согласился Евграфыч и загремел содержимым своего вещмешка. Потом, не говоря ни слова, дотянулся до клетчатого баула.

— А это тоже настоящее? — спросил Кимыч без всякой задней мысли подшутить над служивым.

— Обижаешь, — ответил повеселевший Евграфыч. — Никакого жульства! Самое настоящее, высшей пробы! Лично мною смазано. Как пахнет, любо-дорого! Вот, кстати, примерь, — он протянул Кимычу сверток.

Кимыч развернул и придирчиво осмотрел, явно не особо желая влезать в обновку.

— Ничего, — сказал Евграфыч, — Штирлиц, чай, тоже рядился.

Он профессионально быстро собрал все разобранное. Кимыч даже залюбовался.

— Вот что, — Евграфыч щелкнул металлом последний раз, — ты собирай свою… конструкцию и переодевайся, а мы наверх. Я

натяну проволоку, а Мефодьич — на разведку. Всем все ясно?

— Так точно, — почти хором ответили Кимыч и Мефодьич.

Словно дожидаясь этого момента, из зачарованных часов вылетела потрепанная кукушка и… нет, не прокуковала, а заорала душераздирающим голосом. Если бы на кладбище вблизи норы оказался человек, то услышав из-под земли этот крик, он перекрестился бы, даже будучи завзятым атеистом, и бросился удирать со всех ног. Кимыч, когда сам услышал такое в первый раз, тоже вздрогнул, хотя чего ему было теперь бояться?

На поверку же этот вопль был всего лишь петушиным кукареканьем, пропущенным задом наперед, словно магнитофонная запись. Придумал такое, разумеется, Мефодьич. Логика у него была простая: ежели петухи возвещают утро и спасение от нежити, то кукушка возвещает ночь и нежити приход. Кого именно кладбищенский домовой Мефодьич полагал нежитью — вопрос отдельный. А поскольку есть такое выражение «до третьих петухов», кукушка тоже голосила трижды. И этот ее крик был как будто первый звонок в театре.

Сегодня — в театре военных действий.

Евграфыч и Мефодьич переглянулись и словно испарились. Умеют домовые быстро исчезать. Но перед этим хозяин норы затушил очаг: видимый на поверхности дым был им больше ни к чему.

Кимыч остался соединять проволокой части принесенного из школы багажа. Потом нехотя переоделся в то, что дал ему служивый. Оказалось не совсем впору. К тому же одежда была самой что ни есть настоящей, а не сшитой для какого-нибудь театра. Кимыч всем своим существом чувствовал, как прилипли к ней страх, усталость, злость… И еще смерть. Это не отстирать никаким порошком.

Зеркала у себя в норе Мефодьич не держал. Да и зачем оно: домовые, как ни крути, все-таки нежить, пусть и небесполезная в хозяйстве, и в зеркалах не отражаются. Тут они ничем не лучше каких-нибудь вурдалаков. Так что понять, как выглядит со стороны, Кимыч не мог.

Он заскучал и присел обратно на ящик. Чтобы чем-нибудь себя занять, начал перебирать разложенное содержимое вещмешка Евграфыча.

Музейный домовой очень не любил, чтобы его называли музейным. Он сам именовал себя служивым, и никто в общем-то не возражал.

Давным-давно Евграфыч пал смертью храбрых во время Полтавской баталии. Причем едва ли не самым первым, не успев толком сделать и выстрела. Душа его, как и положено, отлетела,

но желание послужить отечеству и досада, что не пригодился, не дали рассеяться бренной ментальной оболочке. Дома для Евграфыча тоже никакого не нашлось, и он стал полковым. Следил за исправностью орудий, сухим порохом и всем таким прочим. Сколько войн прошел — со счету сбился. И в царской армии успел послужить, и в красной. Из одной в другую, кстати, перешел легко. Хотя Евграфыч был верен царю и присяге, однако интервенцию Антанты вытерпеть не смог, а потому и решил, что ни чести своей, ни отечеству не изменяет.

Нужно еще понимать, что не в характере Евграфыча было прятаться, если, конечно, того не требовала боевая обстановка. Скрываться от своих тот считал ниже достоинства. Опять же, несмотря на некоторую язвительность, натура у Евграфыча была легкая, свойская, людей не напрягающая. Где бы он ни служил, к нему очень быстро привыкали, и подавляющее большинство даже считало человеком, а многие и знать не хотели, кто он такой на самом деле. Казусы, правда, тоже случались, о чем он, смеясь, рассказывал во время посиделок у Мефодьича. «Недолюбливали меня всегда различные, так сказать, официальные лица. При царе-батюшке полковой не жаловал — дескать, от нечистого. А как царя не стало, другая беда — замполит. Не укладываюсь ему, понимаешь ли, в материалистическое мировоззрение. Пробовали мной даже особисты заниматься, да чего со мной сделаешь? Из любой кутузки уйду, где это видано, домового взаперти держать. Тем более меня — вдали от артиллерии…»

Но после Великой Отечественной Евграфыч вдруг решил, что хватит с него, нужно переходить к мирному строительству. И пошел в музей. Подумал, что он-то продолжает существовать, пускай как нежить, а вон сколько народу сгинуло на полях без следа. Хотя бы память о них сохранить надо. Это и стало новой движущей силой, что не давала сгинуть самому Евграфычу.

В музее он тоже быстро прижился. Как всегда, не особенно таился, но и напоказ себя не выставлял. Дело в том, что домовые избегают общения с людьми отнюдь не потому, что боятся или предрассудки какие имеют. Просто если нежить встречается с живым человеком, то жизненная сила, по закону сообщающихся сосудов, потечет туда, где пусто. Нормальные люди друг с другом обмениваются, так и существуют. А нежити отдать нечего. Потому, скажем, если живой человек в загробное царство попадет, как Орфей, он там недолго живым пробудет, это все равно что без скафандра в открытый космос выйти. Но домовые, они как кошки. То есть молока, шерсти и прочего с них не получишь, зато дом делают уютнее одним своим присутствием. Тут присмотрят, там подсобят, это и есть их плата за продление

жизни. Едят они только для того, чтобы материальная оболочка жила. Здесь у них все, как у людей, на одной духовной пище не протянешь. Но лишний раз домовой на глаза людям показываться не станет, совесть поимеет, даром что нежить. Помнят, что и в них осталось что-то человеческое. Евграфыча же к людям тянуло, хотя и он палку не перегибал, все-таки служивый, а не энергетический вампир какой-нибудь. Как говорится, солдат ребенка не обидит.

Пока Кимыч вспоминал рассказы служивого, в норе снова объявился Мефодьич. Словно проник к себе в дом через трубу.

— Идут, — сказал он Кимычу.

В доказательство из часов вылетела кукушка и проголосила вывернутым наизнанку петушиным воплем еще раз.

Второй звонок, подумал Кимыч. Почему-то ему пришел в голову уже не театр, а звонок на урок.

Сегодня — на урок истории.

Кимыч даже не заметил, что в норе есть теперь и Евграфыч.

— Готово! — бросил служивый. — Взяли всё и на выход!

Кимыч подхватил свою «конструкцию» и заспешил наружу. Ход в нору был узкий, но когда школьный вылез на поверхность, Евграфыч уже все равно поджидал его там. Когда только успел? Что значит опыт…

Гуськом домовые побежали к окраине кладбища. Первым служивый, за ним Мефодьич, а последним, стуча поклажей, школьный.

Им вслед из-под земли донесся третий вопль.

Домовые могут перемещаться очень быстро и незаметно, потому что умеют изменять свои размеры. Их тело не материально на все сто процентов, как у людей. Домовой может вполне сойти за человека и затеряться в сутолоке, а может нырнуть в кошачий лаз или даже в мышиную нору. Но сейчас такой маневр не удался бы из-за одежды и поклажи — куда все это денешь?

…Они успели: и добежать, и все нужное приготовить, и затаиться.

Кимыч сидел, прислонившись спиной к памятнику и уперев сапоги в близкую ограду. Памятник был из новых, гранитных, и прикасаться к его холодной, гладкой поверхности было даже приятно. Кимыч понимал, что такая бесцеремонность не очень-то вежлива, но по-другому не получалось.

Облака раскрыли полную луну. Словно желтое лицо, изрытое оспинами, показалось из-под черного капюшона. Деревья тянулись к небу, будто руки мертвецов. Откуда-то из леса донесся протяжный вой. Конечно, это был не волк, а какая-то из бродячих

собак, что иногда заходили на кладбище.

Кимычу было страшновато. Чувство смутное, почти забытое. Чего бояться ночью на кладбище, если ты давно уже не человек?

Но даже домовые иногда боятся ответственности.

Кимыч вспоминал развороченный крест, увиденный сегодня по дороге в нору кладбищенского. Еще он вспоминал выражение лица Мефодьича, когда помогал ему ставить на место перевернутые памятники. Это было прошлой весной.

У Мефодьича в норе хранилась особенная тетрадь. Не тетрадь даже, а целая конторская книга. Старинная, с потрескавшейся обложкой. Мефодьич записывал в нее все интересное и примечательное, не полагаясь на память. Такая книга у него была уже неизвестно какая по счету. В ее середине Мефодьич хранил вырезки из газет. Сами газеты он доставал из мусорных ящиков, куда их выбрасывали посетители кладбища. А еще газеты приносил Кимыч.

Коллекция вырезок у Мефодьича подобралась своеобразная. Кимыч, честно говоря, все их не читал. Но ему хватало и заголовков.

ВАНДАЛИЗМ НА КЛАДБИЩАХ

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

РАЗРУШЕНО БОЛЕЕ 200 НАДГРОБИЙ

ВАНДАЛЫ НЕ ДРЕМЛЮТ

ОСКВЕРНЕНЫ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ВАНДАЛЫ ДАЮТ ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Уголки вырезок не помещались в конторской книге, вылезали наружу, съеживались, как будто им самим было неудобно за свое содержание.

Думая об этом, Кимыч вдруг различил осторожные шаги и разговоры. Еще смешки. И бульканье.

Домовые слышат хорошо и далеко.

Кимыч затаил дыхание. Тоже, конечно, нелепо: ведь ты не то чтобы живой, не отражаешься в зеркалах и мог бы совсем не дышать, если бы захотел. Но привычка вдыхать и выдыхать сохраняется, как походка.

По шагам, смешкам и шорохам Кимыч понял: идут пятеро. Обостренный слух не подводил, во время уроков школьный мог безошибочно определить, сколько учеников сидит в классе.

Кимыч не видел ни служивого, ни кладбищенского. Но он легко мог себе представить, о чем сейчас думает Евграфыч: «Поближе… Еще маленько поближе… Рановато…».

А затем над кладбищем взвилась ракета. Но не простая, а заговоренная. Ракетницу притащил, конечно, служивый, а с

заговором постарался Мефодьич: свечение у падающей ракеты было синее, мертвое, зловещее.

Увидев сигнал, Кимыч приложил к губам самодельный рупор и провыл:

— Айн, цвай, драй! Фояр!

Над головой прозвенело: это Мефодьич привел в действие несложный механизм — и над памятниками взвилась фигура, похожая на пугало. Света еще непогасшей ракеты вполне хватало, чтобы пятеро невольных зрителей ее хорошенько разглядели.

К ним, стуча костями и металлом, летел скелет, одетый в форму немецкого солдата Второй мировой. В каске, сдвинутой на затылок, и с болтающимся на шее автоматом.

Скелет Кимыч позаимствовал на одну ночь в препараторской кабинета биологии и притащил разобранным в заплечном мешке. Все остальное принес из музея служивый.

Скелет двигался по тонкой проволоке, натянутой между деревьями. Мефодьич управлял им, как марионеткой.

Конечно, проволоку было не различить, если не знать, куда именно смотреть.

Прижавшись спиной к гранитному надгробию, Кимыч услышал возгласы. За такие слова в школе вызвали бы родителей, сразу обоих. Но состояние тех, кто эти слова произнес, легко можно было понять.

Тогда Кимыч поднялся во весь рост. Сейчас на нем тоже была немецкая форма. Он не хотел ее надевать, но Евграфыч был прав: и Штирлиц рядился. А кроме того, Кимыч был самым высоким из троицы: рост домовых с годами делается меньше, и они вроде как усыхают. А кого способен напугать фашист ростом метр с кепкой? Так что по-любому эта роль доставалась Кимычу.

На шее у него тоже висел автомат. И в отличие от того, что надели на скелет, в этом автомате были патроны.

Кимыч полоснул вверх.

Стрелять из автомата его научил служивый еще давно, в лесу, по бутылкам. Откидной приклад в свое время оставил здоровенный синяк на плече. Но сейчас Кимыч прикладом не пользовался.

Очередь ушла в небо, и было в ее грохоте что-то от треска костей.

А затем опять выстрелил служивый. Синяя ракета высветила клочок кладбища, тощую фигуру Кимыча с автоматом и пришельцев.

Кимыч и так их отлично себе представлял. Он чуть ли не каждый день встречал подобных в школе. Класс десятый-одиннадцатый. Хотя зря Кимыч подумал на школу: все-таки та,

где служил он сам, была в центре города и вообще считалась одной из лучших. А эти явно учились где-то в близлежащем поселке. Стал бы кто, даже приняв на грудь, так далеко идти из города.

Нет, это были местные. Рассказал о них Мефодьич. Он же позвал на подмогу друзей, когда понял, что сам не справится. Ему до смерти надоело, что на кладбище выворачивали кресты, разбивали надгробия или разрисовывали их черной краской. Кто этим занимается, Мефодьич уже давно выяснил и даже научился вычислять, когда именно кладбищенский разбой случится опять.

…Незваные гости сначала даже не посмотрели в ту сторону, откуда была дана очередь. Все их внимание оказалось прикованным к скелету, летящему над могилами.

— Сдавайся, партизанен! — как можно более хрипло, чтобы не выдать свой высокий голос, проорал Кимыч. Никаких партизан в городе никогда не было, тот всю войну стоял в глубоком тылу. Просто Кимыч слышал похожую фразу в каком-то старом фильме.

Фигуры несостоявшихся вандалов замерли, приморожденные ужасом.

Первая фаза акции была успешно пройдена, и наступало время для второй.

Кимыч побежал к фигурам, паля в воздух. Что называется — в белый свет как в копеечку, даром что на дворе была ночь. Между короткими очередями он кричал по-немецки:

— Уважаемые пассажиры! Поезд номер два прибывает на запасной путь! Предъявите билеты! Покажите меню!

Никто из жертв психологической атаки немецкого, разумеется, не знал. Кстати, из домово-кладбищенской троицы его тоже выучил одни Кимыч, по учебникам и лингафонному курсу из класса иностранных языков.

Несколько пар глаз наконец-то оторвались от скелета и обратились к бегущему с автоматом. Только тогда пришельцы ожили и бросились удирать. Очевидно, в них проявились до того скрытые резервы организма: в школе Кимыч видел немало бегунов, но эти могли бы выступать даже на областной олимпиаде.

Он еще раз выстрелил, еще раз крикнул вслед. Но сам уже никуда не спешил.

Третья синяя ракета высветила спины насмерть перепуганных беглецов. Спины растворились вдали раньше, чем она погасла.

Рядом с Кимычем встал служивый:

— Кажись, все. Больше не придут.

Скелет раскачивался на проволоке и позвякивал железками, словно огородное пугало.

— Хорошо бы так, — сказал Мефодьич, показавшись откуда-то с неожиданной стороны, — только как бы теперь другие не пришли.

— Какие другие? — повернулся к нему Кимыч.

— Паранормальные всякие… любители. Слухи ведь пойдут.

— Будем решать проблемы по мере поступления, — рассудил служивый, — а пока считаем, воспитательная работа прошла успешно. Все собираем и возвращаемся на базу. Кимыч, гильзы поищи, а то если кто найдет, это уже не слухи будут, а улики. Да, и бутылки после этих хорошо бы убрать.

— Так точно! — сказал Кимыч.

Искать в темноте стреляные гильзы зрение домового вполне позволяло.

Мефодьич отцепил скелет и перевалил его через плечо, будто нес раненого. На другое плечо повесил автомат.

— Вот ведь до чего дошло, — ворчал он, — оборонять родные могилы чучелом фрица. Сначала от них защищаешься, теперь вот ихним же образом.

— Говорили уже, — махнул рукой Евграфыч, — не в нашу же форму его было рядить! Из этих зомби как-то лучше получаются. Это не жульство даже, а военная хитрость.

…Через полчаса все трое опять сидели в норе у Мефодьича, смотрели на вновь разведенный огонь. Разобранный скелет лежал в мешке у Кимыча, оружие и амуниция — в сумках у Евграфыча. Единственное, чего тот не собирался возвращать — патроны, потому как они были не музейные, а его личные, хранившиеся много лет на черный день. Бережливый Евграфыч и не думал, что черный день обернется тихой весенней ночью, а стрелять придется в воздух.

Домовые вообще по понятным причинам ведут ночной образ жизни, поэтому сейчас для троицы было что-то вроде раннего, хорошо начатого утра.

Мефодьич еще раз заварил свой коронный травяной чай и вновь раскачивался в кресле, попыхивая трубочкой. Снова философствовал:

— Заметил я, случаются все эти акты вандализма в основном по весне или в начале лета.

— А тут и думать нечего, — отозвался, не дослушав, Евграфыч, — весной у всех психов обострение. Так даже в твоих газетных обрывках написано. А эти что, нормальные, что ли? Так что все на поверхности!

— Да уж, — сказал кладбищенский, — психика молодая, неуравновешенная. Мы ведь кого-то и уморить могли такой психической атакой.

— Невелика потеря, — буркнул служивый. — Неповадно будет. Сильных духом среди таких все равно нет, а на слабых мы всегда управу найдем.

— Мы-то найдем, — у Мефодьича в руках появилась знакомая тетрадь. — А везде ли есть мы?

Он перебирал узловатыми пальцами хрупкие, пожелтевшие вырезки.

Возникла пауза, и в норе слышалось только, как потрескивает огонь и шуршат эти клочки бумаги.

ОТВЕТНЫЙ УДАР В СПИНУ ПАВШИМ
ВАНДАЛАМИ ОКАЗАЛИСЬ ШКОЛЬНИКИ
ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА КЛАДБИЩЕ

— Людям надо этим заниматься, — вздохнул Евграфыч, — а не нам, старой нежити. Извини, Кимыч, про тебя не подумал…

— Живым нынче не до мертвых, — ответил Мефодьич, подняв одну вырезку на уровень глаз и посмотрев сквозь нее на огонь, будто хотел разглядеть какие-то тайные водяные знаки. — Вот самим и приходится…

— Я не в обиде, — сказал Евграфыч, — мне-то что, даже интересно стариной тряхнуть. Ему вон тоже, — он кивнул на Кимыча, — боевое крещение принять в самый раз. Кстати, молодцом, парень!

— Старался, — коротко ответил Кимыч.

— А я вот думаю, — произнес Мефодьич, — опыт надо передавать и распространять! Так что Кимыч прав. Надо выходить на городского. А может, даже на всемирного. Если он есть.

Анна Китаева
Книжная куколка

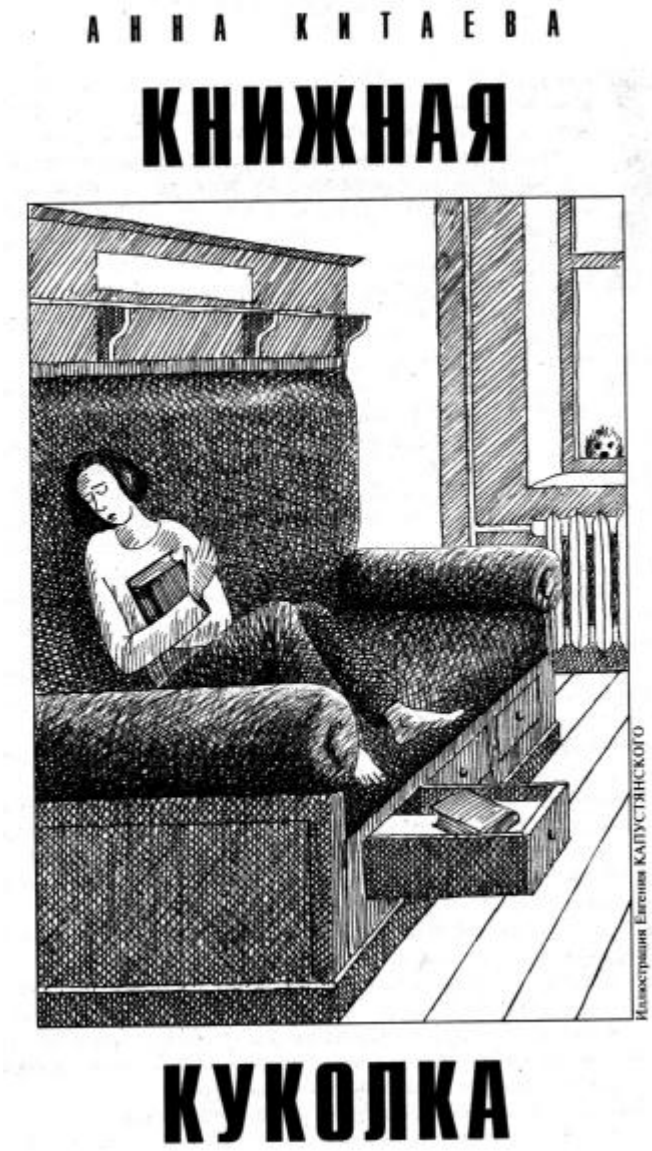


Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Коммунальная квартира почти в центре Киева была

пережитком иной эпохи — дотянувший до наших дней динозавр, уродливый, но жизнеспособный. Внешнее сходство тоже имелось. Длинный многоколенчатый коридор казался Машеньке позвоночником древней рептилии, а когда она пробиралась по нему в свою комнату, неожиданный трубный рев унитаза пугал ее и заставлял шарахнуться, сбивая впотьмах коленки о ящики. Динозавры не любят молодых.

В туалете на стенке висели в два ряда шесть унитазных сидений — по числу жильцов, точнее, ответственных квартиросъемщиков. Маша жила здесь уже вторую неделю, но местные обычаи до сих пор повергали ее в оторопь. Утренняя очередь к газовой плите, например, чтобы поставить чайник. Зачем, когда есть электрический? Тетка Зоя разрешила ей кипятить чай в комнате, лишь настрого велела, чтобы никто из жильцов не увидел. Но Машенька вообще старалась не соваться никому на глаза. То, что она попала в эту квартиру, было результатом многолетней интриги среди «туземцев» и ее личного невероятного везения. Недавнюю выпускницу из провинции взяли в киевскую фирму. Девочкой на побегушках, конечно, но с приличной зарплатой. Нужно было жилье. Тетка Зоя, выросшая в этой самой коммуналке, приходилась Машиному отцу троюродной то ли племянницей, то ли тетей. Когда умерла бабулька из дальней комнаты, все жильцы бросились в бой за расширение квадратных метров — и тараканьи бега выиграла тетка Зоя, хитрым финтом прописавшая к себе Машеньку. Родители поклялись умом, честью и совестью, что Маша выпишется по первому требованию, улестили родственницу материально — и вот Маша здесь, в двух шагах от центра. Киевлянка, с ума сойти!

В окно, разделенное старинным переплетом на много маленьких пыльных квадратиков, скреблись ветки тополя. Вчера на них лопнули почки, проклюнулись листья: весна! Старый двор-колодец был темным, прохладным. Звуки улицы, попадая в него, долго перекликались сами с собой и не всплывали выше второго этажа.

Возвращаясь домой после работы, Машенька ныряла в подворотню, пересекала двор, забиралась в подъезд, поднималась на третий этаж, с усилием открывала тяжелую дверь, одолевала путь по темному коридору до крайней комнаты — и с каждым шагом ей казалось, что она путешествует назад во времени. На улице сверкал и громыхал двадцать первый век; здесь же, как снег в овраге, залежался двадцатый, самое его начало… или вовсе девятнадцатый. Книги довершали впечатление. Много, много книг.

Покойная бабулька, оставшаяся для Машеньки безымянной, должно быть, работала в библиотеке. Только так девушка могла объяснить себе, отчего три стены небольшой комнаты занимали битком набитые книжные шкафы, надставленные полками под самый почти четырехметровый потолок. Среди прочих договоренностей с теткой Зоей была следующая: книжек Маша выносить не должна, когда-нибудь тетка сама их разберет и продаст. А Машенька и не стала бы торговать древним хламом. Да и тетка вряд ли что-то выручит за чужую осиротевшую коллекцию.

Кому сейчас нужны бумажные книги? Хочешь пролистать любой текст — скачай из интернета на мобильник или ридер… а лучше все-таки посмотреть фильм, ну их, эти буковки. Поэтому Маша книги вообще не трогала, освободила только себе часть шкафа, чтобы вещи положить. Выгруженные с полок тома заняли место под столом. Неудобно, да. Но по сравнению с большими плюсами жилья — совсем маленький минус.

Старые книги имели особенный характерный запах, кисловато-бумажный, пыльный. Запах Машу не раздражал, он был ей необъяснимо приятен.

Сегодня она задержалась после работы. Бородатый сисадмин Володя пригласил ее выпить пива. А что такого? Володя ей не то чтобы нравился, но пора уже заводить друзей-приятелей в новой киевской жизни. Правда, пивная компания оказалась даже слишком большой, человек десять. Володе на половине кружки позвонила жена, он вытянулся лицом, шумно выхлебал пиво и сбежал. А Машенька осталась и почувствовала себя так, словно ее бросили. Пропал кураж, заболела голова, стало подташнивать от крепкого дыма, висящего в воздухе сизыми пластами. Хотя Володя был ей никто, а двое других парней рвались ухаживать наперебой, Маша выскользнула в туалет и в пивной павильон не вернулась. Домой, домой!

Через подворотню она почти бежала. На лестнице замедлила шаг. Перед дверью квартиры остановилась.

А зачем, собственно, она удрала из пивнушки? Куда бежала? Дома ее никто не ждет. Чего испугалась? Машенька медленно, как во сне, достала из черной кожаной сумки огромный ключ, с усилием провернула в древнем замке. Может, вернуться? Прошло каких-нибудь полчаса, компания не разошлась, вечер лишь начинается. Она выпьет еще, станет весело, кто-то из тех двоих усадит ее на колени…

Маша прикрыла за собой входную дверь и двинулась в глубь коридора бесшумным шагом сомнамбулы. Скользнула мимо

кухни незамеченная. Свернула за угол, привычно стукнулась локтем и тихонько зашипела. В голове ее спорили голоса: один был благоразумие, второй — упрямство, третий она не могла опознать. Зачем она здесь? Надо вернуться к новым приятелям. Пора заводить не просто знакомых, пора обзавестись своим парнем. Нет, только не сегодня, не в пивной, не в сигаретном чаду… Но почему? Там был симпатичный парень… кажется, Толик… правда, он за ней не ухаживал, но можно самой с ним заговорить…

Маша остановилась. Пойти или не пойти?

— По-любому, умоюсь и переоденусь, — пробормотала она вслух.

Еще два шага, последний отрезок коридора. Здесь абсолютно темно. Обычно девушка доставала карманный фонарик заранее, но сейчас упустила момент. Возвращаться не хотелось, и Маша полезла в сумку на ощупь. Ключ от комнаты висел на одном кольце еще с несколькими, они должны были сразу упасть в ладонь — но нет, она рылась в сумке и не находила ни ключей, ни гладкого цилиндра фонарика. Ну где же?.. Что-то острое больно воткнулось под ноготь. Маша ойкнула, упустила сумку и выругалась. Из глаз брызнули злые слезы. Стиснув зубы, она зашарила под ногами и — о чудо! — первым делом нашла фонарик.

Кто-то шел по коридору. Ничего не видя от слез, Маша сгребла в сумку все как попало, выщепила ключи среди барахла, открыла дверь, ввалилась к себе — и засмеялась от облегчения. Какой фигней она занимается! Пойти в пивнушку — не пойти, увидят соседи — не увидят… Да плевать! Она включила свет, вытерла руки влажной салфеткой, разделась. Из трещиноватого тусклого зеркала на нее глянула милая девушка. Пухлые губы, темные волосы, упрямый взгляд… носик мог бы быть ровнее и длиннее, но ладно, сойдет. Машенька состроила пару гримас, повернулась в профиль, выпятила грудь.

— Пойду! — сказала она отражению.

Почему нет? И надеть черный джемперок, почти прозрачный, а сверху красную курточку… И новые красные туфельки с черной пуговкой. Ура! Девушка развернулась на пятках — и сердце ее ухнуло вниз, как в скоростном лифте.

— Ай!

На столе, куда она бросила расстегнутую сумку, что-то шевелилось. Мышь?.. Фу, гадость! Пошла вон, зараза!

Маша присмотрелась и облегченно хихикнула. Никакой мыши, просто вывалилось из-под клапана кое-как запихнутое в сумку содержимое. Куча продолжала разваливаться. Покатилась к

краю стола губная помада. Машенька бездумно кинулась на перехват.

— А-а-ай!

В этот раз она заорала громко. И уселась на пол, ошалело глядя, как из сумки выбирается на стол нечто.

Не мышь, нет. Прямо как «не мышонка, не лягушка, а неведома зверушка». Существо было размером с недельного котенка, но держалось вертикально, как хомяк на задних лапах. Пестрая шерстка торчала пучками: рыжий пучок, серый пучок, грязно-бурый пучок… Морская свинка? Крыса какая-нибудь… лабораторный мутант!

Зверушка пискнула жалобно и печально. Большие карие глаза обвели комнату, остановились на Маше с пристальной укоризной. Тупое рыльце чуть поворачивалось из стороны в сторону, как флюгер под ветром, черный нос подрагивал: «немышонка» принюхивалась.

— Ты кто? — шепотом спросила девушка, почти ожидая ответа. Но странненькое существо отвело взгляд, опустило мордочку и решительно направилось к краю стола. Передвигалось оно кривым ползком, извиваясь всем коротеньким тельцем. Маша опомниться не успела, как зверушка одолела дистанцию, без заминки перевалилась через край и полетела на пол мордой вниз.

Так же, как перед тем за помадой, Машенька без лишней мысли рванулась подхватить непонятную тварь. И испытала очередное потрясение.

«Немышонка» оказалась мягкой, как детская меховая игрушка: ни мускулов, ни костей под шкуркой не прощупывалось. И пестрый мех был словно синтетический. Полное впечатление, что держишь в руках какую-нибудь Чебурашку из «Детского мира». Маша слабо удивилась тому, что ей не страшно и не противно. Существо пискнуло, открыло карие живые глаза на игрушечной морде и глянуло на Машу вопросительно.

— Ох, ничего себе! — сказала девушка и торопливо опустила зверушку на пол.

Шевельнулся черный нос. Существо устремилось под стол и уткнулось в стопку книг. Раздались звуки: скрип, треск и попискивание, словно там действовал целый выводок мышей. Машенька встала на четвереньки и заглянула под стол.

Сперва она не поняла, что происходит. Затем просто угадала. «Немышонка» жадно жевала переплет нижней книги. Вот тебе и мягкая игрушка!

— Я с ума сойду, — громко сказала Машенька.

Она медленно поднялась с четверенек. Натянула спортивные

брюки, футболку: ясно было, что никуда она уже не пойдет. Налила в чайник воды из пятилитровой фляги, включила. Из-под стола продолжали раздаваться скрежет и чавканье. Маша подумала, что ее действия, привычные, ежевечерние, можно было бы счесть попыткой успокоиться, но странность была в том, что она чувствовала себя спокойной. Как будто так и надо. Как будто все хорошо и правильно. Скорее наоборот, она пыталась разволноваться, произносила положенные слова — а волнение не приходило. С того момента, как девушка подержала в ладонях зверушку, ей стало удивительно хорошо и покойно. Ладони, кстати, слегка покалывало, и это тоже было приятно.

— Меня околдовал космический пришелец, — произнесла на пробу Маша и засмеялась.

Она неспешно заварила чай и поставила на подоконник остужаться. Прошлась по комнате. Открыла дверь, выглянула в пустой коридор. Взяла с полки плеер и положила обратно. Потянулась за мобильником, но передумала. Наконец Маша не выдержала, присела на корточки и заглянула под стол — что там происходит?

Зверушка, раскорячившись и упершись в пол слабенькими ненастоящими лапками, пыталась вытащить из стопки книг одну в картонной обложке. Стопка была сложена неровно, и обтерханный корешок книги выступал наружу. «Немышонка» сжимала его в пасти и тянула на себя, рискуя обрушить тяжелые тома.

— Эй, погоди-ка! — взволновалась Машенька. — Давай помогу.

Существо послушно разжало хватку. Челюсти его оказались совершенно беззубыми.

Маша подтянула к себе всю книжную башню за основание, сняла верхние книги, как карты с колоды, чтобы растрепанный пухлый томик оказался сверху, и положила на пол перед зверушкой. Взгляд скользнул по буквам на обложке, но фамилия автора — Саймак — была Маше незнакома, а название она прочесть не успела. «Немышонка» вцепилась в старую книжку, как голодный — в буханку хлеба.

Девушка смотрела, затаив дыхание. По размерам томик мог сойти зверушке за двуспальный матрас. Та поднялась на задние лапки, пошире разинула пасть, заглотала с угла примерно половину страниц и принялась мусолить и жевать. Тихое довольное урчание, вроде кошачьего мурлыканья, сотрясало игрушечную тушку. Вскоре зверушка прервалась, открыла пасть еще шире, до невозможности широко, и захватила всю толщину книги. Урчание возобновилось. Причавкивая и причмокивая,

существо постепенно растягивало пасть и захватывало большие куски томика. Выглядело это жутковато и слегка неприлично. Теперь зверушка походила на шерстяной носок, зачем-то натянутый на край книги. Машенька отвернулась.

Чай совсем остыл.

Маша достала из сумки на столе печенье и початую шоколадку… но поняла, что совсем не хочет есть. И чаю не хочет. Кстати! Еда была у зверушки под носом. Если та голодна, почему не сожрала шоколадку? Кто станет есть книги, когда рядом печенье? Не крыса, это уж точно!

С пола донесся стонущий всхлип. Машенька глянула как раз вовремя, чтобы заметить, как существо последним усилием смыкает пасть. Под ногами девушки оказался прямоугольный предмет, обтянутый пестрым мехом. Просвечивала тонкая кожа. Выпученные от натуги глаза смотрели на Машу. По тельцу зверушки прошла мощная судорога, корежа геометрические очертания книги внутри. Глаза закрылись, тушка обмякла, из пасти вырвался вздох. Существо теперь напоминало толстенькую меховую колбаску. Вот оно шевельнулось, приподняло верхнюю часть туловища, словно мохнатая гусеница…

— Книжный червь, — потрясение сказала Маша. — Вот это да!

Она краем уха слышала это выражение, но не задумывалась, что оно означает. Наверное, если бы ее спросили, Машенька описала бы книжного червя как гусеницу, проедающую дырки не в листьях деревьев, а в книжных листах. Но как-то ведь надо назвать существо, которое на ее глазах проглотило целую книгу вдвое больше себя?

Зверушка призывно запищала.

Маша, как всякая нормальная девушка, терпеть не могла насекомых. Ну, скажем, красивые бабочки, порхающие на расстоянии, ее устраивали, но все остальное жужжащее, ползающее, шевелящее множеством ножек, неизменно вызывало брезгливость. Червяк — это вроде не насекомое, но по жизни еще хуже. Назвав существо червем, Машенька тотчас растеряла к нему симпатию.

Казалось бы, что есть слово? Пустой звук. Однако неведомую зверушку можно подхватить на руки, а дотронуться до червяка — нет, ни за что! Куда хуже мыши!

— Веником на совок, — вслух подумала Маша, — в пакет и на помойку!

Вообще непонятно, почему она сразу так не сделала. Когда оказалось, что в сумке что-то чужое — и неважно, мышь она занесла в комнату, сгребая вещи с пола в коридоре, или червяка,

личинку, еще какую дрянь, — надо было совком, совком! И веником. И в пакет. На помойку… Что?

Маша обнаружила себя сидящей на полу. Книжного червя она нежно прижимала к животу и баюкала, как плюшевого мишку.

Тварь мурлыкала не хуже котенка.

Рукам было тепло. И животу.

И на душе тоже.

Засыпая в обнимку с меховым тельцем, Маша сонно решила называть зверька Пушистиком.

Тополь настойчиво скребся ветками в окно, что-то тревожно шептал под ветром, а ей всю ночь, как в детстве, снились цветные сны.

Следующую неделю Машенька провела в задумчивости. Сисадмин Володя, между прочим, решил, что она на него обижена за исчезновение из пивной, и пытался загладить вину. Абсолютно напрасно. Маша его едва замечала. Она выполняла работу — и тотчас забывала о ней; она перестала всматриваться в лица и вслушиваться в разговоры. Она жила на своей волне, как будто ее внутренний приемник наконец получил сигналы точной настройки и теперь жадно ловил передачи из эфира. Все в ее жизни стало осмысленным, но смысл этот отличался от прежнего. Как будто Машенька влюбилась.

Вот только любовь здесь была ни при чем.

Деревья на улицах оделись свежей листвой. Нежно пахли цветущие абрикосы, усыпая землю белым конфетти лепестков. Весна! Гулять бы и гулять, да не одной, а вдвоем, целуясь в скверах под каштанами, тая от сладких предчувствий…

После работы Маша спешила домой.

Она невидимкой проскальзывала по коридору коммуналки — даже к тетке Зое она больше не заглядывала — и скрывалась от мира в своей комнате, как в волшебной шкатулке.

Пушистик, словно собака, чуял ее появление и встречал у порога. Ластился, льнул к ногам, терся мордой о колени. Он сильно вырос и напоминал теперь диванный валик на куцых лапках. Двигался он по-прежнему то ползком, то перекатываясь, притом довольно быстро.

Девушка переодевалась в домашнее, ставила чайник, заваривала себе чай и приступала к кормлению питомца.

Это в первые пару дней зверек был так голоден, что жрал все подряд и уничтожил три стопки книг под столом в Машино отсутствие. Теперь же он стал разборчивым. Сильно оголодав, Пушистик мог откушать сам, но обычно ждал Машу. Ему нравилось есть из ее рук. У них выработался вечерний ритуал: не

простое поглощение пищи, а целое действо.

Маша влезала на высокую лестницу, которой раньше не видела применения, и наугад вынимала томики с полок.

— Вот эту хочешь? А эту? Или вон ту?

Откуда Пушистик знал, придется ли ему по вкусу книга, Машенька не задумывалась. Она приняла повадки любимца как данность.

На большинство книг Пушистик не реагировал вовсе. Если книга ему не нравилась, презрительно фыркал. Но стоило Маше угадать, под какой обложкой сегодня прячется лакомство, зверек устраивал целое представление. О, на это стоило посмотреть!

Он пищал и закатывал глаза. Он подпрыгивал и опрокидывался на спину, потешно дрыгая лапками. Он бросался к подножию лестницы, пытался взобраться по ней и даже влезал на первую ступеньку, но тотчас скатывался с нее и верещал негодующе.

Наконец Машенька, смеясь, нисходила по лестнице. Пушистик тотчас прекращал показную истерику. Девушка ставила на табуретку рядом с диваном чай и сладости, забиралась на диван с ногами, брала к себе Пушистика и открывала первую из выбранных книг. Зверек довольно урчал у нее под боком.

Книги бывали самые разные. Пушистик предпочитал сбалансированное питание.

Тонкая книжка в мягкой обложке шла для разминки, как салат.

— Джеральд Даррелл, «Шорохи земли», «Под пологом пьяного леса», — озвучивала Машенька.

Пушистик деликатно подталкивал ее рыльцем, Маша выпускала книгу из пальцев, и зверек медленно заглатывал. Когда последний край корешка скрывался внутри, по телу Пушистика проходила судорога, он обмякал и распластывался, словно подушка. Девушка ласково гладила клочковатый мех. Ей становилось необъяснимо хорошо. На несколько минут она вместе с Пушистиком проваливалась в сытую дрему. Грезились ей тропические леса, где большеглазые существа, похожие на тонколапых обезьянок, смотрели на нее из влажной зеленой тьмы…

— «Война и мир», том второй, — сообщала Маша, очнувшись от дремоты. От книги исходил слабый пряный дух плесени. — Лев Николаевич Толстой… Ага, проходили в школе… Ничегошеньки не помню. Ты уверен, что хочешь?

Пушистик отвечал утвердительным писком. Маша заламывала переплет толстому тому, выворачивала обложку, как куриные крылышки при разделке тушки. Смачно хрустел

корешок, и Пушистик вздрагивал от нетерпения. Книга была сделана прочно. Маша бралась правой рукой за книжный блок, левой — за переплет, поддевала корешок пальцем и тянула изо всех сил. Применять ножницы ей казалось неправильным. Наконец трудная добыча поддавалась, трещала марля, скрепляющая переплет с книгой, и прошитая стопка тетрадей книжного блока представала голенькой, как очищенный апельсин.

Пока Пушистик чавкал классиком, Маша лениво перебирала прочие книги.

Роджер Желязны, «Князь света»… эзотерика, что ли? Заглядывать внутрь было неохота. Нил Гейман, «Американские боги». Святослав Логинов, «Многорукий бог Далайна»… Девушка хмыкала: похоже, сегодня ее любимец выбрал на второе сплошь религиозное чтиво. Тут Пушистик сглатывал, и последний краешек «Войны и мира» исчезал у него внутри, по мохнатому пузику шла волна перистальтики, а Машеньку накрывало теплым облаком. В сонном брожении ума чопорные бледные дамы, сплошь в длинных платьях, тянули руки к обезьянкам; раздавались взрывы, и пороховой дым затягивал зеленые джунгли…

После второго блюда Маша засыпала надолго. Пушистик грел ей бок, а разум девушки блуждал в иных реальностях. Сны были яркими, но непонятными. Боги древних пантеонов, люди будущего и современности мирились, ссорились, соперничали, сражались и устраивали друг другу ловушки. Стрельба, взрывы, погони… Какой-то страшный обожженный человек куда-то брел, шлепая ногами в опорках по дымящейся жиже…

Вынырнув из диких выкрутасов сна, Маша долго трясла головой и пила остывший чай. Пушистик требовательно мурлыкал, просил сладкого, и девушка тянулась за совсем тоненькой книжицей в твердой обложке.

— Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц».

Она помнила эту книжку.

После шестого, кажется, класса учительница литературы дала им список для внеклассного чтения на лето. Тогда Маша еще не понимала, что чтение книг в жизни не пригодится. Экзюпери дома имелся: Маша соблазнилась картинками.

«Маленький принц» ее чудовищно разочаровал. Сказка была непонятная, вместо приключений — дурацкие разговоры, вдобавок она ничем не закончилась… а может, Маша не долистала ее до конца.

Девушка морщила нос:

— Малыш, не ешь, это невкусно! Найдем тебе другой десерт,

а?

Пушистик громко пищал. Он хотел эту.

Маша со вздохом разламывала переплет, как вафлю. Зверек глотал лакомство, и Машенька смутно отмечала, что он за сегодня увеличился в размерах. Мобильник показывал полночь, девушка с тяжелой головой брела в ванную почистить зубы, а в голове у нее звучал нестройный хор голосов. Люди, боги, обезьянки — все твердили ей: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

— Уйдите! — сердилась Маша. — Это не ко мне. Я тут ни при чем!

Пушистик ждал ее на диване, мурлыкал всю ночь до утра, и Машеньке снился настоящий принц — такой, какого она хотела бы встретить, с ласковыми глазами и за рулем иномарки. Он приручал ее, она приручала его, и все было хорошо на их ослепительно белой вилле у берега южного, невозможно лазурного моря…

Минула еще неделя.

Облетел цвет с вишен и абрикосов. Зелень парков и скверов стала пышной после дождей. Каштаны выпустили свечки — нарядные, как для торта. Маша в очередной раз перепутала договоры разных фирм и получила выговор с последним предупреждением. Пушистик очень вырос.

Теперь он был похож на здоровенный рюкзак, какие носят туристы, эдакий плотно набитый цилиндр больше метра длиной. Мордочка размером, как у болонки. Маша больше не могла прочесть выражение карих глаз. Большое тело было обтянуто мелкочешуйчатой грязно-розовой кожей. Кое-где еще встречались пятнышки пестрой шерсти.

Изменилась и Машина комната. Обнажились скелеты полок. Книжные шкафы зияли пустым нутром. От огромной библиотеки осталось десятка два томов — в основном дубликаты или другие издания уже съеденных книг. Под столом валялись немногие недоеденные переплеты и пустые суперобложки, как обертки от шоколада.

Однажды Маша вдруг вспомнила, что тетка Зоя собиралась книжную коллекцию продать, но никаких угрызений совести не ощутила. Впрочем, формально она не нарушила данного слова, ни одной книги за порог не вынесла. И потом, время книг кончилось безвозвратно. Если даже ушлая тетка до сих пор не нашла покупателя, вряд ли их вообще можно сбыть. А обещания не кормить бумажными неликвидами книжного червя с девушки никто не брал.

Да-да, Машенька повзрослела. Игры в Пушистика кончились. Никакие иллюзии больше не отгораживали от нее действительность. Маша отлично понимала, что в ее комнате живет неизвестное науке существо, питающееся книгами… ну и что? Важно другое. Книжный червь набрал нужный вес, и ему пришла пора превратиться в куколку.

Посмотрев утром в зеркало и отчаявшись замазать тональным кремом черные синяки под глазами, Машенька осталась дома. Кажется, она позвонила на работу — сказать, что заболела. А может быть, и нет. Ее внимание было отдано созданию, которое она недавно звала Пушистиком.

Книжный червь лежал под окном, иногда вздыхая. Брюхо его раздулось, и лапки, которые больше не могли поднять тяжелое тело, торчали по бокам, как плавники. Повинуясь интуитивно понятному зову, Машенька поднесла ему томик Пушкина ин-октаво. Червь принял книгу из ее рук, втянул в себя и утомленно закрыл глаза. Девушка ждала, что по туловищу пройдет судорога поглощения, но оно осталось неподвижным. Маша приложила ладонь к округлому боку — и отдернула. Кожа существа была жесткой и горячей. Началось окукливание.

— Я вас любил, — неожиданно для себя произнесла Машенька, — любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем…

Она прижала губы ладонью. Строчки звучали в ее уме:

«Но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно…»

— Прекрати! — крикнула Маша со слезами.

Бывший Пушистик с трудом открыл мутные глаза, бросил на нее последний взгляд и снова закрыл их, теперь уже навсегда.

Через пару часов исчезли и следы мордочки. В Машиной комнате лежал огромный кожаный баул, и от него исходил ощутимый жар. Маша то плакала, то пила безвкусный чай, то уговаривала себя, что из куколки появится бабочка, и это ничуть даже не смерть для гусеницы, а совсем наоборот. Она даже попыталась с горя полистать какую-то из немногих оставшихся книг, но это оказался телефонный справочник 1979 года издания.

Вечером Машенька, вне себя от напряжения и тоски, выбралась на улицу. Дворами прошла до Красноармейской и двинулась вверх, к площади Толстого. Смеркалось. Открывшийся ей мир был невыразимо странным. Три парня пили пиво из обернутых в пакеты бутылок и натужно матерились в голос. Две девушки в нелепом макияже во всеуслышание обсуждали подругу. Громко шваркали шины о брусчатку мостовой.

Навязчиво звала тратить деньги реклама. Маша ощутила, что ей чего-то не хватает, но никак не могла понять чего. Она зашла в магазин, бестолково покрутилась между полок, купила чипсы, кефир и халву. Прогулка не принесла облегчения.

Ночь прошла ужасно.

Книжная куколка лежала неподвижно, как мертвая. Изредка что-то внутри нее то ли потрескивало, то ли поскрипывало — а может, это скрипел под ней пол. Маша заснула, и ей снились кошмары, невнятные, как перемешанные сны целого многоквартирного дома. Она вскрикивала, просыпалась и засыпала вновь.

Под утро куколка стала издавать резкий запах, похожий на запах проглаженной утюгом бумаги. Он не был неприятным, но взбудоражил Машеньку и разбудил окончательно.

Она не стала включать свет — так и сидела в постепенно светлеющей темноте. Рассвет подобрался по-пластунски, будто лазутчик: незаметно пересек следовую полосу сумерек между ночью и днем, и вот уже утро. Когда розовые блики восхода отраженно заиграли на стеклах, Маша увидела, что на верхней части куколки появилась трещина.

Час или больше ничего не происходило. Маша отлучилась в туалет и, уже возвращаясь, почуяла: началось. Она с порога увидела, что трещина вскрыла панцирь куколки по всей длине. Что-то яркое мелькнуло внутри. Маша так и замерла в проеме распахнутой двери. Мгновение — и истончившаяся оболочка смялась складками, опала на пол. Там, где лежал уродливый тюк, распахнула алые крылья… бабочка? Нет, скорее, птица…

Удар сердца — и Машенька поняла, что знает ее имя.

Птица феникс!

Феникс закричал, пронзительно и тревожно. Запрокинул голову на журавлиной шее, потянулся всем телом. Алые, розовые, карминные перья затрепетали. Желтые искры посыпались с крыльев, и Машенька сквозь оцепенение поняла, что это настоящий огонь. Птица пылала. Яркие язычки пламени змейками разбежались по полу. Загорелся край скатерти. Заполыхали шкафы.

— Горим, горим! — закричали в коридоре, у Машеньки за спиной.

Она смотрела. Жар опалял ей лицо, трещали волосы.

Феникс раскинул крылья — широко, шире, чем стены комнаты. Сквозь пелену пламени девушка видела иные миры. Те, отголоски которых она ловила в навеянных книжным червем снах, и другие, еще неизведанные и пока неназванные. Горячая волна плеснулась в ее душе. Так и не разобравшись, чего же ей не

хватает здесь и сейчас, Маша поняла: оно есть там, куда отправится феникс. Надо лишь решиться и шагнуть вперед, в неизвестность. Прямо в огонь. Она сделала крохотный шажок вперед.

Кто-то грубо схватил ее за плечи, потащил назад. Девушка вырывалась, кричала. Кричали все. Трещал старый дом. Корчились стены. Из комнаты повалил черный едкий дым. Маша потеряла сознание.

В больнице под капельницей ей снились только алое пламя крыльев и желтые искры, колючие, как бенгальские огни. Больше ничего.

Отцвели каштаны. В парках над Днепром буйными лиловыми гроздьями раскинулась сирень.

Бородатый сисадмин Володя пришел навестить Машеньку, принес весть об увольнении и ее последнюю зарплату.

Тетка Зоя бушевала, как исландский вулкан Эйяфьятлайокудль.

— Это все чайник твой электрический! — орала она на беззвучную Машу.

К осени пробивная тетка умудрилась получить двухкомнатную квартиру на себя и Машу, сделала евроремонт за счет Машиных родителей и все равно осталась безутешной. Понятное дело, опальную родственницу она на новую жилплощадь не пустила.

Осенние дожди смыли наконец из памяти чересчур яркие картины. Маша перестала пить успокоительное и перешла на темное пиво, желательно разливное.

Маша твердо знает, что подробности о пожаре в коммуналке не надо рассказывать никому — ни родителям, ни Толику, ни своему бой-френду Володе. А особенно — добрым врачам, чтобы не схлопотать сложный диагноз на латыни. Она и сама старается вспоминать пореже.

Но нет покоя в ее душе, отравленной книжными испарениями.

Навсегда отпечатался в ней миг, когда девушка стояла на пороге и выбирала, вперед ей шагнуть или назад.

Бывают дни, когда Машенька, не в силах избыть непонятную тоску, едет на вещевой рынок «Петровка» и долго идет вдоль рядов с павильонами в направлении блошиного рынка. Там, на самой окраине, зажатые между новыми люстрами и старыми сковородками, скорбно ютятся упаковочные ящики с бумажным хламом. Представители культуры книжных куч медленно, боком, выползают из-за ящиков, отрешенно следят за Машенькой. Ей

становится страшно от причастности к этому тусклому и ветхому братству, но безымянный зов сильнее страха, и она покоряется.

Маша перебирает вялые тушки книг, покорных, как снулые рыбы. Иногда ее пальцы чувствуют острый электрический укол — это добыча. Тогда девушка вытаскивает томик на свет, ухватив двумя пальцами за скользкий или шершавый переплет. «Ему бы понравилось», — бормочет Маша, расплачиваясь с продавцом.

Добычу девушка прячет на самое дно вместительной сумки, а в квартире у нее есть тайник — внутренность расхлябанного дивана.

Там, в укромных потемках, обычный скопившийся бытовой хлам постепенно заменяют собой неровные бруски книг. Кирпичик за кирпичиком Машенька строит то, что раньше назвали бы личной библиотекой, но девушка собирает книги не для себя. Она запасает корм книжному червю.

Если когда-нибудь ей снова встретится пушистая гусеница с мордочкой детской игрушки, Маша сумеет выкормить из нее птицу феникс.

В том, что ее книжный червь не был единственным, Маша практически убеждена. Результат поиска в интернете по словам «пожар в библиотеке» укрепил ее уверенность.

Баюкая в объятиях книжный томик, как некогда книжную куколку, девушка грезит о несбывшемся. Словно въяве видятся ей огненные крылья феникса, на которых бегущей строкой проступают теневые письмена, оборачиваясь то восточной вязью, то иероглифами, то кириллицей или латиницей. Взмах крыла — и открывается пронзительной ясности мир, хоровод ртутных лун в предрассветном бирюзовом небе; новый взмах — и единорог танцует на радуге; еще взмах — и Машенька видит мир с высоты, летит, летит сама!

Когда девушка приходит в себя, глаза ее полны слез. Прежде чем отправить томик в потаенное нутро дивана, Маша открывает его и скользит взглядом по строчкам. Кое-что она в состоянии понять, особенно если произносить вслух, но дальше ее внимание рассеивается, смысл ускользает, и слова рассыпаются сухой трухой букв. Ломкие страницы нервно хрустят под пальцами, томик захлопывается словно бы сам собой. Машенька прячет книгу в тайник, и да некоторое время ее тоска унимается.

Иногда Маше становится смутно жаль, что она так толком и не научилась листать длинные тексты. Что, если бы она сама умела извлечь из книг чарующие картины, как делал для нее книжный червь? Ведь все эти люди, которые прежде читали книги, покупали книги, писали книги, собирали целые коллекции книг, обменивались книгами, они… они…

Девушка не доводит мысль до конца, боится снова затосковать.

Посоветоваться ей не с кем. Толик и Володя читают только программный код.

— Я вас любил, — шепчет Маша, — любовь еще, быть может…

Машенькина потаенная библиотека растет.

Мария Галина
Куриный бог

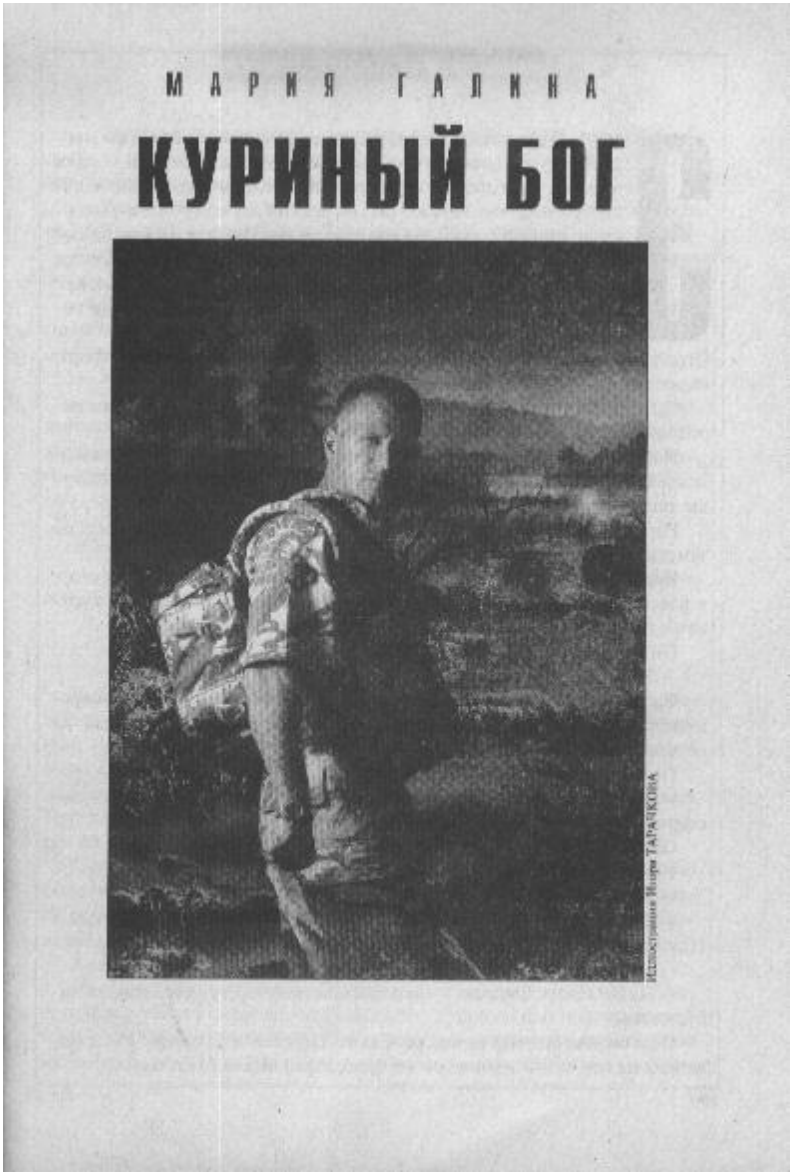


Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Этот мир отделился не так уж давно по астрономическим меркам, но успел обзавестись своей причудливой фауной — пока

человек размышлял, идти сразу в поселение или разбить палатку у речного обрыва, так, на всякий случай, толстая, мясистая, длиной с руку, розовая лента высунулась на миг из сырого песка, быстро втянулась обратно и пропала там. Он так и не понял, кто это был — змея или гигантская многоножка. Оставалось только надеяться, что в поселении такие не водятся.

Ограда из сосновых кольев была крепкой, самый настоящий форт; впрочем, колья не заостренные, без фанатизма.

Он поправил рюкзак, куда уместились палатка, спальник и все необходимое, и двинулся вдоль ограды в поисках ворот.

Нашел почти сразу — к воротам тянулась широкая гусеничная колея, след смазанный, разбитый: скорее всего, за трактором на волокуше тащили бревна. Неподалеку он видел лесопилку.

Ни свалки, ни даже кучи мусора с внешней стороны ограды он не заметил. Хороший знак.

Ворота были распахнуты, чуть поодаль обнаружились и трактор, и рассыпанные бревна. Два деловитых человека в брезентовых куртках и сапогах стаскивали их в штабель.

Он сказал:

— Эй!

Они аккуратно положили бревно на землю и обернулись одновременно. Одинаково крепкие, обветренные, со светлыми глазами на кирпично-красных лицах.

Потом они одновременно улыбнулись.

— Ты что, с материнки? — спросил один, который был чуть постарше.

Он сказал:

— Ну как бы… да.

— Пешком? — спросил младший и хихикнул.

— Промахнулись, как всегда, — он поддернул лямку рюкзака. — Пришлось вот идти.

— Лесом?

— Да, — согласился он, — лесом. А начальство тут у вас какое-нибудь есть?

Они одновременно кивнули. Такие Труляля и Траляля. Ни в повадках их, ни в интонациях он не чувствовал никакой фальши.

— Захар на карьер уехал, — сказал старший, — там крепь обвалилась. Да нет, все в порядке, никто не пострадал. Но мороки много. Мы тут, видишь, строимся сейчас.

— Птицеферма, — перечислял старший, — оранжерея… мастерские. Вон там, видишь? Там будет школа. И больница.

Он держался с достоинством человека, который не имеет никаких причин заискивать перед пришельцем.

— Хлебопекарня… — Труляля явно не нуждался в одобрении, ему просто нравилось перечислять, сколько всего сделано.

И поскольку похвала лишней не бывает, пришелец сказал:

— Угу. Здорово.

— Ты бы, друг, устроился пока, — старший спохватился, что расхвастался и позабыл о правилах гостеприимства. — Вот там клуб, видишь? — Он указал подбородком на длинное двухэтажное строение, приземистое и добротное. С самого начала строили его с таким расчетом, чтобы надолго, подумал гость.

— Спасибо.

Клуб, надо же…

— Ты все ж кто, инспектор? — крикнул Труляля ему в спину. А может, это был Траляля…

Он оглянулся.

— Да.

Но они уже вернулись к своим бревнам.

К клубу недавно пристроили веранду (стружки еще валялись повсюду, завитые, точно локоны красавицы) — судя по размеру, будущий танцпол. Свежеструганые светлые доски приятно пахли, он вообще любил резкий, свежий запах дерева.

Но сейчас веранда была пуста. Вообще народу, если не считать Труляля и Траляля, не видно. Все заняты делом? Или, напротив, сидят по домам и не делают ничего?

Свет с сырого неба лился серый, тусклый, перила почти не отбрасывали тени. В просторном зале было еще темнее, хотя у них наверняка есть солнечные батареи и все эти ионные лампы… к тому же, кажется, ветровая электростанция: он видел ветряки у кромки воды…

Видно, кому-то просто нравилось сумерничать.

На стенах резные деревянные панно, сделанные неуклюже, но старательно: трогательная попытка украсить суровый быт чужого мира.

В зале в дождливые дни тоже наверняка устраивали танцы, дело молодое, а сейчас тут была просто столовая — массивные, но удобные скамьи, скатертей на столах нет, ну и не надо; дерево столешницы мягко блестит, отражая льющийся из окон тихий свет.

К столовой примыкала наверняка такая же просторная кухня, оттуда доносились приятные запахи и звяканье посуды.

Он откашлялся и постучал костяшками пальцев о косяк; звук получился неубедительный — дерево слишком сырое. Тем не менее из кухни выглянула крупная русоволосая женщина со скуластым чуть сонным лицом.

Не его тип.

— Гость, — сказала она, — надо же! Я вас в окно видела. Да вы садитесь.

Он чуть отодвинул тяжелую скамью и сел. Столешница вся в мелких царапинах, словно по ней скребли жесткой мочалкой. Так оно и было, наверное.

— У нас давно не было гостей, — она чуть пожала круглыми плечами, — года три. Нет, меньше, вру, экспедиторы приезжали, когда перебрасывали технику. Помогали налаживать. А как вас зовут?

— Ремус, — он привстал и слегка поклонился, — Павел Ремус. А вас?

— Ханна, — она коротко кивнула, словно подтверждая.

Ну да, фамилий тут нет. Зачем фамилии?

— Так вас всегда звали? — спросил он зачем-то.

— Нет.

Голос чуть напрягся, подбородок чуть выпятился. Прошлое, которое хочет забыть? С другой стороны, здесь многие так.

— Будете есть? Или подождете, пока все соберутся? — она вновь расслабилась, посмотрела на него с умеренным любопытством. Здесь была ее территория, она королева супов и каш, владычица еды, а он пришелец, бродяга. Никто.

— Я голоден вообще-то, — честно сказал он.

— Ох, — она улыбнулась, бегло и виновато, — извините.

И торопливо исчезла в огромной кухне; он слышал, как мягкие подошвы шаркают по половицам. Потом вернулась с дымящейся миской. Миску она держала в больших ладонях, словно та и не была горячей.

Потом убежала, возвратилась с нарезанной горкой теплого ржаного хлеба.

— Спасибо, — сказал он, пододвинув миску. — Посидите со мной, Ханна.

Она уселась напротив — не слишком близко и не слишком далеко.

Он зачерпнул варево. Капуста, крупа. Грибы — грибницу всегда возят с материнки, она быстро разрастается. Вообще, вкусно.

Ханна сидела, поставив локти на стол и обхватив плечи руками. Она смотрела в окно — чуть тяжеловатый лоб, чуть коротковатый нос, круглый подбородок на фоне серого светящегося неба.

— Вы тут всегда работаете, в столовой?

— Нет, что вы! — удивилась она. — Мы дежурим. Просто эта неделя — моя. Холостяки предпочитают здесь столоваться. Иначе так и будут лопать в сухомятку.

— Везет им. Вы хорошо готовите.

— Спасибо. А вы правда инспектор?

— Правда, — он поскреб ложкой дно и вытащил последнюю порцию грибных ломтиков.

— Вам, наверное, к Захару.

— Да, — согласился он, — к Захару. Но он в каменоломне. Пускай придет, пообедает… отдохнет. Мне не к спеху. Послушайте, а добавки можно?

— Да, — сказала она обрадованно. — Конечно!

Она забрала миску и быстро вышла, чтобы заменить ее полной.

— Может, хотите отдохнуть? — она больше не присела рядом с ним, а вежливо ожидала, пока он начнет есть и ей можно будет вернуться к плите. — Там, наверху.

— А что там?

— Комнаты для холостяков. Ну и так, на всякий случай. Кто-то поссорится с женой. Или вот когда экспедиторы приезжали…

— Значит, тут можно остановиться? У вас?

— Конечно. Собственно… Любая семья примет вас с радостью, но я так думаю, что здесь вам будет удобнее. Свободнее.

— Тогда… можно ключ?

— Там открыто, — сказала Ханна, — у нас не запирают двери. Просто занесите вещи, и все.

* * *

— Прямо с материнки?

Крупный и краснолицый Захар походил на подрядчика или прораба. С рабочими такие ладят, с начальством — как когда. Домотканая рубаха с расстегнутым воротом. Штормовка висела в углу и была влажной — на улице моросило.

— Да. Вообще-то я бывал в разных местах. Но сейчас — да. Оттуда.

— И… как там?

— Сперва хорошие новости или плохие? Хорошая вот: Пакистанский конфликт урегулирован. Южно-Китайская республика подписала пакт с Севером…

Захар кивал, но глаза выдавали его — они были равнодушны. Он и спросил, скорее, для порядка, из вежливости. Материнка для него отрезанный ломоть. Его больше занимало, как получше укрепить обвалившийся свод каменоломни.

— Мадридский протокол подтвержден. Я, собственно…

— Потому и тут, — кивнул Захар. — Ну что ж… Мы готовы отчитаться. Весь семенной фонд использован согласно предписаниям. Еще год-два, и мы готовы вернуть заем на материнку. Дальше зерно пойдет в товарных количествах. Остальные культуры… в смысле, ну, о насекомоопыляемых здесь говорить не приходится. Совсем другая биота, вы понимаете.

— Понимаю. — На рукавах и воротнике Захара были заметны грязные разводы, он то ли не успел переодеться, то ли у него было не так уж много сменных рубах, и он ждал, пока эта запачкается окончательно.

— А вот рапс хорошо пошел. И другие самоопыляемые. Ну, то есть еще не в промышленных количествах… Нам бы себя обеспечить.

В меру услужлив, но не заискивает. Бумаги держит в порядке. Вероятно, ожидал инспектора.

— Я возьму образцы, — сказал Павел. — На генконтроль. Тут вообще почвы как?

— По микробиологическому составу эквивалентны земным, — прораб ни на миг не задумался, — по химическому тоже… Азотофиксирующих бактерий своих нет, пришлось вносить культуру. Вроде успешно.

— Вредители?

— Вредители… ну, почти нет вредителей. Мало насекомых. Летающих насекомых вообще нет, представляете?

— Дикие животные?

— Дикие животные есть, — согласился Захар. — В основном в лесу. В чаще. Тут, собственно, почти везде леса. Идеальное место для подсечного земледелия, ага?

— А… чужие?

— Не смешите мои тапочки, — сказал Захар.

Он не был в тапочках. Он был в кроссовках.

Это такая немножко стыдная игра, что хотя бы в одном из ветвящегося дерева смежных миров кто-то однажды наткнется на чужих. Не обязательно гуманоидов — в конце концов даже птицы потенциально достаточно разумны, чтобы построить свою цивилизацию. Или, скажем, какая-то запутавшаяся в сетях пространства-времени ветвь ящеров, почему нет? Передвигаются на двух ногах, да еще эти маленькие передние ручки… Но по какой-то странной игре случая разум возник только на материнке, на исходной Земле… Остальные миры, сотни, тысячи, возможно, миллионы одновременно похожих и непохожих друг на друга вариативных Земель, заросшие лесами, омытые теплыми и холодными морями, где плескалась рыба и величаво играли в радужных столбах брызг огромные синие киты, были пусты. С

другой стороны, кто поручится, подумал он, что, встретив разум, мы опознаем его?

Он подтянул к себе папку с бумагами.

— А образцы я подготовлю, — сказал Захар.

Он отметил про себя, что тот не сказал: «Распоряжусь подготовить», — и мысленно поставил Захару еще один плюс.

— Когда вы отбываете?

Он машинально взглянул на хронометр. Хороший механический хронометр — электроника не выдерживала переброску.

— Портал откроется через двое суток и семь часов. Плюс-минус двадцать минут. В случае неприбытия на место повторно через… это неважно. Я прибуду на место.

— Да, — согласился Захар. — Хотя… в одиночку, по лесу. Я дам вам сопровождающих, ага?

Хочет убедиться, что я убрался отсюда?

Руки Захара спокойно лежали на столешнице. Здоровенные, мозолистые, пальцы лопаточками с короткими, но чистыми ногтями. На безымянном — кольцо. Не обручальное, а с каким-то камешком. Невзрачным. Местным, скорее всего.

Символическое обручение с землей. Патриоты, надо же!

— Скажите, а как вы себя называете?

— Прошу прощения?

— Ну, там, глава координационного комитета? Мэр? Губернатор?

— Председатель координационного совета, — сказал Захар.

Всегда так. Либо комитет, либо совет. Совет все ж таки лучше. Тонкости семантики.

— А совет-то есть?

— А то, — сказал Захар. — Только там совмещенные должности. Медицина, образование, полевые исследования — это Василь, охрана порядка — Ханна, а я все остальное: сельское хозяйство, строительство, планирование, распределение. Помощники еще есть. Эксперты. Толковые, но как бы это сказать… без административной жилки.

Значит, Ханна — местный шериф? Ну и ну…

— Должности выборные?

— Выборные, — равнодушно кивнул Захар.

— И когда ваш срок кончается?

— А когда надоем, — Захар чуть привстал, как бы намекая, что разговор ему неинтересен. — Тут всякими властными играми не увлекаются. Других дел хватает. А зачем вам все это?

— Для отчетности, — он тоже встал.

— Ну так отчитывайтесь, — Захар кивнул

доброжелательно. — Все, что надо, обеспечим. А мне еще с агрономами поговорить нужно. Чтобы собрали образцы. Вы это… устроились уже?

— Да, спасибо. В клубе.

— А, ну хорошо. Думаю, Ханна уже и воду согрела. Двадцать каэм лесом, надо же… За сколько?

— За восемь часов пятнадцать минут. Нас хорошо тренируют.

Он взял папку и направился к двери.

* * *

Тут отовсюду пахло свежей стружкой. И эта чистая, розовая, прекрасная древесина, тесаные перила веранд, грубо сработанные кресла-качалки, массивные столы. Все такое прочное, все рассчитано на несколько поколений, на большие, дружные семьи. Чтобы собирались по вечерам все вместе…

Так, наверное, было на Диком Западе. С той только разницей, что здесь нет никаких индейцев, подкарауливающих по лесам с томагавками. Да и лампы, освещающие загорелые лица поселенцев, все-таки не керосиновые — открытие техники переброса оказалось настоящим катализатором новых технологий: поселенцам требовались экономные светильники, мощнейшие и легкие аккумуляторы, термоизолирующие ткани, и все — легкое, как можно более легкое, поскольку каждый миллиграмм был на счету. И никакой «цифры».

Чего-то не хватало. Только пару минут спустя он сообразил: вокруг ламп не роилась мошкара. Ну да, тут же нет крылатых насекомых!

Не было, соответственно, и ярких, крупных цветов, так радующих душу хозяек. Да и вечерних, приманивающих мохнатых бледных ночных бабочек своим ароматом — тоже. Наверное, еще поэтому, подумал он, так чувствуется повсюду этот древесный запах: его нечему перебивать. Впрочем, пахло и листвой, и разогретой за день землей — запах покоя и правильной, хорошей мышечной усталости.

Палисады тут были низкие, скорее для порядка… Здешние что, совсем не боятся? Предварительные исследования не выявили крупных хищников, но это не значит, что их совсем нет. Потом та странная тварь, которую он видел у речки…

Эти предварительные исследования вообще делаются наспех — слишком дорого забрасывать надолго людей, да еще с кучей полевого оборудования. К тому же ни спутниковой, ни аэрофотосъемки, ничего… Он никогда не доверял

исследовательским группам, всегда подозревал, что они если и не врут, то преуменьшают степень опасности.

В освещенных окнах за домотканными расшитыми занавесками мелькали тени, он слышал женский смех, звук губной гармошки — чьей-то реликвии. Наверное, надеются, что когда на материнку пойдут поставки зерна, выпишут себе проигрыватель и винилы, а пока что делают музыкальные инструменты из всяких подручных материалов, по вечерам собираются на танцы в этом их общественном доме…

— Эй, — крикнули ему с веранды, — эй, инспектор!

Он поднял голову.

При подготовке поселенцев отдавали предпочтение супружеским парам и сибсам, а в последнее время еще и родителям со взрослыми детьми. Считалось, такие микрогруппы укрепляют инфраструктуру. Поэтому семья переселенцев могла оказаться весьма разветвленной: братья, сестры, их партнеры, братья и сестры партнеров, их взрослые дети, уже здесь нашедшие себе пару, новые дети, родившиеся на новой Земле. Идеальная крестьянская семья, если честно.

Вот и на этой веранде сидели, по меньшей мере, человек десять: самому старшему лет пятьдесят, самому младшему — шесть, на столе — массивная глиняная посуда, изготовленная уже здесь, хорошая, прочная, звонкая глина; расписана местными минеральными красителями — не скоро у них заведутся искусственные…

Ну, конечно, их учили. Учили валить лес, тесать камень, пахать и сеять, убирать урожай и строить, работать на гончарном круге… Обязательные три года практики в диких неплодородных местах, в нетронутых местах, которых на материнской Земле все меньше и меньше. Да еще в каких условиях: грязь, укусы насекомых, холод, жара; как соорудить костер в проливной дождь, как обогреться и не заснуть насмерть ледяной зимней ночью в страшном, скрипучем черно-белом лесу, как выжить в пустыне…

Низкие палисады. Веранды. Фонарики в листве…

Ему, подвинувшись, освободили место на скамье.

Чай был, конечно, вовсе не чай, а какой-то травяной сбор, но вряд ли мята, она вроде опыляется насекомыми. Может, что-то местное? Лаборатория у них тут хорошая, опасности, вероятно, никакой. Еще на блюде (красивое блюдо, асимметричное, с растительным орнаментом) лежала горка домашнего печенья. Что у них идет на сахар? Свекла?

— Как там оно, на материнке?

Здоровый парень, лет тридцать, лицо обветренное, как у всех,

но руки тонкие, пальцы тонкие. Под ногтями въевшаяся земля. Спрашивает дружелюбно, но без особого интереса. Как все они.

— Ну, — он взял с блюда нежное, ломкое печенье, — пока затишье. Но вообще не очень. В Японии опять грохнуло, в Мексике сепаратисты, там уже и взрывать нечего, земля по ночам светится, а они все никак… В Британии померзло все… Да и в Испании… в общем.

— Значит, Гольфстрим и правда ушел? Помню, когда из скважины поперло, спорили: уйдет — не уйдет. Жалко. Я помню, там попугаи летали. Зеленые. И пальмы росли. Птиц тут у нас мало, вот что. А певчих совсем нет.

— Это потому, что летающих насекомых нет, — сказал он машинально. — Коэволюция. Это кто же испек такое замечательное печенье?

— Я, — голос у молоденькой русоволосой девушки был тонким, как у ребенка.

— Спасибо. Очень вкусно.

— Я думаю, надо будет выписать пчел, — его сосед решил не отклоняться от темы, — завезти крупные медоносы, чтобы можно было опылять еще и вручную, и к ним один рой. Это дорого, но со временем себя окупит. Пчел, пока медоносы не расплодились, можно сахарным сиропом подкармливать…

— Да, — согласился он, — хорошая мысль.

Пчелы видят поляризованный свет. Если тут чуть иная поляризация, возникнут проблемы. Им будет трудно ориентироваться. Может, в этом все и дело? Чуть-чуть по другому падают лучи на сетчатку — и всё.

С другой стороны, почему бы не попробовать? Пчел сейчас по всей материнке косит какая-то чертова инфекция, а тут им, может, удастся выжить. Завезут чистый рой, он расплодится со временем…

Бог ты мой, неужто и вправду? Неужто получилось? Наконец-то получилось?

— Вот только позволят ли, — обеспокоенно продолжал будущий пчеловод. — Все-таки это сильно изменит биоту. Пчелы, цветы-медоносы…

— Позволят. Им не надо беречь эту биоту. Им важно сохранить свою, — рассеянно ответил он. — Ну, потеснят виды с материнки на какой-то одной варианте автохтонную флору-фауну, ничего страшного. Собственно, мы и так влезли в чужую биоту по самое не хочу. Каждый человек — среда обитания всяких разных организмов. Одних симбиотических бактерий, если собрать, получится килограмм… А есть еще и скрытые патогенные… и вирусы… и ретровирусы. А ретровирус — это…

— Знаю, — парню явно было лестно, что с ним ведут такой серьезный мужской разговор, — конструктор генома.

— Да, — сказал он, — к тому же есть еще куры. А в перспективе, свиньи.

Ну да, мы осторожны. Козы выедают все подряд. Овцы формируют под себя образ жизни племен-овцеводов, превращают оседлые племена в кочевников, уводят мальчиков и мужчин — самую дееспособную часть населения — на пастбища. Лошади слишком нежные, слишком разборчивые… хотя в перспективе, наверное, с ними все было бы как надо. А вот свиньи лопают, что дают, быстро наращивают биомассу и занимаются своим делом, пока люди — своим. Куры тоже удобны для ассимиляции, хотя есть проблемы, конечно. Всегда имеется шанс перезаразить местную биоту какой-то безобидной для кур скрытой инфекцией. Или наоборот, подхватить такую инфекцию от местной фауны…

Да, куры… Он на миг прикрыл глаза.

Когда открыл, вокруг были все те же дружелюбные загорелые лица.

Смех, тихие разговоры.

Со временем, если его хватит, этого времени, надо будет уговорить страны Мадридского протокола попробовать кардинально иной путь, подумал он. Не резервный семенной фонд, не генетически чистый материал, напротив — сплошь генномодифицированные формы, бобовые с полным набором незаменимых аминокислот, суперкалорийные грибы, все такое… Чтобы не приходилось резать животных. Разводить лошадей для работы, кур — на яйца, коров — на молоко. При подготовке колонистов — гипноз, психотренинг: убивать нельзя, причинять боль нельзя, уважать чужую жизнь, не разделять разумных и неразумных… Развивать эмпатию, учиться состраданию, поднимать, как это ни дико звучит, другие виды животных до себя, и черт с ней с биотой, с резервным генофондом, со всеми этими подстраховками, запасами на крайний случай, с жалкими и постыдными видами на то, что, когда мы окончательно загубим свою Землю, уничтожим все, до чего еще не успели дотянуться наши жадные неловкие ручки, когда все вытопчем, развалим и съедим, нам будет куда бежать — или, по крайней мере, откуда вывозить, распределять, прививать, подсаживать, переопылять…

Чем черт не шутит, быть может, удастся в конце концов на новой варианте Земли вывести новую варианту Человека Разумного. Который будет не только топтать и портить. А любить, сотрудничать, беречь… Новая коэволюция — разве не великая задача, возможно, самая великая из тех, что нам по плечу. Ведь не считать же великой задачей уничтожение Гольфстрима, в самом

деле…

Тяжелый торжественный «бом-м» где-то там, в освещенных теплым светом глубинах дома, заставил его вздрогнуть.

— А, — сказал собеседник с гордостью, — это часы. Нет, правда. Настоящие, с боем. Начало двадцатого века, честное слово. Мы завербовались большой семьей и решили — пускай будет одна реликвия на всех, зато солидная. Здорово, а?

— Часы — это хорошо, — согласился он.

— Такие и на материнке мало у кого имеются!

— Да, — сказал он, — верно.

Мягкие синие сумерки стелились над поселением, как переливающееся шелковое полотнище. К запаху свежей древесины примешался запах мокрой зелени — выпала роса. Кто-то, прошуршал в кустарнике — наверное, безопасный, раз на него не обратили внимания.

«Бом-м», — повторили часы.

А русоволосая девушка сказала:

— Возьмите еще печенья. Пожалуйста.

* * *

Дорожная пыль была чуть прибита росой, чужая трава выбрасывала, стелясь вдоль низеньких оград, острые сизые стрелы, он шел мимо отворенных дверей, мимо домов, где кто-то готовил ужин, стирал на веранде, купал ребенка, плотничал или просто сидел в кресле-качалке, глядя на вечереющее небо. На какой-то момент он словно очутился у дома своего детства, в старом поселке со скрипучими калитками и резными наличниками, чудом уцелевшем в лапах мегаполиса, зацепившемся за край существования, а потом сметенным строительным бумом и безумной, неприличной ценой на каждый метр пригодной для жизни земли. Ну да, здесь не росли за оградой цветы, да и ладно, а может, и правда, заведут они пчел, выпишут семена, и будут из-за каждого штакетника выглядывать веселые мордочки подсолнухов… А если пчелы приживутся, то можно и фруктовые деревья высаживать… не может быть, думал он, неужели… не может быть.

— Скажи! Скажи!

Он приостановился. Трое мальчиков лет семи обступили белобрысую девочку, то ли помладше, то ли просто миниатюрную. Девочка в домотканом холщовом сарафане мотала головой, ладошка что-то сжимала у горла… крестик?

— Это чтобы ты была умная? Да? Потому что ты дура. Дура

ведь?

Лицо девочки жалобно искривилось, мокрые ресницы торчали в стороны, как иголочки.

— Нет, это чтобы ты выросла красивая. Потому что ты уродина.

— Нет, это чтобы она вообще выросла. Она же карлица.

Девочка всхлипнула, по-прежнему придерживая ладошку у горла.

— Парни, — сказал он, выступая из тени штакетника, — у вас совесть есть?

— А мы чего, — отозвался самый высокий и вытер нос рукавом, — а она чего?

— Я уже даже не говорю, что вас трое на одного. Но девочек вообще нельзя обижать, — сказал он сурово. — Уже хотя бы потому, что девочка не может дать сдачи.

— А вдруг может? — ответил еще один, круглоголовый и веснушчатый. — Вдруг у нее как раз для этого?

— Нет, — тоненько взвизгнула девочка, и слезы полились по щекам особенно густо и быстро, ручейками, — это для того, чтобы меня любили!

— Так ведь тебя все равно никто не любит, — старший разглядывал девочку с каким-то даже научным интересом.

Девочка заплакала еще громче, схватилась руками за щеки, словно для того, чтобы удержать слезы, и он увидел наконец, что она прятала — просто камешек на шнурке. Куриный бог. Когда-то давным-давно они с сестрой тоже любили собирать такие…

По-прежнему прижимая руки к щекам и горько плача, девочка повернулась и побежала вдоль улицы. Он увидел, что она босая. Похоже, здесь все дети бегали босиком, благословенное место.

— Ее обманули, — задумчиво произнес старший, глядя ей вслед. — Он не для того. Для чего-то другого. А для чего, она и сама не знает. Ну, пошли, что ли.

* * *

В затененной комнате с голыми, опять же пахнущими свежим деревом стенами он лег на грубо сколоченную койку и с наслаждением вытянулся. Планшет он пристроил на животе; глаза уже ощутимо пощипывало, вообще-то хорошо бы поспать, но перед сном он хотел впихнуть в себя как можно больше данных: чтобы во сне было что обрабатывать. Над чем трудиться. Самые удачные наития у него происходили по утрам, в странном

состоянии между сном и бодрствованием, когда сознание стягивает и сшивает самые причудливые ассоциации.

Отчетность по агрикультурам просмотрел мельком — и так понятно, что посевы дали хорошие всходы, что элитные сорта твердых пшениц и ржи способны не только прокормить колонию, но и вернуться зерном на материнку в качестве отсроченной платы за поставленное через дорогущий портал оборудование, предметы первой необходимости и агротехнику. Что еще важнее — посевы диких зерновых тоже дали хорошие всходы, а это значит, что сейчас, когда центры происхождения культурных растений со всем их потенциальным генетическим разнообразием уничтожены локальными конфликтами или просто недоступны (интересно, почему локальные конфликты чаще всего случаются именно в очагах формообразования, словно сама земля там и впрямь бурлит избыточной силой?), человечество не потеряет их окончательно — пусть не на материнке, но на бесконечном числе вариативных Земель… И старые сорта, вытесненные на материнке генными модификатами, не потеряет тоже. Генным модификатам в колонии хода нет: таково условие игры.

Здешняя варианта материнки, кстати, была вроде вполне приемлема — с хорошей биотой, правда без коэволюции цветковых растений и насекомых-опылителей, ну да в какой-то степени, может, это и к лучшему… Колонисты останутся без меда — что да, то да.

Интереснее другое…

Он умел угадывать фальшь. Мимика, движения глаз, рук, интонации… Никого так не тренируют, как инспекторов, и не только на скорость реакции и выносливость. Захар не врал. Тут все было в порядке.

Ни борьбы за власть, ни конкуренции, ни стяжательства, ни эксплуатации. Мечта человечества.

Под невесомым термоодеялом он уже почти уснул: мышцы приятно ныли после долгого перехода, и золотистое мерещилось под закрытыми веками.

Крупные женщины обычно двигаются легко. Она не была исключением.

Он чуть приоткрыл глаза — просто чтобы убедиться, что не ошибся.

От нее еле ощутимо пахло капустой и грибами.

И еще она была теплая и очень сильная. Гораздо сильнее, чем могло бы показаться, если судить по мягким, женственным формам. Не его тип женщин.

* * *

Он провел пальцем по чуть мерцающей линии, очерчивающей скулу и подбородок.

Она вздрогнула, вновь притянула его к себе с той же, удивившей его силой.

Потом отпустила, откинулась на постель. Чем-то она напоминала крупное морское животное, гладкое и массивное, не очень ловкое на суше, но прекрасное в своей родной среде. Похоже, постель и была ее родная среда, ее стихия.

— Я так тебе понравился?

Он все-таки испытывал некоторую неловкость, хотя, честно говоря, с чего бы? Оба взрослые люди… Она чуть повела массивным плечом.

— Ну, не противен, скажем так… Но ведь дело не в этом.

— А! — сказал он. — Свежие гены.

Он не видел, но почувствовал, как в темноте она кивнула.

— Это очень важно, — она даже приподнялась на локте, теплая прядь волос упала ему на щеку. — Думаешь, почему в древности гостю подкладывали в постель дочку хозяина, а то и жену?

— Причуды гостеприимства? — сказал он, чтобы поддразнить ее.

— Любой традиции найдется рациональное объяснение, — она явно увлеклась. — Они тоже боялись вырождения. Сколько народу было в тогдашних поселках, да ладно, даже в античных городах? Расстояние в день пути уже казалось почти неодолимым. Дороги опасны. А значит, близкородственные браки… никаких чужаков. Разве что случайные гости. Вот и пользовались случаем освежить генофонд. Иначе полдеревни — деревенские дурачки. И дурочки. Вот тебе и все объяснения священному закону гостеприимства. А мы еще носом крутили: мол, вон какие дикари, наши глупые предки…

— Веришь в рацио?

— Конечно. Любой традиции, любому самому глупому суеверию найдется свое объяснение. Стоит только копнуть.

Он подумал, что если здесь верит в рацио не только она, экспедиторам, похоже, пришлось нелегко. Но приятно.

Она вздохнула — словно земля, отдыхающая после сейсмического толчка, закинула за голову руки и удовлетворенно потянулась.

— А ты и правда здоровый, — сказала она одобрительно. — Я помню, как себя чувствовала после переброса. Это хуже похмелья. Или гриппа. Мутит, кости ломит… И как бы не очень хорошо понимаешь, где ты.

— Я правда хорошо тренирован, — сказал он, словно

извиняясь.

И ты даже представить себе не можешь насколько, мысленно добавил он. Чтобы получить эту работу, надо рассыпаться под молотами тренировок и собрать себя заново. Не говоря уже о стимуляторах, о тонких химических настройках, знать о которых никому из посторонних не полагается. Потому что если вы о них узнаете, вы их тоже возжелаете.

— Хочешь, — она явно старалась выказать ему благодарность и доверие, — покажу свою реликвию?

— Это не очень… интимно?

— Ну да.

Она вновь приподнялась и склонилась над ним, на сей раз, чтобы бегло, без страсти, поцеловать его; его голую грудь задел шнурок с прохладным камешком.

— Это?

Он пошевелил рукой, чтобы ухватить кулон, но она шлепнула его ладонью, довольно сильно.

— Пусти. Не твое.

— Я думал…

— Нет. Это другое.

Она опустила босые ноги на дощатый пол. У нее были сильные ступни с красивыми длинными пальцами. Щиколотки, правда, толстоваты.

В окно лился ночной рассеянный свет.

Она склонилась над сброшенными на стул вещами, потом повернулась к нему: на ладони что-то маленькое, круглое.

— Вот.

— Что это? — он приподнялся на локте.

— Слушай.

Она сделала неуловимое движение ладонью. Музыка как бы закапала отдельными серебристыми шариками, все медленнее, ленивее.

— Музыкальная шкатулка?

— Нет. Просто коробочка. Ну, она не открывается. Просто играет. И сверху картинка… город. Какой, как ты думаешь?

— Вена, — предположил он.

— Угадал, — она пристроилась рядом с ним, большая и теплая, молоточки теперь стучали еще тише, чуть приглушенные ее ладонью. — По музыке, да?

— Да.

Когда-нибудь эти дорожки и бугорочки сотрутся и серебряные молоточки смолкнут. Надо будет ей сказать, чтобы не заводила ее слишком часто.

— У нее есть документированная история. Заверенная…

— Это здорово, — осторожно сказал он.

Интересно, почему в этой партии у всех склонность к вещам, из которых можно извлекать звуки? Часы с боем, губная гармошка, музыкальная шкатулка. Так бывало: одна группа тащит с собой сплошь старые фотографии в рамках, тончайшие фарфоровые статуэтки и репродукции картин, другая — серебряные ложки и бабушкины платья… Словно группы переселенцев по какой-то странной закономерности состоят то из кинестетиков, то из визуалов… Эти вот — аудиалы, надо же.

Культ реликвий был разработан тонко, осторожно внедрен несколько десятков лет назад. Тогда кто-то из умников в попытке поправить дело предложил эти якоря, за которые цепляется личность; маячки, помогающие собрать разрозненные утекающие воспоминания. На переброс уходило слишком много энергии, потому и возникла такая идея, чтобы каждый мог взять с собой один-единственный бесполезный предмет. К антикварным вещицам прилагался сертификат — место, время и техника изготовления, кто были прежние владельцы, как попал к нынешнему хозяину. Сколько таких историй породили креативные умы циничных прагматиков из группы поддержки, он не знал. Но предполагал, что очень много. Больше, чем ему было известно.

Свидетельство о собственности. Чтобы было что передавать наследникам. История рода и одновременно родовое имущество. Знак. Символ.

Синтетический пергамент, вечный материал. Вечные чернила. Подпись эксперта и нотариуса, печать.

Оптимально — если реликвия действительно издавна принадлежала семье переселенца. Но это бывало редко, вербовались обычно люди без корней, маргиналы или в последнее время такие, как Ханна.

Традиция прижилась. Ханна права: у каждой традиции, даже нелепой, есть свои рациональные корни.

Интересно, а что выбрал себе в качестве семейной реликвии Захар?

Но музыкальная коробочка — это такой нежный предмет…

— Скажи… ты добровольно сюда отправилась?

— Нет.

Скупо и напряженно. Мол, отстань. Но он прикинулся туповатым и участливым.

— Пожизненное?

Промолчала. Значит, угадал верно.

— За что?

— За убийство, — сухо сказала она. Подтекст: мол,

осторожнее со мной все-таки. Не заходи слишком далеко.

— Мужа?

— Нет, — он даже в полумраке комнаты видел, как сухо блестели ее глаза, — Жену. Свою жену.

— И ты… шериф?

У Захара есть досье на всех колонистов. Так принято. Как бы ни назывался тот, кто становится первым лицом колонии — председателем, координатором, старостой, кем там еще, он автоматически получает на руки все личные дела.

Папки, бумаги — электроника не выдерживает переброса. Это, наверное, хорошо. На материнке слишком полагаются на цифровые технологии. Но монолитная, единая, охватившая всю Землю информационная сеть на самом деле уязвима. Монолитные цивилизации вообще уязвимы. Цивилизационное разнообразие — вот что нужно. Резервные пути, заказники. Это как с семенным фондом. Когда отворили первый портал, а за ним еще и еще, нескончаемую цепь пустых, безлюдных версий материнской Земли, то показалось — вот оно, спасение. От перенаселения, от участившихся случаев ситуативного безумия и агрессии, от жизни среди вырожденной биоты, от нечистых воды и воздуха, от унылой судьбы рядового горожанина.

Эмиграция — мечта пассионариев. Ты не просто винтик в машине цивилизации, ты отец-основатель в прекрасном девственном мире, где каждый на счету, каждый что-то значит. Освоение бесчисленных америк, суровая поэзия фронтира. А заодно забота об оставленной материнской Земле, сохранение резервного, не тронутого переопылением исконного семенного материала, поставки зерна и чистых элитных культур.

Где же слабое звено? Где?

— Это больше не повторится, — сказала она твердо. — Никогда.

— Никогда больше не причинишь зла ни одному человеку?

— Причиню, если надо будет, — голос ее был спокоен и тверд, ни напряжения, ни аффектаций.

Она говорила, как человек очень защищенный, внутренне защищенный, и он на всякий случай спросил:

— Вы тут как вообще? В церковь ходите?

Обычно стараются формировать монолитные группы из представителей одной конфессии, чтобы не было конфликтов. И все равно…

— У нас здесь как-то, — она потянулась и закинула руки за голову, — с этим не очень. Если кто и верит… это личное.

Нет, тут все вроде чисто…

— А почему ты спрашиваешь? Ты информатор, да?

— Я инспектор, — сказал он почти виновато. — Мне положено.

— Ну раз положено… — она лениво вздохнула, словно поднялась и опала пологая волна, и положила голову ему на плечо.

В окно мягко лилась чужая ночь с чужими печальными запахами. Может, нет никакого ключевого фактора? Может, просто все оттого, что страшно сознавать: больше никого, кроме этой крохотной группки людей, на всей огромной планете нет и никогда не будет? А потом у каждого крышу сносит по-своему?

— Знаешь что, — сказал он, — запусти еще раз эту свою музыку.

* * *

Перед рассветом он проснулся. Небо на востоке чуть зеленело, прекрасное, чистое небо, одинокая звезда висела в нем, как драгоценный кулон. Тысячи, миллионы миров, тысячи, миллионы Солнечных систем, неисчислимые Вселенные… Столько места для людей, столько возможностей, столько блистательных, прекрасных перспектив, чистые, продутые морским воздухом побережья, и на каждой варианте, на каждой альтернативной Земле свои континенты, свои тайны, только и ждущие открытия, как бы подставляющие смущенные лица удивленному наблюдателю.

И вот эта звезда… точно кулон на груди у Нюкты-ночи, точно драгоценный камень.

Ханна лежала рядом — теплые холмы, барханы серебристого песка или морские волны, плавно вздымающиеся, опадающие, спокойное лицо, бледные прикрытые веки, разметавшиеся по подушке короткие волосы. Нет, все-таки что-то в ней есть, своя странная привлекательность…

В продолговатой впадинке чуть выше грудей, небольших и аккуратных, даже странно при такой комплекции, — на шнурке темный гладкий камешек. Продолговатый такой, и видно, что нелегенький… Неожиданно для себя самого он осторожно подвел ладонь под шнурок, нащупал пальцами узел.

Она чуть пошевелилась, он замер, потом пальцы опять осторожно, чуть прикасаясь к ее груди, принялись за работу.

Камушек сам собой скатился ему в руку: гладкий и тяжелый, чуть похожий на свинцовое грузило, но на деле просто отполированный откатившимся морем осколок базальта.

Он осторожно спустил с кровати босые ноги, на цыпочках

подошел к окну, разглядеть камешек как следует было трудновато, а включать свет он не хотел.

Захар тоже ведь носит что-то такое, только в перстне. Хм…

В мутном колеблющемся свете он осторожно поворачивал ладонь и так и эдак, ожидая… чего? Странного покалывания? Ощущения тепла? Холода?

Камень и камень.

Но ему вдруг пришло в голову, что наверняка и у разговорчивого будущего пчеловода, и у русоволосой девушки, и у тех трех пацанов…

Сильные руки стиснули ему горло.

— Отдай! Это не твое! Отдай.

Голос ее, низковатый, глуховатый, но приятный, сейчас был страшен.

Он даже не мог ничего выговорить в ответ, она зажала его словно в тиски, сгиб ее локтя упирался ему в кадык, она была чудовищно сильной, очень сильной, почти как он сам.

— Отдай, это тебе не нужно… это мое… отдай!

Она боролась с ним с такой звериной яростью, что на какой-то миг он полностью растерялся.

Это та женщина, которая целовала его ночью?

Ну да, она же убила свою любовницу. Из ревности? Надо будет спросить Захара. Вообще, думал он, пытаясь высвободиться из ее цепких рук, надо будет обо всем спросить Захара. Захар обязан отвечать. У инспектора полномочия. Инспектор — власть. От него зависит будущее колонии. Ведь стоит только материнской Земле прекратить поставки…

Он наконец сумел оторваться от Ханны, и прежде чем она все так же молча и яростно вновь кинулась на него, размахнулся и швырнул амулет на кровать. Темный камень упал на белую простыню и лежал там, как… как темный камень.

— Идиотка, — сказал он, тяжело дыша.

Она даже не посмотрела на него, бросилась к кровати, трясущимися пальцами стала вязать на голой шее узел шнурка.

И тут же успокоилась. Дыхание выровнялось, ярость в глазах погасла. Скала, а не женщина.

— Ты взял чужое, — сказала она низким равнодушным голосом. — Сам чужак и взял чужое.

— Извини, — он болезненно сглотнул, стоя голышом у окна, облитый занимающимся рассветом. — Я не думал… что это так важно. Оно само развязалось, правда. Развязалось, и я подумал…

— Вот только врать не надо, — она равнодушно повела плечом.

— Послушай…

Но Ханна уже отвернулась. Колыхнув ягодицами, подобрала сброшенную на пол одежду, натянула через голову платье и вышла, равнодушно бросив:

— Завтрак сам себе сготовишь. — Даже дверью не хлопнула.

* * *

Полнеба охватила дрожащая зеленая заря с нестерпимо-ярким желтым пламенем по кромке. Тишина окружала его, не менее всеобъемлющая оттого, что в ней прорезались отдельные звуки: гул ветра, пробегающего в верхушках сосен, чужой далекий голос чужой птицы, вдруг — быстрый-быстрый звук падающей из водостока воды. Только ради одной этой утренней тишины можно было сняться с места, бросить все и переселиться сюда — сказала древняя часть его сознания, и он привычно и рассеянно велел ей замолчать.

На птицеферме начали перекликаться петухи. Им было все равно, зарю какого мира встречать.

В домах захлопали двери. Кто-то кого-то окликнул. Из-за угла выкатился трактор с пустой громыхающей волокушей и затормозил.

— С дороги, приятель, — сказал Труляля (или Траляля?).

Они выглядывали с двух сторон из кабины, одинаково выставив локти, оба в одинаковых комбинезонах, одинаковых каскетках, одинаковых шейных платках. Почему-то стало даже неприятно. Словно он смотрел не на людей, а на фальшивки. На копии.

— Где Захар, не знаете?

— На карьере.

— Где ж еще?!

Теперь они говорили как бы подхватывая друг друга, словно бы братья или любовники. Что-то, быть может, было правдой, а может, и то, и другое — с чего он вообще взял, что они придерживаются материнской морали? Они вроде не моралисты, а рационалисты… по крайней мере, так он думал, пока не наступил рассвет.

— Не в конторе? — переспросил он на всякий случай.

— Нет, он с утра…

— Прямо на карьер…

— Ясно, — сказал он. — А карьер где?

Труляля выпростал руку из открытого окна, и Павел двинулся уже в указанном направлении, сопровождаемый по пятам громыхающим трактором, когда из кабины его неразборчиво

окликнули.

Он остановился, так что теплый капот почти ощутимо уперся ему в спину — словно его нагнало большое, но дружелюбное и очень теплое животное.

— Что? — в свою очередь, крикнул он.

Мотор смолк, и стало очень тихо.

— Не ходи на карьер, — отчетливо сказал Труляля.

— Это почему?

Он был готов к открытому конфликту, к ссоре, но Труляля мялся, казалось, сидя в кабине трактора, он переступает с ноги на ногу.

Наконец Труляля сказал:

— Ты не защищен.

— Не беспокойся. Я вооружен.

— Не в этом дело, — в затруднении и даже несколько неразборчиво произнес Труляля. — Понимаешь, я бы свой тебе дал, но мне в лес ехать, а так опасно.

— Почему опасно?

Труляля моргал бесцветными ресницами и молчал.

— Так в чем дело?

Но Труляля, словно отчаявшись что-либо объяснить, вновь рявкнул трактором. Инспектору ничего больше не оставалось, как, посторонившись, уступить дорогу.

Дорога на карьер шла вдоль берега реки, разбитая и утоптанная не меньше, чем дорога в лес. Внизу мелкая речная волна вяло набегала на песчаный берег.

День разгорался; запахло разогретой зеленью, вдалеке синел лес, ветер вытягивал в светлом небе размытые пряди облаков… На него вновь нахлынуло с детства забытое ощущение покоя, восторженное удивление перед лицом огромного мира, одновременно дружелюбного и загадочного. Ничего не делать, ни о чем не заботиться, просто шагать через холмы к дальнему лесу, к новым холмам, где тебя ждут новые встречи и открытия… стоп. Это пустой мир, напомнил он себе, совершенно пустой.

На материнской Земле, подумал он, даже в полной изоляции, даже среди дикой природы (а ему приходилось оказываться в полной изоляции и среди дикой природы) можно уловить что-то вроде слабого отдаленного эха, словно бы совокупную мысль человечества, некий странный гул, размытый, пропадающий, но странным образом чуткий к твоему настроению. Будто кто-то большой, очень большой сморит тебе в спину исподтишка: а как ты, один, сейчас себя поведешь? Что сделаешь?

Ни на одной из вариативных Земель он не испытывал такого ощущения, эфир (если это эфир) был глух, как вата, и это

странным образом раздражало.

Кто-то смотрел ему в спину.

Он резко остановился и обернулся, чуть согнув колени, поводя глазами из стороны в сторону. Бурые обрывы, в щелях притаились пучки сизой травы, пустой рыжий речной берег…

Никого. Не то чтобы он совсем не опасался, но его не так легко застать врасплох. Хотя утром с Ханной он сплоховал, это точно. Но кто мог предвидеть…

Дорога от берега вильнула в сторону, он повернулся к реке спиной и прошел еще несколько сотен метров до белых рассыпавшихся известняковых скал: словно кто-то ткнул ложкой в горку творога.

Крепь уже починили, осыпавшуюся стену подпирал плотный сосновый щит, свод каменоломни поддерживали толстенные бревна. С полсотни человек работали в отвалах, размахивая кирками и чем-то напоминая гномов-переростков.

Он остановился на краю воронки, сунул руки в карманы и огляделся в поисках Захара. Нашел сразу — тот стоял почти в такой же позе, только на дне воронки.

* * *

— Ну я ж сказал, — лицо Захара выражало беспредельное терпение, — к вечеру все приготовлю. Пока соберут, пока расфасуют… Чего неймется вам? Сидели бы дома…

— А я думал, вы отсюда камень берете. Для строительства.

— Ну, да.

— Захар, вот зачем вы врете? Я видел. Вы поначалу и правда выкладывали фундаменты из известняка, потом перестали. Все новые дома — только из свежих бревен.

Захар молчал.

— Зачем вы роетесь в карьере? Что ищете?

Захар молчал.

— Чем вы здесь занимаетесь, Захар?

Захар поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Глаза у Захара были совсем светлые, а зрачки — как точки.

— Это не ваше дело.

— Это как раз мое дело, — сказал он очень мягко. — Я инспектор.

— Вы вернетесь к себе, — уперся Захар, — а нам здесь жить.

У него был несколько виноватый вид, как у нашкодившего мальчишки.

— Ну так и живите. Кто вам мешает? Вы поймите, мне просто

нужно знать, что происходит.

К чему быть готовым, подумал он, и неприятный холодок тронул затылок.

— Ты мне лучше вот чего скажи! — неожиданно оживился Захар. — Как ты сюда дошел?

— Ну, как… нормально дошел.

— И… ничего не заметил?

— А должен был?

Они смотрели друг на друга, выжидая, кто уступит первым. Захар был крепкий мужик. Он держался.

— Захар, Захар! Нашел!

Почти мальчик, светлые волосы присыпаны известняковой пылью и оттого кажутся совсем белыми.

— Смотри! Это что? Зеленый палец?

На раскрытой, выпачканной белым ладони лежал камешек — продолговатый и зеленоватый… Ничего особенного, просто такой камешек.

— Дай сюда! — сказал Захар.

Он сгреб своей лапищей камешек и с минуту стоял неподвижно, закрыв глаза. Вид у Захара был при этом весьма комичным.

— Я его поднял, а он теплый! — радостно объяснил мальчишка.

— Ч-ш-ш, — Захар потряс головой, но глаз не открыл. Работающие переговаривались негромко поодаль, солнце висело над карьером размытым бледным пятном. И в небе ни одной птицы.

Захар открыл глаза.

— Зеленый палец! — торжественно провозгласил он наконец. — Повезло тебе, Янис.

Проводив взглядом Яниса, который, зажав в кулаке свой камешек, вприпрыжку побежал к остальным, он обернулся к Захару.

— Что такое «зеленый палец»?

— Ну, это, — Захар запнулся лишь для того, чтобы точнее сформулировать, — такая штука… которая помогает обращаться с растениями. Вроде как дар.

— И что теперь?

— Ну, раз Янис его нашел, будет сам его носить. Или подарит кому-нибудь. Или обменяет.

— На что?

— Ну… на другой оберег. Или на услуги. Не знаю. Это каждый решает сам.

Солнце припекало все сильнее, но холодок, нежно дующий в

затылок, не исчезал.

— Скажите, Захар, а есть ли… у вас же наверняка есть такой оберег. Так?

— Ну, — неохотно отозвался Захар.

— А допустимо, чтобы я на него посмотрел?

Он вспомнил сильные, яростные пальцы Ханны и непроизвольно сглотнул. Шея все еще болела.

— Вообще-то можно, — без энтузиазма сказал Захар, порылся в кармане штормовки, выудил связку ключей и протянул ему.

— Это?..

— Моя реликвия, — сказал Захар без выражения, — ключи от дома. Там, на материнке.

В качестве брелока на кольце болтался камешек с дыркой. Что-то вроде куриного бога у той белобрысой девчушки.

Он сжал ключи вместе с брелоком в ладони. Гудение? Покалывание? Перепад температуры? Внутренний голос?

— Я ничего не чувствую, — сказал он наконец.

— Ну, значит, не чувствуешь, — все так же без выражения повторил Захар. — Отдай.

Он вернул ему ключи, и Захар молча спрятал их в карман. Лицо у него было каменное, как стенка карьера.

— Может, этот? — Павел указал взглядом на кольцо. Тусклый, ничем не примечательный камешек. Наверняка, чтобы его вставить, Захар вынул из оправы какой-то другой. Драгоценный.

— Этот нельзя, — скучно сказал Захар.

Он вновь покосился на копошащихся в отвалах людей. Те переговаривались, роясь в груде щебня, голоса были спокойные, негромкие.

— Давайте присядем где-нибудь, Захар, — сказал он наконец. — И поговорим.

* * *

— Значит, вы каждый день приводите сюда людей, чтобы они искали эти обереги? Рылись в мусоре? Ради бесполезных вещей? Система поощрений и ограничений, а возможно, и символический капитал, да и не совсем символический: денежная единица в мире, где денег не существует? Неплохо работает?

Сделай так, чтобы это было правдой, Тот-от-кого-все-зависит, умолял он про себя, пожалуйста, ну что тебе стоит?

— Я вами восхищаюсь, Захар. Бросьте, мы же свои люди. Оба под грузом ответственности… обоим надо как-то… лавировать.

Бревно, на котором они оба сидели, пахло смолой и хвоей. И было теплым. Дерево всегда теплое, потому что живое. Даже когда мертвое.

— Все… не так, — Захар по-прежнему говорил так, словно что-то мешало ему двигать челюстью.

— А как?

— Это правда. Ну, на самом деле.

— На самом деле? — спросил он очень спокойно.

— Когда… ну, когда нас сюда перебросили и мы… ну, начали обосновываться, — Захар смотрел на свои руки и выталкивал из себя слова. — И стали… случаться разные вещи… Те, кто в лес или в каменоломни… мы были очень осторожны. Нас учили. Но люди стали бояться. И тут они…

— Кто?

— Они, — тихо сказал Захар. — Они сказали, что нам нужна защита. Это, — он кивнул в сторону карьера, — защита.

— От кого?

— От себя, — прошептал Захар.

Захар говорил все тише и тише: Павлу приходилось напрягать слух, чтобы разобрать.

— Вот как…

— Они говорят, мы неправильные. Ну, — Захар в затруднении подергал шеей, — вроде как бракованные. И если без оберега… а он не дает…

— Проявляться худшему?

— Да. И если его носить, то они вроде как награждают. Делают хорошо. Только надо все делать правильно. Тогда они как бы подбрасывают еще. Сюда, в этот карьер. Они сами решают для чего. Чтобы не болеть. Или чтобы девушки любили. Или чтобы удача… Тот, кто найдет, может себе забрать. А может передать или выменять.

— А отнять у него не могут?

— Нет. Потому что надо, чтобы всё добром.

— Ну да, — сказал он, — ведь все теперь хорошие.

Эвакуация, причем срочная. Они долго продержались. Но все равно. Черт, это же столько ресурсов, чтобы всех эвакуировать. А психоз почти такой же, как на варианте-восемь. Впрочем, тех так и не удалось вытащить.

Компенсированное пока что безумие.

— Кто такие «они», Захар?

— Не знаю, — ответил Захар шепотом. Он по-прежнему сидел, опустив голову и глядя на свои руки.

— Ясно, — сказал он. — Значит, так. Сворачивайте работу, Захар. Консервируйте постройки, мобилизуйте людей. Через

месяц мы откроем портал.

— Но посевы?!

— Хрен с ними, с посевами.

— Но птица? Куры?

Он на миг зажмурился.

— Выпускайте. Вот уж с кем ничего не случится, так это с курами.

Захар молчал.

— Захар, у меня неограниченные полномочия. Если вы не предпримете никаких мер, портал все равно откроют. Придет оперотряд, заберет вас насильно. Представляете, что будет? Как это будет? Вы ж здесь вроде как главный, Захар. Вы отвечаете за людей.

Захар поднял голову и посмотрел ему в глаза.

— Но никто не хочет на материнку. Я не хочу на материнку. Что я там забыл? У меня же там ничего не осталось! Ничего! Отвечаю за людей? Ну да. Я им нужен. А они — мне. В чем дело, Ремус? Вы думаете, мы психи? Ладно, пускай. Какая вам разница? Мы наладим поставки. Все будет в порядке. Материнке-то какая разница? Сколько у нее таких колоний? Тридцать? Пятьдесят?

Теперь уже он молчал, уставившись на руки.

— Ремус?

— Одна, — сказал он наконец. — Эта.

Он говорил, в точности как Захар, с трудом ворочал языком… видно, это заразно.

— Что?

— Одна. С другими вариантами ничего не вышло, Захар. Ничего.

— Как это… не вышло? Когда нас готовили…

Он усмехнулся.

— Это такая тайна, что мне, наверное, следовало бы вас ликвидировать. Чтобы вы по возвращении на материнку… Но вы же псих, Захар. Вам никто не поверит. Вам всем придется пройти обработку. Лечение. Потому — плевать. Хотите правду? Ни одна колония не протянула больше пяти лет. Успевают засеять поля и резервные делянки и вырастить несколько урожаев. И всё.

— Всё? — Захар не отрывал от него напряженного взгляда, он прямо-таки чувствовал этот взгляд, сверлящий ему лицо, не видел, но чувствовал. — Что — всё? Почему?

— Никто не знает. Ну, есть гипотезы. Разные. Например, кто-то из наших раскопал одну очень старую идею, что изолированная группа людей неспособна выжить, что для этого нужна некая общая ноосфера, совокупное человеческое «я», а если его нет, если эфир пуст… А может, влияет сам переброс. Хотя это

вряд ли, инспекторы много перемещаются, а с ними все в порядке. Сходят с ума те, кто оседает. Еще была гипотеза, что, возможно, человек способен жить только при определенной совокупности факторов… Чуть другое магнитное поле, поляризация света — и конец. Но куры, мать их, выживают. Варианты сплошь забиты одичавшими курами… Словно кто-то отдал нам на откуп только одну Землю, чтобы посмотреть, как быстро мы с ней расправимся, — и не пускает дальше.

— Вы сволочи, — Захар медленно поднялся, теперь он нависал, как скала, огромная тень, заслонившая солнце. — Сколько человек вы послали на смерть? Сто тысяч? Двести?

— Цунами на Борнео, — сказал он, не поднимая головы, — за двадцать минут уничтожило пятьсот тысяч. Взрыв атомной станции в Бангладеше — два миллиона. Земля гибнет. Климатическая катастрофа. Голод. Эпидемии. Все жрут модифицированную сою. Биота вырождена. Казалось бы, что проще: осваивай варианты, перебирайся. Но они не заселяются, Захар, вот в чем штука. Почему, ну почему все после переброса сходят с ума, вырезают друг друга в истребительной войне за власть между двумя самозваными лидерами, ни с того ни с сего самосжигаются в религиозном экстазе или просто сбегают в лес и начинают говорить с деревьями? Когда я попал сюда, Захар, как только я сюда попал, я подумал: вот, наконец-то получилось. Вы рационалисты, деловые люди… Это лучше, чем если бы романтики — у романтиков быстрее всех крыша едет. Но так не пойдет, Захар. Мы хотя и сволочи, но не настолько. Мы вас вытащим.

— Вы сами-то вообще кто, Ремус? — Захар тоже сел и тоже уставился на свои руки. Теперь они беседовали мирно, не повышая голоса.

— Я полномочный посол Земли. Я, собственно, и есть Земля. Я эксперт. Истина в последней инстанции. Иногда мы все же успеваем. Иногда.

— А вдруг мы найдем, — Захар говорил медленно, как во сне, — а вдруг они позволят нам найти… что-то очень важное. Символ могущества. Доброты. Понимания. Мы уже нашли несколько зеленых пальцев. Знаете, как расцветает все под руками? Нашли оберег целителя. У нас никто не болеет, понимаете. Ничем. Никогда. Это сотрудничество, вы понимаете? Договор.

— С кем, Захар?

Захар не ответил.

— Захар, это психоз. Дешевая виртуальная бродилка. Собери побольше оберегов. Выменяй физическую силу на устойчивость к

ядам, стань мастером монстров.

Примитивные виртуальные бродилки, подумал он, потому и популярны, что обращаются к древним архетипам. К тем самым, к которым обращается, обрушиваясь внутрь себя, утратившее ориентиры сознание. Все как обычно. Каждый раз чуточку по-разному, но в сущности одно и то же.

— Вы ошибаетесь, — сказал наконец Захар.

— Захар, ни одного психа еще не удалось убедить, что он псих. Но за исключением этого психоза вы выглядите вполне адекватным человеком. Поэтому вот мои последние слова касательно этого дела: сворачивайте работу, готовьте людей к переброску. Две недели вам на все. Не обольщайтесь, вас перебрасывать будет вооруженная группа. Спецназ. Парализующие пули, снотворные пистолеты, шокеры. Вы же щадите своих людей, Захар. У вас же наверняка какой-нибудь оберег… власти, да? Влияния?

— Ну… да, — неохотно сказал Захар, глядя на серый невзрачный камушек в кольце.

— Значит, на вас можно положиться.

— Почему вы думаете, что там, на материнке, вы всегда правы? — Захар продолжал угрюмо глядеть на сплетенные пальцы. — Загадили все вокруг, душите друг друга, живете в бетонных коробках друг у друга на головах… И всегда правы. Какого черта?

— Потому что переброс открыли на материнской Земле, Захар. А вы всего-навсего ее эмиссары. Наши эмиссары. Не обольщайтесь. Тоже мне, независимые колонисты! Да кем бы вы были без всей этой техники, без оборудования? И если вы рассчитываете как-то меня остановить, задержать, тоже не обольщайтесь. Меня не так просто остановить, Захар. Вы очень слабо представляете себе, что такое полномочный инспектор.

— Ханна взяла бы вас одной левой, — скучно сказал Захар. — Вы тоже слабо представляете себе ее способности.

— Еще один оберег? Понятно… ну да, она же шериф. Ей должны были вручить что-то подобное. Если следовать вашей логике.

— Но она не станет вас останавливать. Ни она, ни я.

— Ах, да. У вас же договор. От вас требуют, чтобы вы хорошо себя вели.

Он поднялся. Неожиданно черная тень метнулась в сторону от его ног.

— Я не буду вас останавливать, — Захар остался сидеть и теперь глядел на него снизу вверх. — Я оставляю это на их усмотрение. Они пропустили вас сюда. Но оберега не дали. Вы

чужак. Договор не подтвержден. Сколько вам идти до маячка? Двадцать каэм? По их лесу… Что ж, с богом. Если вам что нужно… ну, провизия, там… это пожалуйста. Но сопровождающего не дам, не надейтесь.

— Да я и не надеюсь.

— А сортовые образцы я для вас приготовил, — Захар тяжело вздохнул, сдув со штормовки облачко белой каменной пыли. — На всякий случай. Мы выполняем свои обязательства. Мы теперь всегда выполняем свои обязательства.

* * *

Лес тут был хороший, чистый, с нежным зеленым подлеском и рыжей устилавшей сухую землю хвоей. Прекрасный сосновый лес, на материнке в таком бы наверняка водились грибы, скорее всего лисички, он даже огляделся в поисках желтых ярких крапинок, щедро высыпавших на поросшем мохом пригорке, потом одернул себя, кто их знает, эти местные грибы, а вот надо бы поосторожнее, потому что тут своя фауна паскудная, хотя и мелкая.

Хорошая тем не менее, чистая варианта, пахнет в лесу просто как в детстве — хвоей, и озоном, и теплыми сосновыми стволами. Жаль, что опять ничего не вышло. Ничего никогда не выходит.

Захару предстояло сделать объявление, которое никому не понравится. И хорошо, что он в это время будет уже далеко. Инспектор в этой ситуации, скорее, помеха, раздражающий фактор, от него бы требовали, чтобы он объяснился, но никому еще не удавалось убедить толпу психов в том, что они психи. Захар справится, он знает своих людей и знает, как на них надавить. В конце концов Захар всегда может сказать, что с ним говорили эти самые «они». И вежливо велели всем убираться подобру-поздорову.

Портал откроется утром — иначе не получалось, какие-то когерентные колебания, он в этом плохо разбирался, потому Павел намеревался дойти до места под вечер и расположиться на ночлег. Чтобы уж наверняка. Задерживаться здесь до второго контрольного срока ему бы не хотелось.

Наверное, к лучшему, что не пришлось ночевать в колонии.

Крупных животных тут так и не нашли. Хотя у костра ему в любом случае ничего не угрожает. Все животные боятся огня.

Он скосил глаза на хронометр-пеленг, алый огонек пульсировал на двух часах, и подумал, что к полудню надо бы сделать привал, съесть пару галет из сухого пайка, горсть

витаминов, запить водой… Может, зря отказался от еды, которую предлагала Ханна, но осторожность взяла верх; Захар наверняка шепнул пару слов Ханне, если с ним что-то случится по дороге к маячку, кто об этом узнает? Свидетелей нет, никто и не виноват.

А хлеб, который Ханна испекла, пах так вкусно…

Рыжий ковер внезапно кончился обрывом, гладкие, отполированные дождями узлы сосновых корней цеплялись за бурый склон, на дне оврага протекал чистый широкий ручей. Тут разве был овраг?

Обойти трещину, рассекшую мягкую лесную почву, не было никакой возможности, и он, вздохнув и поправив наплечный ремень, начал осторожно спускаться, придерживаясь за гладкую, плотную древесину сосновых корней. Потом спохватился: в норах и щелях под корнями мало ли кто мог прятаться. С чего это он так расслабился — это варианта, не материнка.

И все же… он не помнил этого оврага. И ручья не помнил.

Оказавшись внизу, он с минуту подумал и решил ботинки не снимать. Ручей казался прозрачным, а дно — песчаным, но опять же местную фауну исследовали поспешно, а розовая тварь, которую он видел неподалеку от поселения, ему определенно не понравилась.

Все равно ведь он собирался делать привал, тогда и высушит. Когда переберется на ту сторону.

Ручей оказался от силы по колено, не так уж страшно. Чего тревожиться: рюкзак водонепроницаемый, спальник непромокаемый, хронометр водоустойчивый, что там еще… Сам не сахарный, не размокнет. Но почему-то было неприятно.

Тень прыгала по мягкому песку ручья чуть впереди, словно прокладывала путь.

Если поддеть воду ногой или ладонью, подбросить ее вверх, он помнил с детства, получатся такие круглые, разного диаметра шарики жидкого хрусталя, они будут падать, а когда упадут, то на миг вокруг каждого вырастет живая стеклянная корона, вырастет и тут же опадет, врастет обратно в воду, словно и не было ее… Он помнил, как в детстве они с сестрой любили вот так идти по кромке воды у большой реки, и маленькие полупрозрачные мальки, почти без внутренностей, но уже с глазами, прыскали в разные стороны, когда на них падала человеческая невесомая тень.

Минут через пять вода была уже по щиколотку. Ощущая, как солнце припекает затылок, он чуть изменил направление и двинулся в сторону отмели, чей мягкий язык вытянулся косо по течению. Там, чуть дальше, была удобная пологая расселина, по которой можно без особого труда вскарабкаться наверх. Черт, он

не помнил ни расселины, ни ручья.

Нога провалилась по колено.

Он поспешно перенес вес на левую, но и та начала проваливаться, будто песок, до того плотный и слежавшийся, вдруг стал жидким, словно песчаная пульпа, намытая земснарядом.

Правая нога уже ушла по бедро.

Невесомая тень плясала впереди, словно так и надо. Ей-то что.

Сколько там этого песка? Где-то же должно быть твердое дно!

Тренированные мышцы сработали сами собой, без участия мозга; он резко откинулся назад, чувствуя, как врезаются в грудь ремни рюкзака, и повалился на спину и чуть на бок, непромокаемый рюкзак почему-то вдруг стал очень тяжелым и прирос к спине, точно горб, и он этим горбом ударился о твердое. В рот и ноздри хлынула вода, она была очень холодная и горькая. Почему такая холодная? Он же только что пересек ручей, и ему вовсе не было холодно. С водой хлынул песок, который набился в рот и царапал горло.

Он отчаянным усилием раскинул крестом руки — если бы не рюкзак, он бы, наверное, с головой ушел под воду, но тот же рюкзак мешал надежно укрепиться на твердом грунте, и он, кашляя и отплевываясь, царапая дно скрюченными пальцами, заерзал, подтягивая зад. Правую ногу удалось чуть вытянуть, зато левая ушла еще глубже. Он подтянулся, стараясь держать голову над водой, и завел левую руку чуть дальше, еще дальше, насколько мог. В ужасе чувствуя, что песок под бедром продолжает расступаться, он сделал рывок всем телом и, обдирая руки и спину о невесть откуда взявшиеся камни, выдернул себя из жадного песчаного рта.

Он сидел в ручье, вода доходила до горла, рюкзак плавал за спиной, точно рыбий пузырь, из носа лилась вода, сквозь пальцы босой ноги продавливался жирный ил, в ботинке другой хлюпало, ягодицы упирались в прекрасные твердые острые камни, и все было хорошо.

Он отер ладонью лицо и увидел, что ладонь розовая. Сначала подумал, что кровища течет из носа, но потом понял: просто ободрал ладонь. Ничего. До свадьбы заживет.

— Сволочи, — сказал он неизвестно кому и закашлялся.

Потом поднялся на слабые ноги и осторожно сделал шаг в сторону — чуть вверх по течению.

И опять провалился по щиколотку. Той ногой, которая была обута.

— Нет, — вновь сказал он вслух, — так не пойдет.

На стремнине ручья, который вдруг оказался совсем не по колено, а по пояс, дно было вроде бы твердое, но стоило лишь ему попробовать продвинуться ближе к берегу, как оно опять стало подозрительно уступчивым.

Очень холодная вода.

Тень нагло прыгала впереди и блики прыгали вокруг нее, словно так и надо.

«Вы чужак. Договор не подтвержден. Сколько вам идти до маячка? Двадцать каэм? По их лесу… Что ж, с богом».

Захар псих. Все на этой варианте психи. Как и на других, впрочем.

Он нагнулся и, не сводя глаз со ставшего вдруг очень далеким берега, нашарил на дне первый попавшийся камешек, вытащил его и раскрыл ладонь. Камешек был мокрый, серый и шершавый.

— Вот! — корчась от неловкости, прокричал он в пустоту, полную шума ручья и равнодушного шелеста крон. — Вот! Такой вас устраивает? Это договор. Слышите! Договор!

Камешек был совершенным себе камешком, не нагревался, не охлаждался, не вибрировал и не издавал звуков.

Ног он уже не чувствовал. Особенно ту, которая босиком.

Тем не менее он осторожно передвинул ее чуть вперед и вбок: грунт в том месте, в которое он осторожно уперся сводом стопы, оказался твердым.

Камешек он судорожно сжимал в ладони, так, что острый его край врезался в мякоть. Но на такой пустяк он не обращал внимания.

* * *

Он сидел на берегу, разложив куртку и рубаху, тепло от потрескивающего костра ласкало исцарапанные ступни. Придется шагать босиком, а это плохо. Как вообще река ухитрилась отобрать у него ботинок, тяжелый ладный ботинок на высокой шнуровке?

Он распечатал упаковку галет и на всякий случай жестянку с соком, потому что перестал доверять здешней воде.

Проверил рюкзак. Герметичность нарушилась, вещи чуть подмокли, но спальник изнутри был сухим, и образцы, собранные Захаром, тоже не пострадали.

Однако он достал и развернул только спальник: раскладывать и сушить остальное содержимое не стал, чтобы в случае чего быстро сняться с места. А собственно, в каком случае?

Ему придется ночевать не рядом с маячком, а километрах в пяти — ну и что, он успеет на рассвете. Сейчас, по темноте, да еще босиком, двигаться опасно. Небо было сухое, чистое и звездное, черные кроны сосен мазали по нему, точно малярные кисти, закрашивая огромные пылающие звезды: мир, никогда не знавший светового загрязнения. Он узнал Большую Медведицу и на северо-востоке Пояс Ориона, но и других были сотни, тысячи, причем не белых, как он всегда думал, а разноцветных — чистые цветные костры, повисшие в пустоте. Млечный Путь был страшен — светлая река с водоворотами и островами, пересекавшая небо: он вдруг подумал, что древние, помещая на небо своих богов, знали, что делали, небо несколько тысяч лет назад было для них чем-то огромным, пугающим и торжественным, не то что для нынешнего горожанина. Мы убили своих богов, когда выключили небо, подумал он.

Машинально он перевел взгляд на хронометр: одиннадцать тридцать две, надо устраиваться на ночлег, чтобы, как только развиднеется, двинуться дальше, вот только гасить ли костер…

…что-то сидело в мозгу холодной острой занозой.

Гасить ли костер… двинуться дальше, как только рассветет… взглянуть на хронометр…

Он вновь опустил взгляд к запястью. Этого не может быть.

Ведь пеленг не выключается.

Это предусмотрено, там стопроцентная защита от всего.

От удара, от попадания воды.

Определиться по расположению звезд? Но портал откроется ранним утром, звезды погаснут. Компас? Он, конечно, знал расположение колонии относительно портала и маяка, хотя магнитный полюс тут чуть сдвинут, но это не важно, как бы он иначе туда вышел. Одно дело — обнаружить поселение на полторы тысячи жителей у берега реки, другое — следуя из этого поселения, найти одну-единственную точку в лесной чаще. Ну что бы стоило техникам прицелиться получше? Нет, ерунда, точное наведение невозможно, и они целились наверняка так, чтобы портал не открылся прямо в реке.

То есть он знал примерно, куда идти.

Примерно.

Быть может… морок, чушь, но он мог заблудиться гораздо основательнее, чем ему сейчас казалось. Этот ручей… Тогда он точно не успеет к тому времени, когда портал откроется. Это не страшно, будет контрольное окно, через сто двадцать восемь часов. Он может вернуться в поселение, хотя там сейчас ему не будут рады.

И что, он сумеет починить пеленг?

Ни разу за всю историю полевых инспекций, вообще за всю историю переброса не было случая, чтобы отказал пеленг. Это первое, о чем позаботилась группа техподдержки. Пеленг и маячок — то, что не может отказать в принципе. Потому что удерживать портал открытым более пяти минут не просто расходно. Это мегарасходно. И для исследовательских групп главное — выйти на место аккурат к открытию портала. Это для поселенцев, ради переброса поселенцев портал держат долго, потому что слишком многое поставлено на карту. И ради эвакуации, если получается хоть кого-то вытащить, — до тех пор пока последний спецназовец не даст отмашку, мол, можно закрывать. И то, ооновские счетоводы грызут все сильнее и требуют прикрыть проект. Он слишком, слишком затратный. И, похоже, бесперспективный. Хуже того, безнадежный.

Да, так вот, пеленг. Еще есть такой шанс, что пеленг в порядке, отказал маячок. Но, во-первых, это тоже невозможно, во-вторых, огонек пеленга тогда просто метался бы по кругу, прыгая с риски на риску, а не погас бы совсем…

Может, в хронометр проникла вода? Бред, он не просто водонепроницаемый, он суперпуперводонепроницаемый.

Или, выбираясь, он ударил корпус о камень? Тоже бред. Это противоударный хронометр. Это очень противоударный хронометр.

К тому же, чтобы вернуться в поселение, ему придется пересечь ручей.

Он больше не хотел пересекать этот ручей.

«Сколько вам идти до маячка? Двадцать каэм? По их лесу… Что ж, с богом».

Захар отпустил меня, поскольку знал, что я не дойду. Потеряю ориентировку, забреду в зыбучие пески, останусь без провизии, погибну в девственных лесах этого мира.

Но не в силах же Захар изменить течение реки? Раскроить овраг в том месте, где его не было раньше?

Поломать хронометр, в конце концов? Никто не мог поломать хронометр — он ни на миг не снимал его с запястья. Да и вообще, не так его просто поломать. Невозможно, если честно.

Но вот на что Захар, или Ханна, или кто-то еще, на что они способны? Психи хитры. Они могли, скажем, подсыпать что-то в еду, в воду. Эти Ханины грибочки. Очень вкусные, кстати, грибочки. Повредить психику легче, чем сломать хронометр. Даже тренированную психику. И он, подстегиваемый галлюцинациями, потерял направление. Пошел не туда. Внушение?

Может быть.

Управляемое внушение?

Значит, в поселение ему тем более нельзя возвращаться.

Стоп, пока пеленг не отказал, он шел по пеленгу? Как можно запрограммировать человека, чтобы он не видел пеленг? Или шел не туда, куда пеленг указывал?

Самое очевидное — по той же линии, по линии пеленга, но в противоположную сторону.

Это возможно? Честно говоря, кто его знает. Сам бы он еще полчаса назад с уверенностью сказал, что нет.

Но показания компаса соответствуют показаниям пеленга, так?

Он сжал голову руками, словно пытался удержать разбегающиеся мысли.

Если это психотропное средство, организм должен его вывести. Его учили владеть собой. Он хорошо тренирован. Он справится.

Предположим, сейчас пик. Ну да, есть средства, чье воздействие индивидуально, а однократный прием может дать неожиданные рецидивы и вызывать эпизодические галлюцинации несколько десятков часов спустя. Производные ЛСД, например, действуют именно так. Но это ничего, это не страшно. Он будет готов.

Если он станет подкрепляться только тем, что входит в НЗ, в том числе и водой в запаянных жестянках, повторного отравления он, скорее всего, избежит, а препарат выведется естественным путем. Нужно только не паниковать, не метаться. Если он не успеет к порталу сейчас, он выйдет ко второму контрольному переносу. Если нет…

Ну вот, предположим, если нет.

Тогда он возвращается назад, в поселение не идет, а держится поблизости и наблюдает. И спецназ сбросят не две недели спустя, как он обещал Захару. Его сбросят сразу. Потому что, когда полномочный инспектор не возвращается, — это ЧП.

У него, конечно, будут неприятности. Поскольку связно объяснить, почему он не вышел к порталу в контрольное время, он не сможет. Но неприятности — это, в конце концов, поправимо. Его не уволят, никого не увольняют из Проекта. Просто переведут на какую-то рутинную, скучную должность.

Так что самое разумное сейчас — просто не трогаться с места. До утра он все равно никуда не собирался двигаться. А за это время действие наркотика должно ослабеть. Кстати, среди вещей должна быть аптечка. Разумно ли ввести себе антидот или, учитывая, что реальность, которую он наблюдает, изменена, лучше не рисковать?

Он положил пальцы правой руки на запястье левой — пульс был ровным. Ни тахикардии, ни брадикардии, ничего.

Уцелевший ботинок лежал, отвернув от огня темный зев голенища. Его придется оставить тут, и двигаться босиком. Сколько километров босиком?

Он не знал.

Мохнатые ветки сосен размазались по страшному, пылающему нестерпимо яркими сгустками звезд небу. Пламя костра метнулось и опало, треснуло полешко, рассыпав из черного нутра багровые и шафрановые бархатные угли.

Глупый мальчишка…

Он вздрогнул. Голос был не совсем голосом и шел ниоткуда, со всех сторон, вместе с шумом сосен и сухими выстрелами сучьев в костре.

Непослушный, глупый мальчишка…

— Вас нет, — крикнул он, запрокинув лицо к черным кронам, — вы моя галлюцинация!

Крик ушел вверх и затерялся в шуме ветра.

Ты плохо себя ведешь, нехороший, глупый мальчишка…

Мы наказываем мальчишек.

Плохих детей.

Мы помогаем хорошим.

Он глубоко вдохнул. Медленно и осторожно выдохнул.

— Знаете, — сказал он уже негромко, — поскольку вы галлюцинация, мне совершенно нет нужды рвать глотку. Со своим внутренним «я» уж как-нибудь полюбовно все улажу. Что вам нужно?

Обещай, что будешь хорошим. Будешь слушаться.

— Внутренний родитель, — сказал он, — ну да. Вечно лезет, куда не надо. Вечно со своей моралью. Только со мной этот номер не пройдет. Меня учили принимать всю полноту ответственности. Иначе говоря, быть взрослым. Собственно, я и есть взрослый.

Если не будешь слушаться, утонешь. Потеряешься. Заблудишься. Сломаешь шею. Не вернешься.

Никогда не вернешься.

— На месте внутреннего родителя, — сказал он и вздохнул, — я бы употреблял как можно меньше шипящих. Так много шипящих — это несолидно. И наводит на дурные мысли. Будто никакой ты не внутренний родитель, а сущее, извиняюсь, пресмыкающееся. Порождение возбужденного педункулюса. Ножки мозга, слышали такое? При его раздражении мерещатся пауки и змеи. Разговаривать с раздраженным педункулюсом — это несерьезно.

Он сел поудобнее, потому что растянутые, перенагруженные

мышцы наконец-то начали ныть.

— Знаете, — сказал он, — древние структуры мозга, как правило, молчаливы. И любят спать. Но когда просыпаются, ведут себя довольно глупо. Паникуют. Угрожают. Хотят жрать. Совокупляться. Не хотят думать. Это потому, что они древние. Что с них возьмешь? Конечно, я рад возможности с вами поговорить. Возможно, давно пора было. Но права голоса вы не имеете. Так, совещательное.

Все не так, как ты думаешь.

Глупый мальчишка.

Нехороший.

Непослушный.

Не веришь.

Нам.

Тебе нужна защита.

От себя.

А ты не хочешь.

Отказываешься.

— Вы себе не представляете, — вздохнул он, — насколько психически устойчив полномочный инспектор. У меня нет тайных пороков. Нет фобий. Нет предрассудков. Нет тяги к убийству и насилию. Мне совершенно ни к чему защищаться от самого себя.

Врешь. Тебе страшно.

— Еще бы. Раздражение педункулюса стимулирует чувство беспричинного страха.

Нам страшно.

Нам страшно с тобой.

Ты нас пугаешь.

Мы не любим, когда страшно.

— А, — сказал он, — это другое дело. В это я готов поверить. Я разум, ты интуиция. Я кора, ты подкорка. Я взрослый, ты ребенок, ты дочеловеческие отделы мозга, темное эго, поднятое из глубин подсознания неведомым наркотиком. Тебе страшно всегда. И я как взрослый, большой и страшный, готов успокоить тебя, маленького и слабого. Что мне надо сделать, чтобы успокоить тебя, несчастная, запуганная делегированная личность, тайная часть моего «я»?

Вот, подумал он, вот… Я провел тут меньше двух суток, а переселенцы — годы. Наркотик, попадающий в организм с водой? С земной, но выращенной тут пищей? Только бы добраться до места. Образцы у меня с собой. Тонкий биохимический анализ, и примерно уже известно, что искать. Да и у меня в крови должны остаться следы. Ничего не выводится полностью так быстро.

Ветер, шуршавший в верхушках сосен, спустился ниже и

тронул его лицо нежно, точно перышком.

Договор.

— Ах, ну да. Договор. Оберег. Знак союза.

Он порылся в кармане, извлек подобранный со дна камешек и раскрыл исцарапанную ладонь.

— На какой-то миг, тогда, в реке, я вам поверил, — сказал он, подставляя канешек свету угасающего костра, — потому что в таких переделках мозг хватается даже не за соломинку… черт его знает… за волосок. Сделаю вид, что поверил и сейчас. Только сделаю вид, заметьте. Потому что, если честно, этот камешек не разговаривает, не дрожит и не нагревается. Это просто камешек. И он никак не может мне помешать быть плохим, потому что в этом нет нужды. Я и так хороший. Честное слово. Я мог бы соврать, что последним актом насилия с моей стороны был тот случай, когда я отобрал у сестры шоколадное мороженое. Только это, видите ли, будет ложью, а я не люблю врать. Хотя иногда приходится. Так вот, я работал на многих вариантах. И мне приходилось… ну да, даже убивать. Не один раз. Потому что… ну, работа такая. В каких-то случаях остановить психа можно, только убив его. Но я делал это исключительно в тех случаях, когда иначе никак. И никогда, никогда не испытывал ни радости, ни торжества, ни удовольствия. Виноватым себя, правда, тоже не чувствовал. Инспекторов отбирают очень придирчиво, понимаешь ли, дорогое мое подсознание.

Он вздохнул.

— Переселенцы, — сказал он в темноту сам себе, — это просто люди. Они несдержанны и любопытны. Им не сидится на одном месте. Они пускаются в странствие в поисках лучшей участи. Они немножко асоциальны — иначе вписались бы в материнский социум, каким бы тот ни был поганым. И очень пассионарны. А пассионарность напрямую связана с агрессией. Их хорошо тренируют, они могут справиться с внешними трудностями, но от себя не убежишь. К тому же в последнее время, как мы ни старались, поползли кое-какие нехорошие слухи. И желающих стало меньше, пришлось вербовать преступников. Ну, после психологического обследования, конечно, но все равно… Таких, как Ханна. Понятно, что в какой-то момент они начинают бояться сами себя. И придумывают ритуалы защиты. Затем это перерастает в психоз… потом в острый психоз. Жаль, потому что придумка была хорошая. Но это как лавина — точка равновесия пройдена. Они слышат голоса. А это значит, что ты, дорогое, пугливое подсознание, взяло верх. А ты, знаешь ли, не лучший советчик.

Но меня ты можешь не бояться. Нет.

Костер тихонько фыркнул и рассыпал пригоршню искр.

— Сейчас я лягу спать, — сказал он своему подсознанию, — и ты поспи. Нам с тобой еще работать и работать.

Ветер, рассыпавший искры в костре, тихонько погладил его лицо.

* * *

— А потом я посреди ночи проснулся, словно что-то под руку толкнуло, и поглядел на хронометр. Пеленг работал, порядок. Только я отклонился градусов на тридцать, ну это ничего, так что я успел как раз к тому моменту, когда портал открылся… ноги, правда, сбил. Босиком по лесу, не шутка. Теперь я думаю, — он на миг прикрыл глаза, — что вся эта история с зыбучим песком тоже… понимаешь, когда мне было лет десять… я провалился в такой песок. Где мы всегда купались, там намывали новый берег, земснаряд намывал, и я даже не провалился, просто нога ушла по бедро, я тут же выбрался. И забыл, но подсознание-то помнит.

— Да, — согласился Молино, — подсознание помнит.

У Молино было совсем непроницаемое лицо. У него самого — такое же? Не очень-то приятно разговаривать с типом, у которого такое лицо.

— Вы нашли следы наркотика?

— Нет.

— Значит, он быстро распался. Надо их забирать, Молино. Срочно.

За плечом Молино дальние крыши таяли в сероватой дымке. Тут никогда не бывает по-настоящему чистого неба, подумал он. Правда, дышалось здесь легко, легче, чем на улице: у Молино в офисе был хороший кондиционер. Но все равно какой-то неприятный даже не запах… привкус, что ли…

— Не горячитесь, — у Молино по-прежнему было каменное лицо, но в глазах появилось что-то такое… жалость, что ли?

— То есть как это?

— Они функционируют, да? Все в порядке? Что вам еще нужно? На каком основании мы будем хватать людей и насильно волочь их с насиженных мест? Уничтожать плоды их труда?

— Ничего не в порядке. Они сошли с ума. Коллективное безумие. Нельзя тянуть дальше, Молино. Иначе будет как на варианте-восемь.

— Ох, уж этот мозг, — Молино смотрел на свои пальцы. — Очень тонкая машина. Уж такая тонкая! «Цифра» — и та не выдерживает переноса. А мы хотим, чтобы наши мозги

выдерживали. Как защититься от безумия? Никак. Но если нельзя от него защититься, может, и не надо? Может, безумием нужно просто управлять?

— Что?

— Самые простые решения часто оказываются самыми действенными. Немножко гипноза. Немножко того. Немножко сего. Если нет внутренних тормозов, надо сконструировать протез. Собирательство, накопление бесполезных вещей — очень древний инстинкт. Древнее, чем сам человек, Ремус. С внедрением культа реликвий ничего особенно не получилось, но направление было верное. Надо было только убедить людей, что с некими предметами сопряжены некие качества. А дальше они сами выстроили свою систему ограничений, наказаний и поощрений. Это архетипы, Ремус. Думаете, почему так популярны все эти, как вы только что выразились… дешевые виртуальные бродилки? Они обращаются к древним архетипам. Амулеты. Обереги. Собирательство. Высшие силы.

— Вы мне ничего не сказали!

— Мне нужен был независимый наблюдатель.

— Сукин вы сын, — горько сказал Ремус.

— Работа такая, — флегматично отозвался Молино.

— Но я дал приказ Захару. Собираться… Сворачивать работу.

— Уверен, он и пальцем не пошевелил. Он наверняка решил, что вы не дошли до портала. Что эти самые высшие силы прекрасным образом с вами разделались. Потому что поселенцы у них под защитой. А вы — нет.

— И он или, скорее, они с Ханной дали мне наркотик?

— Ну какой наркотик, Ремус, — скучно произнес Молино. — Вы вообще когда-нибудь задумывались о том, что инспектора тоже люди? У них тоже есть мозг, знаете ли. Ну да, они всегда возвращаются, и в нормальном социуме им легче корректировать свое поведение, но суть дела от этого не меняется.

— Вы хотите сказать…

— Ремус, на самом деле мы очень плохо представляем себе, что конкретно происходит с человеческой психикой при переносе. Но одно известно достоверно: у подвергшихся переносу сильно повышается внушаемость. Вы никогда не задумывались, почему оперативников так быстро переводят на другую работу?

— Нет. И я не заметил за собой никаких…

— Это потому, что вы всегда были тугодумом, Ремус, — с удовольствием сказал Молино.

А ведь Молино меня терпеть не может, подумал он. И всегда терпеть не мог. И как я раньше этого не замечал? Или он скрывал это ради дела, а теперь уже нет нужды?

Теперь меня спишут.

Эта мысль почему-то не особо его расстроила.

Тем более что не окончательно — никто не уходит отсюда окончательно. Переведут в сектор поддержки, вот и все.

— А где мой камешек? — спросил он неожиданно для себя.

— Что?

— Ну, мой амулет? Мой фальшивый оберег. Он был у меня в кармане.

— Черт, Ремус. Вы бы видели себя, когда ввалились в ворота. Вас раздели и потащили на обработку. Какой еще камешек? И не надо так смотреть на меня, Ремус. Все хорошо. Все правда хорошо. Эта колония уцелела. Она развивается. Ну, психи они. Ну и господь с ними. Еще пара лет, и можно будет повторить опыт.

— Людей не жалко?

— Жалко, — честно сказал Молино. — Потому и стараемся.

* * *

— Пять лет! — горько сказала Соня. — Пять лет ты не казал сюда носа. Прыгал по своим мирам. Спасал кого-то. А я что, не человек? Меня что, не надо спасать?

— Успокойся.

— Мне плохо, ясно? И пожаловаться некому! Тебе? Да ты всегда был такой, даже когда маленький. Тогда отобрал у меня…

— Ты что, не можешь до сих пор простить мне это чертово мороженое?

— А я любила это мороженое! — заорала Соня. Лицо у нее пошло пятнами и стало некрасивым, но она вдруг при этом оказалась удивительно похожа на ту маленькую девочку, которую он помнил. — Я нарочно оставила себе кусочек! На дне вафельной трубочки. Потому что это самое вкусное! А ты просто проходил мимо и выхватил у меня из руки.

— Соня…

— И слопал! Слопал!

— Да я ж тебе купил другое!

— Я не хотела другое, — сказала Соня и, к его ужасу, расплакалась. — Я хотела это! На дне трубочки!

— Ну что ты… как маленькая!

Она и есть маленькая, подумал он. Этот ее внутренний ребенок. Он так и не вырос. Сидит перепуганный. Требует мороженого. Этот ее, как его звали? Мордатый такой. Артур, что ли? Нет, Альфред. Не удивительно, что он смылся. Она не готова к взрослым отношениям. А нежности и любви жаждет, как любой

маленький ребенок. Бедная, бедная моя девочка.

Он так и сказал.

— Бедная, бедная моя девочка! Ну не плачь. Давай я тебя поведу в кафе. Нет, не в кафе. В самый роскошный ресторан. Надевай свои бриллианты…

— Ты что, дурак! — сердито сказала она. — Откуда у меня бриллианты!

— Пошли, купим по дороге! Черное платье есть?

Она шмыгнула носом и улыбнулась.

— Ты псих.

— Ага, — сказал он, — псих. Имею я право на честно заработанные премиальные купить своей сестре бриллианты? Я вызываю такси. Иди одевайся. И чтоб по первому разряду, слышишь?

— Точно сумасшедший, — сказала она и порывисто, как ребенок, вздохнула: — Что, правда идем?

— Ага, — сказал он, — правда. Мы пойдем в дорогущий ресторан, и закажем шампанское, и будем танцевать, а потом к столику подойдет красивый мужик, такой, знаешь, широкоплечий, и спросит: можно пригласить вашу девушку? А я скажу: я не против, но учти, вообще-то это моя сестра. И если ты ее, урод, обидишь, я тебе рога обломаю. Вот.

— Мороженое купишь? — спросила она деловито.

— Пять вафельных трубочек, — сказал он. — И микстуру для горла. Чтоб два раза не вставать.

Она взвизгнула и захлопала в ладоши.

Что мне, дураку, стоило сделать это раньше? Ее же так просто порадовать. Чего я ждал? Чего от нее хотел? Чтобы она выросла? Образумилась? Это как пшеница, подумал он, ее надо растить. Заботиться. Полоть сорняки. Уничтожать вредителей. Рыхлить землю.

И ждать урожая.

Молиться и ждать урожая.

— Сонька, — сказал он, — пока ты не пошла красоту наводить… один только вопрос. Вот помнишь, мы еще с мамой и тетей Таней на море ездили?

— Это когда ты у меня мороженое отобрал?

— Разве тогда?.. Ладно, забудь про мороженое, я о другом хотел спросить. Помнишь, я тебе такой камешек подарил? Я его нашел на пляже, с дырочками такой? Он называется…

— Куриный бог. Знаю.

— Ну да. И ты продела шнурок и таскала на шее. Помнишь?

— Погоди.

Она убежала в спальню, и он слышал, как она шуршит чем-то

и грохочет, потом вернулась и на розовой раскрытой детской ладони лежал маленький смуглый куриный бог, и черный вылинявший шнурок болтался, точно усики неведомого растения.

— Ты что, — спросил он, — вот так его… хранила?

— Ты ж мне его подарил, — сказала она и смущенно улыбнулась.

— Сонька, — сказал он, — я тебя люблю. Дашь поносить?

— В обмен на бриллианты? — спросила она деловито.

— Заметано. Только знаешь… больше восьми каратов я не потяну.

— Я так и знала, — сказала она горько. — Ты лузер.

— Ну, лузер. Иди одевайся.

Самые простые решения, думал он, держа камешек на ладони, — самые правильные. Все верно. Почему бы тем, кем бы они ни были, тоже не выбирать самые простые решения? Зачем нужны сложности, когда есть подручный материал, когда древние архетипы сами работают на тебя?

— Договор? — прошептал он и сжал руку.

И ощутил, как быстро, слишком быстро нагревается в горсти маленький куриный бог.

Критика

Крупный план

Глеб Елисеев. Городок в табакерке

Стивен КИНГ. ПОД КУПОЛОМ. Астрель

В багаже любого писателя есть произведения, которые в сознании читателя прочно ассоциируются именно с его манерой письма, с его стилем. И есть тексты, на которые, как говорится, автор мог бы и не тратить свои драгоценное время и талант. Они вроде и не провальны (мастер все-таки), но все же не выдерживают конкуренции с главными книгами автора. К таким «факультативным» произведениям принадлежит новый роман Стивена Кинга «Под Куполом».

Впрочем, неистовые фэны писателя, конечно же, проглотят этот текст, что называется, даже не разжевывая. Однако более привередливый Постоянный Читатель, к которому любит обращаться Стивен Кинг в предисловиях или послесловиях, испытает, скорее, разочарование.

Нет, фирменного мастерства выдающийся американский писатель не утратил. Все линии в сюжете увязаны, присутствует напряженная интрига. И все же не отпускает ощущение, что то же самое можно было бы сделать… гм-м… гораздо компактнее.

Кинг признается, что задумал роман еще в 1976 году, но «отполз с зажатым между ногами хвостом через две недели после начала работы, написав порядка семидесяти пяти страниц». В 2007 году он взялся за сюжет заново и на этот раз довел дело до

финала.

При этом исходная посылка сюжета явно позаимствована у Клиффорда Саймака. Повествование начинается с того, что городок Честерс-Милл накрыла невидимая стена, которая прошла точно по административной границе города. Физическое взаимодействие с внешним миром отсутствует, даже воздух едва проходит сквозь прозрачную мембрану, накрывшую город. Однако связь с остальной территорией США не потеряна, жители Честерс-Милла еще надеются на спасение. Но по мере того как рушатся очередные попытки выручить угодивших в ловушку, положение в городке становится все хуже. Социальные связи распадаются, люди стремительно дичают.

На таком материале мог бы получиться отличный социально-фантастический роман о постепенной деградации замкнутого мини-социума. К сожалению, все события в весьма объемной книге длятся всего лишь неделю. Поэтому и социальной фантастикой тут даже не пахнет. За слишком короткий промежуток времени невозможно развернуть масштабный социальный эксперимент, показать, как изменилась бы изолированная община городка Честерс-Милл, вынужденная выживать в столь странных условиях.

Тривиальность и ограниченность исходной сюжетной посылки затруднила создание сколько-нибудь значительного произведения в заранее очерченных сюжетных рамках. Материала для развития полновесного, романного повествования тут просто не хватает. В лучшем случае — на большой рассказ или небольшую повесть. Даже сам Кинг нередко называл это «синдромом литературной слоновости», сам себя за это не единожды критиковал — и тем не менее вновь «наступил на те же грабли».

В новом романе писатель эксплуатирует типичную для американской литературы ситуацию: как под влиянием экстремальных обстоятельств внешне благополучная и пристойная маленькая община демонстрирует свою истинную неприглядную сущность. Одним из первых подобную схему разработал еще М.Твен в повести «Человек, который совратил Гедлиберг». Сам же Кинг считает: в жизни все происходит по-иному, и подобные истории, по сути, клевета на маленькие городки. Однако это не помешало ему последовать сложившейся литературной традиции. Так он поступал в «Необходимых вещах» и «Буре столетия». Та же схема реализована и в романе «Под Куполом».

Герои книги также вполне традиционны для Кинга: случайный странник, вопреки собственным намерениям

становящийся героем и спасителем; аморальный и циничный политик; некомпетентный коп; безумец, которого неконтролируемая психическая болезнь заставляет совершать преступления; священник, потерявший веру… Типичный набор «ролевых моделей». Хорошо еще, что среди них отсутствует обычный для книг автора образ «писателя, переживающего творческий кризис», иначе роман окончательно превратился бы в полупародийный компендиум штампов «от Стивена Кинга».

Эх, напрасно автор не решился реализовать этот сюжет в том далеком 1976 году. Наверняка мы получили бы не нынешнего тысячестраничного монстра, а более компактную и динамичную книгу объема «Кэрри», «Мертвой зоны» или «Воспламеняющей взглядом», столь же стремительно развивающуюся и не оставляющую читателю шанса заснуть, пока не перевернута последняя страница.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

Рецензии

Франкенштейн: Антология

СПб.: Азбука, 2012. - 608 с.
Пер. с англ.
(Серия «Лучшее»).
3000 экз.

Созданные воображением молодой жены поэта Перси Шелли — Мэри Виктор Франкенштейн и его монстр прочно утвердились в пантеоне массовой культуры. Впрочем, своей популярностью Франкенштейн обязан все же не столько роману, сколько многочисленным экранизациям. Черно-белый кинематограф не породил монстра, но сформировал его облик, одновременно пугающий и вдохновляющий. И писатели не перестают черпать вдохновение в этой старой-старой истории.

Антология Стивена Джонса содержит рассказы и повести, основанные на классическом тексте, а также одно стихотворение. Среди авторов антологии как известные создатели литературы ужасов (Роберт Блох, Рэмси Кэмпбелл, Майкл Маршалл Смит), так и авторы, куда больше известные сугубо НФ-текстами (Джон Браннер, Пол Макоули).

Открывает издание собственно классический роман Мэри Шелли. Однако большинство авторов сборника эксплуатируют именно кинематографический образ Франкенштейна. К примеру, доктор Преториус, фигурирующий в нескольких текстах сборника, в оригинальном романе отсутствовал, впервые он появился лишь в фильме «Невеста Франкенштейна». Да и сама антология вполне укладывается в логику голливудского кинопроцесса: все тексты из рецензируемой коллекции легко можно поделить на сиквелы, приквелы, спин-оффы, ремейки и специальные камео для приглашенной звезды.

В этом плане особенно характерен рассказ Кима Ньюмена «Рай для комплетиста», в котором автор в характерной для него манере смешал реальных персон и вымышленных персонажей, щедро черпая их из истории кино.

Антология вполне придется по душе двум категориям читателей: тем, кто всего лишь слышал имя Франкенштейна и хотел бы узнать, чем знаменит этот персонаж, и тем, кто желает в очередной раз «испугаться на заданную тему».

Сергей Шикарев

Владимир Гопман
Золотая пыль: Фантастическое в английском романе (последняя треть XIX–XX в.)

Москва: РГГУ, 2012. - 488 с.
1000 экз.

Отечественное фантастиковедение — особенно на фоне западного изобилия работ — скудно и печально, оно держится исключительно на подвижничестве отдельных исследователей, страстных романтиков и энтузиастов своего дела. Каждая новая фантастиковедческая книга — событие для всякого пытливого и любознательного читателя фантастики.

Перед нами не история в ее безличном течении, но очерки, посвященные вполне конкретным фигурантам английского фантастического литературного мира. Здесь есть и лица максимально очевидные (Уэллс, Льюис, Толкин, Стокер), и писатели по-своему знакомые, но открывающиеся с новой стороны (Уильям Моррис, У.Х.Ходжсон, Дж. Уайт), и авторы, кажущиеся второстепенными, но описываемые автором столь любовно, что хочется бежать в букинистический магазин…

Золотое качество Гопмана как критика — любовь к тем текстам, о которых пишет, равно как и к самим авторам. По сути, каждый очерк в книге — поэтический портрет фантаста, будь он абсолютный классик или просто автор, замечательный тем или иным частным свойством. Конечно, здесь многих нет (рецензент удивлен и огорчен отсутствием очерка о Стэплдоне, к примеру), но, может быть, именно в этом особая интимность разговора квалифицированного читателя с читателем менее просвещенным… В любом случае, перед нами голос очень живого собеседника. Прием открывается, когда Гопман пишет о своих непосредственных знакомых — классиках английской фантастики Брайане Олдиссе и Джеймсе Балларде.

Эта, казалось бы, совсем ненаучная книга (несмотря на очень солидный библиографический аппарат) все-таки научна — потому что читателю системно сообщено новое пространство. А любовь к письму умножает ум исследователя.

Данила Давыдов

Алексей Верт
Дзен-софт

Москва: Астрель, 2012. - 349 с.

(Серия «Амальгама»).
3500 экз.

Главный герой дебютной книги автора Гудвин Гейт — айтишник из Нового Вавилона, продавец нелицензионного софта для синхронизации с мозгом — страдает паранойей. Однажды он нарывается на неприятности, его ловят, судят и направляют на нижний ярус мира — в Ад, где обитают киберы, зомби и демоны. Здесь Гудвин встречает девушку-демона, которая мечтает попасть наверх. Вместе они прорываются на третий ярус мира, в Рай, где обитают лишь «просветленные»… Это в общих чертах.

Роман оставляет двойственное впечатление. Первые главы наводят на мысль, что «Дзен-софт» «ортодоксальный» киберпанк, интересный и понятный разве что какому-нибудь сисадмину. Но постепенно текст «очеловечивается». А к середине повествование и вовсе набирает ритм боевика с погонями и стрельбой. Надо отдать должное автору: напряжение держать он умеет, не позволяет сюжету провиснуть. Но к финалу ритм снова спадает, динамичный киберпанк мимикрирует в философско-космогоническое повествование с обязательным набором «проклятых вопросов». Читается это по-прежнему легко, но при этом выбивается из общей романной атмосферы. Ну, это можно списать на болезнь роста. Как и периодически возникающее дежа вю. Впрочем, такое чувство возникает, кажется, при чтении каждого второго посткиберпанковского текста.

Автор добросовестно пытается наполнить произведение оригинальными элементами, сюжетными решениями, но рамки жанра все равно держат взаперти. Местами непонятна мотивация второстепенных персонажей, да и время от времени встречающиеся «рояли в кустах» вызывают недоумение. Но повторюсь, большинство недостатков книги — следствие роста молодого автора. И провальным этот дебют не назовешь.

Андрей Скоробогатов

Дэн Симмонс
Молитвы разбитому камню

Москва: Эксмо — Домино, 2012. - 416 с.
Пер. с англ. А.Гузмана и др.
(Серия «Проект «Бестселлер»).
4000 экз.

Сборник, вобравший все ранние рассказы Симмонса и уже

успевший получить премию Брэма Стокера, на удивление хорош. Хотя некоторые дебютные рассказы не лишены, скажем так, стилистической хромоты. Но тем и интересна книга: она демонстрирует, «из какого сора» вызревал фирменный почерк писателя.

Впрочем, подобная рачительность характерна для творчества Симмонса, автора бережливого по отношению и к текстам, и к публикациям. Что отлично иллюстрирует история о том, как он превратил собственный неиспользованный сценарий эпизода «Звездный путь» в рассказ «Сироты Спирали» из вселенной «Гипериона».

Внимательный читатель заметит в сборнике повторяющиеся топонимы, и имена, и даже метафоры. В этих текстах вообще много деталей, которые проявятся в «зрелых» произведениях Симмонса. Например, Шрайк предстанет перед читателем в знакомом обличье, но в совершенно неожиданном окружении. Рассказ «Утеха падали» разрастется до двухтомного романа, а лирическая любовная история «Вспоминая Сири» станет одной из составных частей «Гипериона».

Почти все рассказы довольно мрачны и по сюжетам, и по тематике, и по настроению. Действительно, история безумия ветерана вьетнамской войны или мести, отложенной на несколько десятилетий, веселья не вызывают. Зато создают неповторимую тревожную атмосферу. В общем, понятно, откуда «растут ноги» страшных страниц «Террора» и мрачных фантазий «Друда».

Все рассказы, вошедшие в сборник, написаны искренне и эмоционально, наполнены жизнью и психологическими наблюдениями. И особенно запоминается очень мощная новелла «Стикс течет вспять».

Подводя итог, необходимо заметить: выход сборника малой формы зарубежного автора сегодня явление редкое настолько, что заслуживает внимания безотносительно фигуры автора. И в случае с Симмонсом это внимание оправданно.

Сергей Шикарев

Илья Тё
Корейский коридор

Москва: Олма Медиа Групп, 2012. - 254 с.
(Серия «Анабиоз»).
7000 экз.

В 2016 году в результате запуска в России адронного коллайдера люди на всем земном шаре впали в состояние анабиоза. Спустя 30 лет они проснулись и с ужасом обнаружили, что инфраструктура цивилизации разрушена и перед обществом маячит перспектива каменного века. Действие книг цикла «Анабиоз» происходит в разных городах, но суть у них одна: попытаться смоделировать «перезапуск человечества», нарисовать постапокалиптическую картину общества, утратившего цивилизацию.

Илья Тё описывает Сеул. Городом, в котором погибло 90 % населения, в современной фантастике никого не удивишь, да автор к этому и не стремится. Он делает упор на деталях: убийства, изнасилования, каннибализм, за короткий срок ставшие обычным делом. Город поделен на зоны, контролируемые гангами — мелкими бандами. В свою очередь, бандиты платят дань расположенным вдоль границы с КНДР американским военным, которые первыми сориентировались в сложившейся неразберихе и взяли под контроль Сеул.

Мисс Мэри вышла из анабиоза позднее всех. Попав в рабство, она оказалась проданной на скотобойню, откуда ее освобождает корейская школьница Кити. Девочке удалось сохранить в рабочем состоянии отцовский револьвер, с которым она совершает налеты на вооруженных только холодным оружием бандитов. Но не пистолет дает ей силу — девиз Кити: «Оружие — ты сама». По ходу действия мисс Мэри проникается этой философией и к концу романа находит в себе силы, чтобы разделаться с американской базой, освободив Сеул от оккупантов.

Сверхидея романа проста: любой перезапуск требует ручной корректировки, причем до последнего момента неизвестно, что получится в результате. А вот художественных средств, необходимых для ее раскрытия, катастрофически не хватает.

Дэн Шорин

Владимир Микушевич
Таков Ад. Новые расследования старца Аверьяна

Москва: Энигма, 2012. - 224 с.
2000 экз.

Известный поэт-переводчик пришел в фантастическую прозу 10 лет назад. Роман-мозаика под названием «Будущий год» впервые представил читателю фигуру бывшего следователя Игнатия Бирюкова, ныне иеромонаха Аверьяна, который

принимает участие в расследовании загадочных историй. С этим же героем читатель встретится в новом сборнике новелл.

Мистика дачного Подмосковья окутывает любого, кто сходит в сторону от протоптанной тропинки: там другая ветвь судьбы, там леший и русалка на ветвях — существа без души, но тоже вроде бы Божьи твари. На неведомых дорожках нетрудно заплутать и сгинуть, но Аверьян приходит на помощь тем, кого можно спасти, и раскрывает правду о тех, кто остался без спасения. Он чем-то похож на инспектора Крафта из рассказов М.Чудаковой: результатом его работы часто становится не раскрытие преступления, а открытие «тонких связей» между людьми и другими живыми существами. Вот мужчина влюбился в голубую сойку, вот женщина превратилась в беспородную собаку и следует повсюду за отцом своего ребенка. За шлагбаум не заходите — там живет саламандра, получившая бессмертную душу через любовь человека… Старец Аверьян смотрит на мир религиозным взглядом и оттого видит вещи, другим недоступные.

Религиозная философия автора выражена здесь не впрямую, как это было в романе «Воскресение в Третьем Риме». Она проходит глубинным фоном коротких историй, которые затрагивают актуальные темы. Война на Кавказе, залоговые аукционы, бедность, предательство, внезапное обогащение и его последствия для души человека — во всем этом Аверьян пытается разыскать подлинные смыслы, отличить происки Злогоса от искупительной жертвы. И обязательно подвести моральный итог. В поучительном рассказе содержится не только констатация факта, но и заговор-заговаривание, наделение произошедшего новым искупительным смыслом. «Монастырь наш — Россия», отступать некуда.

Сергей Некрасов

Вехи

Вл. Гаков
Тяжкая миссия

Вл. ГАКОВ

ТЯЖКАЯ МИССИЯ

Хол Клемент был и остается одним из признанных лидеров той фантастики, которая в англоязычной критике сопровождается полисемичным прилагательным «hard». Это и «твердая» (как принято в истории российских переводов и в «Если»), и «жесткая», и даже «тяжелая» — по аналогии с рок-музыкой. Любой вариант перевода подходит, потому что пишущий такую НФ берет на себя тяжкую миссию — не выходить за пределы, установленные законами природы. Пусть даже и в далеком будущем или в иных мирах, где, в принципе, могут быть открыты законы, нам пока неведомые.

Гарри Клемент Стаббс, выбравший себе в качестве псевдонима второе имя, сделав его фамилией и добавив придуманное «Хол», писал «строго научную» фантастику, если под «научностью» понимать прежде всего методологию, мировоззрение, а не данные конкретных дисциплин.

На то она и фантастика, чтобы смело выходить за пределы, установленные актуальной, сегодняшней наукой. А вот дальше начинается водораздел между научным фантастом и «ненаучным» (например, автором фэнтези). Боги, волшебство и магия, «работающие» в мирах фэнтези, это своего рода индульгенция — авторам подобных текстов дозволено все. Научному фантасту не в пример тяжелее: сказавши «а» (каким бы фантастическим это «а»

ни было), писателю нужно проговаривать все буквы алфавита. Достраивать свой фантастический мир до последнего логического кирпичика по законам той природы, которую сам же и придумал.

Но все-таки по законам, а не произвольно.

Хол Клемент делал это лучше многих. А в свое время лучше всех.

* * *

Гарри Стаббс родился 13 мая 1922 года в Соммервилле (штат Массачусетс) в семье бухгалтера и школьной учительницы. Наверное, от отца будущий писатель перенял доверие к «цифре», к конкретике, а от матери — любовь к наукам вообще. Во всяком случае, престижный Гарвардский университет в Кембридже Стаббс окончил с отличием, получив диплом астронома. Впоследствии он защитил две магистерские диссертации — по педагогике в Университете Бостона и по химии в одном из колледжей родного штата. В Массачусетсе, кстати, писатель прожил всю свою долгую жизнь. Для американца случай нетипичный. Единственное, что заставило Стаббса покинуть отчий дом, — начавшаяся война. Студенту, явившемуся на призывной пункт, дали отсрочку, но сразу же после защиты диплома новоиспеченный астроном отправился на фронт. Его послали в Европу: на дворе стоял 1943-й. Пилот бомбардировщика B-24 Liberator Гарри Стаббс совершил 35 боевых вылетов. После окончания войны вернулся на родину, чтобы продолжить службу в военной авиации. Стаббс служил техническим инструктором, почти сорок лет преподавал химию в военно-воздушной академии в Милтоне, расположенном в родном штате Массачусетс, и недолгое время проработал инструктором сил специального назначения на базе в штате Нью-Мексико. А заодно, пользуясь привилегиями ветеранов войны, заочно закончил сразу две аспирантуры и защитил, как уже говорилось, две диссертации.

В отставку Стаббс вышел в чине подполковника, а жизнь закончил полковником запаса. Но к тому времени читатели не только Америки, но и многих стран мира уже знали его под другим именем…

* * *

По свидетельству писателя, интерес к фантастике у него

проснулся в восьмилетнем возрасте, когда любопытному мальчугану попались в руки комиксы про супергероя Бака Роджерса. У Гарри сразу же возникло множество вопросов касательно самых разнообразных наук. Отец бухгалтер оказался бессилен, а потому отвел сына в городскую библиотеку. Когда они возвращались домой, в одной руке Гарри держал справочник по астрономии, в другой — «Путешествие на Луну» Жюля Верна.

В десять лет он читал фантастику запоем — в основном дешевые журнальчики, которые тогда росли, как грибы после дождя. А спустя два года заслужил уважение сверстников тем, что перед отбоем в скаутском лагере наизусть пересказывал «страшные истории», типа хорошо известной нашему читателю новеллы Джона Кэмпбелла «Кто там?».

Затем, поступив в Гарвард, студент Гарри Стаббс в свободное время уже не только читал фантастику, но и сам ее пописывал. А в 1942 году опубликовал в легендарном журнале Джона Кэмпбелла «Astounding Science Fiction» свой дебютный рассказ «Доказательство», получив за него гонорар в размере 65 долларов. «Курс обучения тогда стоил 400, так что эти 65 долларов оказались недурным подспорьем для студента», — вспоминал Хол Клемент много лет спустя.

Продолжал он писать и на войне — в перерывах между боевыми вылетами, и в последующие десятилетия, проходя службу в BBC. Как вспоминали его друзья, Клемент предпочитал работать на пишущей машинке в старом гараже, переоборудованном под кабинет.

С самого начала творческой деятельности четко определились литературные пристрастия Клемента. Он стал изобретать фантастические миры других планет, но такие, которые, несмотря на всю свою «экзотичность» и «экстремальность», действительно могут существовать на основе известных законов природы. Сам «дедушка hard science fiction» (как назвал Клемента один из критиков) считал: «Сочинять научную фантастику — это удовольствие, а не рутинная работа… Наслаждение заключается в том, что вы рассматриваете сам процесс как игру с читателем, но по правилам, которые могут быть чрезвычайно просты. Для читателя правила заключаются в следующем: отыскать как можно больше утверждений автора, или их следствий, которые вступают в конфликт с фактами, предложенными современной наукой. Для автора основной закон — оставить читателю как можно меньше таких расхождений между тем, что описано в романе или рассказе, и тем, что говорит на сей счет современная наука… Некоторые «конфликтующие» положения допустимы (например, утверждение о том, что можно

двигаться со скоростью, превышающей скорость света), но честная игра требует от писателя открыто перечислить все подобные нарушения — и чем раньше, тем лучше».

Никто не назовет Хола Клемента выдающимся стилистом. Его «конек» в другом — в создании «образа миров». Одновременно и на редкость фантастичных, и предельно убедительных, достоверных. А главное — допустимых с точки зрения науки.

* * *

Можно только гадать, встретятся ли будущим звездным экспедициям планеты, подобные Месклину из самого известного романа писателя «Миссия «Гравитация» (в русском переводе вышел под названием «Экспедиция «Тяготение»), опубликованного в 1953 году в журнале «Astounding» и годом позже вышедшего отдельным изданием. Но в том, что такой невероятный космический объект может существовать, Клемент убедил даже завзятых скептиков. Роман стал безусловной классикой фантастики, во всяком случае той разновидности этой литературы, которая получила название «фантастики идей».

Сюжет романа пересказывать нет необходимости: каждый истинный поклонник жанра знаком с этой книгой (да к тому же в переводе небезызвестного С.Бережкова!). Однако о придуманном Клементом небесном теле напомнить стоит. Планета-гигант Месклин вращается вокруг своего центрального светила по сильно вытянутой орбите и благодаря упомянутой в названии романа гравитации напоминает бешено вращающийся мяч. Не привычный нам круглый футбольный, а, скорее, эллипсовидный — как в регби. И если на экваторе сила тяжести еще приемлема для землян — около 3 *g*, то на полюсах она достигает 700 «земных». Правда, позже Клемент откорректировал свои расчеты — оказалось, что максимальная сила тяжести на Месклине не превысит 250 *g*. Но все равно не спасет никакой скафандр. К тому же атмосфера планеты состоит из водорода, а океаны из жидкого метана. И что же еще ожидать от мира со средней температурой на поверхности минус полтораста по Цельсию и среднем атмосферном давлении восемь атмосфер? В общем, христианский Ад в сравнении с «допускаемой наукой» планетой Месклин покажется тропическим курортом.

Помочь земным исследователям, которым позарез нужны данные с потерянного на поверхности планеты автоматического зонда, могут только разумные обитатели Мекслина. Отчаянному местному «морскому волку» капитану Барленнану и его лихой

команде не впервой совершать дальние и опасные плавания. Но и им не по себе от предстоящей экспедиции на «край света» — к экватору. Где, по слухам, тяжести почти нет и, оторвавшись от тверди, можно улететь в безвоздушное пространство. Зато в полярных областях, где проживает большинство месклинитов, обстановка для них почти комфортная. Потому что населяют планету-диковину разумные существа, которых эволюция сформировала согласно местным природным условиям: полуметровые разумные «гусеницы», для которых падение с высоты даже в несколько сантиметров может оказаться фатальным.

Приключения капитана и его команды на суше и на море чудовищной планеты и составляют, собственно, сюжет романа. Читается он на одном дыхании: тщательно создав такие причудливые «декорации»[5], нужно быть полной бездарью, чтобы сделать роман скучным! А Клемент, напротив, в своей фантастике был едва ли не талантливее всех. И оставался таковым до прихода «новой волны» своих последователей во главе с Ларри Нивеном.

* * *

Любопытно, что роман произвел неизгладимое впечатление даже на тех коллег Клемента, которых при всем желании трудно причислить к авторам hard science fiction. Например, Томас Диш считал книгу «лучшим описанием инопланетной жизни из всего прочитанного». А другой критик метко заметил, что «все представители инопланетной жизни, придуманные Холом Клементом, несмотря на свои облик, строение, физиологию и психологию, — это те, с кем бы вы с удовольствием вместе поужинали, проведя время за интересной беседой».

Самому же Клементу Месклин и его обитатели показались, видимо, столь интересны, что он вернулся к ним в романе-продолжении «Звездный свет» (1971), где Барленнан и его команда становятся первыми «звездными капитанами» исследуемого мира. На сей раз они помогают землянам обнаружить еще более дискомфортную планету Дрон (Дхраун). Сила тяжести на ее поверхности выше, чем на Месклине, поэтому там могут выжить только месклиниты, а землянам остается координировать их экспедицию с орбитальной станции…

В «космическом каталоге» Хола Клемента еще немало экзотичных планет. Это Абьермен в романе «Огненный цикл», вращающийся вокруг красного карлика, который, в свою очередь,

совершает обороты вокруг другой звезды — голубого гиганта. И «планета приливов» Хабранха (одна сторона которой — сплошной океан, а другая — напротив, углеродно-метановая «сушь») в позднем романе «Ископаемое» (1993). Или покрытая льдом Хекла в рассказе «Холодный фронт» и раскаленная Сарр с атмосферой, состоящей из газообразной серы и жидкой серной меди в романе «Ледяной мир» (1953). Двойная океаническая планета (необитаемая Кайхапа и обитаемая Каинуи) в рассказе «Шум». Наконец, еще один гигант Тенебра с коррозийной атмосферой — в романе «У критической точки» (1964)[6]…

Но Хол Клемент писал не только об иных планетах. В его первом романе «Игла» (1950) дело происходит на Земле, хотя инопланетяне тоже присутствуют. Их двое: «добрый» инопланетный паразит, с помощью которого земной ребенок помогает отцу избавиться от «оккупировавшего» того паразита «злого». В позднем романе «Доза азота» (1980), написанном для подростковой аудитории, дело тоже происходит на нашей планете, но в далеком будущем, когда растаяли полярные льды и значительная часть суши ушла под воду.

* * *

Всего на счету писателя, чья литературная жизнь продолжалась более полувека, дюжина романов и менее полусотни рассказов. По американским меркам — немного. Зато имя они своему автору сделали огромное.

Известный английский исследователь фантастики Джон Клют образно охарактеризовал творчество Клемента так: «Его первые книги были приняты очень хорошо, затем удача ему изменила, зато последние десятилетия он в полной мере наслаждался всеми прелестями золотой осени».

Хотя премиями писатель избалован не был. Номинировался на «ретроспективную» премию «Хьюго» и на давно почившую в бозе Международную премию по научной фантастике (International Fantasy Award) его лучший роман «Миссия «Тяготение», а в результате первую из названных в 1996-м получил рассказ Клемента «Нездравый смысл», вышедший за полвека до присуждения. И незадолго до смерти Ассоциация американских писателей-фантастов присвоила Холу Клементу почетное звание «Великого мастера» (Grand Master Award). А с недавнего времени на Всемирных конвенциях присуждается еще одна премия — за вклад в научную фантастику для детей. Угадайте, чьего имени?

Хол Клемент скончался 29 октября 2003 года в одной из бостонских клиник. Ушел он тихо, во сне. Официальной причиной смерти были названы осложнения, связанные с диабетом, плюс возраст — писатель разменял девятый десяток…

В одном из последних интервью, данных незадолго до смерти, «дедушка «твердой» НФ» заметил: «Научная фантастика открывает дорогу воображению. И главное ее отличие от остальной литературы состоит в том, что у научной фантастики более высокие требования к реалистичности».

Сказано точно, емко и парадоксально — как того и требует научное мировоззрение.

Курсор

Выставка под названием «Кир Булычёв и Кира Сошинская» проходила с 23 марта по 21 апреля в Государственном литературном музее, что расположен в Доме Остроухова в Трубниковом переулке Москвы. Посетителям были представлены картины известной художницы и иллюстратора Киры Сошинской, а также акварели, рисунки и шаржи ее мужа Кира Булычёва. Впервые поклонники творчества фантаста смогли увидеть оригинальные фотографии Кира Булычёва, сделанные писателем в Бирме.

Джеймс Кэмерон погрузился в специально для него разработанном батискафе на дно Марианской впадины и стал первым в истории человеком, совершившим одиночное погружение к самой глубокой точке мирового океана. Режиссер-миллионер ваял образцы пород и живых организмов и провел киносъемку, используя 3D-камеры. Кадры, снятые во время погружения, войдут в его новый документальный фильм. Подготовка к погружению длилась почти восемь лет. До Кэмерона единственными людьми, побывавшими в самой глубокой точке мирового океана, являлись Дон Уолш и Жак Пикар, совершившие в 1960 году погружение на батискафе «Триест».

«Шрам» — на этот раз не роман Чайны Мьевилля, а книгу Марины и Сергея Дяченко (1997) выпустило американское издательство Tor. Переводчик — Элинор Хантингтон. В аннотации утверждается, что этот фэнтези-роман написан в традициях Робин Хобб.

«Хоббит», английский бар, любимое место небогатых студентов и актеров, стал эпицентром «копирайтерского» скандала. Компания Saul Zaentz, владеющая правами на произведения Дж. Р.Р.Толкина потребовала закрыть бар, существующий, к слову, уже более 20 лет. Или, в крайнем случае, переименовать — и не только само заведение, но и фирменные напитки с именами персонажей Профессора. Ведь хозяйка бара оказалась не в состоянии оплачивать компании стоимость лицензии на использование названий. Всколыхнулась волна народного протеста: в «Фейсбуке» в сообщество под названием «Спасем Хоббита» вступили почти 60 тысяч человек. Проблему решили актер Иэн Маккеллен и писатель, актер Стивен Фрай, как раз в данный момент снимающиеся в фильме «Хоббит» Питера

Джексона. Они пообещали из своих гонораров за участие в фильме оплатить лицензию бара.

Премию имени Джеймса Типтри-мл. и чек на тысячу долларов получила Андреа Хейрстон за роман «Секвойя и лесной пожар». Премия вручается за фантастические произведения, уделяющие внимание гендерным проблемам.

Новозеландская актриса Люси Лоулесс, хорошо известная нашему зрителю по главной роли суперамазонки Зены в сериале «Зена — королева воинов» (снималась также в сериалах «Боевой корабль «Галактика», «Спартак» и др.), была арестована «за попытку захвата судна». Дело в том, что Лоулесс является активисткой Гринписа. В 1992 году актриса сыграла такую роль в драме «Радужный воин», а теперь приняла участие в акции этого движения. В числе шести активистов она поднялась на 53-метровую вышку плавучей буровой платформы, готовящейся отплыть из Новой Зеландии в Арктику, и развернула плакаты в защиту Арктики. Могучая, мускулистая амазонка не оказала сопротивления полиции, когда ее снимали с вышки, после ареста была отпущена и теперь ожидает суда.

Продюсеры Айлен Канн Пауэр и Элизабет Стэнли приобрели права на экранизацию знаменитой фантастической эпопеи Мэрион Зиммер Брэдли о планете Дарковер. Планируется «вырастить» вокруг масштабной космической саги мультиплатформенный телесериал. Что под этим термином подразумевают продюсеры, не уточняется.

In memoriam 10 марта в возрасте 73 лет после продолжительной болезни скончался выдающийся французский художник, комиксист, сценарист Жан Жиро, известный под псевдонимом Мёбиус (Moebius). Жан Жиро родился в 1938 году, с 1963-го начал использовать псевдоним в честь немецкого математика, придумавшего ленту Мёбиуса. Но во Франции за Жаном Жиро закрепилось неофициальное звание «Рембо комиксов» (в честь Артюра Рембо). Кроме комиксов Мёбиус активно занимался кино. Именно ему мы обязаны визуальным рядом знаменитых фильмов «Чужой» (1979) и «Бегущий по лезвию» (1982) Ридли Скотта, «Трон» (1982), «Виллоу» (1988), «Бездна» (1989) Джорджа Кэмерона, «Пятый элемент» (1997) Люка Бессона. Джордж Лукас вдохновлялся образами комиксов Жиро, задумывая «Звездные войны». Мультфильм «Властелин времени» (1982), снятый по рисункам и сценарию Мёбиуса, стал культовым

среди поклонников анимации. Второй свой полнометражный мультфильм «Звездная битва: Сквозь пространство и время» Мёбиус снял в 2005 году.

Агентство F-пресс

БИГЛ Питер
(BEAGLE, Peter S.)

Один из ведущих авторов современной фэнтези Питер Сойер Бигл родился в 1939 году в Нью-Йорке. Он окончил колледж по специальности писатель (в западных университетах имеется и такая дисциплина, приблизительно соответствующая нашим литературным курсам) и дебютировал в литературе в 17-летнем возрасте рассказом «Телефонный звонок» (1957). В том же году начинающий автор написал свой первый роман «Милое укромное местечко», вышедший три года спустя. С тех пор Питер Бигл опубликовал восемь романов, один из которых, «Последний единорог» (1968), послужил основой одноименной анимационной экранизации (сценарий написал сам автор) и по результатам многочисленных опросов постоянно входит в десятку лучших фэнтезийных романов всех времен. Две других книги «Воздушный народ» (1986) и «Тамсин» (1999) завоевали по Мифопоэтической премии (Mythopoetic Awars). Кроме того, перу Питера Бигла принадлежат около полусотни рассказов и повестей.

В 1960-1980-х годах Бигл много работал в кино и на телевидении; он автор сценариев к популярным фантастическим телесериалам (в том числе «Звездному пути») и экспериментальной анимационной картине Ральфа Бакши «Властелин Колец». Последний фильм признан неудачным (хотя сценарий Бигла был номинирован сразу на шесть премий, включая «Хьюго»), однако свой след в истории кинофантастики оставил: посмотрев эту ленту, новозеландский подросток Питер Джексон решил прочитать трилогию Толкина…

В 1990-х годах Бигл вернулся к литературной фэнтези, написав, в частности, продолжения своего самого популярного романа — короткие повести «Соната единорога» (1996) и «Единорог Джулии» (1997), а в 2005-м завершил свою трилогию своеобразной кодой — короткой повестью «Два сердца», принесшей автору обе высшие премии — «Хьюго» и «Небьюла» и номинацию на Всемирную премию фэнтези (повесть была опубликована в «Если», 2007). Кроме того, произведения Бигла еще шесть раз номинировались на Всемирную премию фэнтези, трижды на Мифопоэтическую премию, дважды на Британскую премию фэнтези, и по разу на премии «Хьюго» и «Небьюла».

Питер Бигл, последние годы постоянно проживающий в Окленде (штат Калифорния), известен к тому же как талантливый гитарист и исполнитель народных песен.

БУЛЫГА Сергей Алексеевич

Белорусский писатель-фантаст родился в 1953 году в Минске, где проживает по сей день. Окончил Белорусский политехнический институт и Высшие сценарные курсы при Госкино СССР. По основной профессии инженер-электрик.

Первое появление в печати — реалистический рассказ «Туман» (1980). Спустя пять лет состоялся и жанровый дебют — рассказ «Украденный остров». В течение 1980-1990-х годов в периодике и сборниках выходили рассказы и повести С.Булыги, а в 1997-м увидело свет первое крупное произведение автора — роман «Железный волк». Перу Сергея Булыги принадлежат также книги «Ведьмино отродье» (2002), «Черная сага» (2002), «Чужая корона» (2004), «Шпоры на босу ногу» (2006), «Жаркое лето 1762-го» (2009). В 2005-м «Чужая корона» получила премию имени Ивана Ефремова как лучшая НФ-работа 2004 года.

ГАЛИНА Мария Семеновна

Писатель-фантаст, поэт и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы сменила науку на литературу и Берген на Москву. В настоящее время работает в отделе критики и публицистики журнала «Новый мир».

Дебютировала в 1982-м поэтическими публикациями. Как писатель-фантаст выступает с 1996 года — тогда вышла серия романов в жанре «фантастического боевика» под псевдонимом Максим Голицын. Затем под собственным именем адресовала читателям книги в жанрах сатирической фэнтези, хоррора и НФ: «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Гиви и Шендерович» (2004), «Берег ночью» (2007), «Малая Глуша» (2009) и другие. С середины 1990-х активно выступает в роли литературного критика, нередко на страницах журнала «Если».

М.Галина дважды становилась дипломантом «Если» (за критические выступления). Она лауреат литературных премий «Портал», «Звездный мост», «Золотой Роскон», «Бронзовая улитка» и двух поэтических наград — «Большой Московский счет» и «Antologia».

КИТАЕВА Анна Игоревна

Писатель и переводчик Анна Китаева родилась в 1966 году во

Владивостоке в семье геологов. В 1988-м закончила Киевский университет по специальности структурная лингвистика. Работала инженером-программистом в отделе систем искусственного интеллекта Киевского НПО, училась в аспирантуре, готовила диссертацию в области анализа и синтеза естественного языка. Однако с распадом СССР оставила теоретическую лингвистику и занялась практической. Работала редактором, журналистом, переводчиком в разных предметных областях. В качестве переводчика экспертной комиссии Евросоюза по экологии несколько раз побывала в Чернобыле. Под собственной фамилией и разными псевдонимами перевела около 20 книг в жанре фантастики.

Дебютной публикацией Анны Китаевой стал рассказ «Кое-что о домовом», напечатанный в сборнике ВТО МПФ «Ветер над яром» в 1989 году. С тех пор писательница выступала преимущественно в жанре городской фэнтези, опубликовав более 30 рассказов; некоторое время печаталась под псевдонимом Анна Ли. В 1999-м вышел стремительно завоевавший популярность роман «Идущие в ночь» (в соавторстве с Владимиром Васильевым), за который А.Китаева получила две премии в номинации «Лучший дебют»: на фестивале фантастики «Звездный мост-99» и на «Интерпрессконе — 2000». Была также отмечена наградой «Еврокон — 2000».

Живет в Киеве, пишет на русском языке, публикуется в России.

ЛЕ БЮССИ Ален
(LE BUSSY, Alain)

Французский писатель Ален ле Бюсси родился в Льеже в 1947 году. Учился в иезуитском колледже, закончил Льежский университет, получил степень магистра социальных и политических наук.

Первая публикация состоялась в 1992 году: это был роман «Дельта реки», получивший приз имени Ронни-старшего. Впоследствии писал по три-четыре романа в год: твердая НФ, постапокалиптика, космическая опера, фэнтези, хоррор, детективы и приключенческие романы для подростков. Критики прозвали его «человеком, который пишет быстрее своей тени».

Был председателем Профессиональной ассоциации научной фантастики на французском языке, постоянным участником французских, европейских и всемирных конвентов, главным редактором фэнзина Xuensf (анаграмма имен всех участников), выпустившего около 60 номеров, председателем жюри конкурса «Инфини», которое каждый год награждает неизданный научно-фантастический рассказ. С 2011 года в рамках конкурса

учреждена премия имени Алена ле Бюсси.

Дважды стал лауреатом европейской премии «Седьмой континент» и национальной «Имажин» за романы «Законы случайности» и «Врун». Назван лучшим европейским писателем на «Евроконе — 1995» в Глазго. Мировую известность получили пять романов автора: «Жадный бог» (1996), «Мертвое солнце» (1999), «Равновесие» (1997), «Дельты» (1992), «Машинное «Эй!» (1995).

Ален ле Бюсси умер 15 октября 2010 года от остановки сердца. Его литературное наследие насчитывает две сотни новелл и добрую сотню романов.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Петербургский писатель Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но всю жизнь прожил в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Закончил химфак ЛГУ.

Первая публикация автора — рассказ «По грибы» — появилась в 1975 году. Книжный дебют писателя состоялся в 1990-м, когда увидели свет сразу два авторских сборника: «Быль о сказочном звере» и «Если ты один».

Последовавший за этим роман «Многорукий бог далайна» (1995) принес автору три премии — Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк». Перу С.Логинова принадлежат книги: «Черная кровь» (1996; в соавторстве с Н.Перумовым), «Земные пути» (1999), «Картежник» (2000), «Мед жизни» (2001), «Свет в окошке» (2002), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005) и другие.

В 2006 году писатель получил сразу две премии за публикации в журнале «Если» — «Интерпресскон» (рассказ «Лес господина графа») и Мемориальную премию им. Кира Булычёва (рассказ «Барская пустошь»), в 2009-м был удостоен приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказ «Без изъяна».

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Русская латвийская писательница родилась в 1951 году в Риге. Окончила филологический факультет Латвийского госуниверситета им. П.Стучки. В 1974 году стала сотрудничать с республиканской газетой и с тех пор с журналистикой не расстается. В том же году начала публиковаться как поэт, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», опубликованная в журнале «Даугава» (1981). В 1984-м увидел свет первый авторский сборник детективных произведений Трускиновской, название которому дала повесть-дебют. Иронические детективы рижской писательницы

объединены в нескольких сборниках — «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995) и других. Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

Участница семинаров ВТО МПФ, Далия Трускиновская впервые выступила в фантастике в 1983 году с повестью «Бессмертный Дим», однако широкую известность ей принесла работа в жанре городской фэнтези — «Дверинда» (1990). Перу рижской писательницы принадлежат книги фантастической и историко-детективно-фантастической прозы: «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Дайте место гневу Божию» (2003), «Окаянная сила» (2005), «Дурни вавилонские» (2010), «Скрипка некроманта» (2010) и другие. Знаток и ценитель балетного искусства, автор многочисленных статей на эту тему, Д.Трускиновская в 2010 году опубликовала книгу «100 великих мастеров балета». Дважды, в 2001 и 2002 годах, писательница становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». Кроме того, на ее счету премии фестивалей «Фанкон» (1997) и «Зиланткон» (2000).

ШОЛДЕРС Фелисити
(SHOULDERS, Felicity)

Американская писательница Фелисити Шолдерс родилась в Портленде (штат Орегон) предположительно в середине 1980-х и до двадцати лет планировала стать палеонтологом. Но затем закончила Университет Пасифик с дипломом писателя.

Дебютом Шолдерс в фантастике стал рассказ «Бургердроид» (2008). С тех пор она успела опубликовать еще пять произведений короткой формы. Рассказ Шолдерс «Кондиционная любовь» (2010) в прошлом году был номинирован на премию «Небьюла». Писательница по-прежнему проживает в родном городе, и среди ее интересов — фольклор, история и поп-культура.

ШУШПАНОВ Аркадий Николаевич

Родился в 1976 году в Иваново. Окончил филологический факультет Ивановского государственного университета. Несколько лет проработал сценаристом на одном из местных телеканалов. Кандидат филологических наук. Тема диссертации — «Александр Богданов и русский утопический роман 1920-х годов».

В фантастике дебютировал в 1997 году рассказом «Превращение». В 1999-м Аркадий Шушпанов стал победителем конкурса «Альтернативная реальность»: его рассказ «Пролог» был напечатан в «Если». С тех пор автор опубликовал ряд рассказов в

жанровой периодике и местных изданиях. В 2004 году вышел дебютный авторский сборник «Тот, в котором я».

Читателям журнала А.Шушпанов хорошо известен как вдумчивый и эрудированный киновед и критик: его статьи и рецензии регулярно появляются и на страницах «Если».

В настоящее время занимается рекламным обеспечением различных компаний. Живет в Иваново.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Галиот(нидерл. galiot) — тип парусного судна. Появился в Голландии. получил широкое распространение в XVII–XVIII веках в рыболовных и военных флотах стран, расположенных в акватории Балтийского и Северного морей. Использовались галиоты преимущественно дли прибрежного плавания. Галиоты всех типов имели корпус голландского типа — плоскодонный, почти коробообразный в плане со скругленными носовой и кормовой оконечностями. Его основу составляли мощный киль и массивные форштевень и ахтерштевень. Чаще всего галиот был полуторамачтовым, но встречались одно- и трехмачтовые галиоты. Отдельные галиоты достигали в длину 30 м, в ширину 8,5 м и водоизмещения 500 т. (Здесь и далее прим. авт.)

2

Флейт — тип парусного судна. Первый флейт был построен в 1595 году в г. Хорне, центре судостроения Голландии, в заливе Зейдер-Зе. Длина этих судов в шесть и более раз превышала их ширину, что позволяло им ходить под парусами уже довольно круто к ветру. Впервые в такелаже были введены изобретенные в 1570 году стеньги. Высота мачт теперь превосходила длину судна, а реи, наоборот, стали делать укороченными. Так возникли небольшие, узкие и удобные в обслуживании паруса, что позволило сократить общее число верхней команды. На флейтах впервые появился штурвал, что облегчило перекладку руля. Флейты начала XVII века имели длину около 40 м, ширину около 6,5 м, осадку 3–3,5 м, грузоподъемность 350–400 т. Для самообороны на них устанавливали 10–20 пушек. Экипаж состоял из 60–65 человек. Эти суда отличались хорошими мореходными качествами, высокой скоростью и большой вместимостью и потому использовались главным образом в качестве военно-транспортных. На протяжении XVI–XVIII веков флейты занимали господствующее положение, на всех морях.

3

Сценарист и исполнитель роли священника. (Прим. авт.)

4

Fleur (фр.) — цветок.

5

Подробное описание того, как рассчитывалась и «обретала плоть» планета Месклин, автор оставил в статье «Мир-волчок» (1953). Читать ее — занятие не менее увлекательное, чем осваивать сам роман. (Здесь и далее прим. авт.)

6

Этот роман традиционно причисляется к «месклинисткому» циклу, хотя родная планета капитана Барленнана в книге даже не упоминается.